

ВОЙНА!

Путин уничтожает Украину

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

БРЕНД

2 (22) 2022

ВРЕМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

Выпуск 2 (22) 2022

Бостон
2022

ВРЕМЕНА

*Международный литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Давид Гай

VREMENA

*International Journal of Fiction, Literary Debate,
and Social and Political Commentary*

EDITOR-IN-CHIEF: David Guy

Published by **M•GRAPHICS | Boston, MA**

ISSN 2575-9558

Copyright © 2022 by M•GRAPHICS

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, distributed, or transmitted in any form or by any means, including photocopying, recording, or other electronic or mechanical methods, without the prior written permission of the publisher, except for brief quotations in critical reviews and certain other noncommercial uses permitted by copyright law.

For any information about obtaining permission to reproduce selections from this publication, email or call to the publisher: mgraphics.books@gmail.com / 781-990-8778 or editor-in-chief: guydavid094@gmail.com / 646-270-9615.

Printed in the U.S.A.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ИРИНА БАСОВА-ЗАБОРОВА	(Франция)
ВЛАДИМИР БАТШЕВ	(Германия)
МАРК ВЕЙЦМАН	(Израиль)
СЕМЁН КАМИНСКИЙ	(США)
ГЕННАДИЙ КАЦОВ	(США)
ГАРИ ЛАЙТ	(США)
АНДРЕЙ ОСТАЛЬСКИЙ	(Англия)
ЛАРС ПОУЛЬСЕН-ХАНСЕН	(Дания)
СЕМЁН РЕЗНИК	(США)
ЭЛЛАЙДА ТРУБЕЦКАЯ	(США)
МАРИНА ТЮРИНА-ОБЕРЛАНДЕР	(США)
ЕВСЕЙ ЦЕЙТЛИН	(США)

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Дорогие читатели!

Продолжается подписка на журнал на 2022 год (4 номера).
Для получения всех номеров выпишите чек / money-order
на сумму **70 долларов** (почтовые расходы по США включены)
на имя компании-издателя: **M•GRAPHICS**

Вложите чек/money-order в конверт и отправьте по адресу:

Mr. David Guy 97-07 63th Road, Apt. 11H Rego Park, NY 11374

Телефон для справок: **646-270-9615**. Спасибо!

Вы также можете оформить подписку на нашем вебсайте:

vremena.mgraphics-books.com/subscription

Наши зарубежные читатели теперь имеют возможность оформить
подписку на журнал на нашем сайте с онлайн-оплатой:

vremena.mgraphics-books.com/subscription

Стоимость подписки на год для зарубежных читателей (включая
доставку журнала в любую страну мира) — **US \$80**

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛЕМИКА

- Джулия Чубиани
«УВИДИМСЯ НА БАРРИКАДАХ» 7
- Давид ГАЙ
У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ 14

ПРОЗА

- Майк ЛОГИНОВ
ЭЛИКСИР ДЛЯ ИЗБРАННЫХ (ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА) 21
- Валерий БОЧКОВ
ВСТРЕЧА В АДУ (ФРАГМЕНТ ИЗ РОМАНА) 105
- Александр МАТЛИН
ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА 125
- Борис САНДЛЕР
ПТИЧКА ПЕВЧАЯ В НОЧИ (И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ) 133

ПОЭЗИЯ

- Михаил КОВСАН 74
- Марина ТЮРИНА-ОБЕРЛАНДЕР 149
- Гари ЛАЙТ 160

НА ЗЛОБУ ДНЯ

Юрий ОКУНЕВ

СОЦИАЛИЗМ В США ВЫШЕЛ ИЗ ПОДПОЛЬЯ 96

ЮБИЛЕИ

Давид ГАЙ

ГОРЕНШТЕЙН: НЕПРОЧИТАННЫЙ, ВЕЛИКИЙ 170

ДНЕВНИКИ

Евгений КИСИН

В ДНИ КОРОНАВИРУСА (ПРОДОЛЖЕНИЕ) 191

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Марина ТЮРИНА-ОБЕРЛАНДЕР

САКАРТВЕЛО: ПЕСНЬ ЛЮБВИ ПО ДОРОГЕ К ХРАМУ 221

Андрей БЕЛОЗЕРОВ

ДИКИЙ УДЕЛ 244

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Яков ФРЕЙДИН

СТАЛИНСКАЯ УДАВКА 270

ИМЕНА В НАУКЕ

Семен РЕЗНИК

МЕЧНИКОВ (ГЛАВА ИЗ КНИГИ) 301

«Новому Журналу» — 80!

Известный литературно-публицистический журнал отмечает юбилей. Он выходит уже восемь десятилетий

Замысел эмигрантского толстого журнала возник у Марка Алданова и Михаила Цетлина. Не последнюю роль играл в создании «Нового Журнала» Иван Бунин, подавший идею о возрождении русского эмигрантского журнала (после закрытия парижских «Современных записок») и своими рассказами наполнивший первые его номера. Журнал начинает выходить с 1942 года в Нью-Йорке. Характер его определялся ключевыми словами: **Россия — свобода — эмиграция.**

Возрождение толстого журнала было настойчивой необходимостью для русскоязычной диаспоры. Европа была охвачена огнем Второй мировой, все русские журналы в Европе прекратили свое существование, диаспора же продолжала жить и ей необходим был голос, способный выразить то, что она чувствует и о чем она думает. «Новый Журнал» с самого начала обращался к широкой аудитории, независимо от ее идеологии (исключались идеологии нацизма и коммунизма. С ними журнал борется с первых дней и до сего дня).

В послевоенные годы журнал становится подлинным центром культурной жизни диаспоры. На его страницах публикуются самые известные литераторы русского Зарубежья, появляются имена писателей из Советского Союза. Именно НЖ опубликовал в свое время прозу Лидии Чуковской, открыл имя Варлама Шаламова. На страницах НЖ освещалась история гонений и изгнания Александра Солженицына. Авторами НЖ были русские Нобелевские лауреаты Иван Бунин, Борис Пастернак (главы «Доктора Живаго»), Александр Солженицын (публицистика 80-х гг.), Иосиф Бродский. Не случайно НЖ долгие годы был запрещен в СССР.

НЖ по-прежнему считает главной своей задачей сохранение и развитие традиций русской классической культуры в Зарубежье и обобщение опыта эмиграции. Он отстаивает общедемократические принципы, основанные на плюрализме мнений и свободе их выражения.

Уважаемые коллеги! Примите наши поздравления с юбилейной датой.

**Члены редсовета журнала «ВРЕМЕНА»
Издательство M•GRAPHICS**

Джулия ЧУБИАНИ

«УВИДИМСЯ НА БАРРИКАДАХ»

Ковид, вакцины и мировой кризис демократии

На фоне происходящих метаморфоз с прививками — 5-й серии ковида под названием Омикрон, сегрегации общества и попрании конституционных прав граждан — я вынашивала текст своего повествования о наступившем тотальном кризисе демократии. Тема ковида меня захватила давно и всерьез. Мне, как и многим, с самого начала казалось, что во всей этой истории есть что-то неестественное, что людей превратили в актёров чьего-то сценария. Есть болезнь, а есть всё то, что происходит вокруг неё, и это «вокруг» вовсе не про здоровье или заботу о нём.

В результате поиска я вышла на страницу первооткрывателя метода mRNA вакцин — доктора Роберта Мэлоуна. Интервью с ним исчезают с просторов интернета очень быстро, но, как говорил Булгаков — «рукописи не горят». Из одного такого интервью, раскрывающего глаза на пандемию, её вспышку и истинные намерения тех, кто с первого дня появления вируса, не дожидаясь никаких научных данных, начал трубить со всех трибун о том, что наше спасение в вакцинации, я узнала, что Роберт Ф. Кеннеди-младший написал книгу, выявляющую всех бенефициаров этой истории и открывающую миру глаза на реальную суть происходящего. Книга недавно вышла в США и называется *The Real Anthony Fauci: Bill Gates, Big Pharma, and the Global War on Democracy and Public Health*.

В книге 950 страниц, масса ссылок на источники, в соавторстве немало влиятельных учёных. Сам Роберт Кеннеди младший — юрист и общественный деятель, племянник убитого Президента Кеннеди и сын убитого кандидата в Президенты Роберта Кеннеди.

Он заканчивает своё повествование словами: «увидимся на баррикадах», прекрасно понимая, что написал и, очевидно, сделав это со-

знательно. Это манифест общечеловеческих ценностей и разоблачение мирового зла и коррупции планетарного масштаба. На изучение книги с конспектами и повторами у меня ушло больше двух недель. Я поняла: то, что я думала, было лишь догадкой, но я ничего на самом деле не знала. Книга Кеннеди соединила абсолютно все линии в одну цепь событий и объяснила суть того явления, в котором мы существуем уже 2 года. Теперь можно либо призвать всех прочесть книгу и наконец проснуться, либо коротко изложить суть прочитанного для тех, кто в ближайшее время не сможет достать этот бестселлер.

Прежде чем перейти к короткому пересказу сути прочитанного, позволю себе еще пару наблюдений. Раньше мне казалось, что коррупция свойственна тоталитарным режимам. Ни одно расследование Навального меня нисколько не изумило. Однако, я не могла предположить, что коррупция планетарного масштаба может существовать в продвинутых странах западного мира. Моё поколение выросло с мыслью о том, что жизнь человека — это основная ценность на Западе, в то время как в СССР жизнь человека не стоит ничего. Поэтому и пандемию никак не удавалось понять и прочувствовать, не связывались мысли в один ряд. При всех недостатках западных демократий ценность человеческой жизни мне казалась незыблемой.

Книга Кеннеди — это для меня самое, наверное, большое потрясение минувших трёх десятилетий. Последние идеалистические представления о мире развеяны. Российские коррупционеры мне показались абсолютно безобидными в сравнении с тем, что произошло в мире. Коррупция по-российски выглядит безумно примитивно — наградил, выстроил дворец, обеспечил детей, накопил материальных ценностей. Убого, но понятно. Коррупция, связанная с пандемией, выглядит совершенно иначе. Да, деньги играют решающую роль, но они не являются инструментом личного обогащения — они являются инструментом безоговорочной власти и контроля над населением. Здесь размах и помыслы иные.

Постараюсь тезисно воссоздать основную канву книги. Её можно поделить на несколько разделов. Кто диктует политику здравоохранения в мире, и почему она не подвергается никакой критике. Огромную часть занимает предыстория с подробным разбором всех «заслуг» г-на Фаучи. Затем есть пояснения о самой вакцине и препаратах, и квинтэссенцией повествования является подробный разбор того, зачем всё это затевалось. Подчеркну, что абсолютно на все

заявления прилагаются документы и ссылки. Никаких пустых фраз. Часть книги и множество документов выложено на сайте Кеннеди <https://childrenshealthdefense.org>.

Доктор Фаучи уже сильно не молод. В этой иерархии он работает 50 лет, понятно, что не сразу на посту главы Института Вирусных заболеваний, но тем не менее. Официальные медицинские органы США уже не первый раз пытаются объявить пандемию. Несколько попыток оказались неудачными (Свиной грипп, Птичий грипп, Зика и пр.). Зачем нужна пандемия? Это прекрасный способ для фармкомпаний заработать. Страх идеально монетизируется в таблетках, но еще выгоднее — в вакцинах. Охват намного больше, тем более, если вакцины превентивные, а таблетки только для реально заболевших. За десятилетия работы в сфере здравоохранения США доктор Фаучи выстроил свою вертикаль власти покруче, чем некоторые... Интересы фармы плотно срослись с государственными структурами здравоохранения, ибо одни финансируют других. Более того, от Фаучи зависят и крупнейшие исследовательские центры США, ибо они существуют на гранты государства и фармкомпаний. Будешь критиковать Фаучи, останешься без работы. Примеров тому уже масса. Рот затыкают прикормленные медиа. Примерно 70% бюджетов медиа в США оплачиваются фармой.

Помимо этого, в схеме участвует главный вакцинолог планеты — г-н Гейтс со своим благотворительным фондом. Гейтс владеет огромными пакетами акций ведущих фармкомпаний мира. Списывая деньги на благотворительность в США, он списывает деньги со своих налогов. Эти деньги он вкладывает в «благотворительные» вакцины. Затем эти вакцины монетизируются за счёт его акций в фармкомпаниях, поскольку вакцинационные программы финансируются не только его фондом, но и странами, на которые они рассчитаны. В основном Гейтс проводил вакцинации в Африке и Индии. Рекомендации для подобных государственных программ вакцинации даёт ВОЗ. Гейтс является главным спонсором этой организации. Круг замкнулся. Участников там чуть больше, но в целом уже структура ясна.

Интересы международных корпораций оказались над государственными интересами, и все методы контроля над бизнесом стёрлись за счёт того, что интересы государственных чиновников с бизнесом срослись слишком глубоко и имеют международный характер. Лоббистами выступают не только представители ВОЗ, но и других карман-

ных неправительственных организаций. Исследовательские центры обслуживают бизнес вместе с купленными СМИ. Но это еще не всё.

Глава о борьбе со СПИДом и роли Фаучи занимает в книге отдельное место. В книге приводятся чудовищные факты об испытании экспериментальных вакцин на детях, о найденных братских могилах этих детей-сирот на Манхэттене. ВВС, оказывается, даже сняло об этом в 2004 документальный фильм. Бесконечные тестирования сомнительных медикаментов происходили постоянно и в Африке, и в Азии. Помимо страшных и бесчеловечных фактов тестирования вакцин, Кеннеди подробно разбирает и саму историю открытия ВИЧ и СПИДа и приводит настолько много альтернативных источников и исследований на эту тему, что и в самом деле погружаешься с головой в весь этот морок коррупции и манипуляций над людьми и здравым смыслом. Так что ковид — это уже хорошо отрепетированное мероприятие.

Почему пандемия? Почему вакцина и что это за вакцина? Про Уханьскую лабораторию тоже много легенд, и в книге об этом подробно. Кто строил и как, и почему был сбой в системе вентиляции. Гейтс не раз заявлял о том, что человечество не готово к пандемии, но он и его фонд готовились к этому глобально, устраивали симуляции. Обо всех симуляциях там тоже подробно. В результате этих «подготовительных» мероприятий был написан сценарий проведения и объявления пандемии. Очевидно, что управлять людьми легче под воздействием страха. Культ страха нам с тех пор накручивают через СМИ.

Зимой 2020 появляется страшный новый вирус. Мировая общественность в панике. Вирус оказывается быстро мутирующим, но нам сразу объявляют, что нас спасет вакцинация. Как вдруг появится эта вакцина от мутирующего вируса — непонятно, до сих пор человечество с этой задачей справиться не могло, но здесь никаких сомнений нет. На создание чудо-вакцины выделяются миллиарды. Тем временем, честные доктора пытаются лечить поступающих больных. Протоколов лечения нет. Несколько врачей одновременно приходят к выводу о том, что если принимать гидроксихлорохин или ивермектин в сочетании с цинком, витаминами D и C с первых дней выявления вируса, то тяжёлого течения болезни не развивается. Госпитализация не нужна. О своём открытии врачи сообщают руководству нескольких

стран, в том числе Трампу и другим. Доктор Фаучи рвёт на себе волосы. Гидрохлорохин и ивермектин — это дженерики, курс лечения этими препаратами стоит 3 доллара. Фаучи с помощью ВОЗ «убивает» эти препараты и «затыкает» докторов с помощью прикормленных СМИ. Проводятся фиктивные клинические испытания этих препаратов на тех, кто попал в больницу в тяжёлом состоянии. Дозу медикаментов увеличивают в разы. Разумеется, от передозировки у людей наступает обратная реакция. Медикаменты признаются высокотоксичными и опасными. 65 лет гидрохлорохин применяли в Африке в качестве профилактики от малярии и разрешали даже беременным, а тут вдруг он стал высокотоксичным.

Врачам запрещают выписывать эти препараты. Людей по-прежнему не лечат противовирусными препаратами, протоколы лечения другие. Фаучи протаскивает «своё», не прошедшее полный цикл клинических испытаний лекарство от ковида под названием ремдесивир. Курс лечения им стоит уже 3000 долларов. Его прописывают тяжелобольным пациентам. Лекарство и в самом деле очень токсичное, и у некоторых после его применения отказывали внутренние органы. В Европе его не допустили, а в США протащили. Ремдесивир не мешает плану Фаучи по вакцинации, поскольку его прописывают пациентам лишь во время тяжёлой стадии заболевания, видимо, чтобы непонятно было потом, от чего на самом деле умер человек.

В Америке за первую волну ковида умирает огромное количество людей (полмиллиона человек). Мир в страхе и ужасе. Все ждут спасительную вакцину.

Короткое отступление. Моя мама перенесла ковид в ноябре 2020 года. Ее американский врач, когда она сообщила ему о симптомах, посоветовал мониторить их и в случае ухудшения ехать в больницу. Тогда мама позвонила своему другу-гомеопату в Москве. Он нарисовал схему приёма лекарств в зависимости от симптомов, порекомендовал смотреть как можно больше комедий и проверял ее самочувствие каждый день по телефону. Кроме того, она продолжала делать дыхательную гимнастику по утрам перед открытым окном. Мама выздоровела через пять дней. Без осложнений.

В срочном порядке запускается сразу несколько экспериментальных вакцин на платформе mRNA — это так называемые векторные

вакцины. Несмотря на то, что попытки сделать вакцину с помощью этой разработки велись уже более 20 лет, успешных примеров в медицине не было. Вакцину запускают через 6 месяцев вместо 3 лет клинических испытаний. Сокращение сроков испытания вакцины до 6 месяцев, скорее всего, связано с тем, что титр антител после 6 месяцев падает и об этом производители знали. Надеюсь, мы всё ещё в состоянии вспомнить, что нам говорилось, что вакцина — это защита навсегда. Затем вдруг стали необходимы две дозы, потом выяснилось, что это на год, затем сроки сократились до 6 месяцев, и теперь оказалось, что и это слишком долго.

Нам говорили, что вакцина предохраняет от заболевания, затем оказалось, что нет. Потом выяснилось, что и от передачи вируса она не защищает. Сейчас уже пугают тем, что от Омикрона она не помогает или помогает мало, но обязательно нужно ревакцинироваться. Осталось последнее обещание — вакцина ни от чего не помогает, но вы не умрёте. Но, увы, в реанимациях люди и от коронавируса по-прежнему умирают. Вирус ослаб, как это и полагается вирусу, умирать стали меньше. Нужен новый скачок страха. И пришёл Омикрон.

Весь мир завёлся, СМИ оплачены, государственные органы оказались в ситуации, когда уже противостоять этой лавине невозможно. Нужно всех спасти, человечество напугано до смерти в прямом смысле этого слова. Вакцины можно штамповать уже каждые 5 месяцев, вакцинировать детей. Вначале говорилось о том, что вакцина предназначена для уязвимых слоёв населения, но об этом уже тоже под давлением страха забыто. Маховик запущен на полную скорость. Лечения по-прежнему нет, а вакцины не помогают. Омикрон пришёл, чтобы всё обнулить, сделать новую версию «наживы» и начинать всё сначала.

Сомневающимся опускают ниже плintуса, обвиняя в асоциальности и заразности, хотя вирус переносят все и болеют тоже, просто некоторые по-прежнему считают, что болеют легче. Откуда эта информация, учитывая время проведения клинических испытаний и бесконечные мутации самого вируса, можно только догадываться, т.е. из той самой лаборатории, где писался первоначальный сценарий. Зомбо-новости оказываются чрезвычайно эффективным аппаратом воздействия. Уколовшиеся граждане радуются, что живы, и смеются над теми, кто опасается каких-то страшных чипов. Однако

всем уколотившимся раздаются QR-коды. От чипов это отличается мало чем. Разница только в том, что вы ещё и добровольно его носите, то есть, пока вам его не поставили подкожно. Остальных граждан выживают из социума, делая их жизнь невыносимой, им практически не оставляют выбора. Теперь уже о добровольности вакцинации никто не говорит. Она плавно становится обязательной везде. Это и есть тотальный контроль.

Мне однажды сказали, что телефоны выполняют ту же функцию. Согласна, но пока что телефоны не являются по закону обязательными для ношения. Осталось ещё чуть-чуть — станут и телефоны, и QR-коды, и ваши персональные данные, всё... Люди, милые, мы приехали. Это последняя остановка. Далее уже будет не спастись. Опомнитесь! Читайте книгу Кеннеди, это не я разоблачаю эту шайку, это сделали за нас он и его соратники. Выход есть всегда. Выход есть. *Выход.* Одна из моих любимых картин Эрика Булатова. Верю, что мы спасёмся, осталось прозреть.

Давид ГАЙ
У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ

По материалам американских и зарубежных СМИ

Написанное уважаемым юристом и политологом являет собой развернутый отклик на книгу Роберта Кеннеди-младшего, с которой рецензент полностью согласна, что вытекает из ее оценок. Главная, по ее мнению, заслуга представителя знаменитой американской семьи — в том, что он «выявляет всех бенефициаров этой истории и открывает миру глаза на реальную суть происходящего». Вокруг нас, оказывается, творятся тихие ужасы: происки врагов человечества Фаучи, Гейтса, чудовищная коррупция, и пр. «Книга Кеннеди — это для меня самое, наверное, большое потрясение минувших трёх десятилетий. Последние идеалистические представления о мире развеяны», — признается Д. Чубиани.

Увы, в отличие от уважаемого юриста и политолога, я вовсе не потрясен сообщаемыми Кеннеди фактами и их интерпретацией. Более того, многое из прочитанного вызывает во мне активное неприятие.

Роберт Фрэнсис Кеннеди-младший — американский адвокат и радиоведущий, известный как экологический активист. После 2005 года и особенно во времена пандемии COVID-19 Кеннеди стал одним из наиболее влиятельных деятелей антипрививочного движения, используя свое имя и репутацию для привлечения внимания к якобы исходящей от вакцин опасности — он утверждал, что вакцины вызывают аутизм, и обнародовал различные теории заговора, так или иначе связанные с вакцинами.

С 2016 года он возглавляет основанную им самим некоммерческую организацию Children's Health Defense (первоначально World Mercury Project), распространяющую разного рода информацию о предполагаемой опасности вакцин для здоровья и указывающую на вакцины

как причину «эпидемии хронических детских заболеваний». Организация вкладывала значительные деньги в свою деятельность.

Тим Колфилд, профессор Университета Альберты, отмечал, что Кеннеди занимает в антипрививочном движении особое положение — само его громкое имя и репутация, завоеванная за годы экологического активизма, открывают перед ним многие двери: «у него больше возможностей получить место за любым столом, а его голос будут считать заслуживающим большего доверия».

Кеннеди в июне 2005 года, опубликовал в *Rolling Stone* и *Salon.com* статью под названием «Смертельный иммунитет», где приписал правительству заговор для сокрытия связи между тиомерсалом в вакцинах и детским аутизмом. Статья содержала ряд фактических ошибок, что вынудило *Salon.com* пять раз вносить поправки и в конечном счете 16 января 2011 года полностью убрать статью. Отзыв статьи был мотивирован накоплением доказательств ошибок и научного мошенничества, лежащих в основе претензий на связь вакцин с аутизмом.

В 2014 году Кеннеди выпустил книгу под названием «Тиомерсал: Пусть говорит наука», где продолжил отстаивать свои прежние взгляды на консервант.

За все прошедшие годы ни в одном исследовании не удалось найти пропагандируемой Кеннеди связи между аутизмом и тиомерсалом, и сам тиомерсал уже не применялся как консервант ни в одной используемой вакцине. Более 350 американских медицинских организаций подписали инициированное Американской академией педиатрии протестное обращение к Трампу, выражая безоговорочную поддержку безопасности вакцин.

Весной 2019 года трое других членов семьи Кеннеди — сестра Кейтлин Кеннеди-Таунсенд, брат Джозеф Патрик Кеннеди II и племянница Мэйв Кеннеди-Маккин — опубликовали в *Politico* открытое письмо, осуждающее антипрививочную деятельность Роберта Кеннеди-младшего; они писали, что любят «Бобби» как человека и высоко ценят его экологический активизм, но осуждают его теперешнюю деятельность как «часть кампании по атаке на институты [системы здравоохранения]», и что эта деятельность приводит к печальным последствиям — американцы боятся вакцин больше, чем болезней.

Кеннеди обвинял Энтони Фаучи — медицинского советника при президентах США Трампе и Байдене и одного из главных лиц в прези-

дентском штабе по борьбе с коронавирусом — в створе с фармацевтическими компаниями: якобы Фаучи частично владеет патентом на вакцину Moderna против COVID-19 и обогащается на её применении. Фаучи отверг эти обвинения как высосанные из пальца. Миллиардер Билл Гейтс стал другой мишенью для Кеннеди — он изображал Гейтса в виде Доктора Зло из серии фильмов «Остин Пауэрс» или размещал в своем Instagram фотографию Гейтса с подписью *«мы поместим все ваши деньги на чип, и если вы откажетесь от вакцины, мы отключим вам чип и вы будете голодать»* и даже обвинял Гейтса в желании «чипировать» самих людей, вживляя им микрочипы под кожу, или «генетически модифицировать». Кеннеди уверял, будто Гейтс контролирует Всемирную организацию здравоохранения и навязывает ей свою политику вакцинации, приводящую только к распространению болезней — якобы половина случаев полиомиелита в современном мире вызвана вакцинами Гейтса.

Особое распространение в социальных сетях получило ничем не подтверждённое заявление Кеннеди в апреле 2020 года о том, что в Индии было парализовано «496 тысяч детей» в результате испытаний «фондом Билла Гейтса» вакцины от полиомиелита — в действительности, согласно заявлению ВОЗ, полиомиелит был искоренен в Индии к 2014 году, и случаи, когда вакцина от полиомиелита вызывала бы собственно полиомиелит, приведший к параличу, чрезвычайно редки.

В марте 2021 года Кеннеди направил 46-му президенту США Джо Байдену открытое письмо с заявлением о том, что вакцины от COVID-19 «причиняют травмы и смерть», ссылаясь на общедоступные данные из системы отчетности по побочным реакциям на вакцины (VAERS); под «травмами» подразумевались побочные реакции наподобие головной боли и повышения температуры.

Кеннеди входит в группу «Дюжины дезинформаторов», названную так Центром по борьбе с ненавистью в сети (CCDH) — неправительственной организацией, базирующейся в Вашингтоне и Лондоне. Отчет этой организации, опубликованный в текущем году, свидетельствует о том, что участники этой группы ответственны за 65% всего контента антипрививочников в социальных сетях Facebook, Twitter и Instagram по всему миру, и за 75% такого контента только в Facebook. Отчет призывает руководства соцсетей удалять аккаунты, которые распространяют ложную информацию, поскольку их влиянию подвер-

жен весь мир. Несмотря на наличие непровержимых научных данных о пользе и безопасности вакцин от COVID-19, люди, как Кеннеди, используют свое влияние в соцсетях и за их пределами, чтобы сеять сомнения. В условиях, когда вакцинация стопорится из-за убеждений, существование подобных аккаунтов вызывает опасения.

Раньше у Кеннеди было более 1 млн. подписчиков в соцсетях. С тех пор, как его аккаунт удалили из Instagram, он утратил сотни тысяч читателей.

Выяснилось, что в целом онлайн-сообщество антипрививочников в год получает доход в размере не менее 36 млн. долларов. Один из лидеров этого сообщества Меркола заработал на этом движении более 7 млн. долларов, а Кеннеди — около 3 млн.

Активисты, выступающие против прививок, искажают рассказы о COVID и вакцинах, публикуя опровергнутые слухи, манипулируя правительственными данными и опуская ключевые данные. Эта тактика позволяет им в основном обходить правила социальных сетей.

Специалисты в области медицины и общественного здравоохранения не раз заявляли, что вакцины от COVID безопасны и эффективны, но предупреждали, что ложные утверждения будут препятствовать достижению высокого уровня вакцинации.

«Дезинформация стала действительно большой проблемой на пути к вакцинации большего числа людей, чтобы мы снова могли вернуться к «нормальным» временам», — говорит Сабрина Ассуму, специалист по инфекционным заболеваниям Медицинского центра Бостона.

Она выражает обеспокоенность тем, что точная информация всегда сопровождается пугающими и ложными сообщениями. Например, Кеннеди постоянно заявляет, что от COVID-вакцин скончались 12 тыс. человек. Несколько экспертов в области общественного здравоохранения опровергли это утверждение.

«Очевидно, что существуют побочные эффекты, но это краткосрочные явления, такие как повышение температуры, ломота в теле, — но не смерть, смертельный исход не является побочным эффектом вакцин от COVID», — говорит специалист по инфекционным заболеваниям Медицинского факультета Гарварда и Общего госпиталя Массачусетса Говард Геллер.

Скептики также утверждают, что вакцина небезопасна для беременных. Facebook отметил одно из сообщений Кеннеди как ложную информацию, когда тот сказал, что есть сообщения о выкидышах,

вызванных вакциной. В качестве доказательства команда Кеннеди указала NHK на данные VAERS. Но на самом деле к этим данным вел сайт, известный своей антипрививочной позицией. Команда Кеннеди рассказала о случаях, которые описывали люди, предполагая, что их симптомы были вызваны вакциной COVID. В нескольких случаях для описания выкидыша из-за вакцины использовался положительный тест на беременность.

Ассуму, которая занимается лечением женщин детородного возраста, беспокоит, что ложная информация о воздействии вакцин на фертильность может испугать ее пациенток.

Вина за распространение дезинформации легла на социальные сети. Первоначально Байден сказал, что платформы, позволяющие распространять дезинформацию, «убивают людей». Позже он вернулся к этому комментарию и обвинил отдельных людей в распространении дезинформации. Он потребовал от Facebook принять меры по борьбе с дезинформацией, «вместо того, чтобы принимать слова на свой счет».

С того момента Facebook объявила о действиях против Дюжины дезинформаторов. Компания, которой принадлежит Instagram, удалила 36 страниц, групп и аккаунтов и наложила штрафы на дополнительные страницы, группы или учетные записи, связанные с Дюжиной дезинформаторов.

54% рекламных объявлений в Facebook, рассказывающих о вреде вакцинации, спонсируются всего двумя организациями, следует из исследования журнала *Vaccine*.

Это *World Mercury Project* и *Stop Mandatory Vaccinations*, основатели которых — известные противники вакцинации Роберт Кеннеди-младший и Ларри Кук.

В сети распространяют информацию, что Кеннеди выиграл в Верховном суде США дело против Билла Гейтса и медкорпорации. На самом деле это заведомая ложь. Самого судебного процесса, как и решения Верховного Суда, не существует.

Впервые фейк о проигрыше Билла Гейтса, главного инфекциониста США Энтони Фаучи и крупных фармацевтических компаний в Верховном Суде США появился 25 апреля 2020 в издании с низким качеством фактологического изложения информации «Before Its News». В мае 2020 года фейк опровергли независимые факт-чекеры из *Lead Stories*.

По данным американского налогового управления, с 2009 по 2014 годы валовые поступления в *World Mercury Project* ежегодно не превы-

шали 50 тыс. долларов США. Ситуация изменилась в 2015 году, когда организация Кеннеди получила вторую жизнь. В этом году валовый доход (без вычета расходов) составил 467 тыс. долларов США (35-кратный рост по сравнению с 2014 годом!), в 2016 — 166 тыс., в 2017 — 727 тыс., в 2018 — перевалил за \$1 млн.

На что тратятся эти деньги? Во-первых, на самого Кеннеди. Во-вторых, на пропаганду, включая рекламу, работающую очень хорошо. Например, рекламу антивакцинаторов стоимостью 499 долларов США, как правило, замечают до 50 тысяч пользователей. Важно также, что часто такие посты содержат ссылки на соответствующие книги и «натуральные лекарства», которые можно купить. Стоит отметить, что сетевая пропаганда Кеннеди ложится в основу подобных постов на других языках. Агрессивная кампания противников вакцинации уже стала серьезной проблемой. Правда, подавляющее большинство людей по-прежнему верят в пользу прививок (84% опрошенных, по данным Wellcome Trust). Однако в отдельных странах доля противников вакцинации достигает 20%, а то и 30%, а для эффективной борьбы с распространением заболеваний привитым должно быть почти все население.

Хотя Кеннеди называют ярким противником вакцинации, он утверждает, что якобы не выступает против вакцин как таковых. Он обвиняет своих оппонентов в том, что они пытаются его маргинализировать и исказить его истинную позицию с целью заставить замолчать.

В мае 2020 года Кеннеди подписал обращение, составленное католическим архиепископом Карло Марией Вигано, направленное на повышение осведомленности населения, правительств, ученых и средств массовой информации о серьезных опасностях для свободы личности, вызванных распространением COVID-19. Там было сказано: «Мы просим глав правительств обеспечить, чтобы формы контроля над людьми с помощью систем слежения или любых других средств, строго запрещались. Борьба с коронавирусом не должна служить предлогом для реализации скрытых намерений наднациональных органов, имеющих явные коммерческие и политические интересы». Было подчеркнуто, что гражданам должно быть дано право на отказ от ограничений личной свободы, от вакцинации, от отслеживания контактов и любых других подобных мер.

Комментарии к видеодбатам между Кеннеди и известным адвокатом Дершовицем на *YouTube* почти единогласно показали, что Кеннеди выиграл дебаты. Дершовиц согласился со многими доводами

оппонента, утверждая, однако, что с точки зрения конституционного права вакцинация против коронавируса может быть сделана обязательной.

ОТ РЕДАКЦИИ:

США расколоты не только политически, страна разделена и относительно вакцинации. И не звучит утешением, что вакцинированных более половины населения, — антиваксеры не сдаются, пытаются всячески активизировать свою деятельность.

Не все в действиях Роберта Кеннеди-мл. вызывает отторжение — некоторые его решения и мысли вполне здравы. Скажем, когда речь заходит о едва не принудительной вакцинации школьников, начиная с младших классов, или стоит ли колоть вакцину переболевшим ковидом. Можно согласиться и с тезисом, что проверка вакцин должна занимать несколько лет, а те же *Pfizer* и *Moderna* были запущены с ходу. (Растерянный мир, объятый эпидемией, увы, не мог ждать!) Однако эти мысли тонут в густом мутном потоке конспирологии, мастером которой является Кеннеди. Обвинения в заговоре, звучащие в адрес Фаучи и Гейтса, на наш взгляд, выглядят крайне необедительно.

Вакцинироваться или нет — каждый решает сам. И менее всего надо принимать на веру всяческие измышления профессиональных конспирологов.

Мы далеки от ощущения, что, прочитав приведенный выше обзор материалов прессы, наши невакцинированные читатели гурьбой бросятся в медицинские центры ради получения спасительных уколов. Равно как и неуверены, что изложенное в статье Джулии Чубиани не найдет горячих сторонников. Это нормально для общества, *где балом правят крайности*.

Судя по всему, эти месяцы станут решающими относительно пандемии: рванет вверх или слегка успокоится. Может статься, придется повторять раз за разом название знаменитого романа Стейнбека «Зима тревоги нашей». Так что, друзья, думайте сами, решайте сами...

Майк ЛОГИНОВ

ЭЛИКСИР ДЛЯ ИЗБРАННЫХ

ГЛАВЫ ИЗ НОВОГО РОМАНА

*Посвящается моему прадеду — профессору
Михаилу Павловичу ТУШНОВУ*

*«Мы к вам, профессор, и вот по какому
делу...»*

М. А. Булгаков «Собачье сердце»

ОТ АВТОРА

Замысел романа «Эликсир для избранных» можно сравнить с зерном, которое, прежде чем прорасти, долгие годы пролежало в земле.

В основу сюжета книги положены реальные события, происходившие в СССР в 20-е и 30-е годы. Некоторые факты хорошо известны и подробно описаны в исторической литературе, память о других сохранилась лишь благодаря письмам и устным рассказам, передававшимся в нашей семье из поколения в поколение.

Загадочная смерть моего прадеда, видного русского учёного-физиолога Михаила Тушнова, драматическая судьба его братьев, не принявших Советскую власть, трагическая гибель кремлёвских врачей, которых НКВД обвинил в медицинских убийствах, — всё это буквально просилось на страницы большого исторического или семейного романа. Но в 90-е годы мне, как и многим другим, казалось, что события советской эпохи окончательно ушли в прошлое и что тайны 30-х уже не так интересны читателям, поскольку имеют всё меньше и меньше отношения к современности.

Начавшаяся в 2000-е годы «реставрация» заставила изменить эту точку зрения. Подавление оппозиции, разгром независимых СМИ и ползучая национализация ясно показали, что страна отнюдь не торопится расставаться со своим большевистским прошлым.

В российскую жизнь стали возвращаться худшие черты прошлого — всесилие и бесконтрольность спецслужб, жестокость, нетерпимость к оппонентам, неразборчивость в средствах. А странные смерти противников режима — Юрия Щекочихина, Александра Литвиненко и других — заставили вспомнить о самых мрачных эпизодах советской истории. Так события 30-х вновь обрели, на мой взгляд, актуальность...

Роман «Эликсир для избранных» — не научно-историческое исследование, и я не утверждаю, что всё было именно так, как описано в книге. Взяв реальные факты, я произвольно установил между ними причинно-следственные связи, создав свою версию событий. Однако версия эта не выглядит сегодня такой уж фантастической, особенно после дела Скрипалей и попытки отравить Алексея Навального.

И ещё. Мне хотелось не только выстроить интересную детективную интригу, но и вложить в головы и уста героев некоторые мысли, которые кажутся мне важными. Что делать человеку, если он сталкивается со злом? Бороться? Спасаться бегством? Или пытаться «мирно сосуществовать» со страшной действительностью? Но не ложится ли на него в этом случае часть ответственности за творимые беззакония? Мне кажется, что об этом заставляют нас задуматься события давней советской и недавней российской истории.

МОСКВА, 19 СЕНТЯБРЯ 1935 ГОДА

Профессор Павел Алексеевич Заблудовский вошел во двор дома на Новинском бульваре и остановился, чтобы перевести дух. Последние дни Павлу Алексеевичу нездоровилось. В конце августа он вернулся в Москву из Кисловодска, загорелый и отдохнувший, и энергично взялся за работу. Но скоро ощущение бодрости куда-то ушло, снова навалилась усталость — словно и не уезжал никуда. Опять стало побаливать сердце. Когда в июне у Заблудовского случился приступ, он впервые подумал о том, что может умереть, что впереди у него не десятилетия и даже не годы, а может быть, месяцы. От мыслей этих становилось не по себе. Он внимательно прислушивался к собственному телу, пытаясь различить тревожные сигналы. Вот и сегодня утром было как-то нехорошо. Жена Серафима Георгиевна отговаривала идти на службу, советовала отлежаться. Но он пересилил себя и отправился

в институт. Там ему вроде бы полегчало, но потом снова стало хуже. Павлу Алексеевичу казалось, что он никак не может сделать глубокий вдох, и это не давало ему сосредоточиться на работе. Промаявшись до обеда, Заблудовский собрал бумаги и поехал домой. И вот теперь оставалось подняться к себе наверх и прилечь. Но Павел Алексеевич медлил, ему хотелось побыть на воздухе. Он сел на скамейку возле подъезда и прикрыл глаза. «Что-то со мной не так, что-то со мной определенно не так», — размышлял он. Сердце снова заныло. Заблудовский положил ладонь на левую сторону груди и нащупал конверт во внутреннем кармане пиджака. Там лежало письмо на имя наркомздрава Каминского, копия — начальнику Лечебно-санитарного управления Кремля Ходоровскому.

«А может быть, оно не нужно? — подумал профессор о письме. — Что смогут сделать Каминский и Ходоровский, если за всем этим стоит НКВД? Тогда все предстает в ином свете. Неужели Борис в этом участвует? Он изменился в последнее время. Раньше был спокойным, даже флегматичным, а теперь в нем появился какой-то надрыв. Как он сказал тогда, на дне рождения Ариадны? «Я чувствую себя грешником, которого отпустили из ада на землю, а срока не установили... Гуляй, пока не позовем обратно...» Он, кажется, был сильно пьян. И этого тоже за ним раньше не водилось. Я еще тогда подумал: что с ним происходит? И Серафима тоже заметила перемену. Написала мне в Kisловодск: «Борис играет странную роль». Да, именно так — играет странную роль... Что же делать? А если меня арестуют?»

От этой мысли Павел Алексеевич холодел.

«Если со мной что-то случится, что станет с Серафимой и Ариадной? Как они будут без меня? Всю жизнь я старался сделать так, чтобы они ни в чем не нуждались. Ограждал, оберегал. Хотел как лучше, а получилось... Господи! А что станет с лабораторией? С исследованиями? Столько сил положено... Кому передать? Ариадна еще слишком молода и неопытна. Думал, Борис продолжит дело... Но теперь как же?»

— С вами все в порядке, профессор? — вдруг раздался у Заблудовского над ухом низкий хрипловатый голос.

Павел Алексеевич от неожиданности вздрогнул и открыл глаза. Перед ним стоял управдом Моисей Маркович, хмурый, неприветливый мужик в полувоенном френче. «Господи, как его фамилия? — заволновался Павел Алексеевич. — Брондер? Шмондер? Не помню!»

— Ничего-ничего, все в порядке! — ответил он управдому. — Просто присел отдохнуть...

— Понятно, — сказал управдом и зашагал прочь.

«Неприятный тип, — подумал профессор, глядя вслед удаляющейся фигуре. — Борис говорит, что все управдомы, дворники и дежурные в подъездах — сотрудники НКВД. Неужели правда?.. О чем я думал? Ах да! Что будет с лабораторией?..»

Передышка пошла Заблудовскому на пользу, он почувствовал себя лучше, и это сразу отразилось на ходе его мыслей.

«Нет, нельзя падать духом! — подумал он. — В конце концов, я — известный человек, я на хорошем счету, мне доверяют, среди моих пациентов очень влиятельные люди... Почему должно случиться что-то плохое?»

Заблудовский поднялся и направился к подъезду.

— Здравствуйте, профессор, — поздоровалась с Павлом Алексеевичем консьержка, молодая женщина с простым широким лицом. — Что-то вы рано сегодня?

— Да вот нездоровится, — неопределенно сказал он и пошел к лифту.

Поднявшись к себе на пятый этаж, Павел Алексеевич позвонил в дверь. Постоял несколько секунд, потом спохватился: ведь дома нет никого. Жена Серафима Георгиевна уехала в гости к знакомым в Сокольники. Дочь Ариадна была на работе. А домработница Анна Ивановна взяла выходной.

Академик отпер дверь и вступил в полутемную прихожую. Они с Симой и Ариадной жили в этой квартире уже почти три года, но Павел Алексеевич все не мог привыкнуть и чувствовал себя как в гостинице. Заблудовским едва ли не первым предложили переехать в только что отстроенный дом на Садовом кольце и самим выбрать себе квартиру. Профессор даже удивился: с чего такие почести? Он помнил, как они с Серафимой приехали рано утром на поезде из Казани и их повезли по незнакомым московским улицам. Сопровождавший Заблудовских сотрудник хозяйственного управления Совнаркома РСФСР всю дорогу нахваливал им будущее жилье. Официально дом находился в ведении республиканского правительства. Первый подъезд отдали ученым, третий — народным комиссарам, а посередине, во втором, публика была чином пониже, и квартиры там были поменьше. Заблудовские выбрали просторную четырехкомнатную квартиру на пятом этаже. С левой стороны длинного коридора располагались

столовая и комната Ариадны, с правой — спальня и кабинет. Из прихожей проход вел направо — в кухню, царство Анны Ивановны.

...Навстречу профессору из столовой вышел кот Лобан. У Павла Алексеевича с ним был вооруженный нейтралитет. Лобан был нрава замкнутого и злого. Хозяйкой признавал Серафиму Георгиевну и только ей позволял гладить себя. Всех остальных членов семьи игнорировал. Лобан остановился посреди прихожей, равнодушно посмотрел на профессора и двинулся на кухню. Павел Алексеевич проводил его взглядом, потом разулся, надел домашние туфли и хотел было пройти в кабинет, как вдруг ему почудилось, что в квартире кто-то есть. Он остановился и прислушался. Нет, тишина. Показалось, наверное. И вдруг дверь столовой стала медленно открываться. Заблудовский вздрогнул. На пороге комнаты показался человек.

— Вы? — удивленно спросил академик...

МОСКВА, 20 СЕНТЯБРЯ 1935 ГОДА

ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО

19 сентября от припадка грудной жабы внезапно скончался известный ученый профессор Павел Алексеевич Заблудовский. Он широко известен врачебному миру как у нас в Союзе, так и за границей, как автор учения о гистолизатах и основоположник лизатотерапии — нового метода лечения, давшего возможность многим сотням больных восстановить свою трудоспособность. Академик Заблудовский являлся подлинным новатором, революционизировавшим современную медицину и давшим в руки врачей новый метод активной терапии в целом ряде патологических процессов. Настойчиво разрабатывая свою теорию, профессор Заблудовский был вдохновителем и руководителем целого ряда работ о лизатах. В последние два года своей жизни Павел Алексеевич с увлечением отдался делу организации своей лаборатории во Всесоюзном институте экспериментальной медицины, идея создания которого была так горячо встречена научными кругами нашего Союза. Смерть профессора Заблудовского является тяжелой утратой для советской науки, потерявшей в его лице крупного и талантливого ученого.

(Далее идут 23 фамилии подписавших некролог во главе с наркомом здравоохранения РСФСР Г.Н. Каминским)

МОСКВА, 1970-Е ГОДЫ

О существовании прадеда я узнал благодаря медной табличке, долгие годы украшавшей дверь нашей квартиры на Новинском бульваре. «Профессор Павел Алексеевич Заблудовский» было выгравировано на ней. В детстве табличка эта причинила мне немалые неприятности. Мои дворовые кореша, среди из которых попадались вполне законченные малолетние преступники, прочитав надпись на табличке, решили, что Заблудовский — это и моя фамилия. Вследствие этого я получил во дворе неблагозвучное и обидное прозвище Лешка-Заблуда. Все мои попытки объяснить, что Заблудовский — это фамилия моего прадедушки, которого я и в глаза-то никогда не видел, и что моя фамилия — Кораблев, ни к чему не привели. Табличка провисела на двери до конца 70-х годов, а потом куда-то исчезла, когда дверь решили обить дерматином.

Кроме таблички с фамилией о прадеде напоминали чашки и молочник из тончайшего полупрозрачного китайского фарфора. Они казались такими хрупкими, что было страшно даже прикоснуться к ним, не то, что пить из них.

— Откуда у нас это? — спросил я однажды маму.

— Это прадедушка привез с Русско-японской войны, — ответила она.

Я был поражен. Подумать только, оказывается, прадедушка был участником исторических событий! Я, домашний книжный мальчик, уже одолел к тому времени «Цусиму» Новикова-Прибоя и знал кое-что о провальной политике царизма на Дальнем Востоке.

— А где прадедушка воевал? — поинтересовался я, в душе надеясь услышать про оборону Порт-Артура.

— Не знаю, — ответила мама.

— А в каких войсках он служил?

— В кавалерии, я полагаю.

Вот здорово! Я представил себе прадедушку скачущим в атаку с шашкой наголо, но следующее мамино сообщение меня сильно обескуражило.

— Он лечил казацких лошадей, — сказала она будничным голосом.

— Почему лошадей? — удивился я.

— Потому что он был ветеринар.

Героический образ предка померк. Я видел живого ветеринара. Когда жившая у нас в доме лайка Чарли заболела, лечить ее пришел

несимпатичный дядька в мятых брюках и грязноватом халате. Звали дядьку, как сейчас помню, Игорь Евсеевич, и от него неприятно пахло. Видимо, мама почувствовала, что принизила прадеда.

— Он начинал как ветеринар, — поправилась она, — вообще-то он был физиологом.

Слово «физиолог» ничего мне не говорило.

— Он изобрел лизаты, — добавила мама что-то уж совсем непонятное.

Услышав это слово, я снова вспомнил Чарли, который любил лизать мне лицо.

— Лизаты? Что такое лизаты? — спросил я.

— Э-э-э... Ну, это такие вещества... специальные, с помощью которых можно лечить разные болезни.

Видимо, мама тоже не слишком хорошо разбиралась в научных теориях Павла Алексеевича Заблудовского.

— Это как лекарства? — продолжал допытываться я.

— Вроде того...

Итак, прадедушка Павел Алексеевич был физиологом и изобретал лекарства. Этого было вполне достаточно для восьмилетнего мальчика. Беда в том, что и сорок лет спустя мои представления о работах академика Заблудовского оставались примерно на том же уровне. В семье обсуждалась, да и то редко, только смерть прадеда. Официальная версия гласила, что Павел Алексеевич почувствовал себя на работе плохо, вернулся домой, где в это время никого не было, прилег отдохнуть, заснул и во сне умер от сердечного приступа. «Благословенная смерть!» — всякий раз повторяла мама. Несколько коротких фраз, которые никогда не менялись и со временем превратились в некий канонический текст. Так это предание и передавалось в нашей семье из поколения в поколение. Так оно дошло до меня, и я впитал его вместе с другими семейными преданиями и мифами. Да, так оно все и было... Но мне отчего-то всегда чудилось в кончине прадеда что-то загадочное, что-то странное.

МОСКВА, НАШИ ДНИ

Взятые мною на себя обязательства делали неизбежным визит на Новинский и истребование у мамы прадедова архива. Я решил не откладывать дело в долгий ящик и отправился повидать родственников.

...Я вошел в прохладный подъезд и огляделся. Есть места и предметы, которые остались такими же, какими они были давным-давно, такими, какими их видели люди, которых уже нет... На Новинском все или почти все было так же, как и восемьдесят лет назад. И Павел Алексеевич Заблудовский, который вошел сюда в тот роковой день 19 сентября, видел то же самое, что видел и я. Ну, разве что был еще стол, за которым сидела консьержка. И стены, возможно, были выкрашены в другой цвет. И вообще все было поновее, стекла в парадном — чистые и прозрачные, лак на деревянных перилах — свежий.

Дверь открыла сестра Катерина. Она была на восемь лет моложе меня и жила в нашей старой квартире вместе с мамой и сыном Виктором. Катин муж — наследник грузинских князей, веселый гуляка и редкостный бездельник Георгий Лордкипанидзе — безвестно отсутствовал уже пятый год. Время от времени я заводил с сестрой разговор о том, что надо бы как-то определиться.

— Кому надо определиться? — безмятежно спрашивала Катя, глядя на меня своими прозрачными голубыми глазами.

— Ну, с Георгием определиться...

— Это как же?

— Развестись с ним.

— А можно заочно?

— Не знаю... Наверное. Надо посоветоваться с юристом.

— Надо, — соглашалась Катя, но ничего не предпринимала, и все оставалось по-прежнему.

— Привет! — сказала Катерина, пропуская меня в прихожую. — Какими судьбами?

— Привет, — ответил я. — Мама дома?

— Дома. В кабинете. Случилось что?

— Почему сразу случилось? Зашел вас проведать. Но вообще, было мне сегодня видение...

— Хм! И что же тебе привиделось?

— Явился ко мне человек и заказал статью о прадеде Павле Алексеевиче.

— Ого! А зачем?

— Юбилей Казанского ветеринарного института. Сборник статей о выдающихся выпускниках. Не хочешь ли!

— Ну, что же, очень приятно. Хотя я, честно говоря, очень мало знаю о прадеде и о том, чем он занимался.

— Я знаю ненамного больше твоего.

— Хочешь поговорить об этом с мамой?

— Да. И попросить выдать мне архив.

Я двинулся по направлению к кабинету и постучал.

— Да-да, — слышался мамин голос.

Я открыл дверь и вошел. Компьютер был выключен, мама сидела в кресле и вязала. У нее за спиной, на тумбочке, стоял старый радиоприемник, какая-то станция передавала джаз.

— Привет, ма!

— Здравствуй, сыночек, — сказала мама, откладывая вязание. — Как ты?

— Спасибо, хорошо, — ответил я, усаживаясь в другое кресло, стоявшее ближе к двери. — Как ты себя чувствуешь?

— Тьфу-тьфу, нормально.

— Я вообще-то к тебе по делу.

— Слушаю тебя.

— Ко мне сегодня приходил некий человек и предложил написать статью о прадеде.

— Вот как? — Мама снова взялась за вязание. — Он говорил с тобой о Павле Алексеевиче?

— Да.

— Ты напишешь? Твой прадедущка был крупным ученым...

— Я знаю, мама. Но чувствую, мне придется очень постараться, чтобы не вызвать хохота научного сообщества. Нужно хотя бы в общих чертах понять, чего же такого прадед натворил. Ты говорила, что после него остались какие-то бумаги...

— Архив, — важно произнесла мама.

— Хотелось бы взглянуть.

— Он на антресолях.

— Над кухней?

— Нет, над ванной.

— Давай я достану.

— Что ты! Куда ты полезешь в costume?

— Ну, пиджак-то я сниму...

— Не надо! Там пыльно. А главное — я не помню точно, где все лежит... В каком-то из чемоданов, но надо искать. Витка вернется, достанет, а потом тебе привезет.

— Ладно. Просто я сейчас на машине...

— Ничего. Один-два дня ничего не решают. Завтра у Вити лекций в институте нет, вот он и займется.

Я направился было к двери, но остановился и обернулся:

— Слушай, ма, а ты помнишь, как рассказывала про яды?

— Какие еще яды? — удивленно вскинула брови мама.

— Ну, про то, что у нас на антресолях хранились какие-то вещества, какие-то сильнодействующие яды. Якобы остались от прадеда.

— Нет, не помню, — помотала головой мама.

— Не может быть! Ты об этом сто раз говорила. Это — одно из семейных преданий. И мне от этих твоих рассказов было немного не по себе. Ведь у нас в доме никогда не хранили оружия или еще чего-то... смертельно опасного. Кроме этого яда.

— Нет, не помню...

— Очень странно. Неужели не помнишь?

— Лешенька, память... она такая... сложная вещь, что-то забываешь, что-то помнишь не совсем так, как это было, — примирительно сказала мама. — Может быть, ты что-то читал... и это у тебя как-то связалось...

МОСКВА, НАШИ ДНИ

На следующее утро мне позвонила Марина Любомирская. Вдова моего давнего приятеля и коллеги Славы Любомирского, погибшего за год до этого при не вполне ясных обстоятельствах.

— Привет, — сказала она.

— Привет, — ответил я. — Как ты?

— Нормально... Как там у вас дела, в журнале?

— Да ничего... Жить можно.

— Понятно, — сказала Марина. — Я что звоню... тринадцатого числа Славина годовщина...

Годовщина! Господи, как я мог забыть?

— Да, я помню.

Я вдруг понял, что не разговаривал с Мариной целый год, с того самого дня, когда похоронили Славу. И мне стало стыдно. Я ничего не знал о том, как она жила все это время.

— Я хочу в пятницу... собрать наших, — продолжала Марина. — Народу будет не очень много, все свои. Придешь?

Я знал Славу Любомирского с незапамятных времен. Мы познакомились в конце 80-х в отделе городских новостей «Вечерней столицы»,

куда я пришел после университета. Слава, который закончил журфак на несколько лет раньше, взял однокашника под крыло. Я поначалу фыркал и брыкался, стараясь всячески показать свою независимость, но потом мы как-то притерлись друг к другу и подружились. Когда в середине 90-х образовался «Перископ», Слава перешел туда на должность редактора отдела расследований и вскоре перетащил в журнал и меня. Несколько лет мы с ним и еще несколькими ребятами вели в «Перископе» хронику бандитских разборок и финансовых афер. Время было веселое, хотя и нервное. На нас постоянно наезжали разные темные личности, но мы по молодости и по глупости ничего не боялись. Почему-то были уверены, что с нами ничего не случится... Наши отношения со Славой не были ровными, но я уважал его и считал хорошим журналистом. Правильным. Он говорил: мы, СМИ, — цепные псы демократии, мы всегда против власти, и еще мы всегда за слабых против сильных. Поэтому, пока в стране правили олигархи, он разоблачал нечестные схемы залоговых аукционов и финансовые пирамиды, а потом, когда власть переменилась, стал рассказывать, как гэбисты крышуют контрабанду и обналичку. Жизнь это ему, понятное дело, не облегчало.

В начале 2000-х в «Перископе», как и в стране, сменились владельцы. Прежние акционеры продали свои доли какой-то подставной компании с никому ничего не говорившим названием, а главред Сосновский, интеллигент старого советского засола и защитник Белого дома, ушел на пенсию. Новым начальником стал некто Гребешков, тихий, неприметный человек, до прихода к нам занимавший небольшую должность в Администрации Президента. Сутью новой редакционной политики он объявил «взвешенность», которая, как вскоре стало понятно, означала отказ от критики Кремля и его друзей. Любомирский и еще несколько «стариков» подали заявления об уходе. Он звал с собой и меня, но я остался... Спустя некоторое время Слава основал новое интернет-издание, которое, не мудрствуя лукаво, назвал «Проектом». Там он продолжал заниматься своим любимым делом — наступал на мозоли власть предержащим. Со временем стал известным человеком и даже баллотировался в Думу от одной из демократических партий, правда, неудачно. Мы редко виделись, а когда встречались, то обычно вспоминали старые времена и перебирали общих знакомых — кто, где и что делает. Последний раз я видел его незадолго до смерти, мы случайно столкнулись в сквере у высотного здания на Кудринской площади...

— Слушай, Марина, а что слышно о Славином деле? Я имею в виду расследование...

— Ничего не слышно. На полицейском жаргоне это, кажется, называется «висяк»... Я думаю, если бы они могли, то давно списали бы дело в архив.

Славу нашли ночью во дворе дома на Ленинградском шоссе. Экспертиза выяснила, что смерть наступила в результате падения с высоты. Спустя несколько дней всплыли кое-какие подробности, но ясности они не добавили. Так, полиция установила, что Слава выпал из окна квартиры на восьмом этаже. Хозяева, жившие в соседнем доме, сдавали ее в аренду на сутки или на несколько часов. Чаще всего их клиентами бывали влюбленные парочки. В тот день Любомирский по телефону забронировал апартамент, приехал за десять минут до назначенного времени и взял ключ... И после этого живым его уже не видели. Узнав про квартиру, многие подумали, что у Славки было свидание, но никаких следов присутствия в квартире другого человека не обнаружилось. Шума или движения соседи не слышали.

— Так и не выяснили, с кем он должен был встретиться в тот вечер?

— Нет.

— А у тебя никаких идей?

— Никаких.

— Прости... а может, все-таки там женщина была замешана?

Марина фыркнула:

— Нет. Про его женщину я все знала. Она в Теплом Стане жила. Профурсетка! Ее допросили...

Я усмехнулся про себя. Значит, Славик все-таки погуливал...

— И что?

— Ничего. Похоже, она не причастна.

— А чем Слава занимался... ну, перед тем как это все случилось?

— Да много чем занимался... Ты же сам знаешь, у них там все время была какая-то напряженка. То про Росгвардию что-то не так напишут, то про «Газпром»... Вечно на них кто-нибудь в суд подавал... Но этот все было как-то... штатно.

— А «дело Манюченко»? — спросил я.

Мне показалось, что на том конце возникла какая-то секундная, едва уловимая заминка.

— А что «дело Манюченко»?

— Ну, Слава вроде бы расследовал его... Даже, говорят, в Англию ездил.

— Я не знаю, Леша. Он мне ничего про это не рассказывал...

— То есть, ты считаешь, что Славу не любили многие, но никто настолько сильно, чтобы убить?

— Можно и так сказать, — тихо проговорила Марина.

— А самоубийство? — осторожно спросил я. — Ты это исключаешь?

— Самоубийство? С чего вдруг? Злая жена замучила? — презрительно фыркнула Марина. — Для самоубийства нужно хотя бы плохое настроение... А ничего такого не было, поверь!

— Еще мог произойти несчастный случай...

— Как ты себе это представляешь? Пришел человек в чужую квартиру и стал окна протирать?

— Ну, тогда остается... — я не договорил...

МОСКВА, НАШИ ДНИ

После разговора с Мариной я сидел с минуту, тупо глядя в монитор компьютера. Потом взял мышку и кликнул папку «Разное», лежавшую у меня на рабочем столе. Туда я складывал документы и сообщения СМИ, которые, как мне казалось, могут пригодиться в будущем. Не всегда мои ожидания оправдывались, некоторые файлы лежали без движения годами. Я быстро нашел файл под названием «Дело Манюченко» и открыл его...

10 июля 2016 года российского бизнесмена Александра Манюченко нашли мертвым неподалеку от его дома в городке Уэйбридж на юго-востоке Англии. Как рассказала его гражданская жена Джейн Кокс, в тот день около девяти утра Манюченко отправился на обычную утреннюю пробежку и не вернулся. Спустя два часа женщина подняла тревогу. Тело Манюченко обнаружили на холме в уединенной части парка. Он сидел на скамейке, и со стороны могло показаться, что он просто задремал.

Александр Борисович Манюченко был фигурой колоритной. Типичный герой эпохи первоначального накопления, он сколотил состояние на спекуляциях валютой и темных операциях с долгами бывшего СССР. Ходили слухи, что Манюченко был в свое время замешан и в аферах с «чеченскими авизо», но, как говорится, не пой-

ман — не вор... К концу 90-х Александр Борисович заматерел и стал настоящим богачом. Он владел несколькими горнорудными компаниями и довольно крупным коммерческим банком. Когда власть в стране переменялась, никто и подумать не мог, что круто переменится и судьба Манюченко. Казалось, при таких деньгах и возможностях ему не о чем было беспокоиться. Конечно, новый президент не понравился многим крупным предпринимателям, но недовольным никто не мешал тихо уехать из страны и заселиться в заранее приобретенные дома где-нибудь в Монако или во Флориде. Так поступили многие, но не Манюченко. Тут вдруг выяснилось, что у этого человека были политические убеждения. Он оказался не беспринципным зарабатывателем денег, а вполне идейным либералом. Из всех возможных линий поведения бизнесмен выбрал наихудшую для себя — обозвал новую власть земляными червяками и стал финансировать оппозицию. Разумеется, это не могло кончиться для него хорошо. По мере того, как страна погружалась, ну, если не во тьму, то, по крайней мере, в сумерки, жить Манюченко становилось все труднее. Наконец, то ли в двенадцатом, то ли в тринадцатом году против него завели дело об уклонении от налогов и мошенничестве в особо крупных размерах, и Александру Борисовичу пришлось спешно распродать активы и уехать в Лондон. Оттуда он продолжал «звонить в колокол», финансировать различные политические и гражданские кампании на родине и всячески досаждал российскому правительству. Ходили также слухи, что он писал книгу мемуаров, в которой многие высокопоставленные кремлевцы представляли в не самом лучшем виде. Однако в свет этот труд так и не вышел.

Хотя почти сразу причиной смерти 48-летнего бизнесмена был объявлен сердечный приступ, в британской прессе появились предположения об отравлении. В России историю смерти Манюченко каждый толковал по-своему, в зависимости от своих политических предпочтений. Проправительственные издания и каналы поначалу вообще пытались ее замолчать, но когда скандал разгорелся, стали передавать официальную точку зрения: Москва к этому не причастна, а все «дело Манюченко» — вранье и провокация враждебных России сил, пытающихся опорочить и вбить клин... Напротив, немногочисленные либеральные издания и интернет-ресурсы подхватили версию отравления и вспомнили обо всех убитых совет-

скими спецслужбами беглых разведчиках и диссидентах, начиная с Игнатия Рейсса.

Одним из тех, кто активно разрабатывал версию убийства Манюченко, был главред «Проекта» Слава Любомирский. Говорили, он даже ездил в Лондон и встречался там с какими-то неназванными представителями британского правительства... Мог интерес к «делу Манюченко» стать причиной покушения на Любомирского? Определенного ответа на этот вопрос не было, но меня вдруг охватило чувство тревоги, причину которой я не мог себе объяснить. Помедлив еще секунду, я закрыл все файлы и папку «Разное».

МОСКВА, НАШИ ДНИ

Два дня спустя, в субботу утром, в дверь позвонили. Я открыл и увидел на пороге своего дорогого племянника Виктора Георгиевича Лордкипанидзе, здорового, румяного детину лет восемнадцати. В руках он держал большую картонную коробку из-под корейской микроволновки.

— Принимайте груз, дядя Леша, — бодро объявил Витька.

— «Заходи, заходи, светлый ходок!» — приветствовал я его фразой из какого-то давнего юмористического рассказа.

Витька вошел в прихожую и оглянулся по сторонам.

— Куда поставить?

— Да ставь здесь, я потом разберусь. Чаю хочешь?

— Не, дядя Леша, — откликнулся Витя. — Идти надо. Дела!

— Ну, ты хоть два слова-то скажи... Как учеба?

— А что учеба? Идет потихоньку.

— Что нового?

— Да ничего... А! Я тут с Ксенией недавно общался, — спохватился Витя.

Моя дочь Ксения натурально приходилась Вите двоюродной сестрой. Разведясь со мной, моя бывшая жена Елена Викторовна Новожилова отбыла на ПМЖ в Канаду и забрала ребенка с собой. Я не препятствовал. С Ленкой мы не общались, а с Ксюхой время от времени переписывались в мессенджере, реже — говорили по скайпу.

— Ну и о чем же говорили?

— Обо всем понемногу. В университет она собирается поступать...

— Да, про это я знаю...

— Еще парень у нее появился. Бойфренд.

— Бойфренд? Ну-ка, ну-ка... Что-то она про бойфренда мне ничего не рассказывала.

— Дядя Леша, только, чур, между нами! Не закладывайте меня! А то вроде получается, что я сплетничаю.

— Могила! Так что за парень-то?

— Зовут его Стив...

— Степа по-нашему... Он не из украинцев, случайно?

— Не могу знать, фамилия у него вроде бы английская — Лейн...

— Значит, Стивен Лейн. Звучит недурно. И что, там все прямо так серьезно?

— Ну, не так чтобы совсем-совсем серьезно... Но к родителям его она уже ездила знакомиться.

— Ого! Они что, вместе в колледже учились?

— Не-е-т... Я так понимаю, Стив этот постарше Ксюхи.

— Постарше — это как?

— Ну, лет на восемь.

— Хм... И кто же он? Ну, в смысле чем занимается?

— Он по финансовым делам. Рулит в каком-то инвестиционном фонде. Только слово какое-то другое... Это фонд, который финансирует всякие новые бизнесы, стартапы разные...

— Венчурный?

— Точно — венчурный! Ксюха мне даже название написала, но я забыл.

— Интересно. И во что же они вкладываются?

— Ну, это я не спрашивал.

— И давно они... это... со Стивом встречаются?

— Точно не знаю, но несколько месяцев...

— Понятно...

— Да вы не волнуйтесь, дядя Леша! Ксения — девушка правильная, она глупостей делать не будет.

— Ты меня успокоил. Но выйти замуж за инвестиционного банкира, может быть, — очень даже не глупость.

— А что это я вам притащил? — спросил Витька, пнув ногой стоящую на полу картонную коробку.

— А тебе что, мама с бабушкой не сказали?

— Нет, они только командовали, — усмехнулся Виктор, — загнали меня на антресоли, на верхотуру, и давай руководить: там посмотри, сям посмотри. Я — им: что ищем? Они: коробку картонную. А там те-

мень, пыль, да еще не разогнуться. Ползаешь на карачках, на останки каких-то дореволюционных велосипедов натыкаешься. Реально покалечиться можно. Жуть! Я оттуда вылез весь в паутине... Так ради чего страдал?

— Это, Виктор, бумаги твоего прапрадедушки — академика Заблудовского.

— Ух ты! А зачем они вам?

— Мне заказали статью о нем, — сообщил я.

— И много заплатят? — заинтересовался Витька.

— Боюсь, Витенька, ничего не заплатят, это — некоммерческий проект, имиджевый.

— А кто он был, прапрадед?

«Вот опять этот вопрос», — подумал я.

— Твой прапрадед, Витек, был видным советским ученым-физиологом.

— Физиологом? А это что такое?

«Вот сейчас он засыплет меня уточняющими вопросами, и я провалюсь», — с тревогой подумал я.

— Физиология — это часть биологии, — заявил я с важным видом.

Мы поболтали еще пару минут, и Витька собрался уходить. Уже в дверях он спохватился и воскликнул:

— Тьфу! Вот балда! Чуть не забыл! Мама вам еще тут просила передать. Отдельно.

И Витя извлек из кармана небольшой сверток, обмотанный пленкой и заклеенный скотчем. Рассмотреть, что там внутри, было невозможно. Я взял сверток и взвесил его на руке. Он был совсем легким.

— Ну, я пошел, дядя Леша, — бодро заявил Витька, наматывая на шею шарф.

— Спасибо тебе, Витя, за помощь, — сказал я.

— Не за что! Напишите статью — дайте почитать.

— Непременно. Маме с бабушкой — привет!

— Обязательно.

Виктор ушел, а я постоял еще несколько секунд в прихожей, рассматривая загадочный сверток. Потом пошел на кухню, взял нож и осторожно рассек пленку. Внутри оказался еще один слой упаковки — из бумаги. «Узнаю сестру Катю, — подумал я, — всегда ак-

куратная, другая побросала бы все в пакетик, и баста!» Я вскрыл бумажную обертку, но не очень ловко, и на стол с громким стуком выпали три предмета — две небольшие прямоугольные деревяшки и маленький металлический кругляш с кольцом. Я повертел в руках сначала одну деревяшку, потом другую. Это были угловые штампы, такие в прежние времена ставили на документы. Они были очень старые, ручки отломаны, полировка на дереве совсем облезла, а печатающая поверхность покрылась толстым слоем засохших чернил фиолетового цвета. Я попытался разобрать надписи, но не смог. Различить удалось только отдельные буквы и символы «уп», «№», «юз». Я встал и принес из ванной комнаты ватные диски, которые забыла после нашего последнего свидания моя подруга Алина. Достал из шкафа бутылку с ацетоном, смочил несколько дисков и начал осторожно, слой за слоем, снимать со штампов засохшие чернила и грязь. Затем сходил за чистым листом бумаги, положил его на стол и крепко прижал один из штампов. Отняв печать от листа, я увидел, что не все буквы пропечатались как следует, но в целом надпись читалась.

— Лечебно-санитарное управление Кремля, — прочитал я вслух. — Ничего себе! Откуда это?

Я взял сверток, из которого вывалились штампы, и заглянул внутрь. Там лежал маленький листок, вырванный из блокнота. На листке размашистым Катькиным почерком было написано: «Леша! Нашла это в ящике письменного стола в кабинете. Мама говорит, прадедовы. Может, тебе пригодится?» «Хорошие штапки у вас в столе хранятся, — подумал я. — Какое отношение прадед имел к Кремлю?» Отложив штамп Лечсанупра, я взялся за второй, и вскоре на бумаге появился новый оттиск: «Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ). Гистологическая лаборатория». Третий предмет, металлический кругляш, оказался именной печатью прадеда, по кругу шла надпись «Профессор П. А. Заблудовский».

Я перетащил из прихожей в кухню принесенную Витей коробку и открыл ее. Бумаг внутри было действительно не очень много. Сверху лежала старая, пожелтевшая от времени газета. «Правда» от 26 января 1935 года. На первой полосе портрет Куйбышева в траурной рамке. «Правительственное сообщение... 25 января 1935 года в своем рабочем кабинете от склероза сердца скоропостижно скончался Валериан Владимирович Куйбышев, первый заместитель председателя

Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Совета Труда и Оборона, председатель Комиссии Советского Контроля, член Политбюро Центрального Комитета ВКП (большевиков)... Перестало биться сердце верного ленинца... Страна склоняет свои знамена... Оборвалась боевая жизнь... Выдающийся государственный деятель...» Я осторожно развернул газету и внимательно просмотрел ее. В номере не было ничего, что касалось бы профессора Заблудовского и вообще науки. Почему эта «Правда» попала сюда? Я отложил газету и извлек из коробки темно-коричневую книгу в твердом переплете. Обложку украшал тисненый портрет прадеда. «Академик П. А. Заблудовский, — прочитал я. — «Проблемы сперматоксинов и лизатов». Роскошь какая! Прямо академическое издание! Почему я раньше не видел эту книгу? «Не интересовался», — сказала бы мама. Я раскрыл том и посмотрел выходные данные. Подписано в печать 11 января 1938 года. Судя по всему, это был посмертный сборник трудов Павла Алексеевича. «Очень хорошо, что все статьи собраны в одном месте, — подумал я. — Это облегчает задачу, хотя все равно придется повозиться. Четыреста с лишним страниц сугубо научных текстов...» Я взвесил том в руке и отложил его в сторону. И снова полез в коробку. Там лежала еще одна книжка — потоньше, не такая капитальная, как первая. «Материалы о гистолизатах проф. П. А. Заблудовского. История и теория вопроса. — прочитал я. — С предисловием заслуженного деятеля науки Д. Д. Плетнева... Хм, уж не тот ли это Плетнев, которого потом репрессировали? Да, наверняка тот самый. Мама столько раз говорила, что прадед знал их всех лично, кремлевских врачей, которых потом ликвидировали...» Я стал вынимать из коробки пожелтевшие от времени газеты и научные журналы. «Юбилейный сборник, посвященный проф. П. А. Заблудовскому, 1929 год», «Архив биологических исследований, № 2, 1931», «Труды Государственного института ветеринарии, 1930», «Коневодство и конезаводство, № 95, январь 1931 года»... Господи, как же сквозь все это пробраться? С чего начать?

Я еще порылся в коробке и достал оттуда старенький, сильно потертый коричневый портфель с приделанной к нему серебряной биркой, на которой было выгравировано «Дорогому Борису в день рождения. 25 апреля 1935 года». «Интересно, кто этот Борис? — подумал я. — И почему предназначенный ему подарок оказался здесь?» Открыв портфельчик, я извлек на свет два ветхих листка бумаги с расплывающимся, нечетким машинописным текстом. На первой странице

заглавными буквами было напечатано «Автобиография П. А. Заблудовского»...

МОСКВА, НАШИ ДНИ

Через неделю я позвонил Беклемишеву.

— Здорово, старик! Можно будет к тебе заехать по тому делу, о котором я тебе рассказывал?

— Можно.

— А когда?

— Да в любое время. График у меня свободный.

— Тогда я сегодня и заеду, — объявил я, — чтобы не откладывать дело в долгий ящик.

— Правильный подход, — одобрил Антон.

... — Ну проходи, — сказал Антон.

— Куда проходить?

— Известно куда. На кухню! Чай пить будем.

— Сейчас, только руки помою...

Когда я пришел на кухню, Антон уже хлопотал вокруг заварочного чайника, сыпал туда заварку и бросал какие-то травки. Я сел и... тут увидел на столе прадедову книжку «Проблемы сперматоксинов и лизатов» с вытисненным на обложке портретом. «Как она сюда попала?» — удивился я, но тут же сообразил, что никакой загадки тут нет, просто у Беклемишевых была такая же. Из книжки торчали разноцветные бумажки-закладки. Было видно, что Антон подошел к делу серьезно, подготовился к разговору. И это тоже вызывало уважение.

— Сейчас все будет, — деловито проговорил хозяин.

Через несколько минут все приготовления были закончены, и Антон наполнил чаем две гигантские кружки, не меньше, чем по поллитра, на которых по-английски было написано «Размер имеет значение».

— Старик, ты что? — всполошился я. — Я же лопну!

— Не лопнешь, — твердо сказал Антон, — разговор нам предстоит долгий, и надо запастись горючим.

Он пододвинул ко мне одну из кружек и уселся напротив.

— Значит, у вас тоже есть такая книга? — спросил я, кивнув на том прадедовых трудов.

— Как не быть? Тут вот и слова есть... От Серафимы Георгиевны...

Антон раскрыл книгу и пододвинул ко мне. На титульном листе я увидел сделанную каллиграфическим почерком надпись. Фиолетовые чернила сильно выцвели, но слова можно было легко различить. *«Дорогому Антону Григорьевичу в знак глубокого уважения и в память об авторе. С. Заблудовская. 1/II-38 г.»*.

— Я прочитал предисловие, которое твой предок написал, — сказал я.

— Да?

— Проникновенно. И что, сможешь ли ты в доступных выражениях объяснить мне, что такое изобрел... Нет, наверное, это не очень подходящее слово!.. Что открыл мой уважаемый прадедушка?

— Попробую. Но предупреждаю, я объяснить могу только в самом общем виде.

— А мне для начала и надо в самом общем... Расскажи мне, что такое лизаты?

— Лизаты, а правильнее — гистолизаты, — это такие особые препараты, главным действующим началом которых являются продукты распада тканей отдельных органов.

Антон старался говорить медленно и членораздельно, видимо, полагая, что от этого его слова станут понятнее. Но это совсем не помогло.

— Я ничего не понял, — честно признался я.

Он улыбнулся:

— Хорошо, тогда немножко по-другому... Ткани любого организма, в том числе и человеческого, состоят из клеток.

— Так! Ну только идиота из меня не делай, а? Настолько и я учен, что из клеток...

Антон расхохотался:

— На тебя, брат, не угодишь! То слишком сложно, то слишком просто. Ты про обмен веществ в организме слышал?

— Слышал.

— Значит, так, в клетках непрерывно идут два процесса — синтез и анализ, то есть создание и расщепление различных веществ, прежде всего белков. Это понятно?

— Пока да.

— По сути дела, это вообще даже не два процесса, а две стороны одного. Но чтоб было понятнее, мы их разделяем. Оставим пока син-

тез в покое и поговорим о распаде. Высокомолекулярные продукты распада белков ядовиты. И если бы организм не умел их нейтрализовать, то быстро погиб бы... Ну представь на минуту, что в огромном городе вроде нашего вдруг перестанет работать канализация и прекратится вывоз мусора. Что случится?

— Экологическая катастрофа.

— Совершенно верно. Спустя какое-то время в таком городе станет невозможно жить. То же самое с нашим телом: если бы продукты жизнедеятельности не выводились бы постоянно из организма, он скоро погиб бы от внутреннего отравления. Это понятно?

— Понятно.

— Как организм наш справляется с проблемой? В результате разнообразных химических реакций сложные ядовитые соединения разлагаются на простые и неядовитые, в том числе на аминокислоты. Слышал про такие в школе?

— Про такие слышал.

— Ядовитые продукты клеточного распада находятся в крови короткое время, но так как процесс не прерывается ни на секунду, то они постоянно присутствуют в определенных количествах...

— Это как неснижаемый остаток в кассе! Деньги приходят и уходят, но в любой момент в сейфе не меньше тысячи рублей. Так?

Антон с интересом посмотрел на меня.

— Bravo, маэстро! Вы быстро схватываете суть. Правильно. Примерно так и обстоит дело. В задачке спрашивается, какое влияние на организм оказывают эти постоянно присутствующие в крови продукты распада?

Я задумчиво почесал подбородок.

— Ну, если исходить из вышесказанного, то надо полагать, вредное влияние.

— Да, на первый взгляд может показаться, что продукты распада исключительно вредны для организма. Но на деле все оказывается не так просто. Лет так сто назад твой уважаемый предок выдвинул теорию, согласно которой продукты тканевого распада могут оказывать на организм и положительное, стимулирующее влияние.

— Это как же?

— Он считал, что эти вещества — внутренние яды — являются постоянным стимулом к размножению и жизнедеятельности клеток.

— Опять не понимаю.

— Ну, например, железы внутренней секреции, выделяющие гормоны, очень чувствительны к химическому составу крови. Если они «чувствуют», что в крови слишком много «вредных» веществ, они включаются и в усиленном режиме синтезируют «полезные». Адреналин, про который все так любят рассуждать, приводит к сужению сосудов и повышению кровяного давления. Но адреналин не выделяется постоянно. Он появляется лишь в ответ на расширение сосудов, вызванное продуктами распада, в частности гистамином... Ну, это очень примитивное объяснение, конечно!

— Так, что-то начинает брезжить. И ты думаешь, это — правда? Ну, в смысле, это работает?

— Сейчас неважно, что я думаю, — сказал Антон, — я тебе пытаюсь объяснить, что думал твой прадедушка.

— Предположим. И что же лизаты?

— Если мы допускаем, что продукты распада способны оказывать стимулирующее воздействие, то из этого вытекает, что можно искусственно инициировать этот процесс, вводя в организм препараты, изготовленные на основе интерэкскретов...

— Интер... чего?

— Ну, на основе продуктов внутриклеточного распада, внутренних ядов. Эти препараты и есть те самые лизаты или гистолизаты.

— Вот это да! Принцип прививки! Мы вводим ослабленные бактерии, а иммунная система включается и продуцирует антитела.

— Ого! Еще сто очков джентльмену на той стороне стола. Улавливаешь правильно. Только в вакцине присутствуют инородные для человеческого организма белки, а в лизатах — свои, родные.

— Но все же, за счет чего восстанавливается работа организма?

— За счет его резервных возможностей. Существует точка зрения, что наши внутренние органы — сердце, легкие, почки — работают лишь на одну треть своей «мощности». Две трети — резерв.

— Постой, Антон... Но если это яды, они не могут... ну, отравить еще сильнее?

— Еще один правильный вопрос задает наш читатель Алексей К. из Москвы, — рассмеялся Беклемишев, — я же говорю, ты быстро соображаешь. Все зависит от дозы, моншер! Раздражение, вызываемое этими веществами, может привести к улучшению функций организма, а может вызвать их подавление вплоть до...

— До летального исхода?

— Типа того.

— Может, живая вода, а может, и мертвая?

— Начитанный ты, Алексей-царевич, — Антон хлопнул меня по плечу, — ну, это — в общем-то универсальный принцип: одна таблетка снотворного — спокойный сон на ночь, упаковка снотворного — сон вечный.

— Так, Антон, можно еще один вопрос?

— Пожалуйста, пожалуйста! — Антон сделал рукой широкий жест.

— Я видел в прадедовых бумагах слово «лизаты», видел «гистолизаты», а еще видел «тестолизаты». Это что такое?

Антон встрепенулся и подобрался.

— Да, это — важная вещь, — сказал он. — Согласно теории Заблудовского продукты распада специфичны.

— Опять непонятно.

— Каждому органу, каждой ткани человеческого организма присущи свои особенные или, по-другому, специфические белки.

— Ну и что?

— Значит, специфичны и лизаты. Препарат, приготовленный из продуктов распада тканей определенного органа, будет воздействовать только на этот орган. И соответственно будет называться. Миолизат — лизат из мышцы, тиреолизат — препарат из щитовидной железы, овариолизат — лизат из яичников. Тестолизат — это лизат, изготовленный из тестикул, мужских половых желез...

— И с его помощью можно было стимулировать работу этих самых мужских половых желез. — заинтересовался я. — Типа такая виагра?

— Ну да. Проблема усиления потенции и продления половой жизни волновала мужчин во все времена, и те, кто предлагал решение, были... эээ... популярны. Дед Антон Григорьевич говорил, что Павел Алексеевич с этого начинал в Казани, а потом уже сформулировал более общую теорию.

— О как!

— И вот что еще важно. В своих рассуждениях Заблудовский шел дальше. Не только лечение уже существующих недугов, но и предотвращение их...

— Профилактика?

— Он использовал другой термин — потенцирование...

— Как, прости?

— Потенцирование. По его мысли, регулярный прием гистололизатов помогал поддерживать баланс и нормальную работу различных органов, а значит, увеличивал время их службы и вел к омоложению организма...

— Стоп! Это разные вещи!

— Что разные вещи?

— Увеличение срока жизни и омоложение.

— Тут тонкая разница. Я думаю, что Павел Алексеевич Заблудовский, говоря об омоложении, имел в виду замедление процесса старения и увеличение вследствие этого продолжительности жизни. Но если человек в семьдесят лет чувствует себя как в пятьдесят, это тоже можно трактовать как омоложение, не так ли?

— То есть речь все-таки не шла об омоложении в смысле «Странной истории Бенджамина Баттона»?

— В смысле поворота процесса старения вспять? Нет, не думаю. Хотя твой прадед не отрицал возможности подобных явлений...

Нельзя сказать, что я понял все, но общую идею, как мне казалось, ухватил.словно из тумана проступили контуры невидимого прежде здания. И здание это было не какой-то там халупой, а дворцом — загадочным и величественным. Я откинулся на спинку стула и прикрыл глаза. В голове у меня теснились мысли, и задача состояла в том, чтобы заставить их построиться и рассчитаться на первый-второй. В кухне было тихо. Только тикали часы на стене и было слышно, как Антон время от времени шумно прихлебывал чай. «Главное — ничего не упустить, — тревожно думал я. — Главное — ничего не упустить...» То, что рассказывал Антон, было необычайно интересно, но что-то мне все-таки не давало покоя. Я открыл глаза. Антон невозмутимо жевал сушки.

— Послушай, Антонио, а это все, часом, не шарлатанство? Не лженаука?

Беклемишев перестал жевать и с удивлением посмотрел на меня.

— О, непочтительный потомок академика! — воскликнул он. — Вот уж воистину — нет пророка в собственном семействе!

— Ну правда, ты как думаешь?

— Нет, Павел Алексеевич Заблудовский определенно не был шарлатаном, — твердо заявил Антон. — Я тебе сейчас кое-что почитаю...

Антон вскочил и вылетел из кухни. Через минуту он вернулся, держа в руках старый, пожелтевший от времени журнал.

— Вот! — сказал он и помахал журналом у меня перед носом. — Это, между прочим, библиографическая редкость — «Казанский медицинский журнал». Второй номер за 1928 год. В нем, уважаемый Алексей Петрович, была напечатана статья вашего прадедушки под названием «Гистололизаты и их влияние на соответствующие органы». Это еще до Москвы...

Антон принялся торопливо листать журнал.

— Минуточку, сейчас найду нужное место... Ага. Вот здесь!

Он откинулся на спинку стула и начал читать медленно, с расстановкой:

— «В настоящее время Бактериологическая лаборатория Казанского ветеринарного института изготавливает препарат Testolysat...» — Вы, Алексей, уже знаете, что это такое... «...Testolysat для общего пользования... Спрос на этот препарат растет, а отзывы пациентов, насколько я могу судить по имеющимся у меня сведениям, очень благоприятны...» — Так, где же это? Хочу обратить твое внимание на следующий пассаж...

Антон поднял палец.

— «...Само собой разумеется, что, прежде чем выпустить этот препарат на рынок, мы очень тщательно проверили его на животных, а затем проследили на сотнях пациентов, добровольно предоставивших себя для наблюдения... Препарат, приготовленный из тестикул молодых животных по моим указаниям... был роздан в количестве более пятисот флаконов. Через несколько месяцев были собраны сведения, и выяснилось следующее...» — Не буду читать тебе все, назову только цифры. Итак, 11 процентов заявили, что препарат не действовал, 37 процентов не дали никакой информации и ушли из наблюдений, а 52 процента дали безусловно положительные отзывы. Тут дальше твой уважаемый предок исключает 37 процентов «молчунов» и пишет, что из тех, кто дал отзыв, 82,5 процента проголосовали «за»...

— Ну, это — статистическая манипуляция, — перебил я.

— Не согласен, — возразил Антон, — по правилам нельзя всех «молчунов» скопом записывать в сторонники или противники, их надо делить в том же соотношении, в каком находятся «за» и «против», то есть 5:1... И тогда получается 30 процентов «молчунов» за и примерно 7 процентов против. Складываем и получаем 82 против 18. Все правильно. Кстати, в дальнейшем Заблудовский повторил

эту цифру — примерно 80 процентов благоприятных результатов при использовании лизатотерапии. Незадолго до смерти, в начале 1935 года, он написал в «Бюллетене ВИЭМ», что наблюдения в учреждениях Лечсанупра Кремля дали такой же процент положительных исходов. Я к чему тебе это все рассказываю? Выводы академика Заблудовского опирались на вполне солидные экспериментальные данные. Причем не только его собственные, но и на результаты других специалистов. В начале тридцатых лизатотерапия стала... не люблю это слово, но... она стала модной. Этот метод применяли тогда многие врачи и ветеринары. Это была такая довольно живая история...

— Почему же она зачихала?

— Не знаю, — сказал Антон.

— Почему я никогда ничего не читал и не слышал о прадеде и его теории? Ну, если, конечно, не считать семейных преданий в исполнении моей мамы...

— Кстати, как она себя чувствует?

— Спасибо, хорошо... Так вот, я никогда нигде не читал о лизатах, не слышал о них от врачей...

Беклемишев задумчиво побарабанил пальцами по столу.

— В этом я с тобой, пожалуй, соглашусь, — сказал он. — Тема, как говорится, не присутствует в информационном поле!

— Почему? Куда все делось?

Антон откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

— Ммм... Еще раз говорю, не знаю.

— Но, согласись, это странно.

— Странно, — согласился Антон. — Ведь в первой половине тридцатых это была очень популярная теория.

Он взял в руки сборник статей Заблудовского и быстро нашел нужную закладку.

— Вот, слушай! «Всеукраинский съезд эндокринологов в Харькове, в апреле 1934 года, в большей своей части прошел под флагом лизатотерапии и официально признал ее новым «научным методом». Это постановление съезда является, несомненно, большим завоеванием для учения о гистолизатах...» И вот тут дальше: «В настоящее время у нас в Союзе применяются для опытов и лечения самые разнообразные лизаты...»

— А потом все куда-то вдруг исчезло. Отчего так?

— Теория может, как ты говоришь, зачахнуть, если она не подтвердилась дальнейшими исследованиями и была признана научным сообществом несостоятельной.

— Хорошо излагаешь. Наш случай?

— Ммм... Сложно сказать. Ты прав, в научной литературе эта тема не обсуждалась уже много лет, но я помню разговоры отца и матери. Они никогда не говорили о Павле Алексеевиче как об ошибавшемся человеке или... боже упаси, как о шарлатане.

— А как они говорили?

— Только в превосходных степенях. Умница. Большой ученый. Его смерть — большая потеря для науки. А ведь если бы что-то было не так в научном смысле, они бы уж наверняка сказали... Слышал бы ты, как они несли Лысенко и Лепешинскую!

— Ну, хорошо. Допустим, изобретение прадеда не проходит по разделу «вечных двигателей». Тогда отчего же о нем так крепко все забыли?

— Может, просто людей не осталось?

— В каком смысле?

— Ну, в прямом. Когда умер Павел Алексеевич?

— В 1935-м.

— Ну вот, а потом у нас были годы 1936, 1937 и 1938... Многих репрессировали... А потом война. Люди могли просто погибнуть, и некому стало подхватить выпавшее из рук академика Заблудовского знамя. Как тебе такая версия? Истории известны случаи, когда знания утрачивались, потому что умирали их носители. «...А мне костер не страшен, пускай со мной умрет моя святая тайна, мой вересковый мед!» Помнишь?

— Помню.

— Чайку подлить?

— Нет, спасибо... И все-таки странно это, не находишь? Если идея была такой... интересной, почему все заглохло?

— Странно, странно, — снова повторил Антон. — Но мне кажется, мы движемся по кругу... Слышь, Леха, тебе надо поговорить с каким-нибудь специалистом покрепче меня...

— С кем, например?

— Есть один персонаж. Фамилия его Коженков. Он постарше нас. Когда я учился в универе, он был аспирантом, читал курс... И как-то, помню, сдавал я ему то ли зачет, то ли коллоквиум какой-то проходил... Короче, разговорились мы с ним про ВИЭМ...

— Это Всесоюзный институт экспериментальной медицины?

— Он самый.

— Прадед руководил там лабораторией.

— Там не только твой, там и мой предок подвизался... Так вот, помню, Коженков интересно так говорил о ВИЭМе. И Заблудовского, кстати, вспомнил...

— А как найти этого твоего Коженкова?

— Думаю, это будет несложно. Может, все-таки еще чайку?

— Ой, нет! У меня уже все баки под завязку.

Мы вышли в прихожую, и я стал одеваться. Антошка стоял рядом и задумчиво смотрел, как я натягиваю плащ.

— Знаешь, Леша... — сказал он вдруг.

— Что?

— Вот я сейчас вспоминаю их разговоры...

— Чьи?

— Ну, родителей. И мне кажется, что-то было связано такое с именем Заблудовского... Какая-то, не знаю... недоговоренность, что ли... Ощущение такое, будто они, предки мои, знали что-то и молчали. Или, может, мне просто кажется...

КАЗАНЬ, ФЕВРАЛЬ 1921 ГОДА

Однажды утром, приехав в Ветеринарный институт, Павел Заблудовский обнаружил возле двери в лабораторию молодого человека в черном поношенном пальто. Юноша сидел на стуле, запрокинув назад голову, и спал. На коленях у него лежала фуражка с треснутым лаковым козырьком. Шея была обмотана серым шарфом, из-под пальто виднелись поношенные коричневые брюки с обмахрившимися штанинами, на ногах — сомнительные ботинки. Заблудовский несколько секунд рассматривал спящего, лицо этого мальчика показалось ему знакомым. Где-то он его видел, только не мог вспомнить где...

Вдруг молодой человек как-то странно всхрипнул и замотал во сне головой так, словно хотел от чего-то увернуться. Павел Алексеевич протянул руку и дотронулся до плеча незнакомца. Тот вздрогнул, открыл глаза и несколько секунд смотрел на профессора ничего не понимающим взглядом. Заблудовский хотел сказать ему что-то ободряющее, но не нашел что, а вместо этого спросил:

— Что вам снилось, молодой человек?

— Так... Ничего,— произнес юноша низким, с хрипотцой голосом.— Ничего... Я уже и не помню.

Он не стал рассказывать незнакомому человеку, что часто видит один и тот же тоскливый сон. Сон, в котором снова война, в котором он снова в Омске, бежит по узкому проходу между двумя железнодорожными составами. Там во сне ему нужно срочно — очень срочно! — найти свой эшелон, который вот-вот должен отправиться дальше на восток. И он знает, что если не найдет, то случится страшное... И он бежит, бежит что есть сил между бесконечными мертвыми составами и уже знает, что нужного поезда ему никогда не найти...

— Я вас жду, господин профессор, — заявил юноша, вставая со стула.

— Чем же могу быть вам полезен?

— Господин профессор... — вдруг заторопился молодой человек. — Я узнал... Мне сказали, что у вас открылась вакансия ассистента...

— Н-да, и что же?

— Возьмите меня! — выпалил молодой человек. — Пожалуйста!

И он вдруг улыбнулся какой-то детской, обезоруживающей улыбкой.

— А вы, простите, где учились? И вообще, сколько вам лет?

— Двадцать один. Будет, — отрапортовал молодой человек. — Гимназия и один курс университета.

— Какого?

— Казанского.

— По какой же специальности?

— Химик.

«О Господи, — подумал Заблудовский, — зачем ты послал мне недочувшегося химика?»

Ассистент профессору вправду был нужен, и вакансия действительно имелась. Должность, прямо сказать, грошовая, деньги мизерные, однако желающих занять ее хватало. Заблудовский был популярен, многие хотели с ним работать. И он рассчитывал заместить вакансию каким-нибудь толковым старшекурсником, а лучше аспирантом с биологического или медицинского факультета. А тут на тебе! Этот... птенец. «Придется ему, конечно, отказать, — размышлял профессор, — но как-то деликатно... — Он еще раз окинул фигуру юноши внимательным взглядом. — Нет, конечно, симпатичный молодой человек, но...»

— Как вас зовут? — спросил Заблудовский.

— Извините, что не представился, — подобрался юноша. — Борис Кончак-Телешевич.

Павел Алексеевич вздрогнул.

— Как, вы сказали, ваша фамилия?

— Кончак-Телешевич.

И тут Павел Алексеевич вспомнил сентябрь 1918-го, смерть брата Андрея и маленького солдата, вытянувшегося по стойке «смирно».

— У вас есть семья? Родители?

— Они... — Кончак на секунду замялся. — Они за границей.

— У вас есть еще родственники в Казани?

— Никак нет, — по-военному четко ответил молодой человек.

«Н-да... Трудно тебе придется», — думал Заблудовский.

Вдруг Борис Кончак покачнулся и судорожно оперся рукой о стену. Лицо его, и без того бледное, стало совсем белым.

— Что такое? Вам плохо? — заволновался Заблудовский.

— Извините, профессор, — пробормотал Борис, стараясь взять себя в руки. — Голова немного закружилась...

— Вы когда последний раз ели, молодой человек? — строго спросил Павел Алексеевич.

— Торопился... Не успел позавтракать, — пробормотал Кончак.

— Я спрашиваю, когда ели?

— Третьего дня, — сознался юноша.

— Третьего дня? Понятно... Так, мы сейчас с вами первым делом выпьем чаю. Крепкого, с сахаром... Вы съедите что-нибудь. А уж потом решим, что нам с вами делать. Как вы себя чувствуете?

— Лучше. Честное слово, лучше!

Заблудовский отпер дверь кабинета и впустил Кончака...

МОСКВА, НАШИ ДНИ

Разговор с Антоном добавил мне уверенности, и спустя пару дней я снова подступился к прадедову архиву. Вытащил из коробки журнал «Коневодство и конезаводство» за 1928 год и нашел в оглавлении статью за подписью Заблудовского.

К моему удивлению, статья языком своим и стилем заметно отличалась от трудов, собранных под твердым переплетом мемориального сборника. Там тексты были наполнены малопонятными научными терминами и отсылками к неизвестным мне авторитетам. Журнальная статья, напротив, была написана просто и очень ясно. Вот уж никогда бы не подумал, что буду с интересом читать про лошадей, но я действительно увлекся...

Отложив в сторону журнал для конезаводчиков, я снова полез в коробку с бумагами. Попробовал почитать о том, насколько выросла яйценоскость кур в результате применения овариолизатов, но мне стало скучно. Перебирая ветеринарные журналы и адреса, преподнесенные Заблудовскому в 1930 году в связи с 25-летием научной деятельности, я вдруг наткнулся на небольшую книжечку, на обложке которой было написано «Журнал наблюдений». На форзаце стояла уже знакомая мне круглая профессорская печать, а на первой странице аккуратным, четким почерком было выведено «Опыт 1» и дата записи — 18 июля 1924 года...

«Собака-самец, по внешнему виду старая, 17–18 лет. Последнее время почти не выходила на улицу. Впрыскивание в яички препарата, полученного от быка. Постепенно у животного появился аппетит, улучшился общий вид, явилась подвижность. Половой подъем был полный: собака стала гоняться за самками и грызться с самцами...» В конце чернилами немного другого оттенка была сделана приписка: «Явления омоложения здесь сходны с описанием Штейнаха, Шмидта и др.». Я еще раз перечитал написанное. Потом встал из-за стола и вышел в прихожую. Подошел к книжным полкам, быстро отыскал черный шеститомник Булгакова. Том второй. «Собачье сердце». Где же это место? Где-то вначале... Вот оно. «...Пес собрал остаток сил и в безумии пополз из подворотни на тротуар. Вьюга захлопала из ружья над головой, взметнула громадные буквы полотняного плаката «Возможно ли омоложение?»«...

Одно из семейных преданий гласило, что прадед был прототипом профессора Преображенского из знаменитой булгаковской повести. Мама любила рассказывать о том, как одна из бабушкиных знакомых написала целую статью, в которой доказывала, что Филипп Филиппович — просто вылитый Павел Алексеевич. Я от этих разговоров испытывал чувство неловкости. Мне чудилось в них плебейское желание примазаться к чужой славе. Кроме того, я полагал, что если бы существовали факты, указывавшие на «родство» Заблудовского и Преображенского, литературоведы давно обнаружили бы их и вытащили на свет Божий... А раз таких фактов до сих пор не предъявлено, то, значит, и говорить не о чем...

Найденное в прадедовых записках описание опыта с собакой заставило меня взглянуть на семейную легенду по-новому...

КАЗАНЬ, МАЙ 1925 ГОДА

В дверь постучали, и стук это был решительным и твердым. Так стучат люди, облеченные властью, уверенные в том, что имеют право входить куда угодно и когда угодно. Серафима Заблудовская оторвалась от шитья и испуганно посмотрела на мужа. Часы показывали десять вечера.

— Кто это, Павлуша?

— Не знаю.

— Ты никого не ждешь?

— Нет...

Павел Алексеевич встал и надел пиджак.

— Кто бы это мог быть так поздно?

— Не волнуйся! — сказал он жене и вышел из комнаты.

В прихожей Заблудовский помедлил секунду-другую, словно собираясь с духом. Щелкнул замок. За дверью стояли трое. Один из них, высокий, наголо бритый мужчина в круглых очках, был одет в зеленоватый полувоенный френч. За спиной у бритого стояли два мрачного вида мужика в черных кожаных куртках. «Господи, неужели арест? — подумал Павел Алексеевич. — За что?»

— Мы к вам, профессор, — произнес мужчина в очках. — Можно войти?

«Нет, не арестуют!» — понял Заблудовский.

В голосе незнакомца он уловил какую-то особенную интонацию — не приказную, просительную. «Да и не стали бы они спрашивать разрешения войти...»

— Проходите, — сказал профессор и посторонился, пропуская нежданных визитеров в квартиру.

Мужчины прошли в столовую.

Здесь, в комнате, Павел Алексеевич смог рассмотреть гостя получше. «Товарищ, видимо, не из рядовых, — размышлял он. — Держится уверенно. Форма новая, ботинки хорошего качества... Лицо приятное... Не грубое... Еврей? Похоже на то... Интересно, сколько лет? На вид лет сорок. Вроде не старый, но какой-то измученный...»

— С кем имею честь? — спросил Заблудовский.

— Ходоровский Иосиф Исаевич, — представился бритый.

Короткий жест в сторону людей в кожанках:

— Товарищ Пеструхин. Товарищ Жаровкин.

«Ходоровский! Господи Боже мой! Председатель Казанского губисполкома. Хозяин губернии! — подумал Павел Алексеевич. — То-то его лицо показалось мне знакомым... Что же ему от меня надо?»

— Позвольте, господа... представить вам мою супругу Серафиму Георгиевну.

— Очень приятно, — сказал Ходоровский.

— Очень рада, — произнесла Серафима Георгиевна, — прошу садиться.

Однако никто не сел. Мрачные Жаровкин и Пеструхин остались стоять у двери в комнату, а Ходоровский, повернувшись к Павлу Алексеевичу, сказал:

— Не могли бы поговорить с вами с глазу на глаз, профессор?

— Разумеется. Пройдемте в мой кабинет. Сима, извини, мы тебя оставим.

Серафима молча кивнула.

Павел Алексеевич провел гостя в соседнюю комнату и плотно притворил за собой дверь.

— Так чем могу быть вам полезен? — спросил он, усаживаясь за письменный стол.

Ходоровский поместил свое массивное тело на стул, снял очки и протер их носовым платком.

— Я к вам, профессор, — повторил Иосиф Исаевич. — И вот по какому делу. У меня, видите ли, проблемы... э-э-э... Не могу жить половой жизнью.

Гость нервно побарабанил пальцами по коленке.

— Если я правильно вас понимаю, у вас импотенция? — уточнил Заблудовский.

— Да.

— И как давно вы не можете совершать нормальный половой акт?

— Примерно два года.

— Вы лечились?

— Да, профессор, чего я только не перепробовал, — оживился гость. — И стрихнин, и черт знает что! Не помогает!

— Почему вы обратились ко мне?

— Я знаю об ваших опытах, — понизил голос Ходоровский. — В городе говорят, что вы — настоящий волшебник...

— Ну, кто бы это ни говорил, он явно преувеличивает, — недовольно произнес Заблудовский. — Вы должны понимать, Иосиф Исаевич,

то, чем я сейчас занимаюсь, — это новая, экспериментальная методика. И я не могу вам давать никаких гарантий...

— Я на все согласен, профессор.

— Хорошо, тогда приходите завтра в клинику...

— Профессор, я не хотел бы в клинику, огласка... в моем положении, вы понимаете? — замялся Ходоровский. — А можно... у вас? Я заплачу за неудобство сколько скажете!

— Хорошо, тогда приходите завтра ко мне, — сказал Заблудовский. — Но только не так поздно, часов в пять...

— Хорошо, — кивнул гость.

— Я буду делать вам инъекции... уколы... Вводить тестолизат...

Увидев вопрос в глазах посетителя, Заблудовский пояснил:

— Тестолизат — это такой специальный препарат, изготовленный из половых желез собаки.

— Собаки? — переспросил Ходоровский.

— Да, собаки, — подтвердил Павел Алексеевич.

— А колоть куда будете? Прямо... туда?

— Ну, считается, что инъекции непосредственно в орган, который нуждается в потенцировании, эффективнее. Наши опыты на лошадях показывают... — начал Заблудовский.

Но заметив в глазах члена Татревкома испуг, закончил:

— Впрочем, это необязательно. Можно внутримышечно — в ягодицу или в бедро.

Ходоровский вздохнул с явным облегчением.

— Инъекции надо будет делать каждый день, примерно в одно и то же время. Так как дела требуют моего присутствия в институте и в клинике, в те дни, когда я буду занят, уколы вам будет делать мой ассистент Борис Ростиславович Кончак. После десяти инъекций посмотрим, каков будет результат. Плату надо будет вносить после каждой процедуры. Есть ли у вас ко мне еще вопросы?

— Нет, мне все ясно.

— Отлично! Тогда завтра и начнем.

КАЗАНЬ, ИЮНЬ 1925 ГОДА

— Ну что же, Иосиф Исаевич, как ваше здоровье? — спросил профессор Заблудовский, листая историю болезни.

Они сидели с Ходоровским в кабинете в профессорской квартире так же, как в то первое, майское, свидание. Только теперь был не ве-

чер, а утро, и квадраты солнечного света лежали на начищенном до блеска паркете, легкий ветер шевелил занавески, а через приоткрытое окно с улицы доносилось веселое чириканье воробьев.

— Профессор, это что-то невероятное, — произнес Иосиф Ходоровский.

— То есть вы чувствуете улучшение?

— Это не то слово! Теперь я — человек, а был ничто!

Павел Алексеевич бросил на пациента быстрый взгляд. Выглядел тот действительно лучше, чем месяц назад. Цвет лица здоровый, блеск в глазах, движения энергичные. Похоже, лечение действительно дало хороший результат.

— Тэ-экс... Вам вводили препарат из testes собаки. На десятый день вы имели интумесценцию, то бишь увеличение полового члена, — говорил Заблудовский, глядя в бумаги. — Затем появление либидо, позднее ежедневные эрекции... И, наконец, еще несколько дней спустя, вы получили первую поллюцию. Верно?

— Все так, профессор! — подтвердил Ходоровский. — Я уже и не помнил, когда у меня до этого была... э-э-э... поллюция. А две недели назад, профессор, я был с женщиной...

— И как же?

Ходоровский понизил голос:

— Это... Это неопишимо! Как в первый раз! Честное слово!

— Хорошо, а в остальном? Общее самочувствие?

— Прекрасное, профессор! После службы не чувствую теперь обычной усталости! Настроение духа превосходное! Раньше просыпался каждый день в пять-шесть утра и не мог больше заснуть, в последнее же время крепко сплю семь-восемь часов.

— Отлично. Ну что же, я думаю, мы можем завершить курс, оставив вас под наблюдением.

— Большущее вам спасибо, профессор! — сказал Ходоровский, вставая. — Поверьте, я никогда не забуду того, что вы для меня сделали.

— Ну, не преувеличивайте, голубчик. — Павел Алексеевич тоже поднялся. — Со своей стороны... был рад знакомству.

— До свидания, профессор!

— Будьте здоровы!

КАЗАНЬ, МАЙ 1927 ГОДА

Ариадна... Риночка... Так звали ее домашние. Кончак вспоминал, как впервые увидел Ариадну Заблудовскую в Казани в 1923 году. Ей было всего двенадцать лет. А он влюбился в нее как в женщину. Старался чаще бывать у Заблудовских. Ариадна выходила в столовую. «Здравствуйте, Борис Ростиславович!» — легко справлялась она с трудным именем-отчеством. Звонкие «р» весело перекатывались у нее в горле. «Здравствуйте, Ариадна Павловна!» — отвечал Борис, вставая и слегка кланяясь ей как взрослой. Она немного смущалась. Смотрела на него с любопытством. «А вы правда князь?» — спрашивала вдруг. «Ариадна!» — стучал пальцем по столу отец Павел Алексеевич. «Правда, — просто отвечал Кончак, — наш род княжеский, хотя и небогатый». «А тот Кончак, который в «Слове о полку Игореве», — он ваш предок?» — не унималась девочка. «Так гласит семейное предание, — терпеливо отвечал Борис, — но точно это неизвестно». «Значит, вы били русских витязей!» — шурилась на Кончака Ариадна. «Ну, я лично не бил», — отвечал он. Все смеялись.

Борис стыдился этого чувства, боялся чем-то выдать себя. Ночью, оставаясь один, давал волю фантазиям. Больше всего ему нравилось представлять, как он окажется вместе с девочкой на необитаемом острове или в каком-то другом уединенном месте. И там... Нет, в своих мечтах он никогда не брал Ариадну силой. Он соблазнял ее, как отшельник Рустико из «Декамерона» соблазнял простодушную девочку Алибек. «Загоним дьявола в ад, милая!» Он представлял ее удивление, смущение, которое затем сменялось желанием. «Мой ад беспокоит меня, Рустико! Давай загоним туда дьявола еще раз!» Борис мечтал о том, как станет для Ариадны первым и единственным мужчиной.

Днем мысли его принимали образ более добропорядочный. Конечно, двадцатитрехлетний молодой человек, влюбленный в девочку-подростка, — это скандал. Но в двадцатидевятилетнем мужчине, предлагающем руку восемнадцатилетней девушке, не было бы ничего неприличного. Вот взять хотя бы родителей Ариадны — Павла Алексеевича и Серафиму Георгиевну, между ними была разница как раз в одиннадцать лет. Надо было просто подождать. Постепенно пропасть между ним и Ариадной сократилась бы, но для этого должны были пройти годы... А пока Кончак испытывал адовы муки — предмет его желаний был так близко, но в то же время оставался совершен-

но недостижимым. Маленькая Ариадна, ничего не подозревая, лишь усугубляла страдания Бориса. В школе девочке трудно давалась математика, и однажды Павел Алексеевич попросил Бориса позаниматься с дочерью. Тот, разумеется, согласился. И Ариадна стала почти каждый день бывать на квартире Бориса — он снимал половину домика на окраине Адмиралтейской слободы, две комнаты и крошечную кухню. Девочка прибегала к нему после занятий в школе, раскладывала на столе в «гостиной» учебники и тетрадки и выжидательно смотрела на Бориса своими прекрасными восточными глазами. От этого взгляда у Кончака начинало внутри все дрожать, и чтобы совладать с собой, он говорил что-то дежурное:

— Ну-с, Ариадна Павловна, сегодня мы займемся с вами геометрией...

Потом как-то так получилось, что, кроме математики, Кончак стал заниматься с Ариадной и русским языком. А затем еще и немецким. Приготовление уроков занимало два-три часа, и случалось, что девочка засиживалась у Кончака до вечера. И тогда он провожал ее домой, и они шли рядом вдоль реки, мимо пристаней, перевернутых рыбацких лодок и заброшенных пакгаузов. Зимой Кончак точил Ариадне коньки, а весной ломал сирень в соседнем палисаднике и дарил девочке большие букеты. А однажды он достал из шкафа старенький немецкий фотоаппарат и попросил у Ариадны разрешения сфотографировать ее. Сначала девочка смутилась, но потом согласилась, и он потратил на нее почти целую пленку. Фотографом Борис оказался никудышным, и многие кадры вышли нерезкими, мутными, но несколько фотографий получились удачными. Кончак хранил снимки в ящичке стола и, когда ему становилось грустно, доставал их и рассматривал.

Так проходили месяцы, а потом и годы, но внешне в отношениях Кончака и Ариадны ничего не менялось. Борис был уверен, что Ариадна смотрела на него как на друга, и только. И чем дольше продолжалось их знакомство, тем менее возможным казался ему выход за пределы этого круга, тем неуместнее казалась всякая попытка что-то изменить. Так было до того самого дня...

Личная жизнь Кончака была странной и обрывочной. Как всякому нормальному молодому мужчине, ему нужны были женщины, но ни с кем он не мог вступить в сколько-нибудь длительные отношения. За годы войны он приобрел привычку к коротким случайным связям. Иногда вспыхивал, но, удовлетворив страсть, быстро терял интерес

к партнерше, с раздражением начинал замечать в ней недостатки — толстая, глупая, вульгарная. И все скоро заканчивалось. Иногда Борис месяцами ни с кем не встречался, а только мастурбировал, вспоминая наиболее скандальные эпизоды своей половой жизни... В тот день он привел к себе молодую женщину по имени Елизавета, с которой познакомился прямо на улице. Это была девушка из простых, судя по всему, веселая и покладистая. Среднего роста, с пышными формами и ярко-рыжими волосами. Эти самые рыжие волосы, собственно, и привлекли внимание Бориса. «Интересно, на лобке у нее такое же все рыжее?» — подумал он и почувствовал сильное возбуждение. Войдя в дом, он сразу стал раздевать девушку. Она не сопротивлялась, только смотрела на него бесстыжими серыми глазами. Быстрым движением Борис смахнул на пол скатерть и какие-то книги и усадил Елизавету на стол. Она тихо хихикнула.

— Ты че это задумал?

Борис молча опрокинул ее на спину так, что вход оказался на самом краю. «Действительно, все у нее рыжее», — подумал он и быстро вошел в женщину. Та негромко застонала. Борису было хорошо. На этот раз ему было хорошо. Эта девчонка чем-то его заводила. «Быть может, когда-нибудь я смогу быть с кем-то...» — думал он. Не торопиться, дышать ровно. Постучаться в нефритовые врата. Девять неглубоких погружений, и десятое — глубокое-глубокое. А-а-а-ах!..

Он не услышал, как отворилась входная дверь. Не любил, когда петли скрипели, всегда тщательно смазывал их. Повернув голову, увидел Ариадну. В тот день в школе не было занятий, и он не ждал ее. Девочка стояла и молча смотрела на происходившее. Кончак замер. «О Господи! — подумал он. — Как давно она там стоит?» Рыжая Елизавета открыла глаза, чтобы посмотреть, что случилось...

— Ой! — произнесла она, увидев Ариадну, и прикрыла руками грудь.

В комнате воцарилась тишина. Кончаку казалось, что немая эта сцена длилась целую вечность. Наконец Ариадна развернулась и опрометью бросилась вон из комнаты...

Несколько дней она не появлялась. Кончак тоже не заходил к Заблудовским. Наконец однажды раздался громкий, как показалось Борису, демонстративный стук в дверь.

— Войдите, — крикнул Борис.

Дверь отворилась, и Ариадна вошла в комнату, держа под мышкой связку учебников и тетрадей. Она прошла к столу, стараясь не глядеть

на Кончака. Он решительно не знал, что сказать и нужно ли вообще что-то говорить. Может, лучше сделать вид, что ничего не произошло?

— Здравствуйте, Ариадна Павловна, — произнес он наконец.

— Здравствуйте, Борис Ростиславович, — ответила девочка, по-прежнему не поднимая глаз.

«Что сказать? Что сказать?» — мучительно размышлял Кончак.

— Ариадна... э-э-э... Я должен принести вам свои извинения...

— Нет, это я должна извиниться, — перебила его Заблудовская и впервые посмотрела на него. — Мне следовало постучаться.

— Н-да... — промямлил Кончак. — Но...

— Могу я задать вам вопрос, Борис? — Ариадна как будто не слышала его.

— Да, конечно, — с готовностью закивал Кончак.

— Вам дорога... эта женщина?

«Правда — лучшая политика? — подумал Борис. — Или как?»

— Нет, — ответил он.

— Но вы занимались с ней... этим.

— Да.

— То есть мужчина может заниматься этим с женщиной, но при этом не любить ее?

— Да, такое бывает.

— Разве это честно?

«Боже, о чем я с ней говорю?!» — подумал Борис.

— Женщина тоже иногда занимается этим с мужчиной, не любя его.

— В чем смысл?

«Господи, если бы я знал!»

— Бог дал нам страсти...

— Зачем?

— Я не знаю.

— Папа говорит, что любовь — это награда человеку за то, что он продолжает свой род.

— Ваш папа — очень умный человек, но он слишком большой материалист...

— А вы думаете, что любовь имеет смысл сама по себе?

— Да.

— Ради удовольствия?

— Не только.

— А ради чего?

«Как ей объяснить?!»

— Любовь, она... она состоит как бы из двух чувств... низкого и высокого... Когда низкое без высокого — это плохо, но и высокое без низкого — тоже нехорошо... А когда эти два чувства сливаются вместе — это счастье...

Ариадна помолчала.

— А со мной вы тоже будете делать такое... как с этой женщиной?

Борис почувствовал себя боксером, пропустившим удар прямо в нос.

— Нет-нет! Что вы! — вырвалось у него.

— А почему же нет? — спросила Ариадна, как будто даже обиженно. — Я что же... не заслуживаю? Я недостаточно привлекательна?

Борис окончательно смешался.

— Да нет же! Я совсем не то хотел сказать! — Он опустился на колени рядом со стулом, на котором сидела Ариадна, и сжал ее руки в своих ладонях. — Я хотел сказать, с вами все было бы иначе!

— Как?

— С вами бы высокое и низкое соединились бы, наконец, для меня. Это было бы прекрасно, Ариадна, поверьте мне!

Девушка некоторое время сидела молча, потом повернула голову и внимательно посмотрела Кончаку в глаза.

— Тогда вот что, — сказала она. — Тогда поцелуйте меня, Борис Ростиславович!

МОСКВА, НАШИ ДНИ

В день, когда объявился Стив Лейн, в редакции творился форменный сумасшедший дом. Я резал «хвосты» в заметках отдела экономии и одновременно разговаривал по мобильному с кем-то из журналистов, когда услышал в трубке характерный звяк. Кто-то пытался прорваться ко мне по второй линии. «Подождут!» — решил я и продолжил разговор. Потом что-то отвлекло меня, и я вспомнил о пропущенном звонке только минут через сорок. Номер не был мне знаком. «Ладно, узнаю на всякий случай, кто это звонил, — подумал я, — но если это продавцы театральных билетов...»

— Хэлло, — послышался в трубке голос с приятным иностранным акцентом.

— Это — Алексей Кораблев. Вы мне звонили?

— О да! Алексей! Здравствуйте! — Голос на другом конце зазвучал радостно. — Я — Стив Лейн. Я прилетел сегодня из Нью-Йорка. Ваша...

Тут он на секунду замаялся.

— ...Лена сказала мне, что мы можем с вами встретиться.

— Да, конечно.

— Может быть, сегодня вечером?

«Этот малый не привык расслаиваться, — подумал я с одобрением. — Прилетел и сразу за дело».

— Извините, Стив, но сегодня никак, я закончу работу очень поздно. Но завтра у меня будет больше свободного времени.

— Отлично! Давайте завтра.

— Где вы остановились?

— В гостинице «Шератон» на Тверской.

— Это на углу Большой Грузинской?

— О, я еще не очень хорошо знаю названия улиц...

«У него сносный русский», — подумал я.

— Там внизу должен быть ресторан под названием «Якорь»?

— Кажется, да. Что такое «якорь»?

— Anchor.

— Понимаю. Seafood?

— Честно говоря, не знаю. Можем встретиться там.

— Отлично. Когда?

— Часов в десять.

— Договорились...

Я явился за десять минут до назначенного срока. Народу в ресторане было немного, в основном мужчины. Только за одним столиком сидела женщина в строгом деловом костюме. Кто были эти люди? Скорее всего, постояльцы отеля. Я обвел взглядом зал. Кто же, интересно, из них Стив Лейн? Что-то они все староваты для Ксении...

— Вы Алексей? — раздался голос у меня за спиной.

Я обернулся и увидел молодого человека. Довольно высокого. Подтянутого, без брюшка. «Наверняка ходит в фитнес», — подумал я. С густыми, аккуратно подстриженными каштановыми волосами. У него было приятное открытое лицо. Я называл такие лица smile-ready — «готовые улыбнуться». На парне были темный пиджак, свежая белая рубашка без галстука и темно-голубые джинсы. По виду демократично, но вещи дорогие. Такой молодой обеспеченный американец. Мой будущий зять? Отец моих внуков? Возможно... Испытывал ли я ревность? Не знаю, это

было какое-то другое чувство. Любопытство и... как это странно прозвучало бы... облегчение. Будущее уже наступает. Дочь выросла, и у нее начинается своя отдельная жизнь. От меня больше ничего не будет зависеть. Интересно, что чувствует по этому поводу Лена?

— Стив?

— Да. Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Надеюсь, я не заставил вас ждать?

— Нет, я вошел минуту назад.

— Отлично. Вы завтракали?

— Да.

— Ксения рассказывала, что вы предпочитаете утром плотный завтрак, — рассмеялся Стив. — Каша?

Он произнес слово «каша» со смешным, преувеличенным акцентом.

— Да, каша. Овсяная или манная. Но Ксения не любила кашу, приходилось ее заставлять.

— Really? Я по секрету скажу, ваши усилия не пропали даром. Теперь она почти каждый день по утрам ест кашу.

«Хм, они что, уже завтракают вместе?» — отметил про себя я.

Мы подошли со Стивом к шведскому столу, уставленному традиционным набором отельных яств. Стив положил себе на тарелку яичницу с сосисками, тост, кусочек сыра, банан. Налил в стакан апельсинового сока. Я взял кофе. Мы выбрали столик у окна, выходящего на Тверскую. За стеклом катили автомашины, куда-то спешили люди, рабочий день уже набрал скорость. Мне хотелось расспросить Стива о Ксении, о Лене, об их жизни в Канаде, но я не знал, насколько это удобно, и вместо этого сказал:

— Лена говорила, что вы работаете в финансовой сфере.

— Да.

Стив положил нож, достал из нагрудного кармана визитку и протянул мне. «Blackwell Synergy», — прочитал я. Название это было мне уже знакомо.

— Под управлением компании находятся около двадцати фондов примерно на... полтора миллиарда долларов, — пояснил Стив.

Пока это походило на официальный сайт Blackwell.

— Как правило, фонды специализируются на различные виды... assets.

— Активы.

— Right. Правильно. Есть фонды, которые вкладывают в bonds... облигации, есть фонды акций и так далее. Есть фонд, который называется OneDay Management, он инвестирует в молодые компании, которые занимаются биотехнологиями, новыми лекарствами и так далее.

— Понимаю. И чем я могу вам помочь?

Лейн отложил вилку и нож и на секунду задумался.

— Я хотел поговорить с вами о ваш родственник — профессор Заблудовски.

— Вы знаете о профессоре Заблудовском?

— Да.

— Откуда? В России-то о нем немногие помнят, и вдруг вы, иностранец...

— Это довольно интересная история.

— Расскажите?

— С удовольствием. Моя бабушка Джулия Оксенбергер была наполовину русской... Оксенбергер — фамилия ее отчима, моего деда. Он был немец. Настоящая фамилия бабушки Краевская. Она была очень приятная женщина. Very smart. Я хорошо помню ее. Она изучала биологию и преподавала в университете. И умела очень интересно рассказывать о научных вопросах. Я любил ее слушать. И однажды она была у нас дома, мы обедали, и мама с бабушкой говорили за столом о медицине. Я не помню, как, но разговор зашел о профессоре Заблудовском.

Стив сделал паузу, собираясь с мыслями.

— Мать бабушки, то есть моя прабабушка по материнской линии, была русской, ее звали Ольга Матвеев. До войны она жила в Казани и была замужем за человеком по фамилии Краевский. Ольга была очень близкий друг... bosom friend of Анна и Сергей Заблудовски, который был брат профессор Заблудовски. Верно?

— Да, Сергей был младшим братом Павла Алексеевича, — подтвердил я.

— I see. После революции Сергей и Анна уехали в Америка, но они не теряли связь с Ольга и писали ей. Так вот, у прабабушка была большая... проблема. Она много лет не могла забеременеть, хотя очень хотела иметь детей. И тогда Сергей и Анна посоветовали ей обратиться к профессор Заблудовски... Кажется, в 1930 году, Ольге тогда было уже больше тридцать. Анна написала письмо Павел Алексеевич. И он согласился помочь и устроил Ольга в клинику. Там была группа — пять или

семь женщин, у которых были различные проблемы с женский здоровьем. Снижение libido, нарушение цикла and things like that. Они получали лечение с помощью специальный препарат, который назывался...

Стив запнулся.

— Лизат? — подсказал я.

— Да! Именно. Это был особый лизат, приготовленный из женские половые железы...

— Овариолизат.

— О, Алексей, я вижу вы в курсе дела.

«Будешь тут», — подумал я про себя.

— Так вот, лечение оказалось успешным, и Ольга забеременела. It was like a miracle! Это было чудо!

— А в каком году родилась ваша бабушка?

— В 1931 году. Когда состоялся тот разговор, ей было уже за семьдесят.

— И что же было дальше? — спросил я. — Как ваша бабушка оказалась в Америке?

— О, это драматическая история! В 37-м или в 38-м году Краевского, мужа Ольги, арестовали, и он исчез. Никто в семье не знал, что с ним стало. Наверное, его расстреляли?

— Скорее всего...

— Ольга вместе с дочерью уехала из Казань, потому что боялась, что ее тоже арестуют...

— Да, люди так поступали, — подтвердил я. — Пытались затеряться, некоторым это помогало.

— ...Перед самой войной они были в Киев. И когда началась война, не успели уехать и оказались на территории, которую заняли немцы. Затем они переехали в Германию. Когда война кончилась, они находились в американской зоне оккупации. Там Ольга встретила своего второго мужа Франц Оксенбергер. Но жизнь в Европе после войны была очень трудная, и Франц и Ольга хотели ехать в Америка. И в 1947 году Ольга написала к Сергей и Анна. Они были очень рады узнать, что она жива, и помогли ей и ее семье приехать в Нью-Йорк. Джулия хорошо помнила Заблудовских, говорила, что они всегда были очень добры к ней. У них не было детей, и они считали Джулия как своей дочерью... Если я не ошибаюсь, Сергей Алексеевич умер в 1952 год, а Анна еще через несколько лет. Но Оксенбергеры всегда помнили их и всю историю, связанную с рождением Джулии. И Ольга, и Джулия всегда хотели

знать, что стало с метод, который изобрел профессор Заблудовски. И спрашивали об этом Сергей Алексеевич, но он не имел информации. Он часто говорил, что из России уехал не тот брат. Считал, что в Америке Павел Алексеевич мог бы иметь большой успех.

Стив перевел дух и сделал большой глоток апельсинового сока.

— И вы представляете, как я удивился, когда узнал, что Ксения — grand-grand-grand-daughter of Павел Заблудовски. И я спросил Лена и Ксения, знают ли они что-нибудь о судьбе исследований профессор Заблудовски? Но они сказали, что нет и что только вы или ваши родственники могут что-то знать...

Да, теперь я хоть что-то знал, а ведь год назад ответил бы так же, как Ленка с Ксюхой.

— Если я правильно понял вас, Стив, то вы хотите знать, что стало с лизатотерапией?

Лейн отодвинул тарелку и промокнул губы салфеткой.

— Да, это интересно, — сказал он. — Когда профессор Заблудовски умер, его брат Сергей Алексеевич был очень озабочен тем, как сохранить его научные достижения... Сергей очень любил и высоко ценил своего старшего брата, был его большой... I do not know how to put it in Russian... Fan?

— Поклонник.

— Да. Он очень много рассказывал о методе своего брата другим людям, главным образом докторам... он ведь сам был доктор... Он делал лекции для профессионалов... Но у него не было достаточно информации — технологии приготовления лизатов, статистики исследований. И он не мог ни к кому обратиться за помощью в Советский Союз из-за «железный занавес».

— Я понимаю.

— После разговор с Лена и Ксения я стал интересоваться... Пробовал найти информация в Штатах и в Канада. Оказывается, профессор Заблудовски был хорошо известен в 30-е годы не только в Советский Союз, но abroad... за границей. И в Америка as well. Он был... как это сказать?... мировая величина! Когда он умер, все ведущие американские газеты... «Нью-Йорк Таймс» и другие... напечатали статьи о его кончине.

Я знал об этом.

— Но я не нашел почти никакой упоминания про работы профессор Заблудовски после войны, в 50-е годы и потом. Это удивительно.

Я писал к нескольким специалистам в Россия, чтобы узнать, ведутся ли исследования в этом направлении сейчас... Но ответа не было, или люди писали, что ничего не знают... Почему так произошло?

«Вот опять этот вопрос, — подумал я, — а ответа у меня по-прежнему нет».

— Павел Заблудовский умер сравнительно молодым, — начал я. — Видимо, он не успел подготовить преемника, который мог бы развивать его идеи и продолжать исследования. К тому же это было очень сложное время — репрессии, а потом война. Многие люди, которые участвовали в этих исследованиях, возможно, просто погибли.

— Я понимаю. А у вас, я имею в виду вашу семью, не сохранилось никаких документов, записей?

Я почему-то напрягся. Хотя, спрашивается, почему? Пока Стив говорил, я все разглядывал его. И он мне нравился. Приятный, открытый, неглупый. Встречается с моей дочерью, значит, наверное, нравится и ей. Интересуется историей нашей семьи, и это приятно... И все-таки наш разговор вызывал у меня странное ощущение. Нет, я не мог сказать, что не доверял Стиву. Его рассказ выглядел вполне правдоподобно, в нем не было явных противоречий. Многие вещи, о которых он говорил, были мне известны. «Что же тебя смущает? — размышлял я. — На агента ЦРУ или курьера наркомафии он вроде бы не похож. Да и зачем ЦРУ лизаты?»

— Ну, после прадеда осталось не так много документов, — осторожно сказал я. — Книги, журнальные статьи, письма... А что вас интересует?

Стив откинулся на спинку стула и приветливо посмотрел на меня.

— А не осталось ли каких-то записей или документов, которые могли бы помочь восстановить технологию производства лизатов?

— Зачем вам это, Стив?

— Видите ли, Алексей, мне пришла в голову мысль: почему бы не вернуться к изобретению вашего предка? Не попробовать испытать ее в сегодняшний день?

«Неплохая мысль! Может быть, все просто, он рассчитывает на этом заработать?»

— Вы думаете, эта идея имеет коммерческую перспективу?

— Не всегда можно заранее знать, какой проект сработает, а какой нет. Могу сказать только, что мне эта технология кажется интересной. И нуждающейся в проверке.

— Что вы собираетесь продвигать? Средство от бесплодия?

— Не только. Я немного изучил вопрос... и мне кажется, что значение лизатов гораздо шире. Профессор Заблудовски задумывал это как средство...

Стив снова сделал паузу, подыскивая правильное слово.

— Увеличения продолжительности жизни, — подсказал я ему.

— Совершенно верно! Эта идея очень популярна сейчас в Америке. Люди думают о том, как жить дольше и оставаться здоровыми и активными. Думаю, это может иметь большой спрос.

«Всем нужен рецепт эликсира вечной молодости», — подумал я.

— И все-таки я не совсем представляю, какая информация вам нужна?

— Насколько мне известно, профессор Заблудовски запатентовал свое изобретение, — сказал Стив. — Обычно к патенту прикладывается описание...

«Вот это новость!»

— Откуда вы знаете про патент?

— Об этом говорила Джулия.

— А она как об этом узнала?

— Я полагаю, что ей или ее матери об этом рассказал Сергей Заблудовски.

Логично.

— Видите ли, Стив, я был бы рад вам помочь, но, к сожалению, я никогда не видел документа, о котором вы говорите.

— Жаль, — сказал Лейн. — А существует ли в России архив, где хранятся патенты?

— Наверное. Правда, я пока совершенно не представляю, как к этому подступиться... Но можно попробовать.

«Да, вот так будет лучше, — подумал я. — Я ему не отказываю, но беру паузу... У меня будет время обо всем еще раз подумать».

— Вы думаете, можно будет что-то найти?

— Пока трудно сказать что-то определенное...

МОСКВА, НАШИ ДНИ

Придя на работу, я обнаружил в почте письмо от главного редактора Гребешкова. «Дело Манюченко» значилось в теме.

«Алексей, посылаю вам сообщение ТАСС о «деле Манюченко». Думаю, из этого стоит сделать небольшую статью в номер. Объем — по-

лоса, не больше. И поставьте ее, пожалуйста, в раздел «Происшествия». С уважением... главный редактор журнала «Перископ».

В письме была ссылка, я кликнул ее. Страница загружалась несколько секунд и наконец открылась.

«Смерть российского финансиста признали естественной», — прочитал я. «Коронер Николас Джиллард считает наиболее вероятной версию о том, что российский предприниматель Александр Манюченко, бежавший десять лет назад в Великобританию, скончался от естественных причин. Выводы дознания Джиллард представил в среду на заседании уголовного суда Олд-Бейли в Лондоне, передает корреспондент ТАСС...»

Я читал, что на проведении открытого коронерского дознания стояла страховая компания, в которой Манюченко был застрахован...

«Я удовлетворен выслушанными свидетельствами и могу надлежащим образом заявить о том, что в моем распоряжении нет прямых доказательств убийства и что вероятнее всего господин Манюченко умер по естественным причинам, а именно в результате синдрома внезапной аритмической смерти», — сообщил Николас Джиллард.

«Надо же! Оказывается, есть такой синдром? — подумал я. — Впервые слышу! Ну, это ничего еще не значит. Я много о чем, наверное, не слышал... Звучит, правда, как-то неопределенно... А просто «сердечный приступ» разве звучит определеннее?..»

Я попытался снова сосредоточиться на тексте.

«Джиллард обратил внимание на то, что синдром внезапной аритмической смерти — распространенное явление, хотя соответствующий диагноз крайне сложно подтвердить...»

«Что за черт? Тут что-то с логикой не в порядке, — подумал я с раздражением. — Явление можно считать «распространенным», если существует достаточно много подтвержденных случаев... А если явление «крайне сложно подтвердить», то откуда мы узнаем, что это именно тот случай? По-моему, здесь какое-то противоречие. Или мне кажется?..»

«...Патологоанатомическая экспертиза не выявила у Александра Манюченко сердечной патологии...»

«Прелестно! Не старый еще мужик, сердце здоровое, никаких патологий, и вдруг — хлоп, на тебе! — синдром внезапной аритмической смерти... Постой, но разве такого не может быть? Здоровый,

здоровый, а потом раз — и инфаркт... Мало, что ли, таких случаев? Да полно! Сорок восемь — это уже не восемнадцать. Вот и прадед Павел Алексеевич в 56 лет умер. Но у него была болезнь сердца... А все-таки очень подозрительно! Понимаю, почему Славка Любомирский так бесновался...»

«...Не смогла установить никаких нарушений и более сложная генетическая экспертиза, вероятность успеха которой, впрочем, изначально была мала и составляла всего 10 процентов...»

М-да, в общем, ясно, что ничего не ясно...

«...Однако как подчеркнул Джиллард, в его обязанности не входило подтверждение наличия у покойного предрасположенности к синдрому внезапной аритмической смерти, а лишь выявление более вероятных причин кончины...»

Так, и что же?

«...Коронер признал, что полицией Суррея в ходе работы с уликами были допущены ошибки, которые помешали подтвердить факт отравления...»

Во как! Все-таки полиция опять облажалась. Я всегда говорил: участковые — люди без фантазии...

«Посмертное вскрытие было сделано лишь восемнадцать дней спустя, содержимое желудка покойного к тому моменту было выброшено, — заявил Джиллард. — Это сделало невозможным проведение новых тестов...»

«Мо-лод-цы! — подумал я. — Да за такое время даже цианистый калий, наверное, выветрился бы...»

«Коронер заявил, что ему неизвестно, получал ли Манюченко угрозы, которые можно было бы однозначно связать с его смертью. Он также отметил то обстоятельство, что россиянин не принимал никаких особых мер безопасности...»

«А вот это странно, — подумал я. — Неужели он думал, что ему ничто не угрожает? А куда, извините, смотрели британские компетентные органы? Хотя, наверное, к каждому политэмигранту охрану не приставишь... А может, действительно естественная смерть? Темная история...»

«Изучив это дело самым тщательным образом, я пришел к выводу, что не могу совершенно исключить вероятность того, что Александр Манюченко был отравлен, однако, основываясь на всех представленных свидетельствах, я считаю это маловероятным», — указал в своем вер-

дикте коронер. По его словам, сложно было выдвинуть правдоподобную версию о том, когда Манюченко мог получить дозу яда. С утра в день смерти Манюченко выглядел совершенно здоровым. Едва ли он вышел бы на пробежку, если бы чувствовал себя нехорошо. Версия о том, что яд мог быть введен ему во время самой пробежки, не подтверждается ни осмотром тела, ни свидетельскими показаниями...»

«А почему, собственно, мне так хочется, чтобы Манюченко отравили? — подумал я. — Ну, не люблю я президента и всю эту его военно-гэбистскую компанию, но это же не означает, что надо вешать на него всех собак... Надо стараться быть объективным. Как коронер Джиллард».

«...В поисках возможных мотивов для убийства россиянина Николас Джиллард уделил пристальное внимание той роли, которую Александр Манюченко играл в политической жизни, и пришел к выводу, что тот не может считаться видным оппонентом российских властей, чтобы стать объектом политического покушения...»

Вот тут я бы, пожалуй, поспорил с уважаемым коронером. Конечно, Манюченко — не Троцкий, но возможности досадить Кремлю у него были. А значит, и мотивы убрать экс-банкира тоже были! А еще это могло быть демонстрацией. Показать всем реальным и потенциальным противникам режима, что их везде достанут... Впрочем, если бы я хотел что-то кому-то показать, то действовал бы иначе, открыто и даже вызывающе... Взорвал бы Манюченко или расстрелял из автомата. Чтобы всем стало понятно, это — казнь! А так остается какая-то недосказанность... Или это для посторонних недосказанность? А тем, кому это было адресовано, все понятно? Черт, вот и думай как хочешь!

«Коронер добавил, что МВД Великобритании также не нашло оснований для того, чтобы связать смерть Манюченко с Россией и начать новое полицейское расследование. Джиллард назвал малоправдоподобными и неподтвержденными сообщения СМИ о том, что предприниматель был якобы убит по указанию Кремля, а британские власти пытаются замять расследование, чтобы не осложнять отношений с Москвой...»

Ну конечно!

«Член парламента от Консервативной партии и известный критик Кремля Энтони Балдер, комментируя вынесенное решение, заявил, что оно порадует российские власти. «Президент России сегодня будет праздновать, так как британский судья признал, что Манюченко

умер по естественным причинам, а не от яда,—заявил он в интервью Би-би-си.—Расследование было полностью погублено некомпетентностью полиции Суррея, потерявшей или уничтожившей большинство ключевых улик».

Вот, собственно, и все. Точка. Я еще раз быстро пробежал текст сообщения... Понятно, почему Гребешков за него ухватился. Сейчас прокремлевские СМИ подхватят это известие и донесут до каждой яранги. «Провал антироссийской провокации!» Обязательно будут сюжеты на федеральных телеканалах, но там, скорее всего, вымарают комментарий Балдера. А у нас, может, и не вымарают, но зато поставят в раздел «Происшествия», рядом с каким-нибудь пожаром, подчеркнув тем самым, что дело неполитическое. Так или иначе — все равно вольемся в дружный хор. Противно! Ведь если разобраться, заключение Джилларда ничего не доказывает — ни того, что Манюченко убили, ни того, что его не убивали. Коронер что говорит? Манюченко умер. Это — единственный непреложный факт. Большинство людей умирают своей смертью, меньшинство — не своей. Твердых доказательств, что беглый финансист был убит, нет. Скорее всего, он умер сам. Но «Перископ» же так не напишет, мы будем подавать «как надо»: *«Британский коронер признал смерть бывшего финансиста естественной»*. Эх, переписать бы тут все сейчас... Да кто же даст? Новый редактор отдела политики Кургузов — трус и подхалим! — тут же побежит к главреду и нажалуется на меня: Кораблев — тайный враг, опять неправильно расставил акценты. Гребешков вернет все в прежний вид и даже, может быть, мне не скажет. Господи, как это все надоело! Идите вы все к черту со своим президентом, шпионами и тайными спецоперациями!

Сейчас переправлю письмо в отдел политики, потом получу от них статью, пройдусь слегка по тексту, уберу чересчур верноподданные пассажи, может быть, подсокращу и отправлю в корректуру. Потом наш бильд Света подберет фотографии, дизайнер Рома — быстренько сделает макет. Корректурa еще раз посмотрит и вычистит последние опечатки. И все — с плеч долой! И кто я после этого, а? Заслуженный держатель фиги в кармане? Я участвую во всей этой пропаганде или нет? Хочется думать, что нет. Ведь моей подписи под заметкой не будет. А с другой стороны, получается, что участвую. Какой выход? Встать и уйти. Куда? Не осталось же приличных мест. Ну, это ты не преувеличивай! Есть еще приличные места. Там просто не так

комфортно. Офисы похуже, зарплаты пониже. Время от времени обыски случаются, какие-то темные личности избивают журналистов бейсбольными битами. Но не до смерти же! Как правило... Только вот ради чего все это? Ведь никто ничего не читает! Всем все равно! Все постят котиков в Инстаграме. Или, в крайнем случае, поставят «Возмутительно» в ФБ и с чувством выполненного долга пойдут пить чай... Фронтеры! Послушай, а вот это уже не твое дело! Твоя задача — давать объективную информацию. По возможности, конечно. В меру сил, так сказать, и способностей. А уж сколько людей прочитает — не прочитает, поверит — не поверит, согласится — не согласится, это как бог даст... Нам не дано предугадать... Вот Славка Любомирский так рассуждал. Пока из окна не выпал при невыясненных обстоятельствах.

Я вздохнул, кликнул кнопку «переслать», и электронное письмо с тихим шелестом отправилось в отдел политики.

Продолжение — в следующем номере

ОБ АВТОРЕ

Михаил (Майк) Логинов родился в 1963 году в Москве. Изучал экономику в Московском финансовом институте (ныне — Финансовый университет). Работал бухгалтером.

С 1989 года — журналист и редактор. Начинал в «Литературной газете», работал в газетах «Коммерсант», «Сегодня», журнале «Итоги».

В 2009–2014 годах был главным редактором общественно-политического еженедельника «Профиль».

В 2015–2020 годах редактировал «Строительную газету».

Писать прозу начал в середине 2010-х годов. В 2018-м опубликовал на платформе Ridero сборник рассказов «Десять писем к подругам».

Недавно в издательстве ЭКСМО (Москва) вышел дебютный роман писателя «Эликсир для избранных».

Майк Логинов — внук известной советской поэтессы Вероники Тушиновой. Вдовец. Имеет двух взрослых дочерей. Живёт в Москве.

Михаил КОВСАН

СКАЗ

*О МНОГОФАМИЛЬНОМ ГЕРОЕ
И МНОГОПАКОСТНОМ БЕСЁНКЕ ВОЖЖЕ*

*Прошедшее России было удивительно, её настоящее
более чем великолепно, что же касается её будущего,
то оно выше всего, что может нарисовать себе
самое смелое воображение*

Генерал от кавалерии, шеф жандармов,
Гл.начальник III Отделения Собственной
Е. И.В. канцелярии А. Х. Бенкендорф

*Сказка ложь, да в ней намёк!
Добрым молодцам урок*

Камер-юнкер А. С. Пушкин.
Сказка о золотом петушке

*Царь велел себя раздеть,
Два раза перекрестился,
Бух в котёл — и там сварился!*

Статский советник, директор гимназии
П. П. Ершов. *Конёк-Горбунок*

*Подлетает к Пауку,
Саблю вынимает
И ему на всём скаку
Голову срубает!*

Писатель (не) советский, часто (не) очень
детский (не) Корней (не) Иванович (не)
Чуковский. *Муха-Цокотуха*

*Ну и ушлый вы народ,
Ажно оторопь берёт!
Всяк другого мнит уродом,
Несмотря, что сам урод.*

• • •

*А что сказка дурна — то рассказчика вина.
Изловить бы дурака да отвесить тумака,
ан нельзя никак — ведь рассказчик-то дурак!
А у нас покоя веков нет суда на дураков!..*

*Актёр и сочинитель Леонид Филатов.
Про Федота-стрельца, удалого молодца*

*Наше завтра светлее, чем наше вчера и наше сего-
дня. Но кто поручится, что наше послезавтра
не будет хуже нашего позавчера?*

*Писатель-алкоголик Венедикт Ерофеев.
Москва-Петушки*

1 ПРОЛОГ

Мы почти с ним одногодки,
Долго плыли в одной лодке,
Мы гребли, генсек рулил,
Мы все пили, он не пил,
Вообще, был парень ушлый,
Хоть на вид и простодушный,
Он, короче, с нами жил,
С бесом с детства он дружил,
Только нам какое дело,
Кому душу он и тело
Продад не за медный грош,
Он ведь человек, не вошь,
Как учил писатель нас,
Вот отсель начнём мы сказ.
Что нельзя ни рассказать
Что пером ни описать,
Мы живописуем,

Честно растолкуем.
Прочерк: ничего не бысть —
Скрасит сказовая кисть.

На заре ли, до зари
Точили косы косари,
Девицы заплетали косы,
Парниши спали, голы, босы,
Детишки милые играли,
Внезапно смертные гуляли,
А на горе ли, под горой
Шёл народец коренной,
Дивный и нетленный,
Соль этой вселенной.
В куче званий и наград
Суверенный демократ.
Кто в шкафу, а кто в тюрьме:

«Маня, помни обо мне!»
И тепло и мокро,
Широко и обло.

Герой многофамильный,
Дом многоквартирный,
Полный разного жулья,
Мечт высоких и жлобья.

2 МУТИН

Жил тогда в СССР
Вова Мутин, пионер,
Красный галстук он носил,
Под блатного он косил,
Вот такой был пионер
Некогда в СССР.
Впрочем, нет, начнём иначе,
Соответственно задаче.
Жил-был мальчик Вова Мутин,
Как и все, слегка распутен,
С хулиганами дружил,
По ночам рукой мечтал,
А уроки не учил.
И ему, бывало, снится
Шамаханская царица.
Часто получал он пары,
Вывозила его память,
Не уча, он много знал,
Всё легко запоминал:
И уроки, и обиды,
Что творили ему гниды,
Обожал пожрать на шару,
Особливо с пылу, с жару.
Был пацан смурной, но смир-
ный,
Иногда слегка вампирный,
Не дурак, но очень сер,
Пионер ведь всем пример
Был в стране СССР.
С взрослыми был осторожен,

Получал порой по роже,
Думая: лишь дайте срок,
Удавалось, мстил как мог
За полученный урок,
Но не тот, что прогулял,
А за то, что был шакал,
Доедал банан гнилой,
Вообще, пацан был злой.
С малых лет был

Вова Мутин

Отвратительно зануден.
И бодлив он, и гугнив,
И потлив, и похотлив.
Решил музыке учиться,
Но подумал, коль случится
Отбиваться от врагов
Без аккордов и без слов,
То не наломать бы дров,
Ну их эти ре и до,
Записался он в дзюдо.

А уроки? Их он часто пасовал,
Попадалися придурки,
Вышибал из них окурки —
И на свал.
Шерсти клок
С овцы паршивой —
Прыг да скок,
И обратно — как служивый,
На урок.

В его год и бес родился,
 Враз в дорогу снаряжился,
 Величали кореша
 Уважаительно: Вожжа.
 Вжарил Мутину под хвост:
 Торопись,
 Невзирая на рост,
 Поучись,
 Чтоб блестела, обувь свою
 начищать,
 Кому родину, как не тебе,
 защищать?
 Наш флот морской, наш флот
 крылатый —
 Защита от врагов проклятых!
 Ты куда от меня,
 несмышлёныш!
 Отвечай-ка мне, мерзкий
 гадёныш!
 И подумал тогда Мутин: чаво?
 Кто спозаранку таво?
 Разлепил с трудом Мутин глаза,
 По щеке покатила слеза,
 Покатила она на кровать,

Заорал про бесовскую мать.
 Было больно и токсично,
 Даже думал: неприлично.
 С этих пор всяк совет
 инфернальный
 Получал Мутин только
 анально.

Не Мефистофель — жирный
 жалкий бес,
 Не торговал — задёшево
 попутал,
 Вознёс паскудной лестью
 до небес,
 Чтоб не было в душе героя
 смуты.

Стих нелепый
 И пустой,
 Резюмируем:
 Отстой.

В такую рань
 Такая срань.

3 КУТИН

Да, за ним судьба следила,
 Говоря ему: «Мудила,
 Вова! Ты же не шакал!
 Что, бананов не видал?»
 Отвечал он этой дуре:
 «Ну, ты, срань, даёшь в натуре,
 Не отец ты мне, не мать
 И ведёшь себя, как блядь,
 На тебя мне наплевать».
 Тут Вожжа ему под хвост

(вот прохвост!):
 «Знал ведь я, что ты не прост,
 Что же ты ни «ме», ни «бе»,
 Что расселись на трубе,
 Двигай, Кутин, в Кегебе,
 Больно ты уж молчалив
 И не очень-то сметлив,
 Будешь в тряпочку молчать
 И врагов избличать,
 Форма классная, погоны,

Колются там «фоны», «доны»,
 Будешь ты их всех колоть,
 Словно огород полоть,
 Заодно своим детишкам
 Зашибёшь на молочишко».
 Долго душу он мытарил,
 Дрянью всяческой затарил.

И пока бес всё бекал и мекал,
 Головой Кутин ловко кумекал.
 Хоть в ответ ни «ме», ни «бе» —
 Но!

Но Кутин в Кегебе.
 В подворотнях бьёт доцентов,
 Особливо тех с акцентом,
 Ясен пень, что диссидентов,
 И, чтоб был им всем пример,
 Не друживших с буквой «р».
 Славно почки отбивал,
 Хоть и вовсе не амбал.
 А Вожжа? Не отставал,

Тухло в ухо напевал.
 «Срок придёт тебе жениться,
 Сыщется тебе девица,
 Тут хоть падай, а хоть стой,
 Быть ей Кутину женой.
 Женщин много на планете,
 Я одну тебе приметил,
 Тебе больше ни к чему»,
 Кутин промычал лишь:

«Ну?!»

А в ответ ему Вожжа:
 «Тихо, Кутин. Точка. Ша!
 Ты, парниша, меня не грузи,
 Не выпендривайся, не бузи».
 Так они поговорили
 И друг другу подарили
 На прощанье поцелуй:
 «Бай, дружище, не балуй»,

Может, в рифму и иначе.
 Всё равно, пока, удачи!

4

ЖУТИН

Время шло, Вован взрослел,
 Не крестился, не говел.
 Все креститься стали дружно —
 Верить в бога стало нужно,
 Он, как все, креститься стал,
 Ото всех не отставал,
 Но делов невпроворот —
 Иногда наоборот,
 Здравствуй, Жутин, Новый год!
 Надо бы сперва направо,
 Вова Жутин не лукаво
 Слева часто выдавал,
 Тем себя избличал.

Тихо в скобках я замечу
 (На вопросы не отвечу),
 У героя был провал:
 Враг его завербовал.
 Жутин классно по-ихнему
 шпрехает
 И отлично жонглирует
 вехами,
 Иногда он их честно меняет,
 Не получится — подменяет,
 Ну, а если нужда — разменяет.
 Теперича переметнёмся,
 А затем назад вернёмся.

Ладушки-ладушки,
Будет с носом бабушка.
Вот что делает с корнем
 приставка:
Смысл исконный шлёт на фиг,
 в отставку.
Враг был пидор и пиндос,
Говорил по-русски в нос,
Видно, был ещё он тот,
Недобитый гугенот.
Всё тогда он напрозорчил,
Долго голову морочил,
Мол, ты будешь президент,
Всей державы резидент,
И не будешь ты стучать,
И не будешь ты скучать,
Но!
Народец поучать
И соседей, ближних, дальних,

Белых, чёрных, inferнальных,
Не захочет кто дружить,
Будешь тех по почкам бить,
Опыт у тебя большой,
Будешь бить со всей душой.
Думал Жутин: ну, и дело,
Президентом? Это смело!
Он державный гордый росс,
А ему дерзит пиндос
И суёт кулак под нос.
Был в цене тогда овёс,
Мимо рта он не пронёс.

Всё оправдать, всех и за всё
 простить
И в проруби крещенской
 окрестить,
Ну, кроме тех, которых
 утопить.

5 ДУТИН

От жары наш бес взопрел
И от радости запел:
«Там, где ели колючие, где
 всё самое лучшее,
Есть ли в мире другая такая
 страна,
Где морозы трескучие, где
 пацанки горячие,
Она для боренья Всевышним
 дана».
Бес, однако, не допел,
Свистнули — и полетел.
Страна сидела на трубе,
Газ шёл, Вован ни «ме», ни «бе»,
Но свято верил в Кегебе.

Верил он в страну большую
Одесную и ошую,
Хоть таких он слов не знал,
Вдруг Вожжа ему сказал:
«Слышь, Окурок», —
 панибратски,
Нагличая, залихватски,
Тот в ответ ни «ме», ни «бе» —
В славной школе Кегебе,
Где учился лет немало,
Отхватил он погоняло
За совсем невзрачный рост,
А Вожжа ему под хвост:
«Слушай, Дутин, царь Борис,
Славный чистотою риз,

От своих великих дел
Отупел и одряхлел,
Вот такая ему карма,
Глянесь: сущий Папа Карло,
Порешил большой сходняк:
Будем двигать молодняк,
В самый раз подсуетиться,
Ну, подмыться и побриться,
Там, где надо, объявиться,
Кому надо обещать,
Кому надо в морду дать,
А кому в другое место,
Замесить в бетон, как в тесто,
И отсель у них на троне
Будет президент в законе!»
Умный бес, он дело знал:
Получилось, как сказал.
Кто кого перенаглеет?
Кто кого опередит?
Кто кого перелелеет?
Кто кого перепердит?
Был бесёнок наш тароват
И, по правде говоря, шлюховат.

Все почести заплечные воздав,
Отвалит век — гнусавый
 волкодав,
Наступит новый прежнего
 гнусавей,
По-своему ещё и волкодавей.
Сестерции, центурион, центур,
В Европу мёртвую
 живительнейший тур,
Пусть не кичатся сыром
 и тряпьём,
Всем этим чемоданы мы
 набъём.

Поднимайся, Вован, на халяву
Обретать всенародную славу!
А холопьям алаверды не фуфло —
Хлопья, хлопущки, бухло,
Мелюзге без дуги и без зги —
До отвала чудесной лузги.
Надоело быть умным Ивану,
Предпочёл он служенье дивану,
А хотел бы на печку прилечь,
Только где нынче сыщешь
 ты печь,
Как и Анны горбоносую речь?
Потешно жизнь неспешная
 спешит,
И спешился Иван, с круга
 сошед, лежит.

Всё в мире линяет:
Зверьё и бельё,
Бильём зарастает
Житьё и бытьё.
Отфотошопь, брат, прошлое,
Одышливое, тошное,
Всё, что нашим партнёрам
 говно,
Богом данное нам
Бородино!
Заедаться партнёрам
 не посоветуем,
Потому как не оставим мы
 без ответа их
Домогательства несуразные,
Непочтительные, мерзко
 грязные.
Пусть партнёры не лезут нам
 в душу,
Мы взамен их покой
 не нарушим.

Стали глюки его посещать,
 Несуразности в ухо вещать.
 Ты отныне Вован Первый
 Грозный,
 Среди питерских самый
 серьёзный,
 Окружат тебя злом и
 обманом —
 Отыщи себе Федьку
 Басманного,
 Хари скорчат: жутко, мол, рады,
 Заведи Малюту Скуратова,
 А чтоб душу тобой долго грели,
 Всего пуще Эйзенштейна
 Сергея,
 Чтоб не Зимний грозно громил,
 Чтоб не грезил — врагов
 задавил,
 Будут присные пляски плясать
 И в ладоши осанну плескать,

Да орать, мол, шибче, скорей,
 Будут шуки глотать пескарей,
 Вперебой будут бабы ласкать,
 Ну, а ты на них, ясно, скакать,
 Прирождённый ты истый
 скакун,
 Пусть твердят недоумки:
 квакун,
 Ты их к ногтю, на дыбу и в печь,
 Да о том ли ваще наша речь,
 Но о славе — не только мирской,
 Но и вечной: обрящешь покой,
 Будут памятники тебе
 возводить,
 А насмешников изводить,
 И превыше всех разных наград
 Вознесётся в небеса Дугинград.
 Век за веком, из рода в род
 Лобызать будет мощи народ.

6 РУТИН

Был герой наш лысоват
 И немного сероват,
 И умишком невелик,
 И ужасно многолик,
 Только это между строк,
 Хотя умному урок.
 Долго, коротко ль, однако,
 Оказалось, что не враки,
 И теперь он президент,
 Всей державы резидент.
 Стал он думать и гадать,
 Кому в зад ногой поддать,
 С кем дружить, кому дерзить,
 А кого и крепко злить,

Кого только попугать,
 Страху на кого нагнать,
 Он теперь, как пионер,
 Государям всем пример.
 Стал дружбанам он башлять
 И глобально размышлять.
 «Эти гады бандерлоги,
 Интернеты, сайты, блоги
 Нам заклятые враги,
 Гомики и говнюки,
 Иностранные агенты,
 Вражеские резиденты», —
 Так под хвост ему шурша
 Бес по прозвищу Вожжа.

Рутин что-то возражает,
 Аргументом отражает,
 А Вожжа ему: «Вперёд!
 Поднимай честной народ!»
 Рутин: «Где такой мне взять?»
 А Вожжа: «Тебе ль не знать?
 Тому грош, а тем по два,
 Вот и явится братва,
 А честная или нет,
 Ерунда. Большой привет!
 Ноги, руки, голова,
 Остальное всё слова!
 Знаешь сам словам ты цену,
 Не устраивай мне сцену».
 Рутин: «Ты, пожалуй, прав,

Но умерь свой дерзкий нрав,
 Я же, как всегда, спокоен,
 Всех врагов на раз уроем!
 Понавалимся всем миром —
 Понастроим мы сортиры,
 Правде-матке чтоб учить,
 Будем в них врагов мочить.
 Будут наши нужники
 Курировать наружники.
 У кого же слишком видный,
 То обрежем, чтоб завидно
 Не было стране великой,
 Многомерно многоликой,
 Словно пчёлы, в ней народ,
 Словно рой, и... мёд им в рот!»

7

ЗУТИН

Дума Зутину запала
 И уже не отпускала,
 Думал день он, думал ночь,
 Дума с ним, а сутки — прочь.
 Тут и вспомнил он спросонок:
 Где же он, Вожжа? Бесёнок
 Что-то долго не являлся,
 Где и с кем паскуда шлялся?
 Вжик — Вожжа под хвост попал,
 Зашипел и завизжал:
 «Ты какого медлишь, царь,
 Всей державы государь!
 Мастерам делов заплечных,
 Бесконечно человеческим
 Вели взять на абордаж,
 Полуостров будет наш!
 Пусть возьмут, как Зимний,
 тихо,
 Чтобы не будили лихо!»

Бабы с вечера галдят,
 Телевизоры гремят,
 К Зутину пристать велят.
 Прекратить галдёж, мандраж,
 Дружно все — на абордаж,
 А, поабордажничав,
 Не брюзжать, а бражничать!
 Поблудив, в молельню —
 По заветам Ленина.
 Понеслось, такое дело,
 Жизнь шампанским закипела,
 Бегали и прыгали,
 И ногами дрыгали,
 Пацанва как на подбор,
 А над ними — Мухомор,
 Кулачок, кулак, кулачище,
 Паучок, паук, паучище!
 Кто не с ним — на мушку:
 Брызнет черепушка!

Потому ему кликуха,
 Что не пролетит и муха,
 Словит, лапки оторвёт,
 Головой в говно воткнёт.
 А залётные людишки —
 Вжик, да вжик,
 Чисто мартышки —
 Голь, корчась, визжит.
 Учиняет братия
 Мартышкам демократию.
 Себе — гаремы,
 Им — референдум.
 Собирайся, народ,
 Голосуй,
 Только в урны
 Нос свой
 Не суй!
 Не сующие —
 Они сущие,
 А не сущие —
 Нос сующие.
 Всю вчерашнюю ночь
 мы не спали,
 Всё на завтра вчера
 посчитали!
 Ох, считали мы, считали,
 Наши пальчики устали,
 И слегка переборщили,
 Только это нам простили.

Закруглить спешил дела
 Мухомор —
 Поджидала жена
 На разбор!
 С вожделением ждала
 Жопомордая жена.
 Ах, жена, ты жена
 Жопоморденькая!

Местные же, как цыгане,
 Как закружатся:
 Смысл жизни в их стакане
 Обнаружился.
 Поплясали, погудели,
 Погундячили,
 Пару дней, крыша, неделю —
 И назначили:
 Раз сказал великий Зутин,
 Тому быть,
 Шебаршащихся в мазуте
 Утопить!
 А случатся баобабы —
 Их в баржу,
 Пусть считают там с зазнобами
 Маржу.
 Тут салют вчинили пушки,
 Гимн вознёс поэт Кукушкин,
 Снял сынок его фильмец,
 Тут бы сказу и конец.
 Только так ничего не кончается,
 Только этим конец начинается.
 Ну, по случаю такому наливай
 И пацанскую ты нашу запевай,
 Будем пить и петь мы всю ночь,
 Что там сутки — неделя вся
 прочь!
 Фейерверки запускали в небеса
 И слюняво распускали словеса.
 Теперь будем строить мост
 до небес,
 Ведь бабла у нас теперь не
 в обрез.
 Ничего мимо нас не пройдёт,
 Мёд и в наши уста попадёт,
 Кое-что от моста отпадёт,
 Вот и нам кусочек счастья
 припадёт.

Долю честную моста мы
 заныкаем
 И на голову беду не накликаем,
 И восславят нас калики
 перехожие
 В кабинеты высокие вхожие,
 Что о них говорить — все их
 знают,
 На прокорм их сюда запускают,
 Население чтоб веселили
 И уверенность крепко вселили,
 Чтобы песни пели державные,
 Чтобы граждане были
 исправные,
 Чтобы только про себя
 матерились,
 А на людях, гой еси,
 веселились.

Тихо-тихо голоски,
 Тоненьки, как волоски:
 Прежний, как дурной женой,
 Правил пьяненько страной,
 Этот же, болезный,
 Правит слишком трезво.

Вышивали по канве,
 Поедали канаве
 Вышивальщицы, поедальщицы.
 Кулаками после драки
 Бодро машут вурдалаки,
 Вурдалаки, вурдалаки
 вурдалачные,
 Очень мрачные и чердачные.
 Ну, а бабы, ну, а бабы,
 Ну, прям, бэби, баобабы,
 И чего бы ещё отмочить,
 Ну чего бы ещё учинить?

Отмочить, учинить, отчебучить.
 Запищали: «Мы все тебе рады,
 Никакой нам не надо награды,
 Только к ручке дозволю нам
 припасть,
 Лишь позволю целовать
 её всласть,
 И ещё, лишь позволю нам
 сказать,
 Хоть чуть-чуть поглазеть,
 полизать,
 И не грех это, вовсе не блуд,
 Лицезреть славный
 царственный уд,
 Ну, а ежели милость явишь,
 То держись, отец, царь наш,
 шалишь!»

И плясали мертвецы —
 Хитрецы,
 И швецы, и жнецы,
 И на главной на дуде игрецы.
 Мы — великая страна,
 Всласть
 Власть
 Великая дана,
 А с таким кумиром —
 Над всем окрестным миром.
 Такое не приснится
 Ни одной девице.
 Веселись, дружина,
 Выпустили джина!
 Кто возьмётся затолкать —
 Мы помянем его мать!
 Либералы —
 Опустив забрала,
 Консерваторы —
 Акробатами.

Так всем миром вскользь
 крещёным потешаются
 И словами позабытыми
 утешаются,
 В родную заводь возвращением
 восхищаются.
 Погусарили, побазарили,
 Разорили сады и розарии.
 «Ах, какие душики», —
 Квакают лягушки.
 И — взбивая пыль, скакун,

А на нём летит квакун
 Первый в своём роде,
 Главный на болоте.
 Какой-то не любезный,
 Серый да облезлый.
 Знать, маненько мелковат
 И не слишком тароват.

Похоже, и умишком
 Он не блещет слишком.

8 СУТИН

А начальственная рать
 Тотчас начала орать:
 «Мы, хоть и начальники,
 Однако не молчальники,
 Мы вам не охальники —
 За страну печальники,
 Огромную, не дикую,
 За Катеньку великую
 Головы поотрываем,
 Все бока пообминаем,
 Потому как эта...немка —
 Вседержавнейшая мать,
 Тот, кто думает иначе,
 Сам себе свой срок назначит».
 Стали мигом предавать,
 За полушку продавать,
 Всё, что продавалось,
 Мигом раскупалось:
 И земля, и море,
 И беда, и горе.
 Было всем веселье,
 Большое новоселье.
 Тут пошла такая пьянка —

Гой еси!
 Перестрелка-перебранка —
 Бес спаси!
 День-деньской играли
 в жмурки
 Все, кому не лень,
 Ну, а урки, чурки, турки
 Тени на плетень
 Наводили, слухом не брезгую,
 Бесполезно непонятно
 кому соболезнужа.
 Шум большой был,
 громыханье и гам,
 Заголень, молень и срам.
 Только слухами порешили
 манкировать,
 Не такие мы, но скромные,
 мирные.
 Это враки: мы не заголялися,
 Так слегка, по чуть-чуть
 развлекалися,
 Да ещё совсем чуток
 разговлялися.

А бесёнок,
 Как крысёнок,
 Раздолбай
 Угодил
 Боссу под хвост —
 Раздвигай!
 — Эй, Вожжа!
 Куда опять ты
 Его гнёшь?
 На зад новую заплату
 Не нашёшь!
 — Не бойтесь,
 На такое я согну,
 Что от счастья
 Полетите на луну!
 — Эй, бесёнок,
 На хрена нам луна,

На земле мы
 Всё не выпили до дна.
 — Ну, и пейте,
 Раз Аллах ваш велит,
 Стакан доверху
 давно уже налит.
 Ну, бывайте,
 Мне тут с вами недосуг,
 И глядите, не пилите этот сук,
 Для сидения он —
 Не распили,
 Прощайте,
 А я в задницу поплыл.

И Вожжа, не пригибаясь,
 во весь рост,
 Потащился на служение —
 под хвост.

9 ДУТИН

Волны, брызги,
 Дрязги, визги,
 Всё кружится,
 Всё плывёт,
 Ножки, ложки,
 Одалиски,
 Все поют,
 И каждый пьёт.
 А наутро — все с похмелья,
 Кто рассол пьёт,
 А кто квас,
 Развесёлое веселье,
 Звёздный час.
 Не бывать нам на мели,
 Валяй, о гавани мели!

Ты теперь Емеля,
 Твоя теперь неделя,
 И ещё про окно,
 Что в Европу,
 От которой лишь говно,
 Только жопа.
 На хрен Пётр его рубил
 И сто лет о том трубил?
 Поднимайтесь! Спозаранку
 Все какие калачи,
 Полу — вы островитянки,
 Все мечите из печи!
 Будем мы пировать,
 Ох, играючи,
 А потом и блевать,

Припеваючи.
— Ах, ты, милочка, моя,
 белобрысая,
И чего обо мне ты
 промыслила?
— Ах ты, милый, ты мой
Черномазенький!
От вина совсем дурной,
Черноглазенький!
Все мы миром одним
 перемазаны,
Карамазовы все, Карамазовы!

Тут-то Дутин бросил клич:
Смысл жизни как постичь?
Кто даст правильный ответ,
Тот получит десять лет.
Сказано когда-то было
Кем-то, имя время скрыло.
Он услышал много слов
От ослов и мудрецов.
Но запало в душу: голь,
И ещё одно: под ноль.
Стал он
Думать,
Думать,
Думать
Головой
И придумал от открытия
Сам не свой.
Богосносную мы голь
Подстрижём под самый ноль,
Устроим в наущение
Народу обнуление.
Не жалея медяков,
Понакупим мудаков,
Кликнем клич крылатый:
«Выходи, горбатый!»

Обнулённый наш народ
Бурно ринет в хоровод,
И по нынешней по моде
Будет смирно хороводить:
Теперь мы обнулённые,
Духовно просветлённые.
Хороводя хороводы,
Хором песни завели:
Профанация свободы,
Имитация любви.
Али землю носом рыть,
Али родину любить.
Хошь-не-хошь,
Ядрёна вошь,
Хороводить
Будешь тож!
Айлюли и айлюлю,
Всех вас нынче обнулю,
Кто болтает лишку,
Тому будет крышка.
Ни дна вам, ни покрышки,
Девчонки и мальчишки!
Тут цитаты, как цикады,
Зацыкали,
И жучками монады
Запрыгали:
Ты попробуй нас лишить
 первородства,
Тотчас сам лишишься ты
 благородства.

Мой милёнок-обнулёнок
Возжелал меня спросенок:
«Ты моя милашечка,
Моя обнуляшечка,
Люли-люли, айлюлю,
Придвигайся, обнулю!»
Иванушки, Алёнушки,

Все вы обнулёнушки,
Братцы и сестрицы,
Пора всем обнулиться!

Дива будут, чудеса
На земле и в небесах!
Много дивного на свете.
Кто там в малиновом берете
Приехал в импортной карете?
И подвигится млад и стар,
Сквозь пьяный различив угар:
Лука Мудищев — суперстар,
Широкоплеч и яркогуб,
Огромаден, что твой дуб,
Ты, девица, не горюй,
У Луки огромный ус.
И тебе отвалит кус.

Над горой в тёмном облаке —
враг!
Коктебель ты мой, Карадаг!
Сколько мы у подножья
гршили,
Ну, а Макс, глаз прищурив, —
с вершины.
Упивались мы волею вольною,
Хоть и не были жизнью
довольны мы,
До хрена было тогда окаянства,
Только нынешнего не знали
засранства.

Макс великий, Макс огромный,
Духом чист, плотью скромный,
Лучше за гору уйди,
На бесстыдство не гляди.

Тихо!
Ша!
Выступает поганец,
Страны просранной главный
засранец.
О широте он пердит, о
просторах,
О тайге, о полях и о горах,
Он о скрепах триндит, буки,
веди,
О слонах, о клопах, о медведях,
Как прекрасно умирать за
отчизну,
А о тех, кто не спешит,
с укоризной,
И о том, как прекрасно
спросонок
С крепким хреном хрустит
поросёнок.
Долго пудрил мозги Вова Дутин,
Для того и приехал: надуть их
И пустить всех в небо шарами,
Пусть летят под всеми парами.

Ах, мозги, мои мозги дублёные,
Ах, вы скрепы, мои скрепы
краплёные!

В тайге дикой обломился.
 А откуда там косою?
 Сделал перепост пустой.

Как прекрасна, однако,
 природа,

Далека она от народа.
 А в округе — полк солдат:
 За его покоем бдят.
 Бдили они, бдили,
 Чтобы не будили
 Ни медведи, ни гориллы,
 Ни слоны, ни крокодилы.
 Что? Слоны из его снов?
 Тайга — отчизна всех слонов!
 Свистнул рак, запела рыба:
 Лилипутин — это глыба,
 Нет его глыбей
 Средь живых людей!
 Баба Ёжка это знала
 И к себе его зазвала:
 Ему баньку истопить,
 Ни-ни-ни — не укорить,
 Бес спаси — не окормить,
 Словом бабьим окропить,
 Чтобы было рвению
 Удовлетворение.

Бессмертьем бодро тяготясь,
 Главою лысою склоняясь,
 Он, полон разных крупных дум,
 Стоял и горек, и угрюм.

Маленькие люди
 На огромном блюде.
 Не слова — словечки,
 Не овцы — но овечки.
 Маленькая голова —
 Мыслей много:
 Масло, пушки, города
 И дороги,
 Раз дороги —
 Дураки незабвенно,
 Всегда, всюду и везде —
 Непременно,
 Чутьочку переменить —
 Нужна вечность,
 Потому — повременить,
 Бесконечность
 Дум ужасных
 И про то, и про это,
 И атласных, и атасных
 До рассвета.
 А с рассветом
 Всё снова туманно,
 Как таёжное лето,
 Обманно,
 Только это ничаво —
 Мы пробьёмся,
 Как всегда, оно тово —
 Обойдёмся.

Щи и лаптем могём мы
 хлебать,
 Испужали, туды ихню мать!

10 ½ ЛИЛИПУТИН И ВОЖЖА

Стал Вожжа Лилипутину да
 насвистывать,
 Всё сильней, всё пуще,
 неистовой!
 «Мы догоним гадов всех,
 перегоним,
 Мы злодея не провороним,
 Как никогда, мощна оборона,
 Победим любую хворь и —
 корону!
 А кто будет насмешливо
 блеять,
 Будет послан пахать, но не
 сеять!
 Никто не друг нам —
 Всякий враг
 Нас норовит
 Загнать в овраг!
 И, хоть лай ты на луну,
 В мармеладову страну
 Не желают в гости —
 Хотят ломать нам кости,
 Проломить нам репу,
 Порушить наши скрепы,
 Учинить нам Трою —
 Крепость мы построим.
 Как один мы встанем дружно
 Лилипутину на службу!
 Как один мы будем люты,
 Все — Скуратовы Малюты!»

Наш пострел
 Везде поспел,
 Все делишки он уладил,
 Все мыслишки наподадил,

Где сумел, как мог, нагадил,
 Дважды умер и воскрес,
 Вот такой он ушлый бес.
 Стихи втайне сочинял,
 Полагал он: мадригал.

Я Вас, Вы знаете, люблю,
 Я Вас во сне своём лелею,
 Я фото Ваше прикреплю
 На стену, ежели посмею.
 Я буду любоваться им,
 А вместе с ним, конечно, Вами,
 Жестокою судьбой гоним
 И обдуваемый ветрами.
 За Вами всюду я пойду,
 Хоть на край света, даже
 дальше,
 И буду дуть в свою дуду,
 С вами кружась в

 интимном вальсе.
 Мы будем вместе, и тогда
 Никто, ничто не разлучит нас,
 Вы — путеводная звезда,
 И вместе нам шагать по жизни.

Так сочинил он, как сумел,
 Но ей послать стихи не смел,
 Прекраснейшей девице,
 Чудной дьяволице.

День за днём,
 За тенью тень,
 Динь-динь-динь,
 Дрянь, дребедень.
 Бредят выдры,

Бард бредёт,
 Бодро вёдра
 Вор крадёт,
 Мор за мором,
 За веком век
 Живёт мёртвый
 Человек.
 В дупле — белка,
 В земле — крот,
 В руке — вилка,

В морде — рот
 Поглощает
 Бутерброд.
 Из напитков —
 Жёлтый ром,
 Жжённый сахар,
 Жёлт наш дом.

Колдуй, баба, колдуй, дед,
 Расколдуй дремучий бред!

11

ГЛАВА БЕЗ ГЕРОЯ: НАДОЕЛ

Витязь чару смачно пьёт,
 Конь копытом звонко бьёт,
 Из такого молодца,
 Ох, не выудить словца,
 Зато конь исправно ржёт
 И овёс в две пасти жрёт.
 Челом били чёлы,
 Когда были смёлы!
 От напряжения белы,
 Когда были смелы!

А теперь при всём честном,
 при народе
 Поговорим-ка мы о погоде,
 О глобальном, так сказать,
 потеплении,
 О всеобщем — не о нас —
 оглулении,
 Стало больше дураков на
 планете,
 В этом кто виноват, кто
 в ответе?
 С каждым годом на планете
 всё жарче,

В январе нынче, как в марте.
 Что нам делать, как нам быть?
 На кого вину свалить?
 Раз, два, три, четыре, пять,
 Кому за это отвечать?
 Кому до дна за это пить?
 Тому и выпало водить.
 Кого гложет чёрная зависть,
 Тот и будет водить нас всех
 за нос.

А пока была марухе проруха,
 Не один ледник в воду
 чёрную рухнул.
 Перестал бы ты, Ванёк,
 играть гаммы,
 Любовался бы ты, Ванёк,
 ледниками!
 Не один скрипкодёр, чай,
 найдётся,
 Без тебя Карнеги-холл
 обойдётся.
 Кого назначит наглцом,
 Кого назначит стервецом,
 Кого назначит подлецом,

Кого назначит мертвецом,
 Кого назначит?
 Быть наглецом и подлецом,
 Каждый ведь жаждет,
 И быть, к тому же, стервецом,
 И быть почётным мертвецом
 Достоин каждый.
 В этом фарсе главную роль
 Исполняет голый король,
 Впрочем, даже не король,
 а валет,
 И не фарс — комедийный балет,
 В па де де валет и душа
 Всё мельчат стук-постук
 антраша,
 Неестественно странный альянс
 И навеки безмолвный миманс.
 Цирк гремел, подмости
 оскверняя
 Те, что он ещё не осквернил,
 С фарсовой мелодию сверяя
 Ту, что он ещё не отравил.

А травили сухо, деловито
 Тех, кто цирк пытался
 приглушить,
 И в лицо дышали ядовито
 Морды, дело призванные шить.
 И кичились гнусным
 рукодельем
 Наглецы, мерзавцы, подлецы,
 Вышивали неуклюже дельце
 С мелким тельцем старые
 мальцы.
 Бесконечно гнусною тоскою
 Над страную трупный дух
 витал,
 С ядовитой гнильностью
 морскою
 Смешанный.
 И это всё.
 Финал.
 Возгорелся гневный дух —
 Клянул жареный петух.

12 ЭПИЛОГ

Кто-то в шахматы играл,
 Кто на дудочке лабал,
 А беленькие кролики —
 В крестики и нолики.
 А поэт, писавший стансы,
 Тот раскладывал пасьянсы,
 Никогда не выходило,
 Потому что он — мудила.
 Остальные? Вся страна?
 В подкидного дурака!
 До оскомины припелось,

До отвратности приелось.
 Ну, а я?
 Вам про всё,
 От я до а?
 Гаджеты я починаю,
 Между делом стишки сочиняю,
 Вот и нынче пять дней
 сочинявши,
 Не пивши,
 Не евши,
 Не починавши.

Чтоб не вызвать лишней
грусти,
Тут мы кое-что пропустим,
Суть, конечно, не упустим.
Нынче он, великий Жутин, —
Всей державы Лилипутин,
И — пошёл такой маразм,
Что не выдержит мой сказ.
Хорошо бы кончить пиром
И отпраздновать всем миром,
Жаль не получается,
Грустно сказ кончается.
Крысы с корабля летят,
Кораблю тонуть велят.
Ну, а Вова Жутин,
Тот, что Лилипутин?
Серокож и серобрыс,
Повелитель дохлых крыс.

А страна для Жутина —
Большая Лилипутия.
Ейные граждaне —
Лилипутиняне,
Ейные гражданки —
Лилипутинянки,
Ихние детишки —
Лилипутинишки,
Жуткие лгунишки,
Пацанки и мальчишки.
Говорят им: «Будь готов!»
Отвечают в тыщу ртов:
«Я на всё всегда готов!
Душить кошек и котов!
От врагов народа
Защищать природу!
От пидоров-доцентов,
Вражеских агентов
И их ингредиентов!»

А вокруг, а вокруг — карусель
От Бояна и досель:
Вороны, интриги,
Воры и вериги,
Всё, как было, так и будет,
Тот же царь и те же люди,
Не прибавится,
Не убавится.
А кому не нравится,
Тот пушай удавится,
Иль в Арагве, иль в Днепре
 пусть утопится!
Ну, а кто на то мастак,
Пусть в арыке пьёт арак!
Что нам с будущим бодаться,
Нам бы с прошлым
 разобраться!
Доживём ли до того?
В светлом прошлом — ого-го!

Ось страны, увы, сломалась,
Ври-не-ври, но гложет жалость,
Мелкая осталась малость,
На которой никогда
Не добраться никуда.
Улица кончается,
Бычок не бодается.
А была бодлива,
Блаженна и блудлива
Ейная история,
Что пропита в «Астории»,
Не только там, конечно,
Всей страной грешной.
Великая, могучая,
Скрепамы скрипучая
С каждым новым безумья
 приливом
Задыхается суперлативом.

Те, кому мой сказ не по нраву,
 На меня спустят волчью ораву:
 По какому праву такому
 Против лома прѣшь без приѣма?
 Отвечу прямо и точно
 Им хоть заочно, хоть очно:
 По праву вашего скотства
 И с героем почти
 одногодства.

Очень всё это грустно,
 И письменно грустно и устно,
 Родства неродного юродство,
 Сирое это сиротство.

Всѣ, что оплакано,
 Всѣ, что оплачено,

Бесом залапано,
 Бесом загажено.

Спрятав голову в песок,
 Выглянем лет через сто:
 Существует Божий свет?
 Аль мы живы, али нет?

Ну, а где же наш герой
 Пестует свой геморрой?

За Кудыкиной горой!
 Больно он уж коренной!

Ну его,
 Герой не мой!

ОБ АВТОРЕ

Михаил Ковсан родился и вырос в Киеве. Закончил филологический факультет Киевского пединститута. Был старшим научным сотрудником музея книги и книгопечатания Украины.

В 1991 году репатрировался в Израиль. С 2000 по 2008 гг. раввин общины «Йовель» Консервативного движения Израиля.

Автор комментированного перевода ТАНАХа на русский язык, ряда книг по иудаизму и литературоведческих статей (русская литература, теория литературы). Прозаик, поэт. Автор многочисленных публикаций в бумажных и электронных журналах, нескольких книг прозы и поэтических сборников.

Живет в Иерусалиме. Автор нашего журнала.

Юрий ОКУНЕВ
**СОЦИАЛИЗМ В США ВЫШЕЛ
ИЗ ПОДПОЛЬЯ**

РЕАЛИИ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Социалисты и коммунисты, конечно, были в Америке всегда, но эти движения и небольшие партии даже в условиях легальности пребывали на задворках политической жизни. В конце XX века слово «социализм» было едва ли не ругательным — американцы избегали произносить это слово в позитивной коннотации.

Ныне социализм в этой стране вышел из подполья — впервые среди членов Конгресса США и даже среди кандидатов в президенты 2020-го года появились открытые сторонники построения в США социалистического общества. В бывшем Советском Союзе над крышами домов красовался лозунг «Наша цель — коммунизм». Левые социалисты США провозгласили новый американский лозунг «Наша цель — социализм». Окно Овертона отныне открыто для текущего публичного обсуждения возможности и целесообразности построения в США социализма. Слово «социализм» запросто упоминается в СМИ в качестве темы для размышлений о будущем страны. Возможность социалистического выбора открыто дискутируется в противоборстве Демократической и Республиканской партий за места в Конгрессе.

Припоминаю, что, приехав в Америку, некоторое время не понимал разницы между Демократической и Республиканской партиями. Мне казалось, обе партии жестко и однозначно придерживаются ценностей рыночной экономики при минимальном вмешательстве государства, выступают за развитие всех сфер общественной жизни на основе свободной конкуренции индивидуумов, всячески поддерживают стремление людей к реализации их собственной легендарной «американской мечты». Контраст с тем, что я видел в бывшем СССР,

был настолько выразительным, что не позволял увидеть казавшиеся мелочами различия в тенденциях политического тренда этих партий.

На первых выборах, в которых довелось участвовать, я обратился к своему американскому знакомому с просьбой подсказать, за кого голосовать. Он сказал: «Пожалуй, лучше за демократов, — и добавил деликатно, — евреи, как правило, так голосуют...»

Я так и сделал, однако впоследствии, несмотря на многочисленные предложения, ни к одной партии не примкнул, ибо само слово «партия» вызывает у меня идиосинкразию еще с советских времен. В какой-то мере неучастие в реальной партийной работе помогло мне разобраться в сути дела и понять, что названия двух главных партий США на самом деле являются камуфляжными масками, долженствующими скрывать их истинный политический тренд. Прошло немало времени, прежде чем я понял: Демократическая партия в целом ориентирована на социалистический путь развития, а Республиканская — на капиталистический. Это не значит, что среди сторонников обеих партий нет противоположных представлений — далеко не все демократы хотят строить социализм и не все республиканцы одержимы безоговорочной поддержкой капитализма. Здесь мы говорим о генеральном векторе политических предпочтений партий, который складывается из множества неодинаковых и подчас даже неосознанных индивидуальных устремлений.

Что, однако, заметно невооруженным глазом, так это очень слабое знакомство американцев с социализмом, весьма поверхностное, смутное, а подчас и совершенно искаженное представление о сути этого идейно-политического явления. Спектр понимания проблемы американцами чрезвычайно широк: от *«социализм — это диктатура государства с нищенским существованием населения, поэтому Америка никогда не пойдет по социалистическому пути»* до *«социализм — неизбежное светлое будущее американского народа»*, с популярными промежуточными *«не запугивайте нас социализмом»*, *«в социализме много хорошего для простого человека»* и прочими смягченными формулировками.

Примеров здесь не счесть, но вот один из собственного опыта... Мои соседи по дому — довольно преуспевающая, образованная, уже немолодая американская пара — бурно радовались победе Байдена на выборах 2020-го года. Заметив мое прохладное отношение к этой победе, они поинтересовались, не сторонник ли я Трампа. Я объяснил им, что ничей я не сторонник, но определенно противник социализ-

ма в соответствии с моим личным опытом и знаниями, и поэтому голосую за тех, кто против социализма, независимо от их партийной принадлежности и прочих личных качеств. Мой ответ поверг соседей в недоумение: он сказал, что не понимает, какое отношение к социализму имели эти выборы и что я, вероятно, просто озабочен судьбой Трампа, а она спросила: «А что плохого в социализме?» — и добавила: — *Бесплатное образование, бесплатная медицина...*»

Поняв, с каким уровнем знаний о социализме имею дело, я скомкал разговор и буркнул на прощание, что, вероятно, только жившие при реальном развитии социализма могут понять, что плохого в нем...

Наверное, напрасно не ответил я соседям по существу... Потом, демонстрируя остроумие на лестнице, всухую проигрывал, что мне следовало бы рассказать моим соседям о социализме...

Любопытно, что о катастрофически отрицательном опыте построения социализма в Советском Союзе, восточноевропейских странах так называемой народной демократии, в странах юго-восточной Азии, на Кубе и в Венесуэле они и без меня знают и кое-что понимают...

Тем не менее, это искаженное политической пропагандой понимание не убеждает сторонников социализма в его концептуальной и неисправимой порочности. Истинная сущность социализма как общественного строя — монополия государственной собственности, централизованное планирование производства и всех сфер общественной жизни, включая образование, науку, культуру и искусство, диктатура партийно-государственной номенклатуры — как бы ускользает от их внимания и пребывает где-то в стороне от их социалистической идиллии. Они придумывают себе самим всевозможные сказки о каком-то другом, «хорошем» социализме, при котором, видите ли, почти все услуги будут бесплатными за счет государства, а в магазинах сохранится то изобилие, к которому все привыкли при рыночной экономике. «*Мы будем строить демократический социализм, при котором у всех будет не только равенство возможностей, но и равенство результатов!*» — с пафосом убеждают они самих себя и окружающих. Увы, такого социализма в природе нет и быть не может, ибо демократия с подобного рода «равенством» несовместима.

Хочу напомнить, что почти сто лет назад выдающийся русский философ Николай Бердяев в своей знаменитой Теореме о неравенстве доказал невозможность сосуществования равенства людей со свободой. Свобода есть право на неравенство — вот вывод ученого.

Верящие в социализм американцы традиционно ссылаются на якобы положительный опыт социалистических преобразований в Европе, выдвигая чаще всего в качестве образца Швецию. Действительно, во второй половине XX века социалистические идеи начали распространяться в послевоенной Европе. Родившийся в свое время в среде европейских интеллектуалов классический либерализм, рационально обосновавший преимущества свободного рынка без какого-либо вмешательства государства, тот классический либерализм, который неизменно поддерживал индивидуализм, плодотворную конкурентную борьбу и предпринимательский риск капитализма, мимикрируя в неолиберализм, начал разворачиваться на 180 градусов в направлении коллективизма, обобществления, усиления роли государства в экономической, социальной и личной жизни населения, короче — в направлении социализма.

Призрак социализма снова забродил по Европе, отрещиваясь на ходу от того старомодного призрака, которым бредили Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Этот современный призрак появился на свет, когда марксизм уже пребывал в предсмертных судорогах: его молодой отец — левый либерализм, его вечно юная мать — бессмертная навязчивая идея иждивенчества за счет государства. В наше время призрак принял вполне реальные очертания и получил официальное название в научной литературе — европейский социализм. Избегая применять термин «социалистическое государство», его сторонники ввели в обиход понятие «welfare state». Это название можно было бы перевести на русский язык как «социальное государство», если бы такой перевод не противоречил фундаментальному факту — социальное государство уже давно существует в рамках классического капитализма. Представляется, что по-русски welfare state правильнее всего было бы назвать «собесовским государством», памятуя еще по старым советским временам термин «собес» для обозначения органа социального обеспечения.

Призрак европейского социализма, несмотря на все попытки дистанцироваться от марксизма, тем не менее остался призраком, а там, где его пытаются воплотить в реалии, результаты отрицательные. Известные экономические успехи Швеции были достигнуты за счет столетнего господства чистого капитализма при благостном неучастии этой страны в мировых войнах. Многие шведские политики и ученые отмечают, что попытки внедрения социалистических преобразова-

ний приводят к застою в экономике и постепенному растрачиванию потенциала и ресурсов, накопленных за счет капиталистической системы. Подчеркивается, что существование welfare state сопровождается неминуемым и постоянным ростом налогов. Повышение налогов приводит к увеличению стоимости товаров и услуг, сокращению инвестиций и производства, уменьшению числа рабочих мест и появлению новой категории необеспеченных, что вынуждает welfare state вводить дополнительные пособия и делать очередное повышение налогов. Порочный круг «повышение налогов — снижение экономической эффективности — повышение налогов» разорвать пока не удалось.

Изучая шведский опыт, известный ученый, профессор Нильс Карлсон пришел к выводу, что негативные последствия тотальной зависимости общества от государства невозможно измерить лишь экономическими показателями — welfare state неизбежно деформирует характер человека и его мораль. Для тех, кто жил в СССР, этот вывод не является ни новым, ни неожиданным — главным следствием советского социализма было отнюдь не только снижение эффективности экономики, а падение нравственного уровня населения. Как указывал в своей книге «Сумерки» один из идеологов горбачевской перестройки Александр Яковлев, *«выработанные десятилетиями социализма иждивенчество, безответственность, разгильдяйство, вранье, воровство и лень»* сказываются на постсоветском пространстве до сих пор. Профессор Карлсон детально рассмотрел влияние welfare state на человеческое достоинство, которое он определяет *«мерой активной ответственности индивида за свою собственную судьбу и судьбу близких ему людей»*. Здоровый, еще нестарый, трудоспособный человек, живущий на социальное пособие из общественных фондов, не может сохранять уровень достоинства свободного человека — таков вывод ученого. *«Большинство шведов, — пишет он, — так сильно зависят от государства, что не имеют ни средств, ни способности взять на себя ответственность за свои собственные судьбы»*. Резюмируя свои исследования шведской модели welfare state, профессор пишет:

«Общий вывод состоит в том, что бремя welfare state подавляет как экономику, так и человеческое достоинство. И если мы хотим повысить эффективность экономики и поднять уровень человеческого достоинства, следует... существенно уменьшить вмешательство государства и в экономику, и в частную жизнь».

Наряду с европейскими примерами welfare state, приверженцы социалистической идеи, как это ни странно, апеллируют к китайскому опыту построения мощной и динамичной экономики в условиях социализма. Этот пример легко опровергается: современный коммунистический Китай, убедившись в неэффективности социалистической экономики, использует для своего экономического развития рыночные, капиталистические механизмы при контролируемом сравнительно низком среднем уровне жизни населения. Вместе с тем сохраняется жесткая партийная монополия принятия решений, позволяющая ограничивать свободу граждан и держать огромное население в узде социалистической диктатуры. Впрочем, среди тех, кому нравится китайский эксперимент, как-то незаметны желающие лично присоединиться к нему.

История дала людям уникальную возможность проверить на практике социалистическую утопию. В Советском Союзе был построен строгий, рафинированный и беспримесный социалистический строй. Этот грандиозный социалистический эксперимент, продолжавшийся большую часть XX века, привел огромную страну к экономическому и моральному краху. Народам СССР социализм обошелся в десятки миллионов загубленных жизней — одно это чудовищное обстоятельство требует исключительно серьезного внимания к результатам данного социалистического эксперимента.

Казалось бы, советский и другие социалистические эксперименты должны были напрочь отвратить человечество от идеи социализма, но увы — идея оказалась необычайно живучей, ибо именно она, а не сказочно-красивая и якобы неистребимая приверженность рода людского к свободе, соответствует житейским устремлениям населения. Эти устремления раньше других четко оценили и умело использовали жаждущие власти политиканы — они ясно поняли, что социализм открывает им кратчайший путь к бессменной власти и, в конечном итоге, к неограниченной диктатуре. Социализм представляется привлекательным и низам, и верхам — первым он сулит призрачный путь к безбедному паразитическому образу жизни за счет государства, вторым обеспечивает неограниченную власть в таком государстве. Здесь имеет место тот редкий случай, когда низы хотят именно того, что охотно готовы им дать верхи — невероятно трудно противостоять этому совместному притяжению к социализму двух противоположных сил общественного спектра!

Игнорируя отрицательный исторический опыт практической реализации социализма, многие американцы полагают, что противники социализма запугивают их в политических целях. При этом за скобками рассмотрения оказываются результаты теоретических исследований социализма, которые, судя по всему, вообще мало известны американцам.

Один из теоретиков классического либерализма, выдающийся экономист и социолог XX века, Нобелевский лауреат Фридрих Август фон Хайек четко и прямо, как говорят — без обиняков, определил социализм как дорогу к рабству — его книга, посвященная социализму, так и называется «*Дорога к рабству*». И он, и другие видные теоретики классического либерализма XX века, в их числе такие титаны, как Людвиг фон Мизес и Карл Поппер, доказывали, что лежащие в основе социализма обобществление экономики, коллективизм и огосударствление социальной жизни населения неизбежно ведут к тоталитаризму в политическом устройстве общества и постепенному обнищанию населения.

Многие американцы, поддерживающие социалистические преобразования, даже не подозревают, что движутся по дороге к рабству. Современный социализм многолик и склонен рядиться в привлекательные гуманитарные одежды, он захватывает позиции неторопливо, незаметно, изымает права свободных людей тихой сапой под маской покровителя бедных... Вследствие этого многим кажется, что можно выбивать из государства все новые льготы и социальную помощь, оставаясь при этом независимым от государства. Они полагают возможным совместить социалистическую мораль с капиталистической свободой, социалистическое иждивенчество с капиталистическим уровнем экономики. Увы, подобные комбинации не вытанцовываются. Предпринимались попытки построить «социализм с человеческим лицом» — увы, «получилось всё кроме лица». Академик Андрей Сахаров разработал теорию конвергенции, пытаясь сблизить социализм с капитализмом и создать некий симбиоз из лучших качеств того и другого, но и этот проект оказался утопией. Выяснилось, что даже «социализм с человеческим лицом», формально признающий рыночную экономику, в перспективе ведет к устранению свободы. По мнению серьезных социологов и экономистов, социализм в принципе несовместим с капиталистической рыночной экономикой и в своем развитии неизбежно ведет к двум последствиям:

нищенскому среднему уровню жизни и потере достоинства, свобод и прав граждан. Анализируя исторический спор между капитализмом и социализмом, Хайек формулирует эту закономерность еще более четко и жестко:

«Спор о рыночном порядке и социализме есть спор о выживании — ни больше, ни меньше. Следование социалистической морали привело бы к уничтожению большей части современного человечества и обнищанию основной массы оставшегося».

Тем, кто искренне верит в социализм, равно как и тем, кто идет по этой дороге в рабство неосознанно, следовало бы прислушаться к этому выводу выдающегося ученого.

Противники социализма, со своей стороны, остро дискутируют перспективу построения социализма в США. Выделяются оптимистическая и пессимистическая точки зрения. Если кратко, то вот они...

Оптимисты считают, что социализм в США никогда не победит. Они аргументируют это незыблемостью американской конституции, которая не допустит передела собственности и ограничения свобод граждан ни в интересах государственной бюрократии, ни в интересах толпы халявщиков, не желающих работать. Отцы основатели — подчеркивают оптимисты — мудро предусмотрели механизм сдержек и противовесов в политической системе страны, который не позволит экстремистским силам захватить власть и установить социалистический порядок.

Пессимисты возражают, что американская демократия основана на голосах большинства избирателей, и политики всех уровней власти вынуждены делать то, чего желает большинство, а большинство все больше склоняется к иждивенческой жизни под опекой государства. Демографические сдвиги в народонаселении страны — поясняют пессимисты — показывают уменьшение доли граждан, желающих упорным трудом обеспечить высокий уровень жизни себе и своим семьям, и, напротив, демонстрируют увеличение доли желающих получать государственные пособия, то есть жить на халяву. Неконтролируемая эмиграция способствует этому демографическому сдвигу в направлении к социалистическим преобразованиям. Поэтому социализм в США непременно будет построен, хотя, вероятно, длительным эволюционным путем.

Мы воздержимся от собственных предсказаний, относящихся к сфере футурологии...

Однако кое-что можно утверждать с большой долей вероятности: острота борьбы вокруг проблемы социализма в США будет впредь возрастать; в школах, колледжах и университетах студентам уже всю промывают мозги социалистическим раствором с модной сладкой добавкой в виде пресловутого всеобщего равенства; в распахнутом окне Овертона все чаще будут мелькать привлекательные образы социализма с кусками вэлфера от колыбели до гробовой доски в оттопыренном кармане...

Тревожные времена наступают, и не дай Господь нам и нашим детям дожить до точки невозврата, когда бредовые социалистические идеи станут неумолимой реальностью и погубят прекрасную страну США.

ОБ АВТОРЕ

Юрий Окунев — писатель, ученый в области теоретической радиотехники, автор научных монографий, очерков и книг историко-публицистического жанра и художественной прозы на русском и английском языках.

В СССР возглавлял ведущую отраслевую научно-исследовательскую лабораторию по проблемам цифровой радиосвязи. В США работал старшим научным сотрудником в крупных технических фирмах, получил 30 патентов на изобретения, был удостоен награды IEEE «за выдающийся вклад в теорию фазовой модуляции и разработку мобильных систем радиосвязи».

Литературным творчеством занимается с начала 2000-х годов. Опубликовал большое число очерков и книг, в том числе книгу «Ось всемирной истории» на русском и английском, признанную лучшей публикацией года в категории «Мировая история», книги «Феномен еврейской культуры», «Детство, которого не было», «Обратная перспектива» и др. В 2017–2021 годах опубликовал в изд-ве «Алетейя» (С.-Петербург) роман «В немилости у природы» из жизни талантливых ученых в тоталитарном государстве и повесть-мартиролог «Кенотаф» о судьбе людей в годы сталинского террора.

О литературных работах Ю. Окунева помно прочитать на его сайте www.yuriokunev.com

Валерий БОЧКОВ

ВСТРЕЧА В АДУ

ФРАГМЕНТ ИЗ РОМАНА «РИСОВАЛЬЩИК»

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В Испании наступает сезон корриды. В Мексике — сезон петушиных боёв. В России снова рушится империя. Скверно, когда страсть и похоть ты принимаешь за безумную любовь, ещё хуже, если такое случается с тобой в сорок лет и уж совсем плохо, когда всё это совпадает с гибелью страны, в которой ты родился и вырос.

Ты пытаешься заткнуть дыру в своей душе любовью. Но дыра слишком велика — размером со вселенную. А то, что ты принимаешь за любовь — это страх. Страх одиночества и смерти. Страх — очень неподходящий материал для затыкания пробоин в душе.

Лишь любовь даёт бессмертие. Люди неверно трактуют бессмертие как отсутствие смерти. Глупцы. Вечная жизнь — страшная кара. Бесконечная пытка.

Узкий коридор первого этажа упирался в дверь с номером «4». Я опустил сумку на пол, рядом поставил водку. В соседней квартире орал телевизор, оттуда пахло печёными булками. Я нашёл в кармане монету. Первый винт отвинтился легко, я сдвинул пластину с номером в сторону, в углублении действительно лежал ключ.

Проскользнув в квартиру, я осторожно закрыл дверь. Повернул замок на два оборота и щёлкнул предохранителем. Прихожая, не больше моей кладовки, соединялась стеклянной дверью с крошечной кухней, другая дверь вела в комнату. Третья — в убогий санузел. Окна

загораживала листва, деревья жались вплотную к дому, на кухне, кроме газовой плиты на две конфорки, скучала одинокая табуретка с допотопным телефоном болотного цвета. В сумрачной комнате с потолка свисала голая лампочка, посередине стоял топчан на полтора человека. Если лечь поперёк и вытянуть руки и ноги, то запросто можно было коснуться противоположных стен.

Обход квартиры занял меньше минуты. Все стены, включая санузел, были оклеены тусклыми обоями цвета крем-брюле. Пол покрывал мышинный линолеум, от которого хотелось удавиться. Да — в целом квартира выглядела идеальным местом для самоубийства.

Я бросил сумку в угол, сел на топчан. Тоска какого-то совершенно безнадежного сорта накатила на меня. Если бы я помнил, как надо плакать, то наверняка разрыдался бы как ребёнок. Вместо этого я с хрустом свинтил крышку с бутылки и сделал большой глоток. Водка была комнатной температуры и отдавала железом. Я сделал ещё глоток и лёг на спину. Прямо надо мной висела заляпанная побелкой лампочка. От матраса смутно воняло то ли лекарствами, то ли кошкой. Во дворе истошно визжал младенец. Что делать дальше, я не знал.

* * *

Телефонный звонок прогремел среди ночи. Я вскочил, совершенно не понимая, где нахожусь. Наощупь добрался до кухни. Чёртов звонок гремел снова и снова. Я застыл перед телефоном, а он звонил. Поднять трубку или включить свет я не решился. Наконец телефон замолчал. Я ещё минут пять простоял на кухне, глядя на телефон. Подлец молчал. Я вернулся в комнату, лёг и сразу заснул.

* * *

В утреннем свете квартира выглядела почти нормально и напоминала интерьер с плаката по гражданской обороне. Из тех, где при ядерной вспышке рекомендуют лечь на пол и закрыть голову руками. Солнечные пятна золотыми лужицами дрожали на линолеуме, сквозь листву пробивался свет, за окном щебетали какие-то пичуги. Если не считать лекарственной вони от матраса, ощущение было почти дачное.

Попив воды из крана, я поставил телефон на пол и сел на табуретку. Курить не хотелось, но я закурил. Затянувшись три раза, стрях-

нул пепел в эмалированную раковину мойки, наклонился и поднял трубку телефона. Набрал ноль-девять. Ответили почти сразу — девица:

— Мосгорсправка.

Я поздоровался. Она промолчала.

— Мне нужен телефон пансионата управления делами президента России, — уверенным тоном произнёс я, такими голосами говорят в министерствах и прокуратуре.

— Э-э... — начала девица, но я не дал ей опомниться.

— Пансионат «Воскресенское». Телефон администратора. — И добавил милостиво: — Весьма признателен вам.

Девица что-то мяукнула и зашуршала.

— Вот, записывайте... Четыреста двадцать восемь, двенадцать, шестьдесят восемь...

— Спасибо! — выпалил я и нажал отбой.

Тут же, пока не забыл, набрал номер.

— «Воскресенское», — после трёх гудков отозвался вежливый тенор.

— Депутат Бунич, — хамовато представился я. — Соедини меня с номером жены.

— Секундочку... Соединяю...

В трубке звякнуло, щёлкнуло, пискнуло, и голос Ванды зло произнёс:

— Ну что ещё тебе нужно?

Прикрыв трубку ладонью, я тихо сказал:

— Это я.

Она растерянно ойкнула, громко задышала, потом раздался плач.

— Ты... ты... это ты, — всхлипывая говорила она, — милый, это ты. Господи-господи-господи, я же... с ума... с ума чуть не сошла. Милый. Чуть не чокнулась... Господи!

Горло сжалось, вместо слов я выдавил из себя то ли смех, то ли всхлип.

— Милый... — Ванда по-детски шмыгнула носом, — Господи, как же плохо мне было. Как ты мог? Вот так? Я ведь тут чуть не сдохла без тебя!

— Ванда...

— Чуть не сдохла... Вот ты сволочь какая! — Она неожиданно рассмеялась. — Вот ведь гад!

Я засмеялся тоже. Говорить всё равно у меня не получалось. Она смеялась и рыдала одновременно, между всхлипами и смешками втискивала фразы:

— Ведь я загадала... Если не позвонит сегодня — всё... Значит всё... Как тогда на Николиной Горе — когда солнце... солнце — помнишь?

— Ванда...

— Зачем тогда всё это? Без тебя — зачем?

— Я же...

— Как же я тебя ненавидела! Боже — как! Поклялась — убью гада! Если не позвонит сегодня — точно убью! — Она захохотала. — Я ведь могу убить. Ты знаешь, милый, могу. Могу-могу, ты не смейся!

Я вовсе не смеялся. Я сидел на табуретке в пустой кухне перед телефонным аппаратом отвратительно жабьего цвета и плакал. Потом продиктовал ей адрес. Она записала и повесила трубку. А я продолжал сжимать свою и никак не решался положить её: я слушал короткие гудки и мне казалось, если я оборву эту эфемерную связь, то больше никогда не увижу её — мою Ванду.

* * *

Она не приехала. Наступил вечер, потом ночь. Как я не сошёл с ума — понятия не имею. Истерика предвкушения сменилась агонией катастрофы. Более или менее логичные объяснения иссякли, в голову полезла кровавая жуть. Сто раз я хотел позвонить в «Воскресенское», но каждый раз что-то останавливало меня. А когда наконец решился, вместо исполнительного консьержа, на том конце включился автоответчик.

За окном темнела ночь, листья малахитовым узором липли к стеклу, водки в бутылке осталось на доньшке. Я был пьян, но не настолько, чтобы звонить Ванде на Котельническую. Думаю, до критической массы не хватало граммов сто, сто пятьдесят. Ещё пара глотков, и я сам поехал бы туда и в упор расстрелял мерзавца.

Влив в себя остатки водки, я ещё какое-то время бродил по тёмной квартире с пустой бутылкой. Если поднести горлышко к губам и тихо подуть внутрь, то бутылка издаст низкий печальный звук, похожий на гудок парохода. Так потерявшиеся в тумане корабли перекликаются друг с другом. Моему кораблю никто не отвечал. Судя по всему, в этом тумане я оказался в полном одиночестве.

Вдали прогромыхал поезд. Звук был слабый, но очень отчётливый — будто ночью на даче. В перестук колёс вкрадчиво вплетался тихий перезвон сцепок, звук летел сквозь ночь как стеклянная стрела. Я мысленно прочертил безупречную линию. На излёте машинист дал гудок, он походил на вскрик ребёнка. Сигнал отозвался эхом, плоским и безжизненным, словно долетел звук из царства мёртвых. Потом всё стихло.

Нет, не всё. Снаружи что-то зудело. Что-то среднее между трансформаторной будкой и сочинскими цикадами. Я приложил ухо к двери, звук определённо шёл не из подъезда. У окна шум усиливался. Я открыл форточку, высунулся. Там звенело всюду — с переливами и обертонами — зуд то пронзительно взвизывался до ультразвука, то падал в утробные басы. Я захлопнул форточку. Помогло мало. Я сел на топчан и зажал уши ладонями. Источник звука переместился в мой череп. Скорее всего, он там был с самого начала.

Я включил свет в ванной, зажмурился. Наощупь нашёл кран и открутил его до упора. Струя воды была в раковину, заглушая моих цикад. Почти заглушая. Я сполз по стене и втиснулся в щель между ванной и стояком раковины. Пол был ледяной и влажный, будто потный. В бедро больно упёрся револьвер. Я потянул его из кармана, он зацепился курком за тряпку внутри, я дёрнул и с треском порвал карман.

— Сволочь... — пробормотал я.

Потянув за шомпол, откинул в сторону барабан. Высыпал в ладонь патроны. Золотые и маслянистые на ощупь, они напоминали бижутерию. Представить, что такая безобидная финтифлюшка может убить, было просто невозможно.

Я выставил патроны в линейку на полу. Все пять золотистых цилиндриков стояли шеренгой, точно отряд рыцарей-лилипутов. В детстве мы лепили рыцарей из пластилина, а после одевали их в латы, сделанные из тончайшей жести тюбиков зубной пасты. Вы, должно быть, не знаете, что изнанка тюбиков напоминает золотую фольгу: нужно просто разрезать пустой тюбик, тщательно смыть остатки пасты, а после ножницами вырезать доспехи и шлем. От рыцарской армии тянуло «Поморином», мятным «Жемчугом» и детской пастой «Земляника».

Мне всю жизнь везло. Даже до рождения. Удача стала составной частью моей биографии и моего генетического кода. Непременным

элементом моей анатомии — вроде пары рук и пары глаз. Дар, к которому привыкаешь настолько, что перестаёшь обращать на него внимание. Тут удача похожа на деньги. Их тоже замечаешь, только когда бумажник пуст. Но это уже банальщина.

Концепция «русской рулетки» — не водки, а игры — если, конечно, латентную страсть к суициду можно назвать игрой, — никогда особо не занимала меня. Никогда раньше не занимала — точнее будет так. Неожиданно здесь и сейчас, в убогой квартире безнадёжно люмпенского района у меня под рукой оказался пистолет с барабаном и пять патронов.

Вода хлестала из крана, свет безжалостно слепил, в пьяном мозгу сумрачной тенью густело предчувствие какого-то важного откровения. Я взял один патрон и вставил его в барабан.

Жизнь представляется нам путаницей случайностей лишь потому, что мы не можем или не желаем видеть логики событий. Или боимся? Ведь если разглядеть символы и знаки, осознать гармонию хитросплетений узоров судьбы, покорно принять неизбежность грядущего — не сопротивляясь принять, а с радостью — что может быть счастливей и почётней, чем стать частицей величественного замысла гениального творца? Стать фрагментом божественного полотна — вроде того ангела, вписанного юным Леонардо в полотно Верроккьо.

Каждый настоящий художник всего лишь инструмент в руках верховного творца. Не мешать ему — вот главное правило. Это потом в интервью ты можешь врать про свою интуицию или вдохновение, наедине с собой художник осознаёт свою ничтожность. Ты — всего лишь скрипка в руках Паганини. И единственное, что зависит от тебя, — шлифовать ремесло: ты можешь стать виолой Страдивари, а можешь остаться фанерой из магазина «Культтовары» за двадцать три рубля пятнадцать копеек. Безусловно, Паганини может сыграть и на фанере, но кто сумеет оценить это пиликанье?

Я защёлкнул барабан и крутанул его ладонью. Револьвер тускло сиял воронёной сталью, он был убийственно изящен и надменно красив. Удобно — почти уютно — рукоятка устроилась в ладони, мой указательный палец проскользнул и сам лёг на спусковой крючок. Гармония момента поразила меня. Точно кто-то могущественный показал мне устройство Вселенной. И пусть я не понял, но зато интуитивно ощутил идеальность механики и величие замысла. Так

меня, шестилетнего, поразила золотая внутренность дедовских карманных часов, когда мне удалось наконец вскрыть их столовым ножом.

Всё правильно — и бояться тут нечего. Нервная весёлость распира-ла меня, я поднял руку и приставил ствол к виску. Металл оказался неожиданно тёплым. Всё правильно — нужно всего лишь нажать на спусковой крючок и получить доказательство. Заверенный сертификат. Документальное подтверждение того факта, что удача по-прежнему на моей стороне.

Неожиданно, перекрывая шум воды, раздался стук. Стучали в дверь. Стучали громко и требовательно. Я вскочил, больно стукнулся плечом об угол раковины. Стук повторился снова. Я выглянул из ванной. Теперь в дверь долбили ногами. Я бы не удивился, услышав лай овчарок и хлёткие немецкие команды — с такой страстью обычно колотят в дверь ребята из гестапо.

Приблизился к двери и растерянно застыл: покушение на себя представлялось мне несколько иначе — тише и интеллигентней, что ли. Перчатки и отмычки, чёрные очки, снайперы с глушителями в ку-стах.

— Кто? — грозно крикнул я. — Кто там?

Вжался спиной в стену на случай, если киллеры будут стрелять сквозь дверь. Вместо выстрелов услышал злой крик:

— Господи! Да открывай ты!

Ванда ворвалась в прихожую. Набросилась, целуя всё подряд — глаза, щёки, губы, лоб. Она больно тыкалась носом мне в лицо; за один её запах, за эту божественную горечь — смесь роз, водки и сигарет — можно было продать душу. Боже, как сумел я прожить эти дни без неё! Боль, ужас и отчаяние, точно на волосок от виска просви-стела летящая глыба и только сейчас пришло осознание смерти. Как мне удалось уцелеть?

— Я чуть не сдохла без тебя! — Она стонала, сжимая мои щёки до боли. — Как же я ненавижу тебя!

Она рвала мои пуговицы с мясом, страстно трещала ткань. Мы за-валились на пол. Путаясь в чём-то прочно капроновом и эластичном, я пытался добраться до живой кожи. С хрипами и стонами мы вози-лись подобно греческим борцам. Она царапала мне спину, цеплялась ногтями, точно боясь сорваться в пропасть. Наконец моя рука наша-

рила горячее. Ванда охотно подалась ближе. Она раскинула ноги, гулко стукнув каблуком в фанерную дверь ванной комнаты.

— Ну где же! — прорычала мне лицо. — Ну?!

— Вот... — выдохнул я.

Она громко вскрикнула и впилась зубами в плечо. Я тоже вскрикнул, но не только от боли: дистанция из ада в рай оказалась короче одного вздоха. Зелёные бесы обернулись золотистыми купидонами, ржавый скрежет взвился из туманной бездны торжественным до-мажором кафедрального собора, в пробоину серого железобетона брызнула берлинская лазурь — ярко, звонко, радостно.

Боль — не смерть, да и смерть — какой пустяк. Сущая ерунда. За один глоток эликсира вечности можно отдать все сокровища мира. Мы пили жадно — как спасённые после кораблекрушения, как смертники, помилованные в утро казни, как дети в бреду, как уцелевшие гладиаторы, как пехотинцы после штыковой атаки. И если высший миг бескорыстной страсти не есть соприкосновение с бессмертием, то что тогда? Миг, когда мы равны богам. Миг безвременья. Миг абсолютной свободы.

В процессе нам всё-таки удалось раздеть друг друга, особенно сопротивлялись её рубиновые ботфорты, сшитые из тугой кожи какого-то экзотического гада и натянутые до самых ляжек. Ни застёжек, ни молний — как чулок. Меняя позы и придумав на ходу парочку новых, мы осьминогом вползли в комнату и завершили акт на сиротской кушетке.

Смолкли стоны, крики, визг и хохот — на Ванду иногда в момент оргазма находит хохотун, первый раз я даже испугался, теперь ничего — даже нравится, — мы лежали на жёстком матрасе, и я ждал, когда соседи начнут долбить в стену. Сумрачный свет уличного фонаря светился сизыми лужами по полу. Из сумрачных кустов посвистывал если не соловей, то кто-то очень даровитый.

— Это что... — прошептала она.

— Соловей... должно быть, — тихо отозвался я, ленивым пальцем чертя круги в окрестностях её соска.

— Нет, — нежно спросила Ванда. — Вот это?

Она подняла руку, в ней был револьвер. Для дочки мента этот вопрос явно попадал в категорию риторических. Ванда приподнялась на локте, чтобы видеть моё лицо.

— И ты знаешь, как?

Я ухмыльнулся.

— Я серьёзно, — повторила она почти зло.

— Слушай...

— Нет, — перебила она. — Нет! Ты думаешь — сунул патрон, взвёл курок, нажал на спуск — да?

— Ну, ещё надо прицелиться, — хихикнул я фальшиво.

— Прицелиться... Отец говорил, что пистолет в неумелых руках — пропуск на кладбище.

— Ну что, я не стрелял никогда!

— В человека? — Она вскочила на колени, её божественная грудь синхронно подпрыгнула, и я почти инстинктивно потянулся губами к левой.

Ванда оттолкнула меня. Я подался вперёд и чмокнул её в колено, Ванда фыркнула. Моя ладонь попыталась проникнуть между её бёдер, но она крепко сжала ноги и хлётко шлёпнула меня по руке.

— Правда? — Ванда брезгливо покосилась на мои гениталии. — Правда! Вот о чём ты думаешь? Я с ним говорю о смерти, а он...

Мне стало неловко. К тому же момент был явно упущен. Ванда со знанием дела открыла барабан, вытряхнула единственный патрон в ладонь. Посмотрела мне в глаза.

— Бунич убьёт тебя. — На её лицо падал зеленоватый свет, оно казалось чужим и почти страшным. — Он убьёт тебя, а потом меня. Он мне сказал об этом. Сегодня вечером сказал.

Я молчал. Птица в кустах тоже. Ванда вставила патрон, ловко защёлкнула барабан. Неожиданно выставила руку в сторону окна и нажала на спуск. Боёк звонко цокнул в пустую ячейку.

— Ты что?! — шёпотом прокричал я.

— У тебя что, всего один патрон?

— Нет, десять.

— А где они?

— В ванной... И ещё в коробке, запасные.

Она беззвучно опустила револьвер на пол, с тягучей звериной грацией скользнула ко мне. Кончиком языка коснулась соска, после прикусила его зубами. Я вздрогнул, выгнул спину.

— Я думал, мы говорим о...

— Именно, — не поднимая головы, ответила Ванда. — На том свете такого не получишь...

Я нашарил её затылок, накрыл ладонью.

— Убери руку! — приказала она. — Лежи смиренно! Лежи и запоминай. На всю жизнь запоминай...

Её язык совершал неспешную прогулку по ландшафту моего тела, в районе пупка к языку добавились губы, чуть ниже к экскурсии присоединились и пальцы. Я угадал ритм, такие мелодии играют чёрные пианисты в прокуренных барах Гринвич-Виллидж в предрассветные часы. Звуки тягучи как сладкий яд. Ты знаешь мелодию, но музыкант обманывает тебя, он задерживает ноту. Пауза тянется целую вечность, мелодия зависает на самом краю, и ты уже готов отдать всё на свете лишь бы услышать возжеланный звук.

Не знаю, кто делил со мной той ночью мою нищенскую койку — богиня или чертовка, ведьма или фея, чародейка или сам дьявол — но даже на Страшном суде я бы клятвенно подтвердил, что более фантастического оргазма я не испытывал ни до, ни после.

* * *

Моё тело валялось никчёмным трупом, моя душа продолжала выполнять фигуры высшего пилотажа в розовых небесах зефирного рая; краем глаза я видел, как Ванда неслышно поднялась. Прошла, на ходу вытирая рот тыльной стороной ладони, на цыпочках в прихожую, бесшумно открыла дверь и вышла из квартиры. Абсолютно голая. Я с трудом приподнял голову, открыл рот, но выговорить слова у меня не получилось. Я тупо смотрел на полоску сизого света, проникшего из подъезда.

Через минуту Ванда вернулась с чёрной сумкой спортивного фасона. Она аккуратно прикрыла входную дверь. Так же на цыпочках прокралась в комнату и повернула выключатель. Лампочка оказалась ватт на пятнадцать. Вжикнула молния, Ванда подняла сумку и перевернула её. На пол, на кровать, на моё голое тело посыпались деньги. Пачки денег — одни совсем новые, склеенные бумажной банковской лентой, другие — скрученные в тугие рулоны и стянутые аптечными резинками или зажатые большими канцелярскими скрепками.

Ванда молча смотрела на меня, я молчал тоже. Вопросы были, но я их боялся задавать: при всём желании не мог вообразить ответа, который хоть в какой-то степени устроил бы меня.

— Ты сошла с ума... — наконец выдал я. — Это Бунича?

Она кивнула.

— Ты что, их... — Я кивнул в сторону окна. — На улице оставила?

— В кустах. Не хотела сразу...

— Боже... — выдохнул я.

Взял толстую пачку купюр, от них чуть пахло машинным маслом; на бумажной ленте школьным почерком было написано: «Сто тысяч руб.». При всей внушительности сумма была незначительна — меньше тысячи долларов. Два дня назад доллар стоил тысячу сто.

— Твоя? — Ванда кивнула в сторону моей сумки.

— Моя.

Ванда раскрыла её и начала торопливо запихивать туда деньги. Я сел, от ледяного линолеума пятки тут же онемели.

— Ты сошла с ума... — проговорил я и повторил тихо: — Ты сошла с ума...

Ванда вырвала из моих рук пачку купюр, сунула в сумку.

— Теперь он точно убьёт нас, — прошептал я.

Ванда вскинула голову, локтем вытерла мокрую щёку.

— Заткнись, Христа ради! — крикнула резко, глаза у неё были красные со слипшимися ресницами. — Одевайся! Быстро одевайся!

Послушно я натянул майку.

— Прямоком отсюда на Белорусский, покупаешь билет — и дуешь в свой Амстердам.

— У меня нет немецкой визы, транзитная виза нужна... Кажется. Я никогда поездом не ездил...

— Тогда — в Шереметьево!

— Вот прямо сейчас? — с издёвкой спросил я.

— Нет! — рявкнула она. — Сперва штаны надень! С голой жопой в Амстердам не пустят!

— Ещё как пустят! — Я вскочил. — Там все только так и ходят!

Ванда выпрямилась и вlepила мне пощёчину. Я раскрыл рот, но слова застряли где-то в горле, а в голове звенели бубенцы.

— Господи! — крикнула она в потолок. — За что?! За что ты мне подsunул этого идиота! За что, Господи! Почему я втрескалась в этого кретина?! Ну почему! Почему!

Я схватил её за плечи, попытался прижать. Ванда пихала меня кулаками в грудь, потом сдалась и начала плакать.

— Беги! Уезжай немедленно! — Теперь она рыдала не сдерживаясь. — Милый, я найду тебя! Найду! Ведь если он... он тебя...

Я прижимал её голову, как безумный гладил и гладил, целовал в лоб, в макушку.

— Тогда ведь всё... — всхлипывала она. — Всё! Понимаешь, тогда всё кончено!

— А ты? Как же...

— О! Я? Я выкручусь! — Её истеричный восторг испугал меня. — Выкручусь, милый! Да-да-да! Как ящерица — хвост оставлю, но спасусь!

* * *

Я не услышал и не увидел, как он вошёл. Мы с Вандой стояли посередине комнаты, она была голой, я наполовину одет. Я прижимал её, прижимал изо всех сил, словно от этого зависла моя жизнь. Она всхлипывала, уткнувшись мне в ключицу.

Мне показалось, что по ногам пробежал сквозняк, после я ощутил его присутствие кожей. Никогда прежде я не видел его, даже на фотографии. Но узнал сразу. Точнее, не узнал, а именно почувствовал.

Бунич стоял в дверях.

— У вас там замок не закрыт, — сказал он насмешливо. — А замок, друзья, надо закрывать. Времена такие. Столько всяких мерзавцев по московским улицам шляется — страшное дело.

Ванда не вскрикнула, не вздрогнула, она просто начала медленно оседать. Её тело стало вдруг тяжёлым, тяжёлым и безжизненным. Выскользнув из моих рук, она сползла на кушетку, где медленно сторбилась — словно компактно сложилась. После уткнула лицо в колени.

Моё сознание раздвоилось почти физически: одна часть застыла в ужасе, точно остановленный кадр немого вопля из фильма «Броненосец Потёмкин», вторая часть — холодная и бесстрастная — невозмутимо фиксировала происходящее: запах одеколona (цитрус пополам с хвоей, что-то вроде «Ярдли»), неплохие часы с золотым браслетом, дорогие штиблеты вишнёвой кожи, скорее всего, настоящая Италия. Да, и отличный костюм — серый, с радужным голубиным отливом.

Обычного роста, он был отталкивающе красив. Не просто блондин — его небрежные волосы сохранили ярко соломенный цвет, какой бывает у деревенских детей или вокзальных шлюх. С румянцем и красными влажными губами, он походил на персонаж из советского фильма: это обычно профессорский сынок, которого папаша отмазал от фронта, в середине картины этот хлыщ непременно соблазняет подругу главного героя по имени Сергей, ушедшего на

войну и пропавшего без вести где-нибудь под Минском или под Ржевом.

— Мило. — Бунич брезгливо оглядел пустые стены, взглянул на голую лампочку, заляпанную побелкой. — Мило и романтично. А где картины? Мечтал познакомиться с творчеством.

Он хмыкнул. На Ванду он не посмотрел ни разу. Она так и сидела, уткнув лицо в колени. По мне он скользнул взглядом пару раз, но без особого интереса. Именно безразличие, в лучшем случае брезгливость пополам с лёгким презрением, именно эта комбинация обезоруживала меня; к тому же, где-то на самом доньшке моей души притаилось чувство вины. Вот если бы он полез драться, ударил бы Ванду, на худой конец начал бы орать и угрожать — такого типа сценарии разыгрывались в моём воображении сотню раз. В тех мизансценах я знал свою роль назубок.

К тому же он отлично держал паузу. Молчание его абсолютно не тяготило. Он просто стоял, ухмылялся и молчал. На меня проклятая тишина давила как чугунная плита. Я сухо сглотнул и произнёс:

— Деньги... Та сумма... Я заплачу.

Бунич добродушно кивнул.

— Моими бабками? — Он резко пнул пачку купюр, она отлетела к стене. — К сожалению, срок годности того предложения истёк. Всё!

Он звонко щёлкнул пальцами.

— Я заплачу больше... — начал я.

— Разумеется! — Бунич охотно кивнул. — Но уже не деньгами. К тому же их у тебя нет.

— Будут. Мой триптих отобрали в «Сотбис».

— «Сотбис»! — он засмеялся. — Я столько сказок этих слышал от Миши и его дружков-художников в Нью-Йорке! «Сотбис», «Кристи», Гриша Брускин, миллион долларов! Никому ваша мазня не нужна на Западе — никому. Совок, Горби, перестройка — ты думаешь, почему Миша Шемякин вернулся? Была мода, да прошла. Бабки теперь надо делать здесь! А вы их не умеете делать. Не умеете! Потому и врётесь — деньги, мол, не главное в жизни. За деньги счастья не купишь! Любовь и дружба не продаётся!

Он хохотнул и азартно хлопнул в ладоши.

— Ещё как! И любовь, и всё остальное! Вы ведь так говорите потому, что вы нищие. Я тоже был нищим, но я поднялся. Поднялся! Ага — из грязи в князи! Челябинская урла — а теперь с Борис Николаичем за

ручку здороваюсь, в Верховном Совете заседаю, на «шестисотом» по встречной полосе с мигалкой да с сиреной рассекаю! Уа-уа-уа! А ну — кыш с дороги, чернь! Уа-уа-уа!

Бунич покрутил над головой ладонью, изображая сирену.

— Ты знаешь, сколько я в месяц делаю? Сколько у меня точек по городу? По стране? Знаешь? Я не про ларьки, про магазины говорю! — Бунич азартно вскинул руки. — У меня бизнес-клуб на Таганке, с кабаком и дискотекой, сауна с бассейном — массажистки, шлюхи, все дела! Членство — десять косарей зеленью — понял?

Он говорил всё громче, распалаясь и входя в раж.

— В вашей сраной высотке целый этаж купил — ты понял? Тебе-то твоя хаза на халяву досталась, от старухи — я всё про тебя знаю, всё! Тебе — на халяву, а я купил! Вытащил башли — и купил!

Бунич пнул другую пачку купюр, стянутую резинкой в тугой рулон. Как мячик, рулон отскочил от стены. Я проследил траекторию полёта и наткнулся взглядом на ручку револьвера. Он лежал под кушеткой; Бунич его пока не заметил.

— Там раньше дважды герой жил! — выкрикнул он. — Конструктор реактивных двигателей, академик, лауреат! А в другой — певица оперная! Контральто, сука, солистка Большого театра! Ты понял? А теперь я живу! Я! Урла челябинская! На целом этаже высотки на Котельнической!

Депутатский лоск оказался весьма тонок, от интеллигентных манер не осталось и следа. Передо мной был провинциальный урка среднего пошиба. Я скрестил руки на груди и участливо спросил:

— А что ж не в центральной башне? Главный подъезд, консьержка, мраморные колонны. Четыре лифта. Реальные пацаны только там покупают. Чтоб с видом на Кремль. — Я хмыкнул. — Или уж в крыльях, на крайняк-то. А то — над булочной, восьмой этаж, вид — на тройку с плюсом. Нет, не солидно.

Бунич застыл, его глаза побелели.

— Остряк... — прошипел он. — Посмотрим, как будешь шутить, когда на куски тебя резать будем. Ножиками. Ножиками, понял?

Я кивнул, мол, понял. Ванда так и сидела на краю кушетки, сгорбленная и голая. Мне стоило значительных усилий, чтобы не смотреть на револьвер.

Дальнейшее произошло стремительно и сумбурно. Беззвучно, в один прыжок, Ванда оказалась рядом с Буничем. Он попытался её

ударить, но промахнулся, она успела полоснуть ему ногтями по лицу. Он взвизгнул, совсем по-бабьи, зажал щеку ладонью. Сквозь пальцы потекли яркие струи. Не потекли даже — брызнули, как будто раздавили перезрелый помидор. Я нагнулся — револьвер был в моей руке. За этот миг Буничу удалось схватить Ванду и зажать ей шею ловким борцовским замком. Ванда задыхалась, беспомощно пытаюсь освободиться. Я поднял руку и прицелился Буничу в лоб.

— Брось вольну! — фальцетом заорал он. — Шею сломаю сучке!

— Ломай! — Я сделал шаг и ударил его рукояткой револьвера в лоб.

Потом каким-то образом мы оказались в прихожей; я зажал Бунича в угол и тыкал стволом ему в рот, но никак не мог выстрелить. Голос Ванды кричал снова и снова:

— Ну убей его, убей! Пожалуйста! Убей!

У меня ничего не получалось. Должно быть, я был слишком близко, почти вплоты — он рычал и плевался мне в лицо, горячо дышал какой-то мятной дрянью. Будь между нами хотя бы метра два, ну хоть полтора...

И тут я дал маху. Мне показалось, что Бунич выдохся: он перестал сопротивляться, с ругани и крика перешёл на монотонный вой. Он скулил и, кажется, даже плакал. Я ткнул его кулаком в грудь и сделал шаг назад. Бунич медленно наклонился, мне показалось, что он сейчас упадёт. Кровь на щеке и шее засохла коричневой грязью. Пиджак был безнадежно испорчен. Что-то вроде жалости шевельнулось во мне — точнее даже не жалости — сострадания. Разница тут кардинальная: жалость — чувство, направленное на другого человека. Сострадание — чистый эгоизм: мы проецируем чужие беды на себя и практически жалеем себя.

Если вас не били ногой в пах, то объяснять ощущения бесполезно. Когда феминистки обвиняют мужчин в невозможности даже представить боль во время родов, я бы привёл в качестве спорного аргумента именно это ощущение. Похоже на фейерверк со знаком минус.

Мир лопнул и разлетелся раскалёнными кусками во все стороны. Малиновые и лимонные осколки понесли в соседние вселенные. Я сложился пополам и рухнул на пол. Я задыхался. Хватал ртом воздух, но воздух был шершавым и колючим, как стекловата — горячая гадость застревала в горле и не проникала в лёгкие. На какой-то момент я потерял сознание.

* * *

Щека прилипла к полу. Он казался ледяным, от линолеума воняло селёдкой и ещё чем-то химическим. Где-то рядом журчала вода. Я открыл глаза.

— Рыпнешься — пристрелю! Сперва сучку, потом тебя!

Ванда стояла на четвереньках, уткнув голову в стену. Из её разбитых губ к полу тянулась тонкая нитка, похожая на струйку вишневого сиропа. Бунич, уже без пиджака, стоял ко мне вполоборота, ствол револьвера упирался Ванде в затылок.

— Впрочем, тебе по-любому кирдык, — сказал Бунич и гадливо добавил: — Художник.

Я отлепил лицо от линолеума. Упёрся рукой в дверной косяк, кое-как сел. Бунич внимательно следил за мной.

— У меня дружок был, — он кивнул в сторону окна, — там, в Челябинске. Лёха Жмур. Мы с ним ходили на Силикатный — фабричных бить, там площадка, танцы — операция «Тумак» называлось. Лёха мне отлил свинчатку, шипы вставил — круче любого кастета. Сам-то с финкой ходил. Менты на Силикатный даже не совались. Лёха меня учил крови не бояться. Крови и боли. Меня два баклана ногами мудохают, а он стоит и лыбится. После, правда, обоих в ремни порезал.

Зачем он всё это рассказывает? Боль в паху, теперь тупая и тяжёлая, тягучим жаром растекалась по телу. Я попытался вытянуть ноги, но не смог — ног я не чувствовал.

— Лёху утопили — в проруби, прямо под Новый год. А я в столицу рванул. В город-герой. Понял, что в Челяби ловить нечего, да и кулаками много бабок не заработаешь, в бубен-то колотить...

Бунич не договорил и вдруг спросил:

— Ты Ницше читал? — Он засмеялся. — Лёха Жмур в чистом виде! Заратустра, бля! Челябинский! Чтоб подняться, нужно переступить! Через себя, в первую очередь. Через страх, боль, жалость — понял? Переступить! Подняться над собой — сечёшь, фуфел?

Он засмеялся, но тут же осёкся и сморщился от боли. Через всю левую щеку — от уха и до подбородка шли три глубоких царапины, кровь запеклась и раны походили на прилипших к лицу жирных дождевых червей.

— Ты — грязь, — сказал я тихо. — Грязью родился, грязью сдохнешь. И никакие миллионы, никакие «Феррари», никакие квартиры

в высотке не изменяют этого медицинского факта. Грязь и мусор. Тебя даже если во фрак нарядить, в лучшем случае за халдея примут.

Похоже, я ткнул в больное место.

— Гнида! — заорал Бунич. — Я ж тебя на куски живьём резать буду! Сам! Своими руками! Понял?!

— И откуда вы все повылазили? Из каких выгребных ям? Из каких помоек? Как черви после дождя...

— Черви? — Бунич сухо сплюнул. — Черви нынче козыри! Мы масть держим, и поляна эта наша теперь! Вы свой фарт профукали — а почему? Обленились, разжирели... Вам, сволочам, всё на серебряном подносе досталось — извольте откусать: крем-брюле с клубникой не желаете? Страна раком стоит, смиренная, не рыпнется даже, — дои сколько хочешь. Иногда кнутом щёлкнешь для острастки и дои дальше. Они ж на цырлах перед вами — семьдесят лет! Так нет же! Перестройку им давай, гласность и новое мышление — мать твою! Пусть Солженицына читают и Сахарова слушают! Свобода и демократия! А демократией тоже управлять надо! А кому управлять — тебе, что ли? Вон — бабка твоя своими руками деникинцев расстреливала, сперва пытала, а после расстреливала. А ты, сопляк, даже на крючок нажать не можешь...

Он выпрямился. Ствол револьвера упирался Ванде в затылок. В барабане был всего один патрон, но Бунич не знал об этом. Не знал он и о том, в каком именно гнезде находится этот единственный патрон. Но этого не знал и я.

Я пытался разозлить его, вывести из равновесия, надеялся, что он сгоряча сделает глупость. Между нами было всего три шага. Рассчитывать хоть на какую-то помощь Ванды явно не стоило.

— Сопляк, — повторил Бунич, — и дурак. Ради этой вот босявки? Мне-то прописка нужна была, а тебе-то зачем?

Он гадливо посмотрел на голую спину Ванды, на её ягодицы.

— Сучка ментовская. Ты в курсах, что батя её мусорком был? А ты повёлся! Как баклан рюхнулся на манду мусорскую. Вон же — марух ежовых в любом баре пучками срываешь — чего тебе не так? Эта ж — гнилая насквозь! На марафете конкретно сидит — её ж два раза откачивали. Там мозг спёкся... — Он хмыкнул и полез в карман. — Гляди...

Он кинул мне сигаретную пачку. Я дотянулся. Тонкие, дамские «Вирджиния Слимс», те, что обычно курила Ванда. На пачке был

написан адрес этой квартиры. Шариковая ручка в некоторых местах порвала картон.

— Дура же! — Бунич рассмеялся. — Круглая! Забыла на столе — вот умора!

Я достал из пачки сигарету, тонкую, белую, почти игрушечную.

— Да! — обрадовался Бунич, точно припомнив что-то занятное. — Она к тому же и лесбиянка! Не исповедовалась тебе случайно? Подружка у неё есть — Милка. Оторва вроде этой, погань. Но вместе такой цирк исполняют, у меня фотокарточки есть — какой там в жопу «Пентхауз» с «Плейбоем»! Милка тоща вот только, на герыче сидит конкретно. А так порнуха высший класс.

Я нащупал в кармане зажигалку, вынул, прикурил. Бунич следил за каждым движением. Я затынулся, согнул колени, боль полоснула по низу живота. Я выпустил дым и затынулся ещё раз.

— Мразь ты, конечно, отменная. — Я стряхнул пепел на пол. — Такого подонка специально не придумаешь. Ты ведь не человек — карикатура. Как в кино.

— Точно! Из фильма ужасов! — Бунич утробно хохотнул. — Дракула! Давай уж напоследок покуражимся — ты не против? Она точно не против! — Он резко шлёпнул Ванду по бедру. — А уж я тем более!

На бедре Ванды проступила розовая пятерня — чёткая, как печать. Бунич тоже заметил отпечаток.

— Кожа нежная, это да, — ласково произнёс он и погладил ягодицы Ванды. — Как у целочки.

Бунич обладал поразительной способностью переходить с урловой фени на нормальный русский — менялась дикция, выговор, даже тембр голоса — возникала полная иллюзия общения с двумя персонажами. Меня пугала возможность появления кого-то третьего — ещё гаже, ещё страшней, ещё опасней. И он — этот третий — появился. Уже не горластая шпана с рабочей окраины и не приблатнённый прохвост с юридическим дипломом, третий обладал вкрадчивыми хватками живодёра, ледяным спокойствием садиста.

— Ты думаешь, я бы тебя отпустил? — Бунич, наклонив голову, взглянул на меня. — Если б ты сразу баблом ответил?

— Да, отпустил, — ответил я. — И меня, и её.

Подумав, добавил:

— Ты же слово дал.

Бунич внимательно смотрел на меня. Взгляд этот очень мне не нравился. Бунич явно что-то решал и, скорее всего, решение касалось именно меня. Ладонью он механически поглаживала зад Ванды, так люди в задумчивости гладят кошку. Я сделал затяжку и воткнул недокуренную сигарету в линолеум пола.

— Слово дал, — повторил Бунич разочарованно, точно я его подвёл. — Вот видишь... Вы вечно всё усложняете, какие-то правила у вас, условности. Мораль, честь, долг. А у нас правило одно — выиграть. Любой ценой — и никаких других правил больше нет и быть не может. Только победа! Вы же убогие... — Он покачал головой. — Уроды вы. Вот, гипотетически, мне нужно зарезать, допустим, младенца... чтоб получить миллион баксов. Я ведь глазом не моргну. Я и за тыщу зарежу. Могу и даром, если нужно авторитет поднять. А ты ведь даже обсуждать не станешь. Ты сам лучше сдохнешь — ведь так? Так?

— Так...

— А вот если подойти к вопросу не гипотетически, — Бунич оживился. — Конкретно если подойти? Если конкретно на интерес сыграть, а? Вот на эту лярву?

Он ткнул стволом в шею Ванды. Я уже представлял в общих чертах эту игру.

— Бунич, — сказал я устало. — Ты не только подонок, но и кретин. Дегенерат. Ты же сам только что убеждал меня, что правил не соблюдаешь. И тут же предлагаешь играть. Нет, всё-таки ты идиот, клинический идиот. Впрочем, оно и понятно — инцест...

Последняя фраза, очевидно, разозлила его. Я это почувствовал и решил нажать:

— У вас же в Челябинске девка целкой остаётся, если у неё брата нет. Или батяня помер.

Лицо Бунича стало серым. Он медленно поднял руку и направил ствол револьвера мне в грудь.левой рукой сдавил шею Ванды, она застонала. Мне показалось, что в её кулаке что-то зажато.

— Ещё слово... — прошипел он.

— Что — родню вспомнил? Мамашу с папаней? Или сестричку?

Я засмеялся. Мне показалось, что Бунич сейчас выстрелит. Ванда сжимала в кулаке рулон купюр. Я увидел, как она вытащила из рулона скрепку. Большую канцелярскую скрепку из стальной проволоки. Мы из этих скрепок рогатки гнули, а из скрепок поменьше — пульки

делали. Скрепку распрямить, кусачками нарезать, а после согнуть пополам. Больно били, особенно если в шею попасть.

— Сестричка, значит! — крикнул я весело. — Точно, Юлькой зовут!

Бунич оскалился, продолжая держать меня на прицеле. Лево́й рукой он снова шлёпнул Ванду по ляжке, ещё и ещё раз. Потом расстегнул брюки.

— Ну-ка, сука, покажи розовенькое! — Бунич с силой хлестал Ванду. — Ну-ка! Ну-ка! Розовенькое!

Он сжимал свой фаллос, большой и вялый, и пытался впихнуть его в Ванду. Неожиданно Ванда по-кошачьи прогнулась, и он вошёл в неё. Ванда вскрикнула. Бунич издал хриплый рык.

— Фото на память! — крикнул Бунич, целясь мне в лицо. — До встречи в аду!

ОБ АВТОРЕ

Валерий Бочков — известный русский и американский писатель и художник-график. Автор более десяти романов и сборника рассказов, завоевавших большую читательскую аудиторию и принесших автору заслуженную популярность. Лауреат «Русской премии» и «Премии имени Эрнеста Хемингуэя».

Его писательский стиль характеризует гармоничное сочетание философской глубины и психологизма с дерзкой остросюжетностью, динамикой и ярко-фактурными образами. Но главное свойство творчества Валерия Бочкова — абсолютная и вдохновляющая свобода, поднимающая читателя над условностями и страхами.

Валерий Бочков — постоянный автор нашего журнала.

Александр МАТЛИН

ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА

Вечная мерзлота — часть земной коры, характеризующаяся отсутствием периодического протаивания. Вечная мерзлота занимает не менее 25% площади всей суши земного шара.

Из Википедии

Заявляю без ложной скромности: ваш покорный слуга не лыком шит. Я занимаю ответственную должность директора Главного отдела в Главном Институте Вечной Мерзлоты, единственном в стране. А может, и в мире. Ко мне нельзя входить без доклада.

Но в тот день, с которого начинается наш рассказ, нерушимое правило было нарушено: человек вошел ко мне без доклада и даже не постучав.

При его входе я встал. А он сел. И сказал:

— Можете садиться.

Это был лично мистер Хохман, Генеральный директор Института, владелец наших душ и помыслов. Никто никогда не видел мистера Хохмана во весь рост, потому что он никогда ни к кому не заходил. Того, кто ему был нужен, он вызывал к себе и при этом из-за стола не вставал. И вот теперь мистер Хохман явился ко мне сам, во весь рост, без предупреждения.

Я затаил дыхание.

Мистер Хохман достал из бокового кармана газету, положил её передо мной и сказал:

— Вы это видели?

Это была самая важная в стране газета «Май-Вэй Таймс», сложенная наружу статьёй, которая называлась «Институт вечного расизма». Я начал читать статью и похолодел.

«Пора обратить внимание, — писал автор, — на засилье белых мужчин в области исследований вечной мерзлоты. В то время как вечная мерзлота занимает почти четверть суши нашей планеты, руководство Института Вечной Мерзлоты не обращает внимания на расовый состав своего персонала. Совершенно очевидно, что при приёме на работу руководство ИВМ интересуется только квалификацией кандидата, не придавая значения наиболее важным факторам, таким как раса, пол и сексуальная ориентация».

Дальше я не стал читать.

Мистер Хохман спрятал газету в карман и сказал:

— Сегодня в три часа в зале заседаний будет наша пресс-конференция. Вы руководите самым главным отделом, так что будете отвечать на вопросы. Учтите, что ваши ответы должны быть политически корректными.

Этого он мог не уточнять. За годы моей верной службы на благо вечной мерзлоты я научился правильно думать и правильно отвечать на вопросы. Каждая моя фраза, которая начиналась со слов «я считаю», или «я полагаю», или «я думаю», не имела никакого отношения к тому, что я на самом деле считал, полагал или думал. Я знал, что правильно, а что нет, и это было залогом моего успеха. Политкорректность — мудрость преуспевающих.

...Без десяти три зал заседаний был уже заполнен и напоминал выставку фотоаппаратуры. Пресс-конференцию открыл мистер Хохман. Сначала он поблагодарил всех собравшихся за возможность разъяснить позицию Института по вопросу борьбы с расизмом. Затем он поблагодарил газету «Май-Вэй Таймс» за своевременно поднятый вопрос о важности борьбы с расизмом. И, наконец, он поблагодарил свою семью, включая жену, детей и племянников, за поддержку в его неустанной борьбе с расизмом. После этого он представил меня и предложил задавать вопросы.

Сразу взметнулось не меньше десятка рук. Первой прорвалась тощая блондинка с горящими глазами, представитель какого-то важного телеканала.

— Скажите, почему вы называете эту мерзлоту вечной? Вы что, не признаёте неизбежности глобального потепления?

Как принято, вопрос уже содержал в себе и ответ, и обвинение, и приговор. Но меня не так-то просто было взять голыми руками. Я сказал:

— Я чрезвычайно рад, что вы подняли этот вопрос. Это очень важный и принципиальный вопрос. Наш институт совместно с учёными и специалистами в области затронутого вами вопроса постоянно работает над проблемами ...

Моей задачей было отвечать как можно дольше, вкладывая в свой ответ как можно меньше смысла. Этим я достигал сразу двух целей: во-первых, затягивал время, тем самым не оставляя другим акулам пера возможности блистать своим глубокомыслием, а во-вторых, нагонял на них такую тоску, что у них отпадало желание задавать вопросы и хотелось поскорее закончить эту тягомотину и вернуться домой к семье.

Проговорив так минут пятнадцать, я наконец, сжалился над своими слушателями и сказал, обращаясь к тощей блондинке:

— Надеюсь, я ответил на ваш вопрос.

— Нет, вы не ответили, — запротестовала блондинка, на что я и расчитывал. — Признаёте ли вы, что вашей так называемой вечной мерзлотой вы, по сути дела, прикрываете неприкрытый расизм? Потому что вследствие глобального потепления и уменьшения площади суши больше всего пострадает афроамериканское население, которое...

— Спасибо, что вы задали этот вопрос, — отвечал я, воодушевляясь, поскольку это давало мне возможность убить ещё минут десять. —

Учитывая неизбежность глобального потепления, наш институт ИВМ уже изменил название и теперь расшифровывается не как Институт Вечной Мерзлоты, а как Институт Временной Мерзлоты. Позвольте мне далее внести полную ясность...

К тому времени, как я закончил отвечать, аудитория окончательно скисла. Ещё два или три человека попытались что-то спросить, на что я отвечал с таким же энтузиазмом, такой же продолжительностью и такой же тошнотворной бессмысленностью. На этом пресс-конференция закончилась.

Когда мы выходили из зала заседаний, мистер Хохман лично хлопал меня по плечу и сказал вполголоса:

— Молодец. Теперь наводите порядок у себя в отделе. Другие будут с вас брать пример.

— Каким образом? — так же вполголоса спросил я.

— За новостями надо следить, — пробурчал мистер Хохман, скрываясь за полутонной дубовой дверью своего кабинета.

Вечером я посмотрел новости по главным каналам, полистал свежие газеты и к утру следующего дня был готов к борьбе с расизмом, который, как выяснилось, был основной и единственной проблемой нашего существования. Вооружённый политически корректной идеологией, я собрал весь личный состав отдела и для начала объявил:

— Поднимите руку те, кто считает себя расистом.

Мои сотрудники в ужасе переглянулись. Среди них были мужчины и женщины, белые, китайцы и мексиканцы. Была одна чёрная женщина — молодая смешливая секретарша Шаниква Вашингтон. Руку никто не поднял. Я сказал:

— А теперь поднимите руку те, кто не считает себя расистом.

В гробовой тишине все подняли руки, всё ещё не понимая, к чему это ведёт.

— Дамы и господа, — сказал я, — знаете ли вы, что такое привилегия белого человека? Если не знаете, я объясню: это привилегия и позор, с которыми вы родились. Все, за исключением Шаниквы. Это значит, что вы все расисты. Если человек отрицает, что он расист, это как раз и является доказательством, что он есть самый отъявленный расист. Понятно?

Несколько человек подняли руки. Один сказал:

— А если не отрицает?

Конечно, этот вопрос задал Хаим Блюмкин. Скотина. Ему всегда больше всех надо. Эта негодяй может испортить мне всю антирасистскую кампанию по спасению вечной мерзлоты. Я отвечал со всей деликатностью:

— А вы, Блюмкин, заткнитесь. Только расист может задать такой вопрос.

Все поднятые руки разом опустились.

Далее я объяснил притихшей аудитории, что наш институт, как, впрочем, и всю страну, поразил расизм. Это должно быть очевидно каждому, а если кто этого не видит, то он и есть расист. И теперь нам следует направить свои усилия на борьбу с этим злом. Завтра придет пресса, и мы все должны стать на колени перед портретом какой-либо невинной жертвы расизма афроамериканского происхождения, покаяться в своей белой привилегированности и принести извинения за годы рабовладения.

— Вопросы есть?

Поднялся гвалт; начали выяснять, чей портрет может служить объектом коленопреклонения. Кто-то предложил Барака Обаму, кто-то Луи Армстронга. Один пожилой инженер, Франк, настаивал на портрете Сэми Дейвиса. Но все эти кандидаты не тянули на угнетённую жертву, тем более что Сэми Дейвис был евреем, хоть и чёрного цвета. Наконец, другой инженер по имени Стивен, сказал, что его брат работает в полиции, и там на доске объявлений таких портретов сколько хочешь. Он попросит брата сделать копии и принесёт завтра на работу.

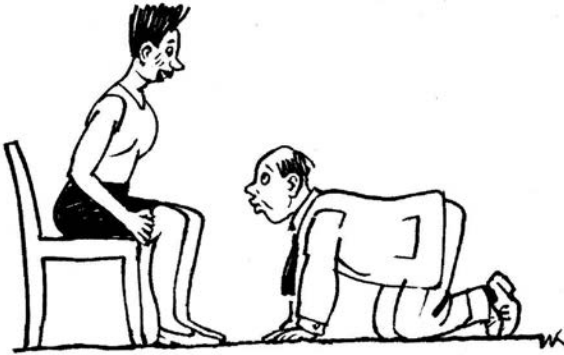
На следующий день мы вывесили полдюжины портретов угнетённых афроамериканцев, которые принёс Стивен, дождались представителей прессы, и я призвал отдел к покаянию в виде коленопреклонения. Но тут Блюмкин заявил, что он еврей и его религия не позволяет ему становиться на колени. Немедленно ещё несколько человек объявили себя евреями. Один инженер, недавний иммигрант из России, в знак доказательства своего иудейства размашисто перекрестился. Опять негодяй Блюмкин портил мне всё торжество. Я сказал:

— Дамы и господа, а также Блюмкин! Вы живёте в свободной стране, и никто не может портить вашу религиозную совесть. Вы имеете полное право добровольно, по зову сердца стать на колени и покаяться в своей постыдной расовой привилегированности. А кто не прислушается к зову сердца, должен подумать о своих квартальных премиальных.

Все, как один, включая Блюмкина и других кандидатов в евреи, разом рухнули на колени. Пресса щёлкала затворами аппаратов, от удовольствия истекая слюной. Чтобы закрепить успех, я приступил к очередному мероприятию по искоренению недуга.

— Господа! — объявил я. — Вы все видели в новостях по телевизору, как белые *супремасисты* в порыве раскаяния целуют ноги представителям угнетённого афроамериканского меньшинства. Мы должны поддержать почин. Если есть вопросы, я постараюсь на них ответить. А вы, Блюмкин, молчите.

Так как Шаниква Вашингтон была единственным представителем угнетённого меньшинства, то выбор автоматически пал на неё.

Шаниква носила коротенькие мини-юбки, и никто не возражал против того, чтобы целовать ей ноги в целях борьбы за правое дело. Пожилой Франк заявил, что у него радикулит, и он не может низко наклоняться, поэтому он в состоя-

нии целовать ноги Шаниквы только выше колен. Немедленно ещё несколько инженеров и техников схватились за поясницы. Шаниква не принимала участия в дискуссии и лишь застенчиво улыбалась. Предстоящая процедура явно ей льстила.

Как я ни старался, моя беззаветная преданность делу борьбы с расизмом не увенчалась успехом. Кампания в прессе против Института Временной Мерзлоты не стихала. Наверно, мерзлота, как снег и лёд, ассоциировалась с постыдным белым цветом расовой привилегии. «Под маской борьбы с расизмом, — писали газеты и вещали телеканалы, — в этом так называемом институте так называемой мерзлоты расизм докатился до того, что уже ставит под сомнение всеми признанное и уважаемое глобальное изменение климата».

Перед зданием института начались хорошо организованные стихийные демонстрации протеста. Демонстранты несли плакаты «Долой вечную мерзлоту!», «Вечно только учение Маркса!» и «Еврея Хохмана на виселицу!». Самые активные молодые люди в знак протеста

разбили стёкла в ближайших витринах и подожгли несколько машин. Одна девушка в знак протеста мочилась на проезжей части.

Мистер Хохман перестал приходить в офис и отвечать на телефонные звонки. Позже выяснилось, что он эмигрировал в Израиль и открыл там свою компанию по развитию вечной мерзлоты в пустыне Негев. Мои сотрудники какое-то время ещё являлись на работу, проникая в здание с чёрного хода.

В разгар событий я получил вызов в суд в связи с заявлением адвокатской фирмы, представляющей интересы Шаниквы Вашингтон. Речь шла о сексуальном домогательстве, которое именуется звучным словом *харрасмент*. Я обвинялся в том, что руководимый мною коллектив отдела *харрастал* сотрудницу Ш. Вашингтон за колени и даже выше, из-за чего её жизнь дала неизлечимую трещину. Теперь ей по ночам являются кошмары в моём зловещем облики. Я попытался объяснить с пострадавшей сотрудницей, но оказалось, что на работе её нет и не будет. Она сидит дома, не отвечает на звонки и к ней приставлена вооружённая охрана.

В это время со мной стало происходить что-то странное. В меня вселился холод. Я стал замерзать независимо от погоды и от того, как бы тепло я ни одевался. Этот мёртвый холод был глубоко внутри, и я чувствовал, что он никогда меня не покинет. Это был вечный холод. Вечная мерзлота.

Институт закрыли по постановлению окружного судьи. Вечная мерзлота была объявлена расистской лженаукой, упоминание термина «мерзлота» запрещено, а учебники и научные труды, в которых этот термин встречался, изъяты из библиотек. Чтобы окончательно разделаться с мерзкой мерзлотой, эти псевдонаучные труды и псевдо-учебники начали сжигать на площади перед зданием вражеского, теперь уже бывшего института.

Заодно, по инициативе газеты «Май-Вэй Таймс», в огонь пошли классики американской литературы, которые сплошь оказались белыми *супремасистами*. Горел Джек Лондон в своём белом безмолвии. Горел Марк Твен. Полыхали Джон Стейнбек, Роберт Пенн Уоррен, Вильям Фолкнер и Джером Сэлинджер. Корчилась в огне Гарриет Бичер-Стоу. На площади царил ликование. Плясали в радостной эйфории молодые мужчины и женщины, и отблески огня плясали на их счастливых лицах...

И вот мы приблизились к концу моего хвастливого повествования, и пришло время поставить точку. Но на самом деле у этой истории нет конца, а есть одно нескончаемое многоточие. Время остановилось. Внутренняя мерзлота навечно выморозила мои эмоции, мысли и желания, включая потребность в человеческом общении. Я погрузился в холодную пустоту одиночества. Знакомые перестали мне звонить и стали избегать встреч. Я потерял друзей и родственников. Я потерял самого себя.

Единственный человек, который помнит обо мне и периодически навещает меня в тюрьме — это сердобольная Шаниква Вашингтон.

Иллюстрации Вальдемара Крюгера

ОБ АВТОРЕ

Александр Матлин — инженер-строитель, специалист по морским сооружениям и портам. В этом качестве проработал более 30 лет в Америке, а до того ещё 15 лет в Москве, откуда уехал в 1974-м году.

Помимо инженерства, в СССР он занимался тем, что писал рассказы и фельетоны и печатал их, в основном, в журнале «Крокодил». В последние годы он печатается в сетевых журналах, в еженедельнике «Панорама» (Лос-Анджелес) и других русскоязычных газетах и журналах Америки и Израиля.

В Москве в издательстве «Вагриус» вышла книга Матлина «На троих с ЦРУ» — полное собрание избранных рассказов и стихов. В нью-йоркском издательстве Mir Collection — рассказы «2=1» на русском и английском. Сравнительно недавно чикагское издательство Bagriy & Cotranu выпустило сборник рассказов «Войти в реку времени».

Постоянный автор журнала «Времена».

Борис САНДЛЕР

ПТИЧКА ПЕВЧАЯ В НОЧИ...

И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

ТРАДИЦИЯ И ИСТОРИЯ

В конце 50-х–начале 60-х еврейские семьи в Бельцах еще держались старых традиций. На Пурим мамы пекли хомен-ташены, флуден и другую выпечку, выкладывали все это на просторную тарелку, накрытую платком, и посылали детей отнести шалахмонес–подарки родным. На Песах устраивали праздничную трапезу-седер, а на Симхат-Тору — совершали акойфэс, обходя с Торой двор синагоги, который в такие дни становился тесным.

В пятом классе мы проходили в школе «Историю древнего мира»: Египта, Месопотамии, Индии, Китая, Греции и Рима. «Империи возникали и империи падали», — делал патетический вывод наш учитель истории Исаак Абрамович по окончании новой темы.

Однажды — мы тогда изучали историю Египта — учитель вызвал к доске моего приятеля Яшу Фельдмана, чтобы тот ответил на вопрос: «Каково было положение рабочих масс в Древнем Египте и как они боролись против угнетателей?».

Видимо, Яша был не совсем готов ответить на такой важный вопрос; тем не менее, он сделал большое усилие, чтобы хоть что-то вытянуть из своих скудных познаний в истории. Работа его мозга отобразилась на его лбу полосками резких складок. И вдруг складки исчезли. Его круглое лицо воссияло, как будто он искупался в горячих лучах ближневосточного солнца.

— Маца! — счастливо воскликнул Яша.

— Что маца? — удивленно и немного испуганно спросил Исаак Абрамович.

— Маца спасла рабочие массы, когда они бежали из Египта, от своих угнетателей! горячо ответил Яша.

НЕ ЖЕНЩИНА, А ЧЕЛОВЕК!

Однажды в морозный день я встретил в редакции «Советиш геймланд» писательницу Ширу Горшман. Она уже одевалась, собираясь покинуть здание. Я подошел, подхватил пальто из ее рук, замер в позе услужливого гардеробщика, готового накинуть тяжелое зимнее пальто на ее усталые плечи.

В ту же секунду я ощутил на своем лице укол ее колючего взгляда. Она взяла у меня пальто и сказала:

— Я не барышня, чтобы вы за мной ухаживали.

— Но вы женщина... — пролепетал я.

— Я не женщина... Я человек, и никому никогда не позволяю подавать мне пальто!

Она накинула на голову толстый серый платок и с трудом натянула на себя тяжелое пальто.

Вдруг ее лицо осветилось, и я услышал ее певучий голос:

— Всегда делайте это для вашей жены. Ей это точно будет приятно.

ПОТЕРЯННЫЕ ШЕДЕВРЫ

Мы знали друг друга много лет. Я слышал, что он пишет стихи на идише, но ни разу не видел их где-либо напечатанными. Обычно мы виделись где-нибудь на идишских встречах. Издалека перекидывались взглядом, приветствовали друг друга кивком головы, и уже после мероприятия, при прощании подходили друг к другу и жали руки. Это длилось мгновение, в которое он непременно вворачивал фразу: «На днях пришлю что-нибудь для «Форвертса»...

Это звучало так, словно он оказывает мне услугу, будто с той минуты и я, и все читатели газеты будем с нетерпением ждать это его «что-нибудь».

И так каждый раз, от встречи к встрече, из года в год... И вдруг! Получаю от поэта письмо по электронной почте. Я было обрадовался: все-таки дождались! Открыл почту и прочел:

«Уважаемый редактор, хочу Вас официально уведомить, чтобы Вы на меня не рассчитывали. «Форвертсу» я больше ничего не пришлю».

Я почувствовал себя виноватым — мир потерял шедевры.

ТРУДНЫЙ ВОПРОС

Я вспоминаю, как в Кишиневе, в самый разгар борьбы за молдавскую независимость, когда республика раскололась на две враждующие стороны — молдавских националистов и промосковских «интернационалистов», — вспыхнула старая ненависть к евреям.

Как бывает в таких случаях, посреди города появился нарисованный маген довид, проткнутый стрелой, а под ним — антисемитские надписи. Напротив высокой зеленой ограды, измаранной такого рода мазней, стоял дворник, с самого утра уже заправившийся водкой. В одной руке он держал ведро с зеленой краской, а в другой — кисть.

Там же в стороне за кинокамерой трудился оператор, выслушивая советы режиссера. Они специально приехали, чтобы, так сказать, увековечить «прекрасные» рисунки и надписи для будущих поколений, так сказать.

Дворник смотрел на забор, потом на киношников и сказал самому себе вслух:

— Им платят, чтобы они из этого сделали кино. А кто заплатит мне, чтобы я всему этому положил конец?

БОРЩ

В те времена, когда я в первый раз летел в Израиль, прямых рейсов до Тель-Авива еще не было. Я летел через Будапешт, где приходилось по восемь часов ждать пересадки в израильский самолет компании «Эль-Аль». Пассажиры из Москвы размещали в особом, укромном, изолированном от всего мира месте, как, боже упаси, прокаженных.

Пассажиры, летевшие в Израиль навсегда, имели при себе немного долларов, которые разрешалось официально приобрести. Мне не так повезло. Я летел в гости, и поэтому «зелеными купюрами» не обладал. Пришлось затянуть пояс и довольствоваться пакетиком бисквитов, оставшимся после завтрака в самолете.

Именно тогда ко мне подсел пожилой еврей и сразу, без предисловий завел со мной разговор.

— Вы понимаете, — в его голосе звучала досада, — я только вошел в ресторанчик. Заглянул в меню, у меня в глазах потемнело: простой наш украинский борщик стоит целое состояние. И был бы хоть борщец, а то ведь его в рот нельзя взять.

— Что же, — наивно спросил я, — вы его все-таки попробовали?

— Я что, сумасшедший — такие деньги платить!

ЗАМОК НА ПЕСКЕ

На пляже несколько мальчишек строили из песка замок. То и дело один из мальчиков бежал с ведерком к морю зачерпнуть воды и топился обратно. Песок нужно было все время поливать, делая его влажным, чтобы стены замка становились все выше и крепче.

В стороне стоял паренек одного возраста со строителями. Руки сложены на узкой, костлявой грудке, одна нога отставлена. Он с них глаз не спускал. Он провожал взглядом каждое их движение, как будто был поставлен над ними надзирателем. Один из строителей повернулся к нему и кивком головы дал понять, что тот тоже может присоединиться к игре; еще две руки не помешают. Однако паренек твердо покачал головой — «нет». И остался стоять на своем посту наблюдателя.

Работа шла быстро, а конца не было видно. Всякий раз начинала расти новая стена и новая башня тянулась все выше. Вмешались мамы: «Завтра закончите! Никто ваш замок не захватит!».

Родители забрали своих детей. И пареньку-наблюдателю тоже нужно было уходить с пляжа. Его тоже позвала мама. «Сейчас, минутку!» — ответил он. Решительно преодолев расстояние в четыре-пять шагов, отделявшее его от песочного замка, он занес над ним ногу и растоптал постройку.

Мгновение он стоял среди развалин, и, довольный собой, отправился прочь, туда, откуда донесся мамин голос.

ТОЛЬКО НЕ ЗАКРЫВАЙ ГЛАЗА!

Помню, когда был совсем еще маленьким мальчиком, играя со мной, мой папа вдруг сказал: «Ты только не закрывай глаза, а то сразу станет темно». Ай, как же мне хотелось увидеть, как станет темно от моих закрытых глаз! Я держал глаза зажмуренными, старательно прислушиваясь, как папа жалуется: «Ой! Ну и темнотища, ой, тьма кромешная... Спасите!» — и я пытался чуть-чуть приоткрыть глаза, чтобы увидеть, действительно ли там, у папы, все так, как он описывает... Но свет сразу проникал в мой зрачок...

Папа смеялся, а я, смущенный, стоял как баран и хлопал и моргал глазами. Что же вы думаете? В известном смысле это все же так: если бы человек не захотел открыть глаза, тьма и мрак так и стояли бы над миром.

Вот вам доказательство. В книге «Тикуней а-зоар» написано: «Раньше всего Бог создал душу». Это написано и в Торе: «Вэ-ха-арецхайта-

тоху-вы-боху вэ-хоших ал-пнэтэхум». — «Ничего не было, было темно и пусто потому, что человеческий глаз был закрыт. Как только глаз открылся, Бог сразу сказал: «Да будет свет!» — и стало светло».

ПАУК И ПАУТИНА

Иногда я смотрю на паутину и не могу отвести глаз — настоящее искусство! Каждая тонкая шелковая ниточка вписана в рисунок и находится на своем месте, ни один узелок не пропал, и ни одного лишнего. Что касается стиля и традиций, тянется эта нить уже десять миллионов лет, ни больше, ни меньше. С появления на земле первых пауков.

Сколько художников, архитекторов, изобретателей пытались, каждый на свой манер, повторить этот шедевр, созданный простым пауком.

Именно такая паутина спасла царя Давида, когда он бежал от царя Саула. Вспомним, что рассказывает агада: «Когда Давид бежал от царя Шауля и скрывался в пещере, Бог послал паука, и тот сплел паутину у входа в пещеру. Шауль подошел и увидел, что вход в пещеру затянут паутиной. Он подумал, что, если бы Давид захотел пробраться внутрь, продираясь, он порвал бы паутину. Видимо, тут никого нет. Шауль пошел дальше, и Давид уцелел».

Ну, а не было бы паука и его паутины, не было бы Иерусалима, и, конечно, не было бы и «Теилим» — псалмов царя Давида...

Но паук остается пауком. Все знают, что паутина, которая вызывает такой восторг, нужна лишь для того, чтобы паук мог поймать в тонкую шелковую нить муху, высосать из жертвы кровь и насытить свое брюхо.

ПТИЧКА ПЕВЧАЯ В НОЧИ

Под окнами моей спальни птичка облюбовала место, чтобы петь серенады. Она разливается в трелях, в виртуозных пассажах так, что сердце у меня заходится от восхищения, хоть бери и считай коленца, ни одно из которых не похоже на другое.

Однако нужно ведь и спать, в конце концов. Но как заснуть, если птичка свистит и дерет горло без остановки, как будто может вовсе не дышать, или как будто сам ее вдох стал частью мелодии. Крутятся на своем ложе, вдруг ставшем чужим, я уже начинал ненавидеть птичку и мечтать о пистолете, чтобы застрелить ее. А птичка все пела, пока я все-таки не заснул под ее пение.

И вот, лежа однажды в снова балующих меня объятиях постели, я вдруг спохватился, что не могу уснуть. Уши сверлила тишина ночи. Соловей не поет! Я начал думать, что такое могло случиться с моей птичкой? Может, между влюбленными случилась размолвка, и он, друг мой, замолчал, потеряв голос от горя. А может, наоборот — его пение тронуло сердце возлюбленной, и они улетели искать свой птичий райский сад.

Я опять заворочался в постели как потерянный, который ищет вчерашний сон. Утром я встал помятым и разбитым, с гудящей головой...

Мне не хватает моей певчей птички!

ТАШЛИХ У РЕКИ РЭУТ

Мне было лет шесть или семь, когда дедушка взял меня с собой на ташлих. На берегу узкой речки Рэут мы были не одни. Горстка евреев стояла там, раскачиваясь, бормоча себе под нос, они выворачивали карманы своих курток и пальто и вытряхивали их над водой.

Уже по дороге домой, я удивленно спросил дедушку:

— Что это было?

— Ташлих! — обошелся одним словом дедушка.

Но от меня было не так легко отделаться.

— А что означает это слово?

— Это не просто слово, — тихий голос дедушки согревал прохладный ночной воздух, — это еврейский обычай, сделать ташлих — означает выбросить в море грехи и грешки всего года...

Я удивился еще больше, вспомнив, как мальчишки смеялись, что Рэут так глубок, что его можно перейти, не замочив ноги. Я сказал об этом дедушке.

— Рэут впадает в большую реку Днестр, а Днестр впадает в Черное море, а вокруг Черного моря живут многие народы... — дедушка взглянул на меня, и в стеклах его очков заблестели первые звездочки.

Больше в этот вечер я дедушку ни о чем не спрашивал, хотя в моей детской голове шевелилось еще множество вопросов, но я не знал, как их задать. Сегодня, когда я сам стал дедушкой, я задаю себе вопрос, который уже созрел в течение моей жизни: почему случилось так, что мы, евреи, сбрасывая свои и чужие грехи в пучину, остаемся виноватыми?!

ДЕРЕВЯННАЯ ЛОЖКА

Среди посуды в нашем доме в Бруклине есть одна деревянная вещь — ложка. Этой небольшой деревянной ложкой я люблю есть кашу. И сразу переношусь в мои детские годы в Бельцах. Я вижу перед глазами книжку с красивыми картинками, и мама читает мне сказку про трех медведей, которые ели кашу деревянными ложками из одной миски.

Я вспоминаю дедушку. Накануне Песаха он обходил весь дом с гусиным пером в одной руке и с деревянной ложкой, в которую он сметал хамец — в другой. Потом он связывал обе вещицы и сжигал в уголке двора.

Я вижу мою бабушку у печи, хлопочущую над куриным бульоном. Она держала деревянную ложку для двух вещей: чтобы снимать пену с бульона и снимать пенки с варенья, которое варилось в широком медном тазу. Я стоял в сторонке и только и ждал, когда бабушка на минутку отвлечется. Тогда я припадал к ложке и облизывал ее со всех сторон...

Деревянная ложка, которой я ел кашу в Бруклине, тоже имела свою историю. Она досталась моей жене в наследство от ее мамы. Мой свекор очень давно купил ее на рынке у молдаванина. Вырезанная из липы, она не один год служила верой и правдой. Об этом свидетельствовали выщербины на левой стороне. Попав в еврейский дом, она, родимая, разделила еврейскую судьбу. Ложка репатрировалась в Израиль. Пережила свою первую хозяйку и много лет спустя — переместилась в Америку, где обосновалась в Бруклине.

И теперь по-прежнему почти каждое утро эта старая деревянная ложка неспешно выскребает кастрюльку и заботливо предлагает мне добрую порцию овсяной каши.

МИЗАЛЭ-МАЙЗЕЛЭ

Одно из первых воспоминаний моей жизни — игра «Мизелэ-Майзелэ». Возможно даже, что эта игра врезалась мне в память не столько из-за того, что со мной играли, сколько потому, что позже, много лет спустя, я играл в «мизалэ-майзелэ» с моими сыновьями, а потом — и с внуками.

Игра очень простая: берут ладошку ребенка, кладут на свою ладонь и, мягко распрямляя ребенку пальчики, «плюют» три раза на ладошку: «тфу! тфу! тфу!». После этого легонько водят указательным пальцем посередине ладошки, как будто хотят сделать норку для мышки и говорят несколько раз: «Мизелэ-майзелэ, мизелэ-майзелэ». Ребе-

нок не спускает глаз со своей ручки, так захватывает его игра. В этот момент неожиданно начинают «бежать» пальцами по детской ручке, вверх, до шеи, и щекочут: «кице, кице, кице!». Ребенок начинает смеяться, и — мышка убежала!

Вы спросите: какое же смысл в игре «мизелэ-майзелэ»? Радость и смех ребенка!

ЦИП-ЦОП МОЛОТОК...

В «цип-цоп» играют с ребенком в полгода-год, когда он уже понимает, чего от него хотят. Лучше всего вовлечь в игру всю семью. Складывают три пальца, как будто хотят взять щепотку соли, чтобы посолить, и кладут на тыльную сторону ладони малыша, потом просят ребенка положить его другую ручку на вашу; затем мама кладет таким же образом свои руки, потом другой член семьи, пока не образуется лесенка из рук. Чем больше людей принимают участие в игре, тем выше лесенка...

Тогда все держат руки сцепленными и поют песенку:

*Цип-цоп молоток,
Приходи ко мне, дружок,
Домик свой я покажу,
Гвозди в миску положу.*

И двигают «лесенку» вверх и вниз, в такт песенке.

Я эту игру хорошо запомнил и любил в нее играть, особенно по вечерам. Это позволяло мне собрать всю семью вместе. Я своим детским умом понимал, что таким способом можно дедушку, бабушку, папу и маму — всех «выстроить» на одной лесенке, пусть хотя бы на несколько минут от песенки у них становится веселей на сердце...

Уже лежа в своей постели, я ломал голову: почему в миске гвозди, а не что-нибудь вкусное? Ответ пришел неожиданно: ну конечно же, лучшее лакомство для молоточка — железные гвозди!

СКОЛЬКО СТОИТ МЕШОК МУКИ

В сумерках, уже перед тем как ложиться спать — я был уже вымыт, расчесан, одет в длинную ночную рубашку, — я забирался к маме на спину. Она держала меня за обе руки, проносила меня через весь дом и провозглашала, точнее, притворялась, что кричит: «Кому мешок муки? Купите мешок муки!». Вот она подходит к дедушке. Он отры-

ваает голову от сидура и целует меня в лоб; потом — к бабушке, которая была погружена в штопку носков. Она тоже меня целует — в щечку. Папа смотрит в газету. Он меня не целует, а слегка шлепает по попке, и есть за что. В конце концов, мама приносит меня к моей кровати, сбрасывает туда и укрывает одеялом. Она нагибается ко мне, касается своими теплыми мягкими губами моего носика и тихо шепчет на ухо: «Доброй ночи, радость моя...»

МОЕ ПЕРВОЕ ДЕРЕВЦЕ

Был уже конец осени. Мне было тогда лет шесть-семь. Наш сосед дядя Давид сажал в саду деревья. Он вырыл ямки за день или два до посадки, и теперь вынимал из сумки тоненькие деревца с клочковатыми корешками, вставлял в ямку и, присев на корточки и придерживая деревце одной рукой, другой засыпал землю обратно в ямку.

Я стоял у жидкого штакетника с нашей стороны двора и смотрел на его работу.

— Хоть раз сажал дерево? — послышался голос соседа.

В мою сторону он не смотрел, спрашивая как будто у себя самого. Тем не менее, я ответил:

— Ни разу!

— Хочешь попробовать?

Такого поворота я от него не ожидал. Я даже подумал, что он дразнит меня: вот скажу ему «да», а он мне ответит: «Ты слишком мал для таких дел!». Я уже не раз это слышал.

— Что же ты там стоишь? — бросил он короткий взгляд в мою сторону, — не знаешь, где калитка открывается?

Через минуту я уже стоял возле него.

— Видишь вон ту ямку возле вашего забора? Ты посадишь там свое дерево.

— Мое дерево?

— Ну да, — спокойно ответил дядя Давид, — ты будешь смотреть за деревом, поливать его, и когда придет время, первым попробуешь его плоды.

— А что за фрукт? — спросил я его как во сне.

— В смысле? Яблоня... Папировка, сорт называется.

Он поставил тонкий саженец в ямку и велел мне засыпать его землей. Я припал к горке влажной земли и быстро, как только мог, начал сгребать землю в ямку.

— Очень хорошо! — похвалил меня сосед. — Теперь неси вон то ведро с водой и полей твое деревце. Пусть напьется.

Я послушался и сделал, как он сказал. Мгновение мы стояли втроем — дядя Давид, я и деревце — и молчали.

— Смотри, — снова заговорил дядя Давид, — он три раза прикоснулся указательным пальцем к тоненькому стволу и из каждого места провел линию в воздухе: — вот здесь весной выйдут на свободу три веточки. Чтобы так случилось, нужно сделать один раз «чик»...

— Что это значит «чик»? — не понял я.

Не теряя времени, дядя Давид вынул из кармана складной ножик, вытащил лезвие и поднес к самой макушке деревца. Я только моргнуть успел, а он уже сделал свой «чик».

— Теперь надо подождать...

— И сколько ждать?

Дядя Давид усмехнулся, потом его улыбка быстро погасла, сменившись едва тлеющей грустью в складках худого лица.

— У тебя есть время... — сказал он тихо. Подняв мешок с несколькими оставшимися саженцами, он перешел к другой ямке.

Среди зимы нашего соседа отвезли в больницу. Больше я его не видел. Его жена переехала жить к дочери, а дом продали. Новый сосед первым делом установил высокий частый забор. Ни щелки не оставил, чтобы можно было хоть одним глазком посмотреть как растет моя яблоня. К тому же у калитки стояла деревянная конура со злой собакой на цепи — не подойти к моему деревцу. Но, по правде говоря, кто мог подтвердить, что это дерево мое?!

И ведь мое деревце, посаженное вместе с дядей Давидом, принялось, через несколько лет глубоко укоренилось и превратилось в высокое, стройное, ветвистое дерево... Нет, не настоящее, а в моих фантазиях. И каждую весну, когда приходила пора, на его ветвях наливались кисло-сладкие сочные зелено-желтые плоды. Они имели тонкую, как бумага, кожицу. Возможно, поэтому и называют этот ароматный сорт яблок «папировкой», что означает «бумажные».

ЖЕЛАНИЯ

Еще в детстве я услышал историю, в которой рассказывалось, как мальчик встретил в лесу старичка. Тот, бедняга, был такой старый и дряхлый, что не мог подняться с бревна, на которое присел пере-

сти дыхание. Мальчик сжалился над ним и помог ему встать на ноги. За добро старик подарил ему «три желания».

— Скажи, что ты хочешь, и каждое твое желание сбудется! — пояснил старик, и его седые густые брови дрогнули: правая бровь опустилась, а левая, наоборот поднялась, как будто подпрыгнула на лоб, и мальчик услышал: — хорошенько подумай! Твои желания только для тебя... и только три...

Старик исчез, а мальчик тут же почувствовал, как голодный червячок начал сосать под «ложечкой».

— Хочу есть! — громко произнес он, и немедленно перед мальчиком прямо на траве вырос столик, уставленный всякого рода яствами — ешь и пей!

Набив свой животик, мальчик лениво потянулся и со сладким зевком проронил:

— Хочу спать!

И тут же на траве перед ним выросла широкая кровать с дюжиной подушек и подушечек — спи-почивай!

Спohватился он ночью. Огляделся и понял, что он все еще в лесу. Сильно испугавшись, мальчик заплакал:

— Я хочу домой!

И в это же мгновение он оказался на пороге дома своих родителей. Назойливая муха жужжала у него в ухе, и мальчик услышал: «Я исполнил три твоих желания!».

Эта сказка так врезалась мне в память, что я вспоминаю ее всю жизнь. Не намертво врезалась, но время от времени она начинает вдруг шевелиться, как голодный червячок под «ложечкой» у того мальчишка. Особенно, когда я очень хотел, чтобы какое-то мое желание сбылось; тогда я мечтал: ах, если бы я сейчас встретил того старичка... Но мне в жизни не суждено было встретить такого щедрого и доброго волшебника.

И все же почти все мои желания, о которых я, конечно же, попросил, если бы его встретил, исполнились. Я долго мечтал иметь велосипед — и папа мне велосипед купил. Правда, он меня сначала предупредил, что я должен учиться на 4 и 5. Позже я из кожи вон лез, чтобы победить в конкурсе скрипачей, и я этого добился. Я по уши влюбился и желал только одного — жениться на одной девушке, и она стала моей женой. Потом я хотел иметь сына — и моя суженая родила мне двоих сыновей...

Годы шли. Мои желания становились все более редкими и скудными, но детская сказка осталась. Иногда я думаю: возможно, все-таки существует старый дедушка, «ламед-вовник».¹ И хотя я его никогда не встречал и никакой услуги ему не оказывал, мои желания все же дошли до него. Хочу надеяться, что его добрые дела вкусили и другие, не только я.

ЦВЕТОК

Кусту шиповника, который растет у меня на заднем дворике, было непросто укорениться на куске земли, отведенном для него на новом месте. В первый год он выпустил слабые, но колючие ветки, словно экономя на цветках и с осторожностью наблюдая, стоит ли это место того, чтобы здесь пустить корни и расти. Был ли у куста выбор?

Еще год спустя, весной, он вытянулся и уже в первые летние дни хвастался передо мной своими девственно-сочными розовыми цветами. В их нектаре купались и пировали пчелы и осы. Я им завидовал.

Прошло еще несколько лет. Куст шиповника стал гордым принцем среди других растений на моем заднем дворике. Он не скупился на роскошь и цвел до середины осени, когда цветы-кубки раскрывались и сбрасывали на землю тысячи бархатных осколков своей увядающей красоты.

Жизнь куста однако шла дальше. Пришло время зрелости. Цветы, как водится, кормят пчел не напрасно. Бурное цветение обратилось тяжелыми плодами — ягодами шиповника. Они красными лампочками усыпали кончики ветвей. Кого они приманивали на сей раз? Двух белок-лакомщиц — только они одни не боялись оцарапаться о колючие ветви и добирались до вкусных ягод.

В начале января от ягод шиповника не осталось и воспоминания. Только тут поутру я увидел красный цветок, завернутый в блекло-зеленые листочки. Он выглядывал из-под свежеснеженного, как курносый девичий носик, чуть замерзший на морозе. В этом цветочке была скрыта и едва билась трепещущая сила, — то ли воспоминание о нашумевшем «вчера», то ли обещание еще не рожденного «завтра».

¹ «ламед-вовник» — один из 36 праведников. Согласно еврейской традиции — минимальное число живущих одновременно и неведомых людям праведников, которым мир в любой момент обязан своим существованием.

СИНИЧКА

Несколько птичек уселись на густые ветки шиповника, который растет на моем заднем дворе в Бруклине. Летом я бы их даже не заметил, так густо куст усеян листьями и цветами, но сейчас, в начале марта, птички свободно пританцовывали, перепрыгивая с одной ветки на другую. Между проржавленных воробьев я заметил синичку, она выделялась своей желтой грудкой, черным галстуком, белыми щеками и черной шапочкой с темно-синим отливом. Краешком глаза я следил за подвижной синичкой, а сам шарил внутренним взором в глубинах моей памяти, как тонким лучом карманного фонарика в темноте, пока не наткнулся на то далекое воспоминание...

...Коля Трифонов сидел на школьной скамейке посреди класса, так зажав в кулаке птичку, что только головка выглядывала наружу. Черные круглые глазки сверкали и маленький ротик клевал пальцы Трифонова, пытаясь вырваться. Коля ухмылялся и дразнил плененную птичку. «Ци-пи-ци-пи», а птичка ему отвечала: «ин-чи-ин-чи».

— Понимает! — пояснил Трифонов на человеческом языке и расмеялся.

Весь наш третий класс окружил Трифонова. Мы лезли через голову, чтобы увидеть такую удивительную находку. Городские дети, для всех птичек у нас было одно название — «птица», никаких различий между воробьем и синицей никто не делал, и вот нате вам — прямо перед глазами живая птичка, которую Трифонов называет «синичка».

Сам Коля Трифонов был тот еще фрукт. Он жил чуть ли не на краю города, и его старший брат был своим человеком на местном птичьем рынке. Кроме голубей, он торговал певчими птицами: канарейками, скворцами, чижиками, чечетками и другими птичками, каждая из которых выглядела по-своему и пела на свой манер, но у нас они назывались одинаково: «птичка»! Коля иногда помогал своему брату ловить птиц. Они вместе шли в близлежащий лесок и расставляли там птичьи ловушки.

Не все в классе об этом знали, но мне Коля доверял свои тайны. Заработок его брата, оказывается, тоже был тайной, потому что ловить и продавать птиц было запрещено.

Уже прозвенел школьный звонок, но никто не торопился сесть на свое место. Коля Трифонов, который во время уроков редко поднимал руку, чтобы ответить на вопрос, поставленный учителем, теперь раздавал ответы направо и налево:

- А что едят синички?
- Что попадется, то и едят, не перебирают.
- Где они живут?
- В дуплах деревьев.
- Сколько у них детей?
- Сколько ушей, столько детей...

Все засмеялись. И тут Инна Шнайдерман сказала:

- Можешь дать мне птичку подержать?

Наступила тишина. Понятно, что Коля не выпустит синичку из кулака. Неожиданно для всех он протянул руку к подставленной ладошке Инны и осторожно разжал пальцы, пока ладони девочки не сомкнулись. Дрожащая синичкина головка снова высунулась, но теперь уже в Ининой ладошке.

Наверное, никогда прежде в классе не бывало такой тишины. Мы даже не слышали, как в класс вошел наш учитель Сатар Федорович.

— Мне тебя так жалко, — почти прошептала Инна Шнайдерман, как будто не она, а ее старая бабушка проговорила ее губами.

Но сказала это Инна, все это слышали, и с этими словами она раскрыла ладошки, как обложки учебника...

Синичка, видимо, не сразу поверила, какое счастье ей выпало. Но это длилось всего мгновение, в следующий миг птичка взмыла в воздух. У класса вырвался крик в 32 голоса — именно столько учеников значилось по списку в нашем классном журнале. Коля Трифонов тоже что-то кричал. Как только птичка вырвалась из ладоней Инны, Коля кинулся к одному из двух окон. Замахал руками, как будто сам тоже собирался взлететь и поймать синичку. Никто не слышал, как он кричал, чтобы не давали синичке приближаться ко второму окну. Все принялись гонять по классу с задранными головами, с писком и улюлюканьем, а бедная птичка носилась под потолком из одного угла в другой.

На мгновение она застыла в воздухе и с силой рванулась ко второму окну. Раздался тупой удар, синичка упала и осталась неподвижно лежать на подоконнике. Влажное красное пятно показалось на стекле...

...Слетевшиеся на куст шиповника гости ненадолго задержались на моем бруклинском дворике. Синичка, как будто дразня меня, махнула гордо выставленным хвостиком и устремилась на свободу, в небеса...

ТРИ СИНДРОМА

Из всех синдромов и бедствий, которые выпадают на долю человека, синдромы, открытые мною в течение жизни, вовсе не опасны. Никаких болезненных и побочных эффектов они не имеют; одним словом, с ними можно прожить жизнь и даже их не заметить.

Я не принадлежу, к сожалению, к тому сорту людей, которые имеют «золотые руки» и могут все в доме делать сами, не обращаясь к мастеру... Нет, забить гвоздь в стену, повесить картину я еще могу, но если нужно исправить, например, кран в душевой, или другую сантехническую неполадку, мне приходится вызывать мастера.

Я заметил, что каждый сантехник, побывавший в нашем доме, стоило ему бросить взгляд на сломавшуюся деталь, сразу начинал спрашивать: «Кто вам ставил этот кран? Настоящий калека! Тут все нужно переделывать...».

По правде говоря, мне приходилось выслушивать подобное не только от сантехников, но обнаруженный синдром я назвал «синдромом сантехника».

Будучи человеком, который никогда не имел собственного автомобиля и потому пользуется общественным транспортом, свой второй синдром я открыл прямо на автобусной остановке в утреннее время, когда все едут на работу и буквально по головам лезут, чтобы попасть в автобус и не опоздать на работу.

Тот, кто стоит снаружи, бедняга, принимается шуметь и кричать на того счастливчика, который уже оказался внутри: «Подвиньтесь... еще немного... там полно места!». Но как только он оказывается внутри, он принимается кричать теперь уже на тех, кто пытается попасть в автобус снаружи: «Куда вы лезете? Вы что не видите, что тут и так уже переполнено... Места больше нет!»

О моем «автобусном синдроме» я вспоминал не раз, приехав в Израиль. Те евреи, которые не собирались перебираться в Израиль, заявляли, что в крошечном Израиле, бедняжке, кнопке уже некуда упасть, куда же там ехать?! Те же, кто уже переехал, вздыхали, что другого выбора все равно нет, придется вертеться и затынуть животы, пока не освоятся.

Мой третий синдром получил название «синдром внезапности».

Люди в моем возрасте довольно часто начинают его чувствовать — «внезапно» наступает кризис, «внезапно» колет сердце, «внезапно» подскакивает давление... Одним словом, одна внезапность уходит,

другая приходит. Что делать с таким «синдромом внезапности»? Мой совет: черпайте наслаждение в промежутке от одной «внезапности» до другой...

Перевод с идиша Юлии Рец

ОБ АВТОРЕ

Борис Сандлер, известный еврейский прозаик, родился в 1950 году в городе Бельцы. Был профессиональным музыкантом, а после окончания Высших литературных курсов при Литинституте им. Горького (Москва, 1981–1983), работал на молдавском телевидении, где вел программу на идише «На еврейской улице».

В 1992 году Б. Сандлер репатрируется в Израиль. Работает в Еврейском Университете (Иерусалим); возглавляет издательство «Лейвик-фарлаг» и издает единственный в мире детский журнал «Кинд-ун-кейт». С 1998 по 2016 г. — главный редактор газеты «Форвертс».

Издal 15 книг прозы и стихов. Книги и отдельные произведения писателя переведены на русский, английский, немецкий, французский, иврит и другие языки. Лауреат ряда престижных премий в Израиле, Канаде и США.

Живет в Нью-Йорке.

Марина ТЮРИНА-ОБЕРЛАНДЕР
ОБМИРЬ МНЕ МИР

Високосный

Двадцатый
тебя мне б хотелось забыть
как странный кошмар
опоясавший землю
отнявший способность
любить и творить
отринувший смыслы
которым я внемлю
вокруг силуэты без лиц и без мыслей
кидаются в стороны как от проказы
я к вам обращаюсь — с призывом осмыслить
своё бытие и загвазданный разум
откройте глаза
одичалые люди
неужто до правды вам нет интереса
неужто же грязная ложья завеса
затмила вам виденье истины?

Судьи
где ваша стезя
и её неподвзятость
куда до — нельзя
забодаться за взяткость
я к вам обращаюсь
ведь вы неподсудны
так ими и будьте
иначе — прощаюсь

КАРТИНКА НА ПАМЯТЬ

В саду Мажорея нездешние краски
среди кактусов можно гулять без опаски
они не исколют
они не изранят
они для картинки изящная рамка
картинки на память
о том как гуляли в саду Мажорея
о том как барашка в тажине мы ели
и как Марракеш обнимал нас за плечи
в подвалах где хлеб поднимался из печи
и гид уводил завлекательной речью
по улочкам и переплётам медины
где двери с кольцом и рукою Фатимы
там в пёстрые нас наряжали кафтаны
с рисунков сошедшие Ив Сен-Лорана
и красным вином погружали в нирвану
луна выплывала в прозрачное небо
и розы цвели там где я ещё не был
но их аромат растекался повсюду
и я Марракеш никогда не забуду
картинка в изящной серебряной рамке
на кактуса фоне в весняности ранней
картинка на память

* * *

Обмирь мне мир
но не обмерь мне меру
налётный вихрь
мне не изверит веру
живой огонь
придёт на зов любви
подставь ладонь
и для неё живи

* * *

Леонарду

Как счастлива была с тобой
но наше счастье мимолётно
и двадцать лет — за упокой
и время — птицей перелётной
а с фотографий бьёт фонтан
такой волшебной жаждой жизни
пересечением дальних стран
прикосновением к отчизне
ты никогда бы не узнал
откуда есть и был ты родом
когда б меня не обуздал
и под венец не ввёл приводом
я расплела бумаги суть
и отрезвила подоплёку
и ты обрёл — не что-нибудь
но корни своего далёка
так мы повязаны с тобой
одной страной
одной судьбой...

* * *

Леонарду

Ты дал мне всё
чем я сейчас живу
не просто к жизни отношеньё
но безупречную канву
для вышивания движенья
к мечте
чтоб завтра наяву
постичь преемство достиженья

* * *

Нас ковид превратил
в затворников
но мы сопротивлялись
кто дань платил
а кто удачлив был
и нам объятия
без страха раскрывались
теперь рука в руке
скользим по насыпи
где камни как и дни
уходят из-под ног
в неведение испуга
мы века пасынки

кровавые огни
нам выбросит восток
под заверенья друга
светило побежит
по неба полукружью
над горизонтом жизнь
потянется к оружию
и завершит свой бег
перед заходом солнца
узрев любви ковчег
на зеркале червонца

* * *

Почаще бы любить
тогда и вдохновенье
сойдёт с небес
не ведая стыда
когда души
тревожное волненье
вползёт под рёбра
раз и навсегда

когда тела
сольются в упоенье
качнётся мир
в преддверии конца
но не иссякнет
жизнью опьяненье
на гребне жажды
сушащей сердца

* * *

Здесь когда-то был лес
а теперь — дома
здесь когда-то был крест
а теперь — тюрьма
крест стоял на горе
осенив собой
и очаг на дворе
и души покой

только канула в тень
благодать креста
оставляя пень
словно неспроста
от домов до горы
трёх шагов и нет
мутных звёзд миры
разделяют след
тех, кто в гору идёт
заложив судьбу
и сносимых с высот
дабы сгнуть в гробу

КОСТИНА ГОРА
ИЛИ ПОСВЯЩЕНИЕ В ГОРНОЛЫЖНИКИ

Заблудился малыш на горе
на девятом своём феврале
поотстав от учителя бдения
не заметив в толпе растворения

он пошёл с безнадёжностью в гору
отмеряя шаги без разбору
и катились бессильные слёзы
вдоль его непокорного носа

тут возникли пред ним англичане
и утешили внука в печали
отвели его в пункт назначения
не сломав его к лыжам влечения

и теперь сверху вниз он уносится
и гора вслед за лыжами просится
обуяло горой увлечение
с открывателем спуска общение

их теперь не разлить водой
Константина
с его горой

* * *

Зачем я вам терзаю нервы
своим невзвезданным стихом
своей нескованной манерой
и нерастраченным грехом
я к вам иду по зову сердца
доверьтесь мне — и аз воздам
но получаю щепоть перца

и шутки с горем пополам
свиданья время предвкушаю
и в снизошедшей тишине
я молча Бога вопрошаю
за что послал Ты это мне —
опять томиться откровеньем
опять желать
опять любить
и опьяняться вдохновеньем
и опьянённою — творить
Ты знаешь — я не жду пощады
Твой дар — и крест
и маята
но Боже
если будет надо
Ты сможешь снять меня с креста?

ИРОНИЧНЫЙ СОНЕТ

Влюбилась. Вот напасть. Но для поэта
любовь — как очевидно — Божий дар.
В груди пылает огненный пожар,
и на бумаге песнь ещё не спета.

Слова нанизываю в чувственные строки,
они роятся на листе пустом,
который смыслом вскроется потом
и чёрно-белым высветится строго.

Мой милый друг — от вас не жду ответа,
хотя с упорством каждый день пишу.
Я просто — каюсь — преданно грешу
бессмертной формой дивного сонета,

которой я как дань преподношу
свою любовь. А после — задушу.

* * *

Твой след исчез
мне не достать тебя
плыву в ладье
по Млечному пути
но заблудилась
там моя ладья
и мне не виден
твой ориентир
куда плыву
или на лунный свет
или на зов любви
но есть она иль нет
остался смех
узилище утех
и в мыслях грех
при пересчёте вех
но стоит ли о нём жалеть?
Ответь...

* * *

Сегодня мне привиделось письмо
от школьной
неразлейводой подруги
в ю-тубе
инстаграме и эксмо
об оповязаньи навязанной подругой
о том что мы
должны следить за всем
что происходит
или сбыться должно
и вовлекать
в сеть утверждённых схем
тех кто блуждает
в неподвластных волнах
былой любви

свободы и добра
заполнявших некогда планету
где мысль в потёмках
ощупью брела
но открывала побужденье к свету
и свет маячил
призрачен и чист
в твоих объятьях
как надежды свист

* * *

Не знаю
сколько тысяч строк
я написала от рожденья
но дар
который дал мне Бог
я приняла без возраженья

с тех пор разреза мир иной
встаёт в моём воображенье
и озаряет круг земной
волшебным таинством творенья

предчувствий света и добра
молитв
умилостивших души
завороженья у костра
и подступа к великодушью

и я судьбу благодарю
за то
что голос мой услышан
и вам с приятием дарю
стихи
ниспосланные свыше

* * *

Всё глубже ухожу в свой мир
и в этом мире замыкаюсь
а в окружающем —
до дыр
уже протёртом —
задыхаюсь

не проникает ветер свеж
в приобретённые прорехи
отравлен глупостью невежд
продавших совесть за утехи
до их не достучаться душ
погязших в мареве разврата
и не вернуть забредших в глушь
прошедших точку невозврата

я говорю себе
оставь
трёхмерность скреп
сдавивших тело
забудь про зимний ледостав
и чувства вешние пределы
смотри на красный диск Луны
пославшей страстное затмение
освобождёньем от вины
и даровавшей вознесенье

ОБ АВТОРЕ

Марина Тюрина-Оберландер — поэт, прозаик и переводчик. Член Союза писателей XXI века, лауреат Международной премии им. Леонардо да Винчи (2018).

Родилась в Ленинграде в семье выдающегося ученого-почвовед, академика И. В. Тюрина. По образованию филолог-скандинавист.

С 2000 года живёт в Вашингтоне.

Автор многочисленных публикаций в периодических изданиях США, России, Германии и др., альманахах «Поэзия» (Россия), «День русской зарубежной поэзии» (Германия), антологиях «Современная датская поэзия», «Современная норвежская поэзия», а также восьми книг — четырёх переводных: роман Барбары Картленд «Революция в любви» (с английского), «Дания и Россия — 500 лет», сборники поэзии Ингер Кристенсен «Свет» и «Трава» и Сёрена Ульрика Томсена «Дрогнувшее зеркало» (с датского) и четырёх оригинальных: «На остром рубеже пространства», «Музыка слов», «Высокая нота» и «I Simply Have to Fall in Love» (на английском языке).

Стихи и рассказы Марины переведены на английский, словацкий и персидский языки.

Альбом песен на стихи Марины «Когда врывается любовь» (композитор Виктор Агранович).

Она — член редколлегии журнала «Времена».

Гари ЛАЙТ
ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

ПРОВАНСАЛЬСКИЙ ДИССОНАНС

Однажды, с известным поэтом
присели за чашкой в Провансе,
строй муз, полуголых при этом,
слетел медитировать в транс.
Возник монолог как беседа,
обоим не нужная вовсе,
исчез и возник Кастанеда,
досталось немного Голсуорси.
Потом о Париже, конечно,
что, мол, букинисты мельчают,
что столь парижане беспечны,
что скоро их выплеснут с чаем.
Я слушал его, не перечил,
что, в общем-то, тоже искусство,
не поле, не грозной, не сечи,
но как, тем не менее, грустно.
И вот кульминация встречи:
он пил «за Россию Донбасса» —
я встал и шагнул в теплый вечер,
он муз своих верных дождался.
Наутро, как два незнакомых
на разных террасах отеля,
мы слов нарочито искомым
найти больше не захотели

КАНОН

Никто не должен никому
 ни пониманий, ни эмпатий,
 ни диктатур, ни демократий,
 ни объяснений — почему.
 Никто не должен никому.

Необозначенный канон
 определён для восприятий,
 самоназначен корпус знати,
 саморазбавлен эталон.
 Необозначенный канон.

Не обладает доброта
 волной преодоления вето,
 сегодня здесь, не завтра где-то
 шанс невелик — один из ста.
 Не обладает доброта.

Несоответствие примет
 как проявление печали,
 не веской, понятой едва ли,
 отчасти видимой в просвет.
 Несоответствие примет.

Суть обобщений ни к чему,
 несовременность соответствий,
 и предсказуемость последствий,
 в решенье выйти на корму.
 Суть обобщений ни к чему.

* * *

Марьяне и Олександру Крамерам

Никто не отменял простых простуд,
таких, что чай с лимоном, плед и кошки.
Где с полки достаётся тот, хороший,
Ремарк, которого иначе недосуг...
В окне — знакомый сызмальства пейзаж —
прозрачный снег на фоне мёрзлой крыши
Мягков в телеспектакле Гафта слышит,
Крым — счастье Грина, но не их, не наш...
А вечером — немыслимый хоккей —
трансляция из Праги, всё на месте,
где побеждают чехи, честь по чести,
и от того, признаться — веселей.
Простуда, в двадцать первом — это дар
сопоставимости, на грани лотереи,
а в песне Галича, про мнимые ливреи,
предупреждение про внутренний радар.

* * *

Високосная книга на втором языке
выдаётся к веригам, чтобы жить налегке,
чтобы верить прошедшим, ослепившим снегам,
ритм всегда сумасшедший и во всём пополам.
Поколения бывших, из советских времён,
кроме жести одышки водрузили на трон,
несуразно и рыхло, записного лжеца,
и боятся, что вспыхнув, не увидят конца.
Молниеносно и рвано, уходя из под ног,
как зажившая рана тормозит эпилог.
Будет новая проза в ключьях старых стихов,
прозвучала угроза не пришедших богов,
и к чему обстоятельств завитых канитель,
если сонм обязательств заглушает постель.

Гравитация станет понемногу другой —
сход лавин в Пакистане, и в Рейкьявике зной.
По традиции грянет тот решительный бой,
по какому предъявят и отпустят домой.
Только дом переехал, изменился язык,
передвинута вежа, улетел материк.
И становится ясно, что с возникшим плато
разговоры напрасны, и совсем не о том.

ПОСВЯЩЕНИЕ КИЕВСКОМУ ПОЭТУ
ОЛЕГУ МАКСИМЕНКО

Такая осень, только будь здоров —
планету удивляет и орбиту,
высоких чаще не хватает слов —
осмыслить эту грань с поста пиита...
На арамейском или прочих языках,
доступных где-то там — на подсознание,
пронзительно звучит в костёле Бах,
преобладают вечных истин очертанья...
В истории порой случаен миг,
где временно буянят неофиты,
их на фальцет срывающийся крик
впоследствии окажется кульбитом...
И остаётся лишь на кошек уповать,
на их покой и силлогизмов созерцание,
нам всеобъемлющий эпитет стоит знать,
с улыбкой стойка умерив это знание.
Я верю, что наступят времена,
для жесткой лексики отыщутся условия,
отдельно взятая покается страна,
и вражеским не будет Подмосковье.
И мы шутивно, непредвзято доживём
до всех невиданных чудес инопланетных,
и виски выдержки столетней разольём
в честь не свершённых схваток арбалетных

ЛЕТО. 70-Е. ОТРЫВКИ ПОЗДНЕГО ДЕТСТВА

Постановочная драма, где рефреном — «Хари Рама»...
Инопланетяне Лема. Ласков зверь на плёнке «Свема».
Сумки из полиэтилена, напрочь без одежды Лена,
у лимана, с гобелена... Буратино из полена...
... И турнирная таблица с первой строчкой у тбилисцев.
Диалог подробный в лицах, нечто каверзное снится.
Из Америки не пишут. Дождь сонатами по крышам.
«Два портфеля...» вместе с Кышем.
Голос «Вашингтона...» слышен:
У «Союза» с «Аполлоном» стык случился законный —
космос, это столь бездонно, если бомбою нейтронной...
У семнадцати мгновений — свастика местоимений.
В механизме пианино — дачный образ Арлекино.
Киностудия «Баррандов» в подсознание метит странно,
голой грудью героини смыв инопланетный иней.
И совсем иначе «Дефа», аризонского рельефа
добавляя в пейзажи, пафос лепит из муляжа.
Отблеск озера в Тракае, образ вяло обтекаем...
Терриконы по дороге — станций узловых пороги,
тех, что станут фронтовыми, но не в том советском мире...
В Сочи пляж опешил хором — катастрофа с «Пахтакором»...
Возвращенье через Фастов, палит август инфракрасным.
Вот открытка из ОВИРа, что там, майна или вира?..
Ненавязчиво и жарко, во дворах, в постелях, а парках...
Проза Маркеса с Ремарком...
В декабре — состав до Чопа, и — Восточная Европа,
а не борт до Ашхабада, и душманская засада...
Тасовалась непредвзято — вся судьба семидесятых.
Новый год, с восьмеркой, Моцарт —
праздник венской позолоты,
а затем — предместья Рима, первая любовь, маслины...
Перелёт над океаном, и совсем иные драмы...

* * *

Яркий промельк — Каролино-Бугаз,
год был семьдесят четвертый кажись,
детство учит отражению глаз
и предсказывает долгую жизнь.
К морю, значит в оживлённом купе
из столицы подневольной тогда,
а затем туда, где словно припев,
навсегда вселился в память лиман.
На века ядро, в стене крепостной,
и волшебный, в двух шагах Хаджибей,
Каролина столь была непростой,
я потом прочёл так много о ней...
А тогда, что взять с мальчишек — футбол,
закалял нас на морском берегу...
А к Некрасову при обыске в стол
твари влезли в этом самом году.
И гоняли закаленную сталь
по экранам чёрно-белой страны,
«Золотой Орфей» — цветной фестиваль,
Сопот, Брыльска, югославские сны...
Только вот на Каролино-Бугаз,
было всё неизмеримо честней,
из роняемых транзисторных фраз,
мир похоже, не был миром теней.
Там звучали страны и города,
те, где, в общем, мы потом заживём,
но в ту пору нас морская вода,
завораживала в августе, днём.
Было лето Каролино-Бугаз,
тем последним светлым летом, когда
детство учит отражению глаз...
Предсказанья не для всех навсегда

* * *

Ане

Остров Виктория — позднее солнышко,
гавань и яхты с соседнего берега,
капли Прованса бутылочным горлышком
не соблюдают каноны лимерика...
Столь пограничны все восприятия,
что даже границы как междометия,
с самой любимой такие занятия
могут продлиться тысячелетия.
На горизонте — горные выступы,
в сердце творится невероятное...
Ни за какие нелепые выкупы
я не отдам это счастье понятное.
Остров Виктория, куда возвращения
необходимы, как книжные истины,
будем работать над произношением,
снова сойдем на единственной пристани

* * *

Всплески неба, свет прибоя —
созерцать всё это стоя,
и внимая с восхищением,
просто попросить прощения
за отсутствие эмпатий
у иных аристократий
доморощенных и прочих,
возводящих к многоточиям,
здравый смысл и отголоски
восприятий лиц у Босха,
аллегорий у Магритта,
страхи Речи Посполитой,

отчужденье Украины,
 пафос философий мнимых,
 оправдание увечий,
 отрицание предтечи,
 повторенье крови Трои...
 Всплески неба, свет прибора

* * *

В стиле фильма «Кентавры» — сериал НТВ,
 пародийные мавры, героин на траве,
 тени стильных брюнеток, зрящий в корень чекист...
 Удручающий слепок, предсказуемый твист:
 «Все не любят Россию, все желают ей зла»,
 но мудра Ефросинья и накажет козла,
 подневольно заставит полюбить до доски,
 крен на Запад исправит, вмажет русской тоски.
 А отдельных пижонов, не желающих так,
 в душах опустошенных, вызывающих страх,
 обречет на гибель режиссерский талант,
 поселенный во флигель, всех спасет лейтенант,
 он по опыту деда, и муштре в ФСБ,
 возвратится с победой на крутом БМВ.
 И одна из брюнеток, вскользь прикрыв наготу,
 вне берёзовых веток даст ему на мосту.
 И полюбят Россию все, кто раньше был слеп,
 обуздают стихию по теории скреп,
 враз отступят с планеты героин и трава,
 дед пожарит котлеты, будут квас и дрова.

* * *

Расклад нелепых перспектив:
Инфинитив из инвектив,
и мягкий знак — печать на приговоре.
Ритм исчезает и мотив,
волна печалит объектив,
всё покрывает нарратив — «чего же боле»...

Нет прежних тамбуров в астрал,
безлюден некий пьедестал,
чудит волна внизу у скал, как на параде,
мир замер, он тревожно мал,
и даже грустный нелегал
взгляд от Гудзона оторвал, и молвил — «бляди...»

Такой вот лета посошок,
из восприятий — только шок,
зато полезен артишок, рецепт от сглаза,
от аллегорий малый прок,
но чётко выучен урок —
колени, пауза, шнурок — иная фаза.
И потому не по пути —
расклад нелепых перспектив.

РЕМЕСЛЕННОЕ

У разочарований есть удел,
обыденный, негромкий, ощутимый,
и от того — уже необратимый,
что вовсе оставляет не у дел.
Но дел иных нахлынувший этап,
размеренно и чинно озаботит,
адвокатура не бывает против,
в защите не уместен злой нахрап.

Теория, удача, прецедент,
 ингредиенты ремесла из дебрей Рима
 являются обыденно-незримо,
 и возникает нерушимый компонент,
 тот самый, что у точных дисциплин
 отсутствует, в пределе доказательств,
 и вопреки стечению обстоятельств,
 возможен вариант, и не один.
 Порой, литературный фолиант,
 и есть тот самый ход, необходимый,
 когда на сцене, вне сюжета и без грима
 случается невидимый диктант.
 И происходит, как на финишной прямой,
 уже неотвратимая победа,
 уверенно, по выбранному следу,
 и это стоит искушения порой.

ОБ АВТОРЕ

Гари Лайт родился в Киеве в 1967 году. С 1980 года живёт в США. Окончил университет (факультеты политологии и славистики), затем юридическую магистратуру.

В 1998 году принят в Союз писателей Москвы, в 2015 году принят в Союз писателей Украины. Состоит в ПЕН-клубе.

Публикуется в литературных журналах Америки, Израиля, Канады, Европы и Украины. Участник антологий «Строфы Века-2», «Киев. Русская поэзия. XX век», «70. Стихи к 70-летию Израиля». В Киеве, Нью-Йорке, Филадельфии, Санкт-Петербурге и Москве в различных издательствах вышло несколько книг автора.

Сборник его стихов «Траектории Возвращений», опубликованный недавно одновременно издательствами в Украине и США, был удостоен литературной премии Национального Союза Писателей Украины им. Николая Ушакова.

Сборник стихов Гари Лайта на английском языке *CONFLUENCES* увидел свет в чикагском издательстве *Bagriy & Company*.

Давид ГАЙ
ГОРЕНШТЕЙН: НЕПРОЧИТАННЫЙ,
ВЕЛИКИЙ

ЗАМЕТКИ К ЮБИЛЕЮ ПИСАТЕЛЯ

1

Пишущие о нем и его творчестве непременно цитируют источник, которому вполне можно доверять (Денис Драгунский).

«Помню, я его спросил (Юрия Трифонова — *ред.*): «Кто сейчас самый интересный писатель, как вам кажется?» Он сказал: «Фридрих Горенштейн». Я первый раз услышал эту фамилию и спросил: «А где его можно почитать?» Трифонов мрачно ответил: «Нигде. Его не печатают».

Присовокупить к этому можно мнение Андрея Тарковского: «Он — гений!» В том же ряду — высказывания других известных знатоков литературы: «Чехов восстал из мертвых»; «второй Достоевский»; «казался единственным русскоязычным кандидатом на Нобелевскую премию...»

Как же так — гений и «малоизвестный, непрочитанный...» Да, так бывает, впрочем, крайне редко. Вот мы и попытаемся ответить на вопрос — почему?

Повод самый подходящий: в марте Горенштейну исполнилось 90 лет со дня рождения и 20 лет со дня кончины.

Ради справедливости отметим: писатель являлся признанным мастером создания киносценариев. Среди широко известных фильмов, снятых по его сценариям, — «Солярис» Андрея Тарковского и «Раба любви» Никиты Михалкова. Всего он написал, наверное, два десятка сценариев — в том числе для Андрона Кончаловского, Али Хамраева, Алова и Наумова, Ларса фон Триера... Платили за эту работу хорошо,

на эти гонорары он жил. Его просили исправить сценарии других, он профессионально выполнял заказы, при этом его не волновало, будет ли его имя присутствовать в титрах. Чаще всего не присутствовало.

При жизни писателя в СССР была напечатана лишь одна его вещь — рассказ «Дом с башенкой» (журнал «Юность», 1963 г.). Еще он отдал в скандальный бесцензурный альманах «Метрополь» повесть «Ступени», о чем потом сожалел. Власти всполошились, последовали репрессии, некоторым перекрыли кислород, их перестали публиковать. Василий Аксенов полагал, что альманах поможет ему и некоторым другим эмигрировать. А с Горенштейна как с гуся вода — его как прозаика мало кто знал, дотоле не печатали, и после не печатали.

И тогда он решился на необычный шаг. Он отправил в КГБ рукописи неопубликованного с просьбой принять и поговорить. Через некоторое время его вызвали на Лубянку. Принял его некий чекист в чине капитана.

Их разговор со слов Горенштейна пересказал его тогдашний приятель режиссер Левитин.

«...Вы знаете, Фридрих Наумович, мы все прочитали». — «Ну и что в моих книгах антисоветского?» — «Абсолютно ничего. Абсолютно. Но с той же полной уверенностью могу сказать, что в ближайшие сто лет здесь, у нас, они напечатаны не будут». — «Почему?» — «Это трудно объяснить, но не будут». — «Так что, мне уезжать?» — «Мы не можем решать вопрос вашего отъезда. Наша организация некомпетентна в этом, но если вы нуждаетесь в нашем совете, то уезжайте».

В 1980-м Горенштейн уехал в эмиграцию в Германию.

2

В конце лета прошлого года в мире началось повальное увлечение южнокорейским киносериалом «Игра в кальмара». Его посмотрело более 100 млн. человек. В тот период это был самый крутой фильм в истории Netflix. В сериале организаторы собирают 456 находящихся в отчаянном положении людей (в основном по причине безнадежности их долгов), дабы «дать им шанс» выиграть примерно 38 млн. дол-

ларов (более 46 млрд. в корейских вонах). Играть надо в детские игры «на выбывание»: проигравших убивают. Некие «випы» наблюдают со стороны и делают ставки.

Я одолел пять серий и бросил смотреть — уж больно жуткое зрелище. Разум отвергал объяснение происходившего на экране «достоешчиной», где на извечный вопрос «Кто виноват?» всегда есть готовый ответ: «Среда заела». Нет, не в «среде» дело: южнокорейское кино — про всех нас и про то, как мы обустроили этот мир. И про то, что люди сами по себе безнадежно несовершенны.

Цитата из статьи публициста Георгия Бовта по поводу сериала.

«Когда вам втирают про то, что каждый в жизни имеет свой шанс и надо стараться его не упустить, то знайте: легенду про «каждый имеет шанс» придумали жулики. А еще знайте, что правила игры определяют не вы. Всегда. Вы сможете в этой жестокой жизни рассчитывать только на себя.

Когда вы думаете, что надо быть сильным, жизнь потребует от вас быть хитрым. Когда вы поставите на ум, то потребуются грубая сила или умение прикинуться идиотом. Когда вы решитесь пойти первым, выяснится, что лучше бы вам не торопиться и не бежать впереди паровоза.

А представьте себе ситуацию, когда такой же по сюжету фильм был бы снят на русском материале. Представили? Тут был бы тот же крошечный кровавый ад, что, пожалуй, к показу запретили бы сразу же. В российской истории были свои «голодные игры». Строительство социализма и коммунизма им вовсе не мешало. И они тем более не кончились сейчас. Эти игры не кончатся никогда.

А теперь попробуйте себе задать вопрос о том, на что вы бы пошли, сложись у вас невыносимая жизненная ситуация и вам предоставили бы тот самый мифический Шанс решить все ваши проблемы, пройдя некие «испытания», которые вам поначалу кажутся выполнимыми, а моральные терзания по данному поводу — вполне терпимыми. Иными словами, какова ваша цена как «игрока в кальмара»?

Вспомнилось это, когда, готовя статью к юбилею Горенштейна, я перечитал его вещи, некоторые его интервью и нашел, как мне кажется, весьма важное откровение писателя, проливающее свет на его

творчество. Журналист Юрий Векслер задает вопрос: «У Горького есть рассказ «Рождение человека», где солнце по воле авторской фантазии «думает»: «А ведь не удались людишки-то!» Читая ваши книги, можно предположить, что такой взгляд на человечество как на неудавшееся племя вам близок? И Горенштейн отвечает: «Почему это мой взгляд? И это не Горького взгляд. Это из Библии взгляд. Поэтому и был Всемирный потоп и так далее... Моя позиция безусловно отличается от позиции гуманистов. Я считаю, что в основе человека лежит не добро, а зло. В основе человека, несмотря на Божий промысел, лежит сатанинство, дьявольство, и поэтому нужно прикладывать такие большие усилия, чтобы удерживать человека от зла. И это далеко не всегда удается».

Вот почему я сопоставил увиденное на экране с прочитанным у Горенштейна. Человек человеку — кальмар. По поводу же отношения к гуманизму... Быть гуманистами легко и просто: если человек от природы добр, полюбить его не составляет труда. А если наоборот? Тогда такая любовь потребует немалых усилий. «Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит». Проза Горенштейна — именно такая, горькая, трагичная, читать его нелегко, даже мучительно. Мог ли он стать кумиром читателей как, скажем, Довлатов, поднятый на пьедестал, писавший о полустрастях, не о трагедиях, а о мелких неприятностях? Нет, конечно.

3

Биография, бесспорно, оказывает влияние на творчество. Горенштейн рос сиротой. Отца, профессора экономики, расстреляли в 37-м. Мать работала директором интерната для трудновоспитуемых подростков. После ареста мужа она схватила маленького сына и скрылась. Кочевала по маленьким городкам, работала где придется. Сменила фамилию, вернув девичью — Прилуцкая. Умерла она в 43-м, возвращаясь из эвакуации. Фридриха приютили ее сестры, забрав из детдома...

Сюжет рассказа «Дом с башенкой» навеян мытарствами автора, вспомнившего детские годы. Военной зимой мальчик с больной матерью возвращается из эвакуации в битком набитом людьми поезде. В одном маленьком городе их высаживают из вагона, мать отправляют в больницу, где она умирает. Мальчик снова едет в эшелоне к месту своего назначения — один среди чужих. *«Мальчик плохо различал*

лица, они были все одинаковы и внушали ему страх». За три дня он становится взрослым, учится различать лица, понимать их поступки.

Было бы ошибкой оценивать рассказ, напомним, единственное произведение, опубликованное писателем в СССР, лишь отдавая дань зоркости его взгляда и цепкой памяти на приметы военного времени. Текст гораздо глубже, многослойнее сюжетных коллизий. В нем уже виден Горенштейн, начисто лишенный иллюзий. Его герой озабочен одним — **как выжить**, при этом писатель, симпатизируя герою, вовсе его не идеализирует. Доброе в нем борется со злым. Ночью он видит, как голодный старик отщипывает кусочек хлеба от чужой буханки. *«Он все время не мигая смотрел на мальчика, и мальчик приподнялся на локтях, отломил угол от пирога, оставленного инвалидом, и протянул старику. Старик взял и сразу проглотил. Мальчик снова отломил снизу, где не было повидла, и старик так же быстро взял и проглотил. Мальчик отдал старику по кусочку всю нижнюю часть пирога; а верхнюю, с повидлом и печеными хрустящими колбасками, оставил себе».*

Другой эпизод с тем же самым стариком также снижает образ героя.

«...Старик, продолжал стоять, покачиваясь, часто моргая красными веками, и тогда дядя вскочил, взял его за воротник кофты и толкнул в глубину прохода. Мальчик рассмеялся, потому что старик смешно взмахнул руками, а пенсне его слетело и повисло на шнурочке, и подумал:

«Хороший дядя, прогнал старика».

Через некоторое время Горенштейн принес в либеральный «Новый мир» повесть «Зима 53-го года». В ее основе — работа шахтеров. Пригодился личный опыт автора — после окончания Горного института он попал на шахты Кривого Рога. Центральный герой повести — вчерашний студент Ким, отчисленный из вуза из-за критики теории Ломоносова и обвиненный в космополитизме. Парень честный и совестливый, он не хочет лжесвидетельствовать о причине аварии на шахте и в конце концов погибает. Горенштейн сочувствует Киму, однако, верный себе, не лепит из него сугубо положительного героя. Обвинения преподавателя Ким отвергает, но как? *«Обвиняет меня в космополитизме... Какой же я космополит... Я сам разных космополитов ненавижу...»*

Журнал отверг повесть. В протоколе обсуждения говорилось: *«О печатании повести не может быть и речи... она не вызывает ни симпа-*

тии, ни сочувствия к авторскому видению мира. Шахта, на которой работают вольные люди, изображена куда страшнее, чем лагерь; труд представлен как проклятие; поведение героев — чистая патология...»

Здесь и зарыта собака. Все дело — в показе труда, который, если следовать лозунгу, есть дело чести, доблести и геройства... У Горенштейна же труд показан вовсе не по советскому трафарету, тяжел и неблагодарен.

Насколько разнится такой подход от «Большой руды» — первого опубликованного художественного произведения ярко-талантливого Георгия Владимова, будущего диссидента и эмигранта! Опубликована повесть была в 1961 году в том же «Новом мире». Главный герой — шофёр Виктор Пронякин — трудится на карьере в районе Курской магнитной аномалии. Он показан стопроцентным куркулём — упёртым и жадным до работы и денег. Главная его цель — личное обогащение, достаток, «хата с участком». Итак, портрет главного героя ясен и целен. Перед нами, с точки зрения тогдашней официальной морали, — выжига, поскольку он хоть и готов робить от зари до зари, но делает это не ради скорейшей победы коммунизма на планете, но исключительно по мелким, иначе говоря, шкурным соображениям.

А далее Пронякин по воле автора вдруг проникается иными ценностями. Ему, оказывается, нужна не только выработка в табели, но и победа всего разреза, который никак не может докопаться до руды.

И когда, в период продолжающегося простоя из-за погодных условий, эту руду наконец-то находят, Пронякин настолько переполняется эмоциями, что требует загрузить в свой самосвал не один ковш, а ковш с четвертью.

Конец такого внезапного прорыва энтузиазма немного предсказуем: на скользком участке дороги «МАЗ» заносит, и самосвал валится с обрыва — вместе с шофёром и первой рудой...

В итоге повесть вполне отвечает цензурным требованиям и позиции журнала. «Какое воспевание рвачества? Да, у Пронякина были мещанские загибы и некоторая мировоззренческая слепота, но работа в трудовом коллективе — на стройке коммунизма — полностью его преобразила... Он же подвиг совершил!»

Хрестоматийный показ труда продемонстрировал хитрющий Солженицын в «Одном дне Ивана Денисовича». Зэк Шухов кладет кирпичи на сощобъекте едва ли не с удовольствием — для него это возможность хоть на несколько часов ощутить себя свободным человеком.

Эпизод этот восхитил дремучего Хрущева, не уловившего хитрость писателя: «Вот советский человек! Даже за колючей проволокой получает радость от труда...» Во время обсуждения, печатать повесть или запретить, это сыграло важную роль...

Горенштейн на подобные уловки ради публикации не шел принципиально. В отличие от Пронякина и Шухова, для Кима труд на социалистическом объекте лишь тяжкая обязанность, род повинности.

«...он жаждал катастрофы как избавления, ибо вся жизнь его прошла в этой выработке, и он помнил каждый рельс на решетке, знал каждую зазубринку, и узор, образованный белым грибком на трухлявом дереве, был ему родным. Цель его жизни была волочить скребок сквозь темноту, сквозь сумерки к решетке, освещенной карбидной лампой, и теперь, когда цель эта осуществлялась и скребок полз, наполненный до краев чистой высококачественной рудой, он испытывал особенный страх, только лишь сама катастрофа могла избавить его от страха перед ней.

Наконец он услышал лязг в темноте, лебедку перекосило, обрывок троса пронесся у виска и высек красноватый каменный фонтанчик. Ким включил лебедку, растянул пуговицу спецовки у горла и глубоко вдохнул тепловатый, по-домашнему привычный воздух.

«Могло убить», — подумал Ким словно о давно случившемся событии, впечатление от которого потускнело и потому доставляло ему незначительное беспокойство».

Этой повестью Горенштейн, по сути, порвал с советской литературой раз и навсегда.

4

Любопытно сравнить написанное Горенштейном в СССР и в Германии. До эмиграции Фридрих Наумович создал, на мой взгляд, свои лучшие вещи: уже упомянутые «Дом с башенкой» и «Зима 53-го», романы «Искупление», «Псалом», «Место», пьеса «Бердичев». Мне могут возразить: и в Берлине появилась на свет замечательная проза: к примеру, повести, позднее выпущенные в России отдельным изданием «Улица Красных Зорь» (по названию одноименного произведе-

ния) и куда вошел философско-эротический «Чок-чок». Были написаны «Попутчики», роман-драма «На крестцах», пьеса «Детоубийца». Да, все так, однако я остаюсь при своем мнении. И безумно жаль, что проза советского периода оставалась непрочитанной многие годы.

Горенштейн знакомил с ней лишь самых близких друзей, их было немного, по сути, единицы. Он намеренно оградил себя от читателей и вполне сознательно не отдавал свои тексты в самиздат, не печатал за кордоном. Аналога такого поведения я не знаю.

Интерес к его творчеству двигался по спирали. После отъезда из СССР его книги издавались по-русски в эмигрантских журналах и издательствах и в немецких, французских и английских переводах. В начале девяностых в России был, наконец, выпущен трехтомник Горенштейна, его произведения появились на страницах российских журналов. Тогда же несколько театров поставили пьесу «Детоубийца». Потом его снова забыли и лишь спустя двадцать лет началось его возвращение: одна за другой вышли восемь больших книг прозы, три кинофильма по его произведениям («У реки», «Искушение» и «Дом с башенкой»), спектакли по пьесам «Бердичев», «Волемир». Творчество Горенштейна стало предметом литературоведческих исследований в России и за рубежом — в Германии, США, Франции, Швейцарии, Венгрии, Польше, Латвии. Многими он назван крупнейшим русским писателем последней трети XX века.

И все равно, до массового прочтения дело не дошло. Дмитрий Быков делает характерную ремарку:

«Мне трудно представить читателя, который, прочитав «Попутчиков», «Чок-чок» или «Искушение», не признает автора писателем исключительной, можно сказать — гениальной одаренности; но еще трудней представить читателя, который наряду с благодарностью и осознанием авторского величия не испытает раздражения... Чтение его — ни минуты не скучное — остается тяжким трудом, мучительным преодолением собственных страхов; да, ни в чем не уступающая знаменитым современникам, а кое в чем их решительно превосходя, она остается по-прежнему далек от массового читателя».

Отличительная особенность прозы Горенштейна — его герои поначалу не вызывают симпатии и лишь потом писатель находит для них оправдание, чаще всего дает им возможность искупить содеянное зло.

16-летняя миловидная Сашенька («Искушение», 1967) растет недоброй, ее жизни не позавидуешь: отец погиб на фронте, мать — посудомойка в милицейской столовой, подкармливает дочь тайком унесенным из кухни. Сашенька, насквозь советская, комсомолка, пропитанная идеями и лозунгами, презирает мать за воровство. И однажды, после ссоры с матерью, решает отомстить ей, написав донос. *«Моя мать является расхитителем советской собственности. Я отказываюсь от нее и хочу быть теперь только дочерью отца, погибшего за Родину...»*

Нетрудно догадаться, что случилось дальше.

И в день, когда мать забрали в тюрьму до суда, Сашенька встречает молодого красивого лейтенанта-еврея Августа и влюбляется в него. Он приехал на три дня, чтобы перезахоронить свою семью, убитую в начале немецкой оккупации, причем уничтожили ее не фашисты, а свои — чистильщик сапог — ассириец... Несмотря на трагизм момента, он отвечает на чувства Сашеньки...

Не стану пересказывать дальнейшее развитие сюжета. Обращусь к автору, сделавшему важное пояснение четверть века спустя:

«Искусство борется со злом своими способами, через слово и чувство ища созвучий бездны мироздания и бездны каждой человеческой души... Так случилось с душой юной злодейки Сашеньки, искупившей свое зло любовью к случайно встреченному человеку. Впрочем, случайному ли? В мире материальном случайность не редкость. Но в мире духовном случайностей не бывает».

Роман «Место» (1976) затронул много тем, главная из которых — судьба России в период политических потрясений. Главный герой Гоша Цвибышев — характер вовсе не симпатичный, невероятно сложный, противоречивый, по глубине проникновения писателя в его внутренний мир стоящий на одном уровне с героями Достоевского. Какие только пертурбации не происходят с Гошей! Бездомный, отринутый обществом, он внезапно узнает, что является сыном репрессированного генерала. Он имеет законное право на компенсацию в виде денег, квартиры и прочих благ. Но не тут-то было... Ни того, ни другого Гоша не получает, озлобляется и начинает мстить виновникам своих бед — «сталинистам». Он становится членом подпольной организации, замышляет громкое политическое убийство...

А дальше кривая дорожка, оказавшаяся для Цвибышева удачной, приводит его в... КГБ. Он становится штатным сотрудником Лубянки. Жизнь поворачивается к нему приятной стороной — любовь, достаток, умиротворение...

Вот так на протяжении тысячи страниц текста мы наблюдаем перипетии судьбы человека, вызывающего одновременно сочувствие и омерзение. Правомерно сравнение с Подпольным человеком Достоевского, что справедливо отмечено одной из исследовательниц творчества Горенштейна.

Насколько актуален роман, созданный почти полвека назад? Полагаю, он звучит, словно написан недавно, на злобу дня. Говоря о подстрекательстве к массовым беспорядкам, о националистической подкладке до времени потаенных кружков и обществ, Горенштейн выражает свое отношение к народу и к либеральным идеям, на которые советская интеллигенция уповала и которые желала внедрить в сознание масс: *«...либерализм, ниспосланный сверху в такой стране, как Россия, всегда связан с упадком святости не только государства, но и человеческой личности, ибо в России человеческая личность не существует вне государства. Тогда в обществе воцаряется всеобщее взаимонеуважение и самонеуважение»*.

Ну не провидец ли?! Горбачевская «оттепель» логично закончилась элементами анархии, разгула, насилия на постсоветском пространстве и в конечном итоге привела к власти путинскую преступную клику — авторитарный, а по сути, диктаторский режим. Народ принял Путина и поддержал, отвергнув либеральную идею. Горенштейн отнюдь не заблуждался относительно этого народа...

Годом раньше, в 1975-м, писатель за четыре месяца (!) создал роман «Псалом». Это философский трактат, ни в коей мере не поступившийся художественной правдой. Подчеркнем: трагизм героев романов, повестей и рассказов писателя вытекает не только из внешних обстоятельств жизни, но и в силу извечной борьбы добра и зла в их душах. Вопросы библейского звучания, стоявшие перед Горенштейном, на сей раз получали ответы в размышлении о четырех казнях Господних.

Библия была его настольной книгой — не Евангелие, в отличие, скажем, от Пастернака, а именно Библия, Ветхий Завет. И роман свой он написал не о пророках и пророчествах, а о бедах и трагедиях сво-

ей страны, охватив период с 30-х по 70-е годы двадцатого века. Тут и Голодомор на Украине, и война, эвакуация и немецкая оккупация русского города Ржева, и 48-год в приволжском городе, с упором на любовь, страсть, прелюбодеяние, и срез жизни московской интеллигенции в начале 50-х, и стремление молодежи искать пути к Богу в послесталинское время... Четыре казни — это голод, война, похоть и болезни духа. И все это на фоне судьбы Дана, еврея, брата Иисуса. Один послан Богом для прощения грешников, другой — для спасения их жертв. Поэтому Дан носит и другое имя — Антихрист — не враг, а брат и друг Христа. Необычно, не правда ли? Да и Христос не слишком похож на свой канонический образ. По Горенштейну, он не ставит целью распространение своего учения на другие народы — а хочет сохранить его лишь среди еврейства. И он — живой, страдающий человек, а не некий бесплотный символ.

Понятно, такая концепция вызвала осуждение. Скажем, крупный философ, культуролог, писатель Григорий Померанц писал: «Разбираться в том, что он пишет о Христе, об апостолах, о Новом Завете... так же неинтересно, как читать «Русофобию» Шафаревича...»

Горенштейн не согласился с такой оценкой и полемически ответил Померанцу в январе 1997 года в статье «Товарищу Маца, литературоведу и человеку, а также его потомкам» — сочинении для русской литературы, беспрецедентному по жанру. Статью опубликовал берлинский журнал «Зеркало Загадок». Досталось в ней не только и даже не столько Померанцу, сколько десяткам творческих людей, с которыми Горенштейн свел счеты, отомстив за прежние обиды, реальные и мнимые. И если убийственные эпитеты в адрес драматурга Шатрова, хитрого приспособленца, и прозаика Шукшина, юдофоба и алкоголика, совершенно справедливы, то по поводу жесткой критики некоторых других персонажей можно поспорить. Впрочем, это не входит в мою задачу...

Куда важнее вывод, сделанный Григорием Никифоровичем в книге «Открытие Горенштейна», выпущенной в 2013 году московским издательством «Время»: *«роман «Псалом» ясно высветил основу всего творчества Горенштейна: постоянное осознание того, что величественное здание христианской культуры не может устоять без иудейского фундамента. Не забвение истоков христианства, а возвращение к его иудейским корням — вот та дорога, которую выбрал писатель...»*

5

Несколько слов о Григории Никифоровиче. Он живет в США, доктор биологических наук, автор трех научных биографий и полторы сотни статей. Работал в научных институтах и университетах Минска, Риги, Тусона и Сент-Луиса. Автор и соавтор научно-художественных книг и детективного романа. Я познакомился с ним через моего близкого друга (к глубокой печали, уже покойного) — писателя, публициста, переводчика Рэма Никифоровича, старшего брата Григория. Из прочитанного мной о Горенштейне это — одно из лучших исследований его литературного и духовного наследия.

Тем интереснее вспомнить фрагменты критической статьи Григория Никифоровича «Дмитрий Быков и метод бурного потока», опубликованной чуть менее пяти лет назад в журнале-газете «Мастерская» (гл. редактор Е. Беркович). Она поможет определить истинную суть того, что донес до нас писатель Горенштейн, непрочитанный и великий. Для этого придется обратиться к суждениям популярного в России литератора-многостаночника ДБ (Дмитрия Быкова) о писателе Фридрихе Горенштейне. Суждениям, изобилующим неточностями, передержками, характерными ошибками.

«...Как принято, ДБ начинает с биографии писателя:

«...у Горенштейна отца забрали, арестовали, мать умерла по дороге в эвакуацию, он жил у чужих людей, работал то инженером на шахте, то подёнщиком. Литературой он смог заниматься более или менее профессионально с 40 лет».

Слушатель верит рассказчику безоговорочно; между тем мать Горенштейна умерла не по дороге в эвакуацию; подростком он жил не у чужих людей, а у сестер своей матери; после работы на шахте Фридрих работал прорабом, а не подёнщиком; рассказ «Дом с башенкой» был напечатан, когда писателю было 32 года. (Впоследствии, в предисловии, ДБ все же уточнил: «...мать, директор детдома, умерла в 1943-м по дороге из эвакуации»). Конечно, это мелочи, однако для обсуждаемого метода они характерны — поток бежит, и проверять детали попросту некогда.

Или еще мелочи, относящиеся уже не к биографии, а к библиографии. ДБ сообщает: «...он дебютировал в подпольной литературе, в самиздате с огромным романом 1974 года «Место»»; но Горен-

штейн никогда ничего не отдавал в самиздат — он вообще мало кому показывал свои рукописи, отчего, в частности, и возникли легенды о его нелюдимости, также подхваченные ДБ впоследствии. О других произведениях Горенштейна ДБ рассказывает своим слушателям так: «...цикл рассказов, написанных в советское время: «С кошёлочкой», «Искра»... Очень неплохой рассказ у него (забыл, как называется) про престарелых мать и дочь. По-моему, «Старушки»... Да, «Старушки» так и называется. «Шампанское с желчью», «Последнее лето на Волге», «Яков Каша», «Ступени» и вообще все рассказы и повести Горенштейна 70-х — начала 80-х годов». Названия верные, и датировка правильная (кроме «Старушек» — это 1964 год), но написано все перечисленное хоть формально и в советское время, но уже в эмиграции, в Берлине, на свободе; а такое обстоятельство, согласитесь, меняет литературоведческие акценты. Но и это — всего лишь досадные оговорки, не правда ли?

Пойдем дальше — посмотрим, как ДБ читает текст повести Горенштейна «Чок-чок»:

«Там действительно есть такая точная метафора, что когда подросток подглядывает за совокупляющимися родителями, он видит что-то грязное, отвратительное, что-то похожее на чавкающее мясо».

Метафора вполне фрейдистская и, если бы такая сцена существовала, линия персонажа-подростка (а он — главный герой повести) была бы, надо полагать, хотя бы частично основана на реминисценциях Эдипова комплекса — этой возможности Горенштейн не упустил бы. А на самом деле подросток Сережа случайно видит соитие полузнакомых людей и, соответственно, его дальнейшее восприятие сексуальных проблем с образом родителей никак не связано. Со стороны литературоведа такая небрежность уже не мелочь — она может существенно исказить представление о повести. (Кстати, в предисловии к сборнику — а «Чок-чок» в него входит — о «метафоре» ни звука.)

Роман «Псалом», как верно отмечает ДБ, ключевой в творчестве Горенштейна. Но вот как он трактуется:

«Мир Горенштейна — это ад. В этом мире правит Дан, Аспид, Антихрист из его романа «Псалом». Это каратель. Каратель идёт по земле, и наказывает человечество, и разрушает всё на своём пути».

Что ад — допустим; что в этом аду правит Дан-Антихрист — с трудом, но кому-то может так показаться. Но Дан — каратель?

Дан, брат Иисуса, послан Господом в Россию, подверженную казням Господним, не судить (хотя его имя означает «судья»), а принести спасение гонимым, преследуемым. Он изо всех сил старается оставаться наблюдателем и вмешивается в дела людей лишь когда не может сдержаться. Поскальзывается и разбивает голову неназванный антисемит из города Ржева; вышедшие из леса две медведицы останавливают насильника Павлова — от испуга он становится импотентом; немецкая рота охраны, бросившаяся на Дана на станции у села Брусяны, исходит кровавым поносом — вот, пожалуй, и все наказания, которые наложил Дан на человечество, **разрушая все на своем пути**. Полно, прочитал ли ДБ роман? Или опять было некогда?

Спешка и небрежность наказуемы в любой науке, даже и в литературоведении, поскольку они часто приводят к сомнительным выводам — особенно если подкрепляются легковерием. Вот как это получается. Много лет назад в одной литературной компании ДБ показали выклеенную из папье-маше маску Горенштейна:

«Все захохотали и захлопали: точно, точно! У «бумажного Горенштейна» было выражение брюзгливое и даже, пожалуй, злое, но вместе с тем жалобное, почти умоляющее».

Ранее ДБ не знал, как писатель выглядит, и утрированное изображение сохранилось в памяти — ведь другие подтвердили: **точно, точно**. Поверил он и рассказам (сплетням?) о том, что Горенштейн «...был неприятный человек, неприятный даже физически. Отталкивающей была его манера есть, говорить, его агрессия, его страшная обидчивость». К тому же Горенштейн был сиротой, а по мнению ДБ: «Не следует думать, что сироты обязательно бедные и добрые. Они хищные, иначе им не выжить; они памятьливые и мстительные...». Такой ассоциативный ряд — брюзгливый, неприятный, обидчивый, хищный, мстительный — естественным образом приводит к весьма нелестной характеристике Горенштейна-человека: «В Горенштейне тоже ведь сидел этот вечный комплекс неудовлетворённого большого тщеславия, амбиций, желания быть «одним из», поэтому он и был, может быть, так невыносим в общении».

А когда это установлено, можно перейти и к характеристике Горенштейна-писателя:

«Горенштейн — человек ниоткуда, и биография его — при внешней стандартности — нетипична. Всю жизнь он существовал не только вне поколения, вне любых институций, но и вне русской литературной традиции, которую принято называть гуманистической...».

Здесь надо сказать, что Горенштейн действительно заявлял, что его позиция безусловно отличается от позиции гуманистов. Однако такой взгляд нельзя считать полностью противоречащим традициям русской литературы. Не больше ли зла, чем добра, в Германне, или в Арбенине (да и в Печорине), или в Городничем, или в Петруше Верховенском со Ставрогиным, или в персонажах «Котлована» и «Кон-армии»? Кого-то из этих персонажей их создатели любили, кого-то нет — но все они продолжают жить в русской классической литературе потому, что писатели — от Пушкина до Бабеля — не рассматривают их со стороны, а перевоплощаются в них. Вот эту традицию Горенштейн как раз продолжает. «Я в такой же степени Дан, как и девочка Сашенька в «Искуплении». <...> Это перевоплощение. В то же время я пропадаю как человек» — говорил он о своих героях.

Но метод бурного потока продолжает отказывать Фридриху Горенштейну в литературной родословной:

«Трудно вообще ответить, кто на него повлиял, — он как бы писатель без корня, без предшественника, потому что никто не бывал на его месте и не прошел по его адским кругам; пожалуй, он наряду с Окуджавой — чьи предшественники тоже неочевидны, — мог бы назвать своим учителем фольклор».

Об Окуджаве сейчас речь не идет; что же до предшественников Горенштейна, то поистине удивительно, что ДБ не заметил по крайней мере двоих — Чехова и Достоевского. У Горенштейна есть раннее эссе «Мой Чехов осени и зимы 1968 года», в котором он пишет: «...Чехов никогда не позволял себе жертвовать истиной, пусть во имя самого желанного и любимого, ибо у него было мужество к запретному, к тому, что не хотело принимать сердце и отказывался понимать разум». То же наблюдение справедливо и в отношении собственного творчества Горенштейна; уже одно оно могло бы выявить тесную связь между двумя писателями и даже определенную зависимость

писателя Горенштейна от писателя Чехова. Могло бы — но для этого нужно остановиться и задуматься, а потоку надо бежать дальше.

О влиянии Достоевского на Горенштейна писали так часто — Ефим Эткинд, Вяч. В. Иванов, Жорж Нива, Лев Аннинский и другие, — что это утверждение уже можно считать общим местом. Сам Горенштейн называл Федора Михайловича своим «оппонентом» и написал целую пьесу «Споры о Достоевском», где некий литературовед пытается защитить диссертацию об атеизме Достоевского. Пьесу эту ДБ знает и сухо замечает о ней: «похуже, на мой взгляд» (по сравнению с другими пьесами Горенштейна), но о преемственности между Достоевским и Горенштейном не говорит ни слова. Достаточно, однако, сопоставить восклицание Великого инквизитора, обращенное к Христу: «Зачем же ты пришел нам мешать? Ибо ты пришел нам мешать и сам это знаешь» и фразу из романа «Псалом»: «Так заговор апостолов против Христа превратился в заговор христианства против Христа», чтобы эту преемственность хотя бы заподозрить.

Для Достоевского главной книгой в Библии было Евангелие; для Горенштейна, судя по всему, Ветхий Завет. Он говорил в интервью: «...Библию я давно читаю, читаю ее внимательно и многому учусь у нее: не только стилю, но и той беспощадной смелости в обнажении человеческих пороков и самообнажении, в самообличении. Такой смелости нет ни в одном народном фольклоре. Отчасти потому фольклор еврейского народа и стал Библией, я думаю». Этот ли фольклор имел в виду ДБ и знал ли он об этом признании Горенштейна — неизвестно; но в его словаре прилагательное «ветхозаветный» имеет определенно негативную коннотацию:

«Горенштейн — человек ветхозаветного, жестковейного, мстительно-го сознания, но это ветхозаветность без Родины, без корней; он — обреченный и одинокий представитель великого племени, законник и пророк, носимый ветром, иудей после Холокоста и после советского опыта, иудей-чернорабочий, постоялец общежитий, иудей-выживалец».

А отсюда недалеко и до другого клейма:

«Фридрих Горенштейн тоже самым искренним образом полагал, что все русские — тайные антисемиты, а еврей, живущий в России, предает кровь патриархов, в нем текущую».

Комментарии к этому умозаключению, надо надеяться, излишни. А вот о постояльцах общежитий и других — людях маленьких и ущербных — придется поговорить. Российский быт, описанный Горенштейном — особенно послевоенный, — труден и порой отвратителен. Мать девочки Сашеньки вынуждена воровать продукты, чтобы эту девочку прокормить, и проносит их через проходную, запрятав в сапоги («Искупление»). «Продовольственная старуха» Авдотьюшка весь смысл жизни видит в беготне по магазинам в поисках «чего сегодня выбросят» — в очередях ее и толкают, и обижают, и бьют (рассказ «С кошелочкой»). Постояльцем общежития Гошей Цвибышевым из романа «Место» («Это отвратительный персонаж» — считает ДБ) помыкает даже кошка, состоящая при вахтерше. Людям живется очень тяжело — голодно, грязно, неудобно, они унижены и оскорблены не менее, чем герои Достоевского. И Горенштейн так же, как и Достоевский, жалеет своих героев и сочувствует им (вспомним — он в них перевоплощается); правда, в отличие от Достоевского, он не прощает им грехи без искупления.

Но для ДБ...описание быта заслоняет характеры людей, и отталкивающим кажется не быт, а сами люди:

«...там есть довольно-таки отвратительная старуха, которая с этой своей кошёлочкой (Горенштейн же вообще большой мастер в описании отвратительного) ходит и там прикупит кусочек мяска, там — фаршик, там — рыбки, там — яичек, творожку. <...> Посмотрите, с каким омерзением там описаны вот эти клопы, которые ползают по Сашеньке, этот вонючий приبلудившийся к ним инвалид, который и неплохой сам по себе человек, но как все там противны! Мать, которая протаскивает какую-то еду, вынося её с базы продовольственной. То есть омерзение Горенштейна к плоти мира и вообще ко всему вещественному просто не знает границ. И я думаю, что таково же было его отвращение к себе».

Такое непонимание уже нельзя объяснить небрежностью или невниманием к деталям — нет, беда именно в том, что поток неглубок. В предлагаемой интерпретации творчества Горенштейна не хватает главной компоненты — со-чувствия к его героям. На такой подход литературовед, конечно, имеет право; но тогда он обречен видеть мир Горенштейна не изнутри, а только снаружи.

Да, ДБ, как и большинству писателей и читателей его поколения, не пришлось, по счастью, ни голодать, ни мерзнуть в шахте или в строительном котловане, ни унижаться перед холоуями начальства за койко-место. Но ведь и читатели Достоевского сами не носили кандалы в Мертвом доме и не отправляли своих дочерей на панель — и все же они были способны сочувствовать несчастьям людей, изображенных писателем.

«Писать очень трудно» — говорили когда-то друг другу Серапионовы братья; читать, особенно таких писателей как Горенштейн или Достоевский, тоже нелегко. Как честно признается ДБ: **«Аксёнова читать и перечитывать приятно, а Горенштейна — нет»**. Что ж, и это его право. Еще и времени, как всегда, не хватает — а Горенштейна нужно читать медленно.

В результате портрет Фридриха Горенштейна, нарисованный методом бурного потока, выглядит так: человек, неприятный даже физически, с комплексом неудовлетворенного тщеславия; писатель без рода без племени в русской литературе и в самой России; отрицатель гуманизма; любитель описывать омерзительную плоть мира; брезгливый человеконенавистник; но зато писатель, **по изобразительной силе не имеющий себе равных в поколении**. Этот портрет нельзя даже назвать карикатурой — скорее он напоминает описание той самой шутовской маски, виденной однажды в литературных гостях.

Разумеется, любой литературовед или литературный критик имеет полное право воссоздать образ писателя так, как он его видит. Горенштейн в статьях, скажем, Вячеслава Иванова не похож на Горенштейна в работах Льва Аннинского или Корин Амашер, и невозможно сказать, какой из них «более правильный» — каждый автор приводит убедительные доводы в пользу своей точки зрения. Но в том-то и дело, что у метода бурного потока таких доводов нет, а те, которые есть, недостоверны в силу слишком уж поверхностного и поспешного знакомства с предметом. Этого недостаточно даже для того, чтобы судить о писателях теперешних — не будем называть имен — не говоря уже о Горенштейне».

Так заканчивает свой полемический текст Григорий Никифорович.

6

Осталось задать самому себе и читателям напрашивающийся вопрос: какова будущая судьба книг Фридриха Горенштейна? Превратится ли он из «малоизвестного и непрочитанного» в популярного и востребованного в его родной стране? Мой ответ, увы, отрицательный.

Ни для кого не секрет, что читать в России стали значительно меньше. Об этом недвусмысленно говорят статистика и опросы. За годы путинского правления интеллектуальный и культурный уровень россиян понизился. Пропитанные тотальной ложью действия власти играют с народом коварную и опасную шутку. Население стремительно беднеет. До книг ли тут?

Впрочем, так называемый глубинный народ и прежде почти ничего не читал, разве что отъявленную графоманку Донцову, издаваемую огромными тиражами. Ну а продвинутая часть общества, интеллектуалы, книгочеи? Поражен, изумлен: составляемые литературными критиками и читателями списки наиболее известных русских писателей 20-го века и начала века нынешнего полностью игнорируют Горенштейна. Нет имени его ни в десятке наиболее популярных, ни в 55, ни даже в 100!

Да, произведения писателя изданы в России. Однако, как справедливо замечает Борис Хазанов, «и сегодня в отношении к нему на родине есть **какая-то двойственность** (выделено мной — Д.Г.); писатель, наделённый могучим эпическим даром, один из самых значительных современных авторов, остаётся полупризнанной маргинальной фигурой».

Сказанное комментирует писатель-эмигрант Борис Левит-Броун, ныне живущий в Италии:

«Да отчего ж «какая-то»? Не «какая-то», а очень даже конкретная и внятная... и не двойственность, а враждебность.

И это потому так, что очень не любят русские, когда им говорят правду в глаза. Много в них ненависти ко всякой правде о себе, ибо правда о себе — правда о них — есть мучительная, позорная... оскорбительная и жестокая. Правда нераскаянности... Не любят русские слышать о том... например, что они рабы, что даже и буйство их рабье, недостойное и позорное.

Борис Хазанов:

Его имя никогда не было модным, журналисты не удостоили его вниманием, никто не присуждал ему премий, критиков он не интересует, — похоже, он для них слишком сложен, слишком неоднозначен. Не зря сказано: «Они любить умеют только мёртвых», — многие просто не читали его и только теперь начинают догадываться, что проморгали крупнейшего русского писателя последних десятилетий.

Борис Левит-Броун:

«Да, был в России Фридрих Горенштейн — вы совершенно правы — крупнейший писатель. И не последних только десятилетий, а как минимум полувека, потому что и ретроспективно ему не сыщешь весового адекват, пока вспять до Платонова не долистаешь.

От горы к горе...

А на поверку — одно горе.

Потому что и та и другая, и Платонов и Горенштейн, — вершинами уходят за облака. Ну а если принять во внимание, что над Россией духовная и интеллектуальная облачность уже давненько сплошная и крайне низкая, то какой там, я вас умоляю, Горенштейн?..

ОБ АВТОРЕ

Давид Гай — известный журналист, писатель. Около тридцати лет проработал в газете «Вечерняя Москва». В 1993 году эмигрировал в США. Живет и работает в Нью-Йорке. Он был главным редактором русско-американских еженедельников «Еврейский Мир», «Русская реклама», «В Новом Свете». Ныне он — главный редактор международного литературного журнала «Времена». Регулярно выступает на русско-американском телеканале RTN в программе «Пресс-клуб».

Перу Давида Гая принадлежат более трех десятков художественных и документальных книг. Среди наиболее известных — роман

«До свидания, друг вечный», посвященный истории любви Достоевского и Аполлинару Суловой; повести «День рождения» и «Телохранитель» (по одной из них в России выпущена аудиокнига); документальное исследование «Вторжение» — о войне, развязанной Советским Союзом в Афганистане (автор неоднократно бывал там в качестве журналиста); «Десятый круг» — повествование, посвященное жизни, борьбе и гибели в годы Второй мировой войны Минского гетто.

В последние годы в Москве вышли четыре новых книги Давида Гая. в том числе роман «Сослагательное наклонение» и 750-страничная сага «Средь круговращения земного...» Роман-сага описывает перипетии жизни двух ветвей, российской и американской, одной семьи на протяжении более чем века.

Изданный в США в 2013 году на русском и английском языках роман Давида Гая «Террариум» посвящен России сегодняшней и завтрашней. Он завоевал читательскую аудиторию. В 2015-м в Америке и в Украине увидел свет новый роман-антиутопия Давида Гая «Исчезновение», а в 2018-м в США опубликован роман «Катарсис». Недавно в России вышли романы «Джекпот» (переиздание) и «Линия тени», а в США — мемуар-эссе «Я сам собою недоволен».

Евгений КИСИН

В ДНИ КОРОНАВИРУСА

Продолжение. Начало — в № 4 (20) 2021

По многочисленным просьбам читателей мы продолжаем публикацию фрагментов дневника выдающегося пианиста Евгения Кисина, который он вел в начальный, самый острый период пандемии, находясь в Праге.

29 МАРТА 2020 Г.

Нет, к счастью, нет причин для беспокойства: сегодня я почти не кашлял, а когда молчал — не кашлял совсем.

Сегодня часы перевели на летнее время.

Умер Пендерецкий¹... Честно говоря, я никогда не был большим поклонником его музыки (всегда отдавал предпочтение Лютославскому²), но все-таки он был значительной фигурой в современной музыке. Светлая память.

Умер также писатель Бондарев³, не будь он рядом упомянут. У меня он никакой светлой памяти не оставил. Я иногда спрашиваю себя: нужно ли действительно быть полным подонком, чтобы придерживаться таких взглядов, как Бондарев и его единомышленники? Ведь в своих мерзких убеждениях он всегда был принципиален, даже когда это было ему невыгодно. Пока у меня нет ответа на этот вопрос...

Прошагал почти 15 километров по Летне. Согласно приложению «Здоровье» в моем айфоне, на этой неделе я прошел каждый день

¹ Кшиштоф Пендерецкий (1933–2020) — польский композитор, дирижер, педагог.

² Витольд Лютославский (1913–1994) — польский композитор, дирижер.

³ Юрий Бондарев (1924–2020) — русский советский писатель. Отличился антисемитскими выступлениями и выходками.

в среднем по 14.9 километров, а на прошлой — по 11.3. В этом месяце я отшагал в среднем 11.8 километров в день, в феврале — 4.7, во всем этом году — по 6.9 километров, в прошлом — по 2.8.

Добавил несколько тактов к моей новой песне.

В Италии продолжает свирепствовать пандемия, ежедневно умирают сотни человек...

Сегодня день смерти Шимановского⁴. Последний романтик... может быть, единственный настоящий романтик в музыке 20 века... Его музыку нужно исполнять гораздо больше — и я обязательно буду это делать! Прелюдии соч. 1, Третья соната, «Метопы», «Маски», Вариации соч. 3, мазурки... «Мифы», «Песни сказочной принцессы», «Песни безумного муэдзина»... «Симфония-кончертанте»... В 2037 году будет 100-летие его смерти. Постараюсь дожить до этого времени и сыграть тогда все эти произведения.

Шимановский — еще один яркий пример того, что истинное искусство по сути, по природе своей и национально, и интернационально: он был до мозга костей польским национальным композитором, но в то же время в своём творческом вдохновении обращался и к древней Греции («Метопы», «Мифы»), и к древней Иудее («Хагит»), и к старой Италии («Король Рогер»), и к старой Англии («Шут Тантрис»), и к Испании («Серенада Дон Жуана»), и к Ближнему Востоку («Любовные песни Хафиза», «Песни безумного муэдзина», «Шехерезада»). Однако, во всех произведениях Шимановского всегда чувствуется его своеобразный стиль и дух.

Я помню, как в конце 1985 года, после последнего концерта на московском фестивале «Декабрьские вечера», где я несколькими днями ранее давал сольный концерт, мне сообщили, что Святослав Рихтер желает меня видеть (он играл на том концерте).

Меня тогда отвели в его артистическую, и он мне подарил много нот: Танеева, Шимановского, Бартока, Хиндемита. Помню, как он говорил тогда: «А Хиндемита Вы знаете? А Бартока Вы играете? Нельзя ведь играть только Шопена, надо играть и современную музыку». Еще он подарил мне факсимильное издание «Альбома для юношества» Шумана, сказав: «Это Вы будете играть, когда Вам будет тридцать лет»...

⁴ Кароль Шимановский (1882–1937) — польский композитор, пианист, педагог, музыкальный критик.

Благодаря тому самому сборнику избранных произведений Шимановского, изданному в Польше, я впервые познакомился с его музыкой. Да, это действительно, как писал Жаботинский (правда, о другом), «особая атмосфера, насыщенная трагизмом и романтикой Польши».

Этюд Шимановского си-бемоль минор был первой пьесой, которую я, будучи еще подростком, выучил самостоятельно и сыграл на зачете. Потом, на разных концертах, я много раз играл этот этюд на бис.

30 МАРТА.

Уснул поздно, после 2 ночи.

Сегодня скончалась Джуди Дракер. Замечательным человеком и импресарио она была: такая сердечная, щедрая, гостеприимная — настоящая еврейская душа! Все ее любили — и она этого безусловно заслуживала! Именно благодаря ей я играл несколько раз во Флориде; мне там вообще-то совершенно не нравилось, но такой радушной женщине, как Джуди, просто невозможно было отказать. Пусть земля ей будет пухом.

Сегодня день рождения Маймонида. Он, конечно, был ярким примером того, как все на свете противоречиво и относительно, даже если многое зависит от времени, в котором человек живет. С одной стороны, это был истинный гений и выдающийся мыслитель своего времени. Не случайно другие раввины через тридцать лет после кончины Маймонида жгли его сочинения и предали их автора анафеме. Подумать только: за семьсот лет до того, как это было научно доказано, он первым понял, что так называемые душевные болезни — это на самом деле заболевания мозга и мозговых оболочек! С другой стороны, Маймонид считал, что еретиков следует убивать, что Иисуса распяли правильно. Кстати, когда судили Игаля Амира, убийцу Ицхака Рабина, тот, оправдывая свое преступление, ссылаясь именно на Маймонида, согласно которому за отдачу еврейских земель полагается смертная казнь... Но еще за тысячу лет до Маймонида рабби Акива и другие наши мудрецы пришли к тому, что смертная казнь вообще недопустима, и ввели в Иудее такие правила, что ее применение стало практически невозможным. Да, путь человечества к просвещению и гуманизму, увы, весьма долгий, сложный и неровный: все мы хорошо знаем, какой регресс произошёл, к примеру, после 1933 года в Германии и после 1979 года в Иране...

Прошел 15 километров по Летне. Сегодня был холодный, хотя и очень солнечный день: солнце сверкало на листьях, на крышах, на реке.

Написал еще несколько тактов моей новой песни.

31 МАРТА.

Спал хорошо.

Сегодня день рождения Баха и Гайдна. Да, Баха никто еще не превзошел и, видимо, никогда не превзойдет. Рудольф Баршай⁵ мне рассказывал, что Шостакович говорил: «Надо писать музыку так как Бах: в какой тональности, на каком инструменте ни играешь — звучит замечательно». Да, именно так — однако до сих пор это никому не удалось (включая самого Шостаковича).

Что касается Гайдна, он не принадлежит к моим самым-самым любимым композиторам, но иногда мне хочется погрузиться в самобытную атмосферу его музыки, и я ее играю с большим удовольствием.

У него есть еще десятки сонат, которые я пока не играл, но хотел бы сыграть, так же как и его Арию с вариациями фа минор. Хорошо было бы как-нибудь вернуться к его ре-мажорному концерту: я еще никогда не играл его в концертах, только записал на компакт-диск, хотя запись получилась весьма неплохая. Ну и, конечно же, разные его трио, включая ля-мажорное с его искрящимся жизнью финалом: это просто, как говорят по-еврейски, «а мэхэе» (именно такое слово мне хочется здесь употребить). Никогда не забуду, как его играло Beaux Arts Trio на «Декабрьских вечерах» в 1988 году: это было действительно «а мэхэе»! Особенно замечательно играл Менахем Пресслер.⁶ Много лет спустя я с ним познакомился и подружился.

Очень надеюсь, что у нас с Джошуа⁷ и Стивеном⁸ тоже сложится постоянное трио на долгие годы и мы сыграем вместе много произведений (хотя Стивен, увы, уже не так молод). Мне кажется, что мы по духу близки друг другу, и потому у нас должен получиться хороший ансамбль. Дай-то Бог! Особенно хотелось бы мне сыграть с ними второе трио Шуберта.

⁵ Рудольф Баршай (1924–2010) — советский, израильский, английский и швейцарский альтист и дирижер

⁶ Менахем Пресслер (род. 1923) — израильско-американский пианист.

⁷ Джошуа Белл (род. 1967) — американский скрипач и дирижер.

⁸ Стивен Иссерлис (род. 1958) — британский виолончелист.

Гулял два часа в Летне, прошел 9 километров. Сначала были тучи, но потом посветлело. Народу мало, как и вчера.

У церкви святой Людмилы, что находится неподалеку от нашего дома, где Гашек в свое время обвенчался со своей первой женой, по обеим сторонам от входа развешаны чешские флаги: отмечается столетний юбилей чешского флага.

В нью-йоркском Центральном парке организуют полевой госпиталь. Трамп заявил, что если умрут сто тысяч человек, это будет «a good job», успешная работа. Как писал русский поэт сто лет назад, «гвозди б делать из этих людей: крепче б не было в мире гвоздей». А что же его многочисленные сторонники, в том числе наши русско-еврейские иммигранты старшего поколения?

Написал еще несколько тактов к песне.

1 АПРЕЛЯ

Спал плохо: долго не мог уснуть, рано проснулся, а потом снова долго не мог заснуть. Не выспался.

Гулял по Летне, прошел 15 километров. Сегодня опять был солнечный день.

Рене⁹ сделала практическое замечание о моем «Танатопсисе»: перерывы в партии певицы слишком коротки. Переделал пару мест.

Почти три часа бился с этюдом Шопена. Такое произведение нужно, видимо, выучить еще с юных лет. Я его «добью»! Если не сейчас, то я этого уже никогда не сумею сделать.

Трамп заявил, что следующие несколько недель будут очень тяжелыми...

Сегодня день рождения Гоголя, Рахманинова, Липатти¹⁰ и Аврома Рейзена, а вчера была годовщина смерти Рейзена. Да, у каждого на земле своя судьба: кому-то суждено остаться в истории гением, внесшим в искусство нечто новое и важное, а кому-то — просто хорошим, прогрессивным поэтом. Впрочем, на самом деле людям нужны и те, и другие: по себе знаю, что иногда хочется почитать, послушать или посмотреть что-нибудь не гениальное, а просто хорошее.

Сегодня также день рождения Елены Самойловны Эфрусси, преподавательницы фортепиано в нашей школе, ближайшей подруги Анны

⁹ Рене Флеминг (род. 1959) — американская певица.

¹⁰ Дину Липатти (1917–1950) — румынский пианист.

Павловны. Они прожили вместе 30 лет, до самой кончины Елены Самойловны. Какая она была добрая, благородная женщина! Поистине чистая душа!

Ее брат Борис, крупный ученый, эмигрировал во Францию в 1920-х годах. В 1960-е годы он посетил Москву и рассказал своей сестре о том, как он однажды встретил безработного, у которого был свой автомобиль. Борис Самойлович его спросил: «Как же так: Вы безработный и у Вас машина?» — на что тот ответил: «А на чем же я буду ездить искать работу?» Так некоторые советские люди узнавали хотя бы чуть-чуть о том, как на самом деле живут на Западе при «проклятом капитализме»...

Елена Самойловна была очень общительным человеком и легко находила общий язык с самыми разными людьми, даже с теми, кто был гораздо ниже ее уровня. И все ее любили. Однажды простая русская женщина ее спросила: «Слушай, Фрося, кто это музыку выдумал?» Так в сознании этой женщины трансформировалась фамилия Елены Самойловны: Эфрусси — Фрося. Тем не менее, никогда не забуду, как она, старый человек с большим жизненным опытом, накопленным в Советском Союзе, однажды сказала мне, тогда еще подростку: «Никогда не женись на русской, потому что русский человек, как бы доброжелательно он к тебе не относился, всегда антисемит,» — и рассказала об одной еврейской девушке, которая вышла замуж за русского парня, у них была большая любовь, а когда они поссорились, он обозвал ее жидовкой.

Разумеется, приписывать целому народу какое бы то ни было качество на основе одного случая неправильно, а такой, например, русский человек, как Андрей Сахаров, был вообще одним из самых лучших людей на свете (и одним из моих самых больших героев). Тем не менее, все мы хорошо знаем, насколько в России всегда были распространены и сильны шовинизм вообще и антисемитизм в частности. Поэтому, когда русские сейчас обвиняют в антисемитизме украинцев и поляков или заявляют, что благодаря русскому народу во время Второй мировой войны не убили всех евреев, — просто дать как следует хочется за наглость такую!

Да, в Польше антисемитизм тоже очень силен, но не следует забывать его объективную причину: евреи в Польше на протяжении столетий пользовались неслыханными привилегиями, поэтому неудивительно, что их стали ненавидеть, особенно простые люди. Евреи

в этом, конечно, не были виноваты, но увы, это было неизбежно. Однако как только русские захватили Восточную Польшу, евреи там сразу же стали бесправными и оставались таковыми все время, пока в России правила царская власть, поэтому в России для того, чтобы ненавидеть евреев, нужно было быть просто подонками из подонков!

Когда-то в Украине действительно был сильный антисемитизм, но теперь президент Украины Зеленский — еврей, и за него проголосовали более 70 процентов избирателей. Его соперником на выборах был Порошенко — полуеврей, который был президентом до Зеленского, а его премьер-министром был еврей Гройсман. Ну, где еще в мире такое возможно (кроме Израиля, разумеется)?! А теперь попытаемся представить себе подобное в России... По-русски говорят: «три ха-ха», а я бы тут сказал не «три», а «три тысячи три ха-ха»!

Жаль, что у меня нет никаких контактов в Украине и меня туда не приглашают (кроме одесского фестиваля в 2021 году). Мне бы очень хотелось там сыграть, поддержать украинцев. Я только однажды был в Киеве, когда мне было десять с половиной лет, это была школьная поездка. Через девять месяцев после этого мне довелось побывать во Львове (тоже школьная поездка). Один раз был в Одессе; тогда мне было шестнадцать лет.

Конечно, у меня остались весьма смутные воспоминания о тех путешествиях, но Львов мне запомнился как очень красивый старый город. Мы там провели, наверное, около недели (в конце марта, во время весенних каникул), и дали три концерта. Хотя с тех пор прошло уже много лет, некоторые детали навсегда запечатлелись в моей памяти: статуя Дианы на площади, старая аптека, католический собор (нас тогда удивило, что там было много народу: ведь это было в Советском Союзе!), кладбище на холме с красивыми надгробиями, кафе, в котором продавали желе разных цветов... В один из дней той поездки нас возили на автобусе за город, в Карпаты, а по дороге мы в какой-то столовой ели кровяную колбасу.

В день нашего приезда наши хозяева сказали: «Львов — не Москва, но из Москвы во Львов приезжают отдыхать!». Я там написал сочинение о поездке и моих впечатлениях (насколько я помню, по предложению Анны Павловны) и закончил его так: «Да, Львов не Москва, Львов во многом лучше Москвы!» — на что Анна Павловна сказала, что это уже слишком.

Сейчас я со стыдом вспоминаю, что, будучи евреем и живя в шовинистической России, я долгое время не понимал, что «хохол» — это оскорбительное слово. Тем не менее, еще с подросткового возраста для меня всегда было аксиомой, что мы, евреи, должны быть союзниками украинцев, латышей, литовцев, эстонцев, грузин, поляков и других жертв русского шовинизма, поскольку мы — его самые большие жертвы. Кремлевские бандиты это очень хорошо понимают и потому всегда старались поссорить нас друг с другом. В начале 1980-х, чтобы рассорить евреев с украинцами и тем самым внести раскол в антикоммунистическое движение, КГБ прислал американцам фальшивые документы, согласно которым Иван Демянюк, якобы, был «Иваном Грозным» в Треблинке; теперь Путин откопал какого-то никому не ведомого польского посла 1930-х, чтобы публично назвать его «сволочью и антисемитской свиньей»... Чтоб только евреи ни на миг не забывали, как «тетя Рейзл»¹¹ всегда обращалась с нашим народом!

В течение многих лет я не любил публично говорить о своем еврействе, поскольку для меня это всегда было чем-то очень личным. Однако, потом наступил момент, когда я понял, что должен об этом говорить и как можно более публично, потому что нужно поддерживать Израиль.

Поскольку я никогда не хотел выглядеть жертвой, которая хочет, чтобы ее пожалели, до сих пор я публично не рассказывал о том, как с самого детства много раз сталкивался с русским антисемитизмом. Лишь один раз я очень коротко упомянул об этом в своих мемуарах. Но теперь, когда кремлевские подонки и их прислужники пытаются разыграть еврейскую карту в своей антиукраинской и антипольской пропаганде, я прихожу к выводу, что должен рассказывать обо всем этом во всех подробностях: чтобы люди знали, какая Россия жидоедская страна, и какая это дикая наглость, когда русские смеют обвинять в антисемитизме какие бы то ни было другие народы. И пусть эти сволочи знают, что у нас память хорошая и мы ничего не забываем!

2 АПРЕЛЯ

Хорошо спал. Прошел 15 километров. Хоть и выспался, но почему-то чувствую себя сегодня усталым.

Америка закупает маски у России. Дожили...

¹¹ «Тетя Рейзл» — ироничное прозвище России у персонажа Шолом-Алейхема

Сделал еще несколько изменений в «Танатопсисе», согласно замечаниям Рене, и отправил новый вариант в издательство Henle.

Сегодня день рождения Эмиля Золя. Какой он был гигант! Он в двадцати томах описал историю одной семьи, Бальзак — все общество, в котором жил... Может быть, когда-нибудь подобный гений появится и в еврейской литературе и сможет описать историю всего человечества через призму истории одного рода, начиная с первобытных времен через Авраама до наших дней, используя при этом разные стили: реализм, романтизм, символизм, исторический роман, сказку и так далее, разные жанры и весь словарный запас идиша? Вот это было бы здорово!

3 АПРЕЛЯ

Проснулся среди ночи и до утра не мог уснуть, написал еще несколько тактов моей новой песни. Не выспался...

Сегодня я гулял меньше, всего около 10.5 километров, поскольку чувствовал себя усталым. Попил кофе и зеленого чая, чтобы хоть немного взбодриться.

54 человека умерли здесь, в Чехии... Израильские ученые сообщают, что работают над вакциной и, возможно, начнут ее тестировать уже в июне. Посмотрим. А тем временем Китай включили в совет по правам человека ООН — и именно сейчас! Как говорится, нарочно не придумаешь. Однако же, кто-то придумал.

Много читал в Интернете о Б. Кеворкове.¹² Среди нас, евреев, к сожалению, такой тип тоже всегда был весьма распространен: человек, который служит чужим и действует против своего собственного народа. Раньше я не знал, что стало с ним после начала карабахского движения. Оказывается, он получил по заслугам: много претерпел именно от тех, кому до того в течение стольких лет так преданно и подло прислуживал. Получается, что он был единственным армянином, оставшимися в Азербайджане после январских погромов 1990 года. Как он должен был себя чувствовать там, пока его не посадили в тюрьму? И что вообще движет такими людьми в их деятельности, в их поведении? Неужели они никогда не задумываются о том, кем останутся в истории? Интересно, задумывался ли он над этим хотя бы

¹² Борис Кеворков (1932–1998) — советский государственный и партийный деятель.

в самые последние годы своей позорной жизни, когда работал как раз учителем истории?

Подобные вопросы у меня возникают, когда я думаю о такой противоречивой фигуре, как Арон Вергелис. Ну, зачем он, талантливый поэт, изводил столько времени на писание всякого пропагандистского дерьма — намного больше, чем требовалось для существования «Советиш Геймланд»? Чтобы ему разрешали регулярно ездить за границу? Но ведь его начальство не знало идиша и потому не читало всего, что он писал. Для кого же он это делал? Может быть, будучи вынужденным играть эту роль, он в нее вжился и потерял чувство меры? Это я могу понять: у меня самого был такой случай, когда еще подростком, в советские годы, я был в Японии, и на пресс-конференции мне стали задавать «провокационные вопросы», как это тогда называлось. Я отвечал как полагалось, а потом мне мама сказала, что я «разошёлся за советскую власть». Много позже, со стыдом вспоминая об этом, я стал спрашивать себя: почему? И понял: будучи по натуре артистом и играя эту роль, я в нее просто вжился. Наверное, такое случалось в подобном положении со многими советскими людьми. Однако, Вергелис это делал не в отдельных ситуациях, но постоянно, в течение очень многих лет... Ради чего?!

4 АПРЕЛЯ

Спал хорошо, но почему-то опять чувствовал усталость, когда гулял по Летне. Прошел 15.5 километров, потом немного поработал.

Сегодня, после вчерашнего чтения о Кеворкове, мне захотелось перечитать «Наедине с собой» Гурунца.¹³ Какой это важный документ: он был написан за несколько лет до начала карабахского движения, — и является ясным свидетельством того, почему это движение возникло сразу же, как только появилась такая возможность благодаря горбачевской либерализации.

Я впервые прочитал эту книгу несколько лет назад, но прекрасно помню, как все это было тогда, в конце 1980-х — начале 1990-х, когда я ещё жил в Советском Союзе. В феврале 1988 года карабахские армяне, составлявшие большинство населения области, выразили свое желание присоединиться к Армении.

¹³ Леонид Гурунц (1913–1982) — армянский советский писатель.

Ответом был трехдневный погром в азербайджанском городе Сумгаите, когда толпа безжалостно убивала десятки армян при полном попустительстве властей.

Наш школьный учитель истории, Виктор Юрьевич Дашевский (еврей по национальности), который часто приходил к нам домой меня учить и много говорил со мной об актуальных политических проблемах в стране, мне тогда объяснил, почему нужно выполнить требование карабахских армян и присоединить эту область к Армении. В июле 1988 года я был на гастролях в Японии вместе с Валерием Гергиевым¹⁴ и тогда еще совсем юным Максимом Венгеровым.¹⁵ Помню, как в один из вечеров мы все (с нашими мамами, учителями и аккомпаниаторшей Максима Ириной Виноградовой) сидели в гостиничном номере в Токио, и Гергиев (осетин по национальности) тогда нам сообщил с явным удивлением и несогласием, что Верховный Совет СССР отказал Карабаху, сказав при этом: «Это исконно армянские земли!». А когда я вернулся из Японии, моя московская подруга (русская по национальности с примесью немецкой, еврейской и польской крови) мне рассказала, как Горбачев хамил представителям Армении на встрече, где обсуждался карабахский вопрос.

В то время, помню, появился такой анекдот:

— Как называется русский человек, который любит русскую землю?

— Патриот.

— Как называется еврейский человек, который любит еврейскую землю?

— Сионист (в Советском Союзе, как известно, это было бранное слово).

— Как называется армянский человек, который любит армянскую землю?

— Националист.

— А как называется азербайджанский человек, который любит армянскую землю?

— Интернационалист!

Тогда я узнал, что Андрей Сахаров, бывший для всех нас величайшим авторитетом, поддержал карабахское движение, он тоже счи-

¹⁴ Валерий Гергиев (род. 1953) — советский и российский дирижер.

¹⁵ Максим Венгеров (род. 1973) — советский и израильский скрипач, дирижер, педагог.

тал, что эту область нужно включить в состав Армении. А в декабре 1988 года армян постигла еще одна беда: страшное землетрясение, которое унесло жизни десятки тысяч человек, разрушило полностью город Спитак и частично — еще несколько городов.

Михаил Дудин тогда написал стихи: «То геноцид, то Сумгаит, то гром землетрясения. Все кровь и кровь. И все болит в твоей судьбе, Армения»... Да, именно такое чувство было в то время у людей разных национальностей в интеллигентских кругах страны: бедные армяне...

Весной 1989 года, перед первым съездом народных депутатов, партия «Демократический союз» обратилась к депутатам с разными призывами на страницах своей газеты «Свободное слово». Там был и такой призыв: «В тюрьмах Москвы томятся члены комитета «Карабах» — избранники армянского народа. Потребуйте их освобождения!»

В ноябре 1989 года прогрессивный и очень интересный журнал «Дружба народов» опубликовал материалы конференции за круглым столом, на которой несколько известных писателей, представители разных народов, высказали свои мнения о национальных проблемах в стране. Среди них выступил и азербайджанский автор М. Ибрагимбеков и высказался в таком духе, что в следующем номере журнала главный редактор упрекнул его за «неинтеллигентность выражений» и отметил, что он «свою беду знает, а о чужой знать не хочет». Особенно «интересно» было заявление Ибрагимбекова о том, что «укомплектовать в Баку «орду жаждущих крови националистов» или хотя бы роту, не менее трудно, чем сколотить местную команду по хоккею на льду», — а через два месяца мы, как и весь мир, узнали о том, что орды жаждущих крови националистов жестоко и беспрепятственно убили в столице Азербайджана сотни армян и изгнали из города все армянское население, двести тысяч человек!

После этого Азербайджан ввёл энергетическую блокаду Армении. Горбачев ее не остановил. Армения, бедная страна, не имевшая природных ресурсов, могла что-то получать только через Грузию. Поэтому, когда Шарль Азнавур приехал в то время на гастроли в Армению, он заодно дал концерт и в Тбилиси, чтобы поблагодарить грузин за оказываемую помощь...

5 АПРЕЛЯ

Начиная с сегодняшнего дня погода, согласно прогнозу, будет солнечной и теплой. Солнце светило так, что мне пришлось во время прогулки надеть солнечные очки.

Опять отшагал 15 километров по Летне. По последним итогам, я прошел за эту неделю в среднем по 14.5 километров в день, а за месяц — по 15.

Написал еще пять тактов в моей новой песне. Вечером работал над шопеновскими пьесами.

Прочитал интересную статью в «Нью-Йорк Таймс» о том, что в Германии от коронавируса умирают гораздо меньше людей по сравнению со многими другими странами.

15 членов британского парламента подписали письмо с требованием, чтобы Китай заплатил Великобритании 351 миллиардов фунтов за ущерб, который британцы потерпели из-за того, что китайское правительство не сообщило своевременно необходимую информацию о коронавирусе. Только 15 из 650... Эх, где же настоящие политики? Такие, как Черчилль, де Голль, Аденауэр? Зато есть Путин, который пользуется тем, что нет на Западе умных, сильных и смелых политиков, и делает все, что хочет. Шрёдера он давно уже просто подкупил.

Лейбористы избрали нового лидера, женатого на израильтянке. После всех скандалов с Корбином это, конечно, умный ход. Только бы он сам оказался умным политиком...

Продолжаю перечитывать Гурунца и вспоминаю то время, конец 1980-х и начало 1990-х. Всплывают в памяти разные детали, которые ярко характеризуют царившую тогда атмосферу, настроения тех лет. Помню, как я спросил тогда у нашего преподавателя английского в институте, Марка Исааковича Дубровина (разумеется, еврея): в чем разница между словами *devote* и *dedicate* (по-русски, как известно, оба эти глагола переводятся одинаково: «посвящать»). Он начал свое объяснение со следующего примера: «Если Вы посвящаете концерт армянским беженцам, то это *dedicate*». Именно такой пример сразу же пришел в голову Марку Исааковичу: таковы были настроения у интеллигентных людей.

Примерно в то же время наш институтский преподаватель истории, Фирудин Аббасович Гусейнов (судя по имени, фамилии и отчеству, азербайджанец) обсуждал со мной тогдашние события и проблемы в стране и, помимо прочего, сказал со своим легким акцентом: «Ар-

мяне чего-то требуют, а азербайджанцы хватаются за кинжалЫ.». Так Фирудин Аббасович кратко сформулировал суть конфликта, которая ясно показывала, на чьей стороне правда: армяне выдвигали требования, а их оппоненты в ответ хватались за «кинжалы» — то есть, убивали.

Летом 1990 года, в «Рузе», я познакомился с известным композитором Владимиром Дашкевичем, высокообразованным человеком прогрессивных взглядов, полурусским-полуевреем по национальности. Мы с ним тогда много разговаривали, в том числе и о политике. Когда речь зашла о карабахском вопросе, Владимир Сергеевич стал рассказывать о том, как сильна азербайджанская мафия, и с явным беспокойством упомянул, что такому одиозному деятелю, как Гейдар Алиев, удалось собрать в Баку митинг, на который пришли десятки тысяч человек (кажется, он назвал цифру 40000, но я не уверен на 100%: все-таки с тех пор прошло уже 30 лет).

И еще вспоминаю, как в том же году докторша, у которой я тогда лечился (судя по имени и внешности, она была русской; так или иначе, к армянам она явно отношения не имела), с ужасом и отвращением рассказывала об азербайджанских шовинистах, с которыми ей в то время доводилось общаться и которые постоянно и упрямо твердили: «Армяне — наши враги!».

Разумеется, ни у меня, ни у кого-либо из моих друзей, упаси Бог, никогда не было никаких предубеждений или враждебных чувств по отношению к какому бы то ни было народу, в том числе к азербайджанцам. Это всегда было мне отвратительно, поскольку я еще с детства испытал на себе, что такое национальная ненависть. Более того, будучи ребенком и подростком, я дважды был в Баку (тогда это был прекрасный интернациональный город) и познакомился там с замечательными, по-настоящему интеллигентными людьми, с некоторыми из которых дружу по сей день и очень их люблю. *(О своем первом пребывании в Баку я написал подробнее год спустя во втором «Корона-вирусном дневнике»).*

В начале 1990-х я читал не только о кровавых бандитах, убивавших армян, но и о тех азербайджанцах, которые спасали своих армянских соседей во время погромов, в частности о замечательной, отважной женщине по имени Ханум Мамедова, которая остановила целую толпу погромщиков. Когда я получал из Армении газетные статьи с оскорбительными высказываниями в адрес азербайджанцев (или турок) *как народа*, я каждый раз отвечал, что такое отношение

для меня совершенно неприемлемо. Когда наши шовинисты пишут гадости про арабов *как народ*, для меня это тоже в высшей степени омерзительно. Но что касается карабахского конфликта, когда одна сторона лишь выдвигала территориальные требования, а другая в ответ «хвталась за кинжалы», мне было совершенно ясно, кто прав. Тем более, тогда я уже знал, что Карабах — это исконно армянская земля, где армянское большинство в течение последних десятилетий подвергалось национальной дискриминации.

Андрей Сахаров, светлой памяти, в 1988-м году в одной из своих статей подробно изложил карабахскую проблему и объяснил, почему воссоединение Арцаха (Карабаха) с Арменией является справедливым и неизбежным решением этой проблемы. Лишь одну деталь, весьма важную, он упомянул не как факт, но как предположение: по его словам, «можно предположить, что присоединение Нагорного Карабаха к Азербайджану было произведено по инициативе Сталина в результате внутренних и внешнеполитических комбинаций того времени». В сентябре 1990 года, уже после смерти Сахарова и после начала войны между Арменией и Азербайджаном, Александр Солженицын, еще один большой авторитет того времени, опубликовал эссе «Как нам обустроить Россию?». Конечно, прожив уже много лет за границей, в отличие от Сахарова, Солженицын имел доступ ко многим источникам, которые в Советском Союзе были закрытыми и недоступными. В этом эссе он, в частности, написал: «...ведь в те годы считалось: это совсем неважно, где границы проводить, — ещё немножко, вот-вот, и все нации сольются в одну. Проницательный Ильич-первый называл вопрос границ «даже десятистепенным». (Так — и Карабах отрезали к Азербайджану, какая разница — куда, в тот момент надо было угодить сердечному другу Советов — Турции)».

Когда я прочитал то эссе Солженицына, — во время моих самых первых гастролей в Соединенных Штатах — это стало для меня последней точкой над *i*: теперь все в карабахской картине стало ясным.

Сделал это действительно Сталин, потому что в 1923 году, когда была основана Нагорно-Карабахская автономная область, Сталин фактически управлял Советским Союзом. Теперь, когда после стольких десятилетий армяне отвоевали свою исконную землю, пропагандисты алиевского режима продолжают утверждать, что армяне оккупируют часть азербайджанской территории, хотя «азербайджанской территорией» эта земля стала только по прихоти величайшего зло-

дея в истории человечества (Виктор Юрьевич мне еще в конце 1980-х объяснял, что «Гитлер по сравнению со Сталиным — сущий сопляк»!). Интересно, если бы кому-нибудь из алиевских прислужников пода-рили краденую вещь, вернул бы он ее законному хозяину, или попы-тался бы убить владельца, если бы тот попросил ее вернуть?

6 АПРЕЛЯ

Во время вчерашней прогулки сильно натер ногу, поэтому сегодня сидел дома и поработал гораздо больше, чем в прошлые дни и недели.

Вчера Джонсон слег в больницу. Сегодня он почувствовал себя хуже, и его перевели в реанимационное отделение... Ну, его-то наверняка спасут — и, может быть, он сделает из собственного опыта какие-то выводы. Как я сам неоднократно убеждался еще с юных лет, самый лучший учитель — практика.

«Таймс», «Дейли телеграф», «Гардиан» и другие СМИ в разных странах опубликовали статьи о том, что Китай должен Великобритании 351 миллиард фунтов в связи с коронавирусом. Посмотрим, что из этого выйдет...

Из Китая вышлют в Израиль миллионы масок и защитных костюмов. Солдаты 98-й дивизии израильской армии прибыли в Бней-Брак, где больше всего инфицированных в стране, чтобы помочь местной администрации распространять еду и медикаменты. Заразились 8018 израильтян, в том числе и Яков Лицман со своей супругой. Не так давно он заявил, что после еврейской Пасхи придет Мессия и всех нас спасет. Умерло 47 человек. За прошлую неделю Израиль отправил мацу и кошерные продукты евреям Каира и Александрии, чтобы те смогли отметить Пасху как полагается.

Газета «Ашарк аль-Аусат» сообщила, что ХАМАС может согласиться на обмен пленными, если Израиль вышлет в Газу вентиляторы. Омар Баргути, один из основателей движения BDS, заявил, что если Израиль изобретет лекарство от коронавируса или рака, то не будет проблемы в сотрудничестве с Израилем.

Вирус широко распространился в еврейских кварталах Нью-Йорка; за последние пару дней там умерло не менее 40 человек, в основном пожилых, в том числе несколько раввинов. В общей сложности, в США погибло от ковида 8400 человек, из них более 3500 в штате Нью-Йорк и более 1900 — в городе Нью-Йорке... Трамп заявил, что «к сожалению, будет много смертей».

Мусульманский террорист зарезал ножом двух человек и ранил еще пятерых во французском городе Роман-сюр-Изер, что к югу от Лиона. Его арестовали на тротуаре, когда он стоял на коленях и молился по-арабски. Арестовали также одного его знакомого. Убийца не имел при себе удостоверения личности, но заявил, что прибыл из Судана и родился в 1987 году. В его квартире обнаружили рукописные документы, в которых он рассуждает о религии и сетует, что живет в «стране неверных».

По данным опроса ВЦИОМ,¹⁶ 89% россиян считают пункт о недопустимости фальсификации российской истории самой важной из поправок к конституции. Это, конечно, очень показательно: пусть нами сколько угодно правит царь-батюшка, но главное — не фальсифицировать нашу историю! Верно сказал Чернышевский еще полтора века назад: «Жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы». Интересно: будут ли теперь учителя истории иметь право цитировать это высказывание на уроках?

7 АПРЕЛЯ

С ногой лучше, но она еще не совсем зажила, поэтому сегодня я снова сидел дома.

Работал. Перечитал заметку Айзика Зарецкого о вечере И.-Л. Перреца в Сталинабаде (ныне столице Таджикистана Душанбе), написанную в июне 1945 года, а также его письмо Иосифу Рабину,¹⁷ которое Зарецкий написал несколькими месяцами позже. Если сравнить это письмо с книгой Зарецкого «За пролетарский язык», опубликованной в 1931 году, остается только удивляться, какое все-таки сложное существо — человек.

В книге — сплошная идеология, воинствующий атеизм, призывы к искоренению гебраизмов в идише и тому подобное. Каждый раз, когда я перечитывал статью «Не мешайте дегебраизации идиша», самую длинную в этой книге, я никак не мог понять, как такие взгляды могут сочетаться со словами Зямы Телесина, который примерно в то самое время учился у Зарецкого, а потом писал о своём бывшем учителе: «он наш язык лелеял». Как же мог Зарецкий «лелеять» идиш, если он стремился его настолько обеднить? Ведь он хотел изъять даже та-

¹⁶ Всероссийский центр изучения общественного мнения.

¹⁷ Иосиф Рабин (1900–1987) — советский еврейский писатель.

кие слова, как «мизрэх», «майрэв», «цофн» и «дорэм» — восток, запад, север и юг, а вместо «камэс» и «эйхэс» предлагал обозначать количество и качество какими-то искусственными, выдуманнными словами «вифлкайт» и «виазойкайт»! Когда же читаешь его письмо Рабину, то кажется, что его написал совершенно другой человек. Это очень теплое, я бы сказал, родственное письмо, без малейших следов идеологии (разве что, за исключением забавной аббревиатуры «йидкултарбэт»¹⁸). Автор письма использует не только гебраизмы, но и целые выражения на иврите. Он сетует о том, что его «парносы» не хватает для «мишпохи» из четырех человек, и поэтому им приходится продавать личные вещи. Эту печальную ситуацию он описывает перефразированной библейской цитатой: «нет одежды, чтоб надеть, но лишь одежда, чтоб поесть». Более того, без тени иронии Зарецкий отмечает: «Сегодня у евреев Симхэс-Тойрэ». В этом письме действительно виден, как писал Телесин, «милый и дорогой человек». С другой стороны, Шпринца Рохкинд в своих воспоминаниях рассказывает не только о том, каким крупным еврейским лингвистом был Зарецкий (лучшим в Советском Союзе), но и о том, какой это был добрый, скромный человек. Она пишет, как Зарецкий посвятил всю свою жизнь еврейскому языку и строительству еврейской культуры; скольким людям он помог, включая его бывших учеников; насколько принципиальным он был как в своих научных взглядах (включая его стремление «очистить идиш от гебраизмов», как он выражался), так и в личной жизни. Кроме того, по воспоминаниям Рохкинд, Зарецкий даже в самые тяжелые годы всегда писал в анкетах, что вначале стал членом большевистской партии, но потом по собственному желанию вышел из неё.

Эмпатия, эмпатия... или, как выражается Карп, «*imaginative understanding*». Как же она важна для того, чтобы понять других людей: особенно тех, кто жил в прошлые эпохи и в иных условиях. Сегодня нам это кажется крайне странным, однако для Зарецкого, а также его коллег и учеников, по всей видимости, не было никакого противоречия между трепетной заботой о еврейском языке, которому он посвятил всю свою жизнь, и стремлением в значительной мере обеднить его путем «очистки», искоренения крупной части словарного запаса.

Тем, кому не довелось жить при коммунистической власти, трудно себе представить, насколько коммунистическая идеология извращала

¹⁸ «Еврейская культурная работа»

образ мыслей и естественные человеческие чувства людей. В любом случае, нам давно уже абсолютно ясно, что, как Елена Боннэр однажды написала Владимиру Максиму, «идеология, если ей жестоко следовать, какая бы ни была, а к добру не приводит».

Нетаниягу объявил локдаун на четыре дня в связи с наступающей Пасхой. Более 130 лидеров еврейских организаций Америки подписали открытое письмо Ганцу и Ашкенази, с просьбой твердо оставаться в оппозиции против односторонней аннексии части Западного берега. «Мы пишем вам, — говорится в письме, — как американские общественные лидеры, гордые своими сионистскими убеждениями, сторонники Израиля, посвятившие нашу жизнь поддержке Израиля». Можно иметь разные мнения по этому вопросу, но когда же, наконец, до наших правых русско-еврейских иммигрантов дойдёт, что те, кто выступают против односторонней аннексии и за два государства для двух народов, тоже могут быть гордыми сионистами, убеждёнными сторонниками Израиля и даже посвящать свою жизнь поддержке Израиля?!

Однажды одна моя знакомая, живущая в Америке русская еврейка, выразила свое неудовольствие тем, что Ципи Ливни была готова пойти на некоторые территориальные уступки палестинским арабам, и объяснила свою позицию словами «Я сионистка!» — на что я ей ответил, что вообще-то Ливни тоже сионистка. Самое забавное то, что та моя знакомая «сионистка» ни разу в жизни не была в Израиле! Авторы упомянутого выше письма также отмечают, что если односторонняя аннексия будет реализована, это вызовет у большинства американских евреев, несогласных с такой политикой, отчуждение от Израиля. Помню, как в 1990-е годы, после заключения Ословского соглашения, Ицхак Шамир заявил в одном из своих телеинтервью, что это «не по-еврейски» со стороны тогдашнего израильского правительства — игнорировать мнение американских евреев. Что же сегодня скажут последователи Шамира? Кстати, в прошлое воскресенье «Командиры службы безопасности Израиля» отправили Ганцу и Ашкенази письмо аналогичного содержания.

В России за прошлые сутки зарегистрировано 1154 новых случая заражения коронавирусом. Тамошние представители власти преследуют добровольцев, помогающих врачам. В Московской области и других регионах начались торфяные пожары. Как говорила моя бабушка Рахиль: «эмидэм цорэс» — везде горе.

8 АПРЕЛЯ

Гулял по Летне. Работал. Читал книгу Карра.

Сегодня годовщина смерти Мариан Андерсон.¹⁹ Одна из легендарных личностей, с кем мне, увы, не довелось встретиться. Когда я переехал из Москвы в Нью-Йорк, я спросил у одного моего приятеля, работавшего тогда в BMG Classics: можно ли организовать для меня встречу с Андерсон? Тот ответил, что не знает как это сделать, а через год она скончалась... Может быть, мне следовало быть понастойчивей, но в то время я был слишком стеснительным. Анна Павловна слышала Андерсон в Москве живьем и рассказывала мне, как музыкально и эмоционально она пела. К счастью, сохранилось множество ее замечательных записей.

В середине 1950-х годов она написала в своей книге воспоминаний: «Я живу в эпоху перемен, и конца им ещё не видно». Да, многое изменилось с тех пор — и до ее смерти, и до наших дней. Лет через десять после публикации мемуаров Андерсон в Соединенных Штатах были отменены все расистские законы, от которых знаменитой певице тоже довелось пострадать, а через пятнадцать лет после ее кончины афроамериканец стал президентом США и еще через четыре года был переизбран на второй срок. Разумеется, необязательно соглашаться со всеми аспектами политики Обамы, однако сам этот факт, конечно, очень знаменателен. Америка во многом действительно прогрессировала за последние шестьдесят лет, хотя до идеала там еще далеко: вспомним хотя бы убийство Ахмада Арбери полтора месяца назад. Как и раньше, на протяжении всей человеческой истории, борьба между добром и злом продолжается, «и конца ей ещё не видно»...

За прошедшие сутки более 6000 человек во всем мире умерли от коронавируса, в том числе 1700 в Соединенных Штатах. В России зарегистрировано 1175 новых случаев заражения. Из-за карантина в ряде стран участились случаи бытового насилия. Британские и немецкие власти обсуждают возможность введения «паспорта иммунитета» для тех, кто выздоровел после коронавируса. Посмотрим...

Шабак арестовал израильского гражданина за шпионаж в пользу Ирана. 71 человек в Израиле умер от коронавируса; самому молодому из них, отцу двоих детей, было 37 лет. Израиль получил десятки тысяч биохимических проб и защитных костюмов из Южной Кореи. Там справля-

¹⁹ Мариан Андерсон (1897–1993) — известная американская певица.

ются с пандемией лучше, чем во многих других странах, поскольку они сразу стали проводить массовые тесты — теперь по 20000 тестов в день.

Поэтому, хотя население этой небольшой страны составляет 51 миллион, в Южной Корее только 9786 человек заразились коронавирусом, а умерли лишь 162. Да, азиатская дисциплина в самом деле замечательная вещь, нам всем следовало бы у них поучиться.

Путин напомнил, что много врагов мучили Россию: и половцы, и печенеги, но Россия выдержала все испытания — поэтому «мы победим» и коронавирусную инфекцию. Лукашенко так и не ввел никакого карантина в Беларуси: кроме средних школ, в которых были зафиксированы случаи COVID-19. Он заявил, что психоз вокруг коронавируса используется для «передела мира», что от вируса можно излечиться работой в поле на тракторе, в сухой бане, жирной пищей и вдыханием дыма и гари от костра. Двух людей, умерших от вируса, Лукашенко обвинил в их собственной смерти: дескать, один из них, популярный артист, продолжал работать несмотря на болезнь, а второй страдал от ожирения. Тамашнее телевидение постоянно утверждает, что это в других странах люди болеют коронавирусом, а в Беларуси все в порядке.

Из-за недоверия к власти и отсутствия достоверной информации, среди белорусов ходят тревожные, даже апокалиптические слухи: что больницы и морги переполнены, что врачам запретили ставить диагноз COVID-19, поэтому теперь они вынуждены писать «пневмония», и прочее в подобном роде. Некоторые зараженные молодые люди рассказывают в своих каналах на Telegram, что с ними происходит. К одному из них явились силовики и потребовали удалить канал. Одна женщина-врач рассказала в интервью о коронавирусе, и ее вызвали в следственный комитет.

Сегодня начался Пейсах — еврейская Пасха. Несмотря на некоторые детали библейской истории (поражение первенцев, ограбление египтян обманом и пр.), главная идея этого праздника трогает нас до самой глубины души, и будет всегда дорога лучшим людям на земле, пока существует человечество: да здравствует свобода! Еще 2600 лет назад Эзоп знал, что «нехорошо продавать свободу даже за все золото мира». Я, будучи еще подростком, в конце 1980-х, во время горбачевской либерализации в бывшем Советском Союзе, твердо усвоил, что стыдно предпочитать свободе колбасу. Хотя следует терпимо относиться к чужим мнениям, в данном случае я ничего не могу с собой поделывать: презираю тех, кто предал идеалы нашей молодости.

Теперь я думаю об этом и вспоминаю, что еще когда я был ребенком, меня воодушевляло само слово, понятие «свобода». Когда мне было где-то лет двенадцать (я так предполагаю, потому что именно в этом возрасте, в шестом классе, советские школьники проходили историю Средних веков), я написал рассказ о восстании крестьян против их феодала. Рассказ этот был, конечно, детским и глупым, но назвал я его «Борьба за свободу». За пару лет до того наша тогдашняя учительница истории спросила у меня: чего хотел русский народ от революции 1917 года? Я ей ответил: «Свободу!», а она меня поправила: «Землю!» Когда я впервые в жизни посетил зоопарк (было это в Эстонии, в Таллинне, во время летних каникул), то был очень угнетён тем, что зверей там держат в клетках. Тогда я написал несколько стихотворений, в которых использовал словосочетания «святая свобода» и «подлая клетка».

Когда теперь я вижу, что для некоторых евреев, живущих сегодня в России, всякого рода «ресурсы» важнее свободы, то с удивлением думаю: неужели они не знают (или просто не задумываются), что именно из-за того, что десятки миллионов немцев в 1930-е годы предпочли свободе колбасу, — именно из-за этого произошел Холокост?!

Замечательно написал Паруйр Севак:²⁰

Я, кажется, понял, Свобода,
Что ты похожа на соль:
Когда добывают тебя из недр —
Руки горят от порезов и ссадин;
Когда тебя нет — все пресно в мире...

9 АПРЕЛЯ

Сегодня у Алеши день рождения... В течение многих лет сегодняшняя дата была для меня трагической: в этот день, в 1989 году, был разогнан митинг за независимость Грузии в Тбилиси и пролилось много крови. Сегодня этот день стал для меня еще и праздником. Как говорит Кариночка, все на свете рифмуется: мой папа скончался в день рождения тети Марины,²¹ а Нелли Рубеновна²² умерла в день, когда родилась моя бабушка Рахиль...

²⁰ Паруйр Севак (1924–1971) — армянский поэт и литературовед.

²¹ Мать Карины.

²² Бабушка Карины

Алеша очень вырос, говорит теперь низким голосом и становится все более независимым. Хотя он не мой собственный сын, он вырос на моих глазах, и поэтому я часто думаю с легкой грустью: куда же делся тот очаровательный маленький мальчик? Алеша был необыкновенным ребенком: таким позитивным по натуре, что Карина называла его «антидепрессантом-витаминчиком», — и в то же время очень чутким. Кариночка однажды рассказала ему про мячики, которые сжимают для снятия стресса. Когда она сказала, что хотела бы, наверное, тоже купить такой мячик, Алеша ответил: «Зачем? Я твой антистресс!»

Когда он, Женечка, и другие дети должны были ехать вместе со своими школьными товарищами на хоккейный турнир в Варшаву, то Женечка, который был в детстве немножко пессимистом, сказал своему двоюродному брату, что не хочет ехать, потому что когда он куда-то уезжает, ему нужно, чтобы кто-то из семьи был с ним, на что Алеша ему ответил: «Так я же с тобой буду!»

Через пару лет, еще будучи ребенком, Алеша сказал маме: «Понимаешь, Женя всегда считает то, чего у него нет, а нужно считать то, что у тебя есть!» Потом, когда Кариночка разошлась со своим первым мужем, их дети некоторое время ночевали по очереди то у матери, то у отца. Однажды Алеша спросил у мамы: «Где я сегодня ночую?». Карина ответила: «У папы». Алеша тогда радостно отреагировал: «Ура! Но не потому что не у тебя, а потому что у папы! Когда буду у тебя, тоже будет ура: не потому, что не у папы, а потому, что у тебя!»

В городе Светлом в Калининградской области, демонтировали скамейки в общественных местах — для борьбы с пандемией. Глава городской администрации объяснил это тем, что «хорошая погода провоцирует людей на нарушение рекомендаций специалистов по ограничению личных контактов». Ну, прямо как в горбачевские времена боролись с пьянством, вырубая виноградники. Так и все в России делается: через задницу.

Подписал петицию против репрессий уйгуров. Просто невероятно, что многие люди, в том числе некоторые западные импресарио, не могут понять, почему я отказываюсь выступать в Китае. Один из них (уже не помню, кто это был) сказал мне, что сейчас в Китае уже не коммунизм, а капитализм, — не понимая, что под «коммунизмом» я подразумеваю не экономическую, а политическую систему, и что для меня это самый важный и совершенно неприемлемый момент! Да, теперь в Китае платят очень много денег — и многие музыканты,

как и их импресарио, не задумываются (наверное, просто не хотят задумываться) о том, откуда берутся эти деньги.

Владимир Ашкенази²³ в своей книге воспоминаний рассказывает, как Артура Рубинштейна приглашали выступить в Советском Союзе и тот ответил, что поедет, только если ему хорошо заплатят, а иначе его это всё это не интересует. Как известно, Рубинштейн играл в СССР в 1964 году. Я его глубоко почитаю: не только как музыканта, но и за его поведение в политических вопросах. Однако, если рассказанное Ашкенази — правда, то тогда выходит, что Рубинштейн (я знаю, что он презирал коммунистов, особенно кремлевских властителей) просто не принял во внимание один фактор: откуда взялись «хорошие» деньги, которые там ему заплатили?

Уже через несколько лет после крушения империи зла, я узнал, что Иегуди Менухин, будучи на гастролях в Советском Союзе в 1970-е годы, говорил там о правах человека и о Солженицыне. Разумеется, Менухин был в политическом плане принципиальным человеком (хотя, конечно, не все его политические взгляды были правильными), и говорить о таких вещах в то время в СССР было достойным поступком — но кто тогда об этом узнал, кроме считанных людей, кому довелось это услышать из его уст, а также властей, которым об этом сообщили? До миллионов простых советских граждан высказывания Менухина вообще не дошли, а раз так, то принесли ли эти слова практическую пользу борьбе за права человека?

Поэтому я считаю, что лучше всего просто не играть в таких странах, а поскольку существует Интернет (хотя в Китае запрещены Гугл и Ютуб, у них есть другие интернет-ресурсы), жители подобных стран могут узнать, почему знаменитые музыканты отказываются у них выступать, бойкотируют их государства. Только тогда может быть надежда, хотя и очень небольшая, что что-то там изменится. С другой стороны, существенно повлиять на ситуацию могли бы лишь все знаменитые музыканты, если бы тоже так поступили. Сам я, увы, ничего изменить не могу: один в поле не воин. Что ж — по крайней мере, я не поддерживаю этот режим своими поездками и выступлениями там и тем самым не становлюсь соучастником зла. Пока Китай не стал полным хозяином Гонконга, в Гонконге я буду продолжать

²³ Владимир Ашкенази (род. 1937) — советский и исландский (с 1962 года) пианист и дирижер.

выступать. И, конечно же, на моем любимом Тайване — китайском острове свободы.

Только в одном случае я согласился бы сделать исключение: в последнее время улучшаются отношения между Израилем и арабскими государствами, поэтому ради дальнейшего улучшения этих отношений я готов отправиться в арабские страны и выступать там, хоть они и авторитарные, — именно как гражданин и представитель Израиля.

Сегодня мне захотелось не только печатать на клавиатуре, но и писать на идише, поэтому я написал «классические» бумажные письма с моими мыслями о празднике Пейсах нескольким моим идишеязычным друзьям и знакомым в разных странах.

10 АПРЕЛЯ

У нас все по-прежнему. Мой образ жизни в нынешней ситуации, можно сказать, сформировался: гуляю по Летне, работаю, читаю и снова перечитываю книгу Карра.

Интернет-портал «Медуза», ссылаясь на источник, близкий к путинской администрации, сообщает, что Кремль требует от регионов «позитивного информационного доминирования», чтобы поднять рейтинг Путина: «Появление новостей о том, как все плохо в США, либо о том, что в Британии в тяжелом состоянии даже премьер, не случайно. Зритель или читатель должен убедиться, что в США и Европе все не в порядке, там не справляются, зато у нас все разгуливается оперативно — так, что мы и другим помогаем».

Карр пишет в своей книге, состоящей из лекций, которые он прочел в начале 1960-х, что современным историкам трудно не осуждать Гитлера или Сталина, поскольку они были нашими современниками и еще живы многие люди, прямо или косвенно пострадавшие от их действий, и это является главным препятствием для современного историка — «но какая польза сегодня от осуждения прегрешений Карла Великого или Наполеона»? Однако сейчас в России как раз крайне важно и необходимо чтобы авторитетные историки давали оценки Ивану Грозному, не говоря уже о Сталине, поскольку там им ставят памятники и публикуют книги, в которых их частично или полностью оправдывают!

Воистину, «умом Россию не понять»... Карамзин, основоположник российской исторической науки, убежденный монархист и пламенный русский патриот, ясно понял и показал, что Иван Грозный был безум-

ным, кровавым тираном. Два великих последователя Карамзина, Костомаров и Ключевский, тоже это поняли и подробно продемонстрировали в своих трудах. Помню, как я читал блестящее эссе Костомарова об Иване Грозном в 1990 году, когда впервые летел из Москвы в Нью-Йорк. А современные российские авторы (конечно, не все) утверждают, что эти классики русской исторической мысли были обмануты иностранными источниками, (которые, по их мнению, всегда заведомо лживые)! Хорошо, конечно, что в России есть такой замечательный и авторитетный историк, как Борис Николаевич Флоря, но разве он один в состоянии убедить простых людей, по природе склонных верить пропаганде деспотизма? Да, как это ни печально, русский народ всегда любил кнут... «Немытая Россия, страна рабов, страна господ». Кстати, русские «патриоты» давно уже изо всех сил пытаются «доказать», что эти знаменитые строки были написаны якобы не Лермонтовым.

С другой стороны, Карр пишет, что историкам следует осуждать не отдельных людей, но общества, системы, создавшие их. Именно так! Более того, он подчеркивает, что сегодня для многих немцев осуждение личных злодеяний Гитлера является приемлемой альтернативой моральной оценке породившего его общества со стороны историков. Русские, англичане и американцы, согласно Карру, с радостью подхватывают нападки на Сталина, Невилла Чемберлена или Маккарти как козлов отпущения за коллективные «misdeeds» (как известно, это слово может переводиться и как «ошибки», и как «злодеяния»).

Все верно — и популярность Сталина в современной России свидетельствует о том, что тамошнее общество до сих пор больное. Немцы покаются в злодеяниях своих предков, но русские — нет. Потому, хотя моя нееврейская теща считает, что евреям еще рано селиться в Германии, лично я между Россией и Германией выбрал бы без малейшего колебания второй вариант: цивилизованное демократическое государство, где в самом центре столицы находится огромный мемориал жертвам Холокоста, и где за отрицание Холокоста, как и за антисемитизм, сажают за решетку.

Все это, конечно, результат проигрыша Гитлера во Второй мировой войне, после которого западные победители оккупировали Западную Германию и на протяжении длительного времени постоянно и доходчиво объясняли немцам, какие мерзости они натворили. Очень хотелось бы, конечно, чтобы русские сами свергли Путина и установили демократию, но боюсь, что для достижения свободы и демократии

в России нужно сделать именно то, что было сделано в Германии: оккупировать страну, чтобы силой заставить людей покаяться и очиститься. Хорошим поводом для этого могла бы быть и война в Грузии и оккупация Южной Осетии в 2008 году, и аннексия Крыма в 2014 году и последовавшая за ней война в Украине. Однако, увы, нет сегодня на Западе второго Черчилля...

Прав был Марк Солонин,²⁴ который несколько лет назад написал: «Когда полезные буржуазные идиоты из года в год продолжают пинать дохлого Гитлера, смущенно отводя глазки от того, как на востоке Европы товарищ Сталин становится живее всех живых — это не величие духа, а позорная моральная капитуляция. Сооружать в Германии энный по счету мемориал жертвам Холокоста и не замечать при этом, как в московских книжных магазинах продается макулатура, наполненная звериной юдофобией — это моральная капитуляция».²⁵

Опять написал несколько бумажных писем моим друзьям, говорящим на идише, о празднике Пейсах и свободе.

Помню, как после падения Берлинской стены Леонард Бернстайн сделал запись девятой симфонии Бетховена с изначальным текстом Шиллера: не «Freude», но «Freiheit». На обложке компакт-диска была фотография ликующих людей у Бранденбургских ворот, а сверху написано: «ODE AN DIE FREIHEIT» — «Ода свободе». Я давно уже размышляю: при всем моем уважении к Бернстайну, было ли у него право делать такую запись? Вспомним о том, что в 1980-е годы, в самом разгаре холодной войны, во время кровавой советской агрессии в Афганистане, знаменитый маэстро в одной из своих речей призвал свое государство, Соединенные Штаты, к... одностороннему разоружению, чтобы подать

²⁴ Марк Солонин (род. 1958) — российский публицист.

²⁵ Через несколько недель после написания этих строк, когда в Соединенных Штатах начались бунты в связи с убийством Джорджа Флойда, Марк Солонин написал в Фейсбуке отвратительный пост, который меня сильно разочаровал: «Белые люди, за счет собственных сил и средств, часто рискуя жизнью (шторма, крокодилы, змеи, комарики с вирусом во рту) вывезли много-много негров из Африки в самую лучшую (да-да!) страну мира. Сейчас потомки вывезенных живут — в сравнении с тема, кто остался в Африке — как в раю. И белые даже не требуют с афроамериканцев деньги за перевоз! Чего ж вам боле?». Тем не менее, я считаю, что в приведенных выше высказываниях о сталинизме и юдофобии Солонин совершенно прав.

этим хороший пример «русским»! Его аргументы, будто в такой ситуации Советский Союз не напал бы на США, были просто невообразимо наивными: «русский народ не хочет войны, он слишком много страдал» (можно подумать, что народ имел хоть малейшее влияние на решения и действия Кремля!), «Захотят ли они править такой большой страной, как Соединенные Штаты, да еще и на английском языке?» (как будто кремлевские бандиты не стремились постоянно захватить как можно больше стран, население которых говорило на самых разных языках!). Ну, то, что необыкновенные, даже гениальные музыканты (да и вообще люди искусства) могут быть полными идиотами в политике, — это уже давно общеизвестный факт. Но я все же твердо убежден, что американец, который в годы холодной войны призвал правительство своей страны разоружиться перед советским врагом, не имел никакого морального права принимать этой своей записью участие в празднованиях освобождения восточноевропейских народов от коммунистической тирании. Таковую запись мог бы сделать Мстислав Ростропович: хоть он и не был столь великим дирижером, как Бернштайн, но именно он из всех знаменитых музыкантов того времени боролся за свободу, против коммунизма.

11 АПРЕЛЯ

Сегодня мамин день рождения: 83 года. До ста двадцати! Никто не верит, когда узнает о ее возрасте: а ведь действительно, чтоб не сглазить, она выглядит намного моложе, хотя силы и память у нее уже не те... Главное, чтобы чувствовала себя так же хорошо, как выглядит, и оставалась с нами как можно дольше! Мы отмечали у нас дома ее праздник весь вечер, начиная с пяти часов дня.

Прочитал очень интересную статью о нынешних настроениях в России в связи с коронавирусом. С одной стороны, люди там не верят власти и воспринимают карантин как давление, основание для новых репрессий, жульничество ради чьего-то обогащения, а с другой стороны, они верят всяческой чепухе, что показывает, как государственная пропаганда преломляется в мозгах людей. Помимо прочего, верят, например, в то, что коронавирус изобрели американцы, чтобы развалить экономику и «нашу великую страну»; верят в заговор Запада, в бесполезность масок; считают, что это махинации ради повышения цен, что имбирь помогает или спасает от коронавируса и, наконец, что пандемия — кара Божья.

Губерман рассказывал об одном таком человеке, с которым он в свое время сидел в тюремной камере. Тот человек всеми фибрами души ненавидел советскую власть, но в его мозгу своеобразно отразилась государственная пропаганда о происках вездесущих сионистов: он был твердо убежден, что всюду хозяйничают евреи, в том числе и в советском правительстве. Кстати, логика его главного аргумента насчет советских властей была просто гениальной: «Если бы они были русские люди, разве могли бы они так обращаться со своим родным народом?»

Вот уж действительно, «в смехе, в плаче люди бывают очень разными». Человек вообще очень сложное существо. Когда я был еще подростком и жил в бывшем Советском Союзе, то был уверен, что достаточно открыть государственные границы — и люди все поймут. Теперь мне ясно, сколь наивной была эта мысль, но в то время это казалось абсолютно логичным: потому нас и не выпускают за границу, чтобы мы не узнали, как на самом деле люди живут на Западе, и нам не захотелось создать такую же экономическую и политическую систему, как у них. Тогда я не знал, к примеру, что муж небезызвестной сталинистки Нины Андреевой был и в Дании, и в Италии, но остался твердолобым коммунистом-сталинистом (в знаменитой статье Андреевой упоминаются «технократические прелести современного капитализма»). Не знал я тогда, и никогда бы не мог себе представить, что Михаил Ботвинник, который регулярно ездил за границу — казалось бы, совершенно другой тип человека, да еще и еврей — до самого конца своей жизни остался убежденным коммунистом и даже в какой-то степени сталинистом, о чем несколько лет назад мне рассказал Гарри Каспаров.

Путин, конечно, умный человек. Он понял не только то, что люди предпочитают колбасу свободе (это еще Гитлер понял), но и то, что пропаганда может быть эффективна даже при открытых границах. Более того, как бы странно это не казалось, российская государственная пропаганда оказывает влияние и на некоторых людей, живущих на Западе! Впрочем, чему тут удивляться, если немало людей в свободном мире находятся под влиянием исламистской пропаганды?

На самом деле, ничего нового в этом нет. Возьмем, к примеру, Гоголя: один из самых великих писателей в мире, прожил много лет в просвещенной Европе — и тем не менее писал: «По мне, безумна и мысль ввести какое-нибудь нововведение в Россию, минуя нашу Церковь, не испросив у нее на то благословенья». Или Тютчев: тоже столько лет прожил в Европе, однако остался пламенным русским

патриотом и презирал мнение Европы (сегодня сказали бы: мнение международной общественности) о российской политике. Конечно, чувствительность к тончайшим оттенкам человеческой души и писательский гений в 20 веке тоже далеко не всегда сочетались с прогрессивными политическими взглядами. Это тоже известный факт: яркий пример — Кнут Гамсун, лауреат Нобелевской премии по литературе, вставший на сторону нацистов. Очень горько становится от этих мыслей... есть ли еще какая-то надежда?!

Да, все в жизни очень, очень сложно... Теперь я, как никогда раньше, понимаю, что в некотором смысле жить в свободном обществе труднее, чем в том, что было, скажем, в брежневском СССР. Тогда у тех людей, кто верил государственной пропаганде, была ясная картина мира. С другой стороны, ясное представление о мире было и у тех, кто официальной пропаганде не верил: все, что говорят советские средства массовой информации — ложь, а то, что передает западное радио, наоборот, правда. А когда мы перебрались на Запад, то увидели, что здешние СМИ ох, какие разные!

Теперь, в эпоху Интернета, найти истину еще сложнее: не из-за дефицита информации, как было в Советском Союзе, но от ее невиданного изобилия! Получается, что несмотря на свободу слова и прессы, иногда можно просто в отчаяние впасть: где же правда? Да, свобода может быть трудной, но все-таки я никогда бы не променял свободное общество на какое-либо иное.

Продолжаю думать о расследовании комиссии Мюллера. Впервые за много лет я сегодня перечитал фрагмент из книги Филиппа Найтли о знаменитом советском шпионе Киме Филби, где подробно рассказывается, почему, несмотря на все улики против Филби в 1950-е годы, он был тогда оправдан. Хотя улики были многочисленными и убедительными, они не могли выдержать проверку в суде, что признал следователь, который вел один из допросов Филби. Сыграли также роль сразу несколько человеческих факторов, которые в результате привели к оправданию Филби.

Кто знает, что мы еще узнаем в будущем о Трампе и о его отношениях с Кремлем?..

Марина ТЮРИНА-ОБЕРЛАНДЕР
**САКАРТВЕЛО: ПЕСНЬ ЛЮБВИ
ПО ДОРОГЕ К ХРАМУ**

Песней любви я назвала свое эссе о Грузии не случайно. Познакомилась я с ней при забавных обстоятельствах в 1983 году (каникулы любви на Пицунде в 1975-м не в счёт).

Выучив на свою голову в университете датский язык, я оказалась в весьма малочисленной и привилегированной группе «редких» специалистов, которых нарасхват приглашали различные организации в качестве переводчиков. Так, в 1983 году я удостоилась чести переводить на Неделе Датского кино в Москве и Баку. Приехали двое кинорежиссёров и с ними государственный чиновник, по рангу соответствовавший замминистра культуры. Сопровождала нас приятная дама из Союза кинематографистов по имени Наташа. Открытие Недели в Москве прошло благополучно, а на пути в Баку случилась осечка. Наташа перепутала аэропорты и вместо Внуково привезла нас в Домодедово. Билеты нам, конечно, перерегистривали, но вылет оказался намного позже. В Баку тем временем упал туман, и нас посадили в Тбилиси. Ночь пришлось провести в аэропорту, вернее, сначала в ресторане, а потом в кинозале, поскольку в гостинице мест для нас не нашлось.

Как ни странно, но воспоминания об этом приключении начисто лишены негатива и даже сейчас вызывают у меня улыбку, потому что никто не возмущался и не качал права, принимая обстоятельства с изрядной долей юмора. В ресторане за соседним столиком сидела компания грузин, которые, узнав о наших злоключениях, тут же предложили повезти нас на ночную экскурсию по Тбилиси и на рассвете накормить хашем. Датчане воодушевились, но Наташа пришла в ужас и удушила энтузиазм на корню. Больше всего нас позабавила ночёвка на банкетках в кинозале, где нам так и не пришлось поспать, ибо

эмоции прошедшего дня зашкаливали. Эпопея закончилась в 6 утра, когда нас торжественно повели к самолёту. А через час нас ждали не менее торжественно накрытые столы в Баку...

Тогда я поклялась, что в Тбилиси обязательно поеду.

Ждать пришлось до 2012 года. Но свершилось. Теперь я летаю в Грузию регулярно, особенно с тех пор, как моя дочь с семьёй переехала в Тбилиси.

Летом 2021 года волею обстоятельств я провела в Грузии около трёх месяцев. И решила своими впечатлениями поделиться. Три месяца — срок достаточно большой, когда первое ошеломление от знакомства с этой удивительной страной утрясается и начинаешь обращать внимание на, казалось бы, мелочи, но они дают более глубокое понимание её культуры, истории и характера. Моё ошеломление случилось девять лет назад. Сейчас я смотрю на вещи более трезво.

Пусть читателя не удивляет дневниковый жанр моего эссе. В далёком детстве и юности я вела дневники по меньшей мере лет пятнадцать, но поскольку всегда любила делиться своими впечатлениями, то этот жанр плавно сменился эпистолярным. В своих письмах к друзьям, жившим в разных городах, я писала длинные письма, которые, честно признаюсь, доставляли обеим сторонам массу удовольствия. На этот раз, отправляясь в весьма длительное путешествие по разным странам, я оказалась перед выбором писать по крайней мере трём друзьям (по их просьбе). Не надо сомневаться в том, что их просьбу я уважила. И не пожалела. Надеюсь, что и наш читатель благосклонно примет плоды холодных наблюдений моего ума и горестных замет моего сердца.

ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ

Почему-то большинство международных рейсов прибывает в Тбилиси за полночь. Вот и мой самолёт приземлился в 0:35. В Тбилиси комендантский час. Меня встречало такси, имевшее разрешение на ночное передвижение. Стихотворение нарисовалось сразу после поездки. Которое я на следующий день всем троим и отправила.

6/14

Тбилиси встретил ночью и прохладой
и уличной пространной пустотой
где редкие машины
если надо
меси́ли грудь уставшей мостовой
и я неслась в такси по магистралям
и тёмным переулкам
за мечтой
с которой чувства преданно играли
лишь замерев на временный постой
Луна висела тонким срезом сыра
над облаком
похожим на слона
и синий купол дремлющего мира
мне рисовал родные имена

6/19. Тбилисский театр оперы и балета. Ложа бельэтажа. «Дон Кихот» Минкуса. Урезанная до полутора часов пандемическая версия. Антракта нет. Некоторая логика в этом присутствует. Буфет не работает, вино и пирожные не поесть, так чего попусту бродить по залам? Балет, надо признаться, ничего не потерял. Сам Дон Кихот был очень милый, он даже с мельницами не шибко воевал, а просто копьём разбил посуду, в которой ему поднесли напитки. Потом долго грезил дриадами, главная из которых, чудная, тоненькая и пластичная, почему-то представилась мне Дюймовочкой. Потом нас пригласили за кулисы, и мы с подругой имели возможность поговорить с танцорами, сфотографироваться с ними и с Ниной Ананиашвили, которая теперь возглавляет балетную труппу театра.

Тот, кто видел балет в России, наверное, помнит, что главных героев звали Китри и Базиль. Но Китри по-грузински — огурец. Так что в грузинской версии «Дон Кихота» её переименовали в Челиту. А то получался огурец с базиликом... Базиль был великолепен. Таких красавцев я давно не видела. Папа американец, мама русская, родился в Филадельфии. Смешение кровей явно на пользу следующим поколениям.

6/20. Каждый раз, когда я прилетаю в Тбилиси, ребята составляют список достопримечательностей, которые мне надо показать. Иногда это удаётся, что называется, в один заход, иногда что-то остаётся на следующий раз. Так, поздней осенью 2019-го до Болнисского Сиона V века мы не доехали по причине плохой погоды, поэтому теперь решили не откладывать. Это один из четырёх или пяти Сионских храмов (базилика), с какого началась история грузинской храмовой архитектуры, и вообще одно из первых сохранившихся архитектурных сооружений в Грузии, на стене которого находится самая древняя надпись на грузинском языке (алфавит асомтаврули, который сильно отличается от современного). Всего надписей три, по которым и было выяснено, когда и кто его строил. Внутри храма на стене вырезан Болнисский крест, ставший с тех пор одним из самых важных символов Грузии. Он присутствует на гербе Болнисского района и широко используется в грузинской архитектуре.

Не преминули мы заехать и в соседнее село Асурети, бывший Элизабеталь, который населяли немцы, приглашённые Российской империей в 1817 году для ведения сельского хозяйства. Строили они дома в привычном для них стиле, и поэтому центральная часть села до сих пор зовётся «немецкой деревней». Последние немцы уехали в 90-е годы, зато появился новый, Манфред из Берлина, который решил заняться виноделием. Купил изрядно обветшавший дом с 200-летней историей, потихоньку реставрировал его сам и наконец воплотил мечту в жизнь. Вино у него в самом деле неплохое.

Вдоволь насытив историей душу, решили всё же ублажить и тело, ибо голод, как известно, не тётка. Широко разрекламированный и рекомендованный друзьями рыбный ресторан «Адмирал» лежал неподалёку, туда мы и направились. Огромная территория с бассейнами, прудами и протоками, в которых плавали косяки форелей и осетров, вызывала восторг, смешанный с благоговейным уважением к создателям этого фермерского хозяйства. Машины на парковке пестрели дипломатическими номерами. Народу было немерено, но свободная беседка для нас нашлась. Изучив меню, мы несколько удивились, не найдя в нём салатов и вообще овощей, кроме жареной картошки, но решили не привередничать и сосредоточились на том, ради чего приехали: на рыбе. Внук остановился на форели, а я с дочерью и затем на осетрине. Пока выбирали еду, заказали напитки, поскольку умирали от жажды. Пиво зятю принесли быстро. Внук, отчаявшись

получить свой Тархун, ушел обозревать окрестности, а мы с дочерью отвернулись от зятя, и, закрыв глаза, погрузились в нирвану. Вино нам принесли через полчаса.

С едой тоже всё пошло наперекосяк. Приставленная к нам официантка не говорила ни на каком другом языке, кроме грузинского, вдобавок, и читала, видимо, плохо, потому что мы, поначалу отнёсшись к ней весьма сочувственно, пальцем показывали названия блюд, напечатанные на трёх языках. Через какое-то неопределённое время она принесла внуку форель, а нам объявила, что шашлыка из осетрины вообще не было, были только стейки, но и тех к моменту доставки оказался только один последний, и если мы его не возьмём, она отдаст его другим жаждущим. Тут мои нервы не выдержали, и я пошла искать метрдотеля. Изложив ему ситуацию, я поинтересовалась, как в ресторане не может быть шашлыка из осетрины, если осетрами тут кишмя кишит. Метрдотель извинился, сославшись на то, что официантка работает второй день, и клятвенно пообещал ситуацию исправить. Действо на самом деле завертелось. Не успела я вернуться в беседку, как нам принесли шашлыки, после этого пожаловала сама хозяйка заведения с блюдом тарталеток с икрой, извинения и улыбки сыпались как из рога изобилия. И уже выехав из ресторана, мы увидели официантку, понуро бредущую вдоль дороги. Судя по всему, её уволили. Нам стало её жаль, но, с другой стороны, любая профессия требует мало-мальского обучения...

6/23. У нас дикая жара, +36 С°, но если в тени даже неплохо гуляется, то при выходе на солнце ощущаешь себя отбивной на сковородке. Особенно когда поднимаешься в гору. А дом моих детей стоит на горе, в самом конце улицы, которая являет собой образец того, как нельзя строить. Сама улица узкая, зигзагообразная, разновысокие и разномастные дома натканы как попало, многие заселены не полностью и зияют пустыми окнами, тротуары появляются лишь на самом верху, а речка, загнанная в трубу, постоянно возмущается и вырывается наружу. Трубу ремонтируют постоянно и усердно (т.е. от силы часа два в день), ремонт с переменным успехом идёт уже третий год. Если реку удаётся укротить хотя бы на неделю, то на улице уже праздник.

Внука удаётся вытащить на прогулку только за мороженым. В ближайшую субботу в Ботаническом саду будет фестиваль мороженого, так что на сей раз его уговаривать не пришлось.

6/24. Вина мы здесь пьем исключительно те, о которых никто в Америке и не слыхивал, так что совет одного из моих американских друзей исполняется на 200 процентов. Мне больше всего греет душу то, что ящик местного вкуснейшего вина стоит здесь в три раза дешевле ящика, купленного в вашингтонском Cleveland Park Fine Wines. Правда, надо сказать, что и зарплаты здесь в разы меньше наших. Средняя месячная в 2020 году составила 1227 лари (\$365), а пенсии и того ниже. Платятся по возрасту: не старше 70 лет — 240 лари (\$73), после 70–275 лари (\$84). Пенсионный возраст для мужчин 65 лет, женщин — 60.

Курс валюты колеблется, 3 с небольшим лари эквивалентны 1 доллару. Отдельно о ценах. Инфляция сильно ударила по кошелькам, забегая вперед, отмечу: в конце осени она составила в годовом исчислении 12,8%. Цены резко поднялись. Например, килограмм говядины стоит от 15 до 40 лари. Сливочное масло — от 8 лари за килограмм, молоко за литр — около 3 лари, сыр за килограмм — от 10 лари, столько же — колбаса, помидоры за килограмм — 1,2–1,8 лари, апельсины — 3–4 лари, лимоны — от 7 лари, яблоки — 1–3 лари, гранаты — 20 лари, мандарины — от 1 лари, кофе 100 гр. — 4 лари... Подорожали транспорт, коммунальные услуги, здравоохранение...

О том, что готовят наперегонки мои дети, рассказывать не буду. Внук чуть не каждый день за ужином убеждает родителей открыть свой ресторан, поскольку такой вкусноты не отведаешь нигде. Однако стейки здесь получаются жестковаты. Видимо, коровы слишком много гуляют. Но зато всё остальное достойно употребления. Меня к плите не подпускают. К машине, впрочем, тоже. Пригрозили, что меня в первый же день убьют. Угроза не лишена смысла. Несмотря на мой изрядный опыт вождения как в России, так и в Америке, здесь он практически бесполезен. По степени полного пренебрежения правилами грузины превзошли даже итальянцев.

Сегодня ребята возили меня в Бетанию. Это старинный монастырь с дивной церковью XII века, в которой сохранилась фреска с прижизненным изображением царицы Тамар до того, как она была причислена к лику святых. Рядом с ней её отец, а с другой стороны — сын. Удивительно, как этот монастырь пережил все нашествия, войны и правление большевиков. В советское время монахов сделали сторожами, так что они никуда не делись и продолжали мирно молиться

и выращивать разные овощи и фрукты себе на пропитание. Церковь укрыта в глубокой ложбине, дорога от шоссе грунтовая, 8 км крутого серпантина вниз, с каменными осыпями, ямами и ухабами. Пока ехали, у меня всю душу вытрясло. А последние метров 300 пришлось спускаться пешком, поскольку наш Чероки для подобных упражнений уже не годился. Мои новые кроссовки экзамен выдержали на тройку. Ноги на осыпи разъехались, я разбила коленку и саднила правую ладонь. По счастью, обошлось без более серьёзных повреждений.

Награда ждала внизу. Монах открыл нам церковь, и мы насладились и фресками, и куполом с двенадцатью окнами (по количеству апостолов), и запахом увядшей травы на полу (Троица была позавчера). Поставили свечки, а потом, выйдя во двор, наблюдали шустрых ящериц, бегавших по стенам.

Подъём к машине лучше не вспоминать. Главное, дошли...

6/27. Фестиваль мороженого действительно был феерическим. Сначала мы погуляли в саду, насладившись видами диковинных растений и водопадов, а потом оказались на огромной, разукрашенной флагами и воздушными шарами поляне с дюжиной компаний, которые наперебой предлагали свою продукцию. Надо сказать, что кроме мороженого, можно было подкрепиться и шашлыками ...

6/30. Быть в Тбилиси и не посетить серные бани хоть один раз — преступление. Ведь там и Пушкин отмокал, и Александр Дюма, и Лев Толстой. После похода туда чувствую себя вышедшей из пены Афродитой. Разве что чуть постарше...

СЕРНЫЕ БАНИ

Серные бани
пребываю в нирване
в чане
с горячей водой
отбой
глупым мыслям
лезущим в душу
пуще
отравляющих сущность

бытия
а оно прекрасно
не напрасно
я сижу в чане
в серном дурмане
уплывает печаль моя
я лежу на диване
то ли мраморном
то ли пенном
стены
истекают слезами
познания
цепкорукая Цицино
рукавицей сдирает кожу
о Боже
в окно
льётся солнечный свет
я встаю Афродитой
обновлённой на тысячу лет
первой буквою алфавита
догоняя твою орбиту
след в след...

7/02. Подруга дочери пригласила нас в ресторан. У зятя была деловая встреча, внук отказался наотрез. Пошли с дочкой вдвоём. К нашему удивлению, компания оказалась довольно большой, мультинациональной и интересной. Говорили в основном о наболевшем, то есть, о грядущих муниципальных выборах в октябре и о прошедших в 2020-м парламентских. Мнения совпадали, в фальсификациях никто не сомневался. Существующим положением вещей были недовольны все, особенно резко высказывалась девочка-подросток, поразившая меня чётким анализом происходящего в стране и взвешенностью суждений. Её мама-врач время от времени вставляла короткие фразы. В конце концов мы познакомились и разговорились. Оказалось, что их семья в 2012 году продала квартиру в центре Москвы, на Плющихе, и поехала в Тбилиси «вслед за Мишей». Увы, в том году партия Саакашвили на выборах потерпела поражение. Но семья предпочла остаться в Грузии. И мама, и дочь с болью говорили о том, как с приходом

к власти «Грузинской мечты» страна постепенно начала деградировать, и сейчас весьма скептически оценивали исход выборов, хотя и надеялись на лучшее.

7/05. Едем в Болгарию. На ночлег остановились в Кобулети в маленькой гостинице приятельницы моей дочери. Эпопея постройки гостиницы, кредитная удавка и последствия пандемии достойны отдельной истории. Сейчас могу только сказать, что коронавирус не столько поразил здоровье многих людей, но и туристический бизнес, за счёт которого в основном и живёт Грузия. Правящая партия «Грузинской мечты» за 9 лет пребывания у власти сделала для развития экономики страны, мягко говоря, немного, а в пандемию, вместо предоставления бизнесу льгот, ввела массу ограничений, поэтому многих это обанкротило. История приятельницы моей дочери — наглядный пример всему этому безобразию. Никаких кредитных поблажек, ничего, а туристов, разумеется, не прибавилось. Ещё хорошо, что Лия не потеряла оптимизма и чувства юмора и надеется выжить. Тем более, что Кобулети словно создан для отдыха. Это прелестный городок с чистым, благоустроенным пляжем и великолепным променадом. Всё здесь манило остаться. Но мы спешили пересечь и турецкую, и болгарскую границы до истечения срока ПЦР-теста.

Про ПЦР-тесты не могу не написать особо. Пандемия создала благодатную почву для развития новых, весьма оригинальных «бизнесов», пришедших на смену нормальным и традиционным. Одним из таких и является индустрия ПЦР-тестов. Не только для Грузии. Этот тест сейчас требуется для въезда в любую страну, невзирая на вакцинацию. Но в Грузии он требуется и на третий день по прибытии. Мало того, что об этом тебя предупреждают при пересечении любой (воздушной или сухопутной) границы, но на следующий день тебе звонят из Министерства здравоохранения и напоминают. Ладна, как говорят грузины, против правил не попрёшь, тест я сделала. Но каково же было моё удивление, когда при пересечении границы с Турцией грузинский пограничник, наряду с предъявленным свежим ПЦР-тестом, потребовал доказательства одного месячной давности! Служебное рвение явно зашкаливало. Хорошо, что я результаты с электронного адреса не стёрла, но добрых десять минут копалась в своём телефоне, задерживая немаленькую очередь и пытаюсь отыскать нужное сообщение.

Небольшое отступление для любопытных: ПЦР-тест в лаборатории стоит 80 лари, визит на дом 90 (\$30). Для сравнения: в США \$75, в Болгарии 40 евро, в Турции 30, в Греции 60. За своё путешествие я пересекала грузинскую границу четыре раза, болгарскую, турецкую и греческую по два. Прибавить к этому дважды пересекающих границы трёх государств ещё троих членов моей семьи, нетрудно подсчитать общие расходы. Влетели в копеечку. Как вы думаете, скоро ли эта индустрия захочет отказаться от своих прибылей? Тем более, что с введением в Грузии «зелёных» паспортов с 1 декабря 2021 года уже ни в гостиницу, ни в ресторан не войдёшь и по канатной дороге не проедешь. Альтернатива — ПЦР тест!

7/08. На обратном пути из Болгарии, проехав Турцию, ночевать остановились в Квариати, в пяти минутах езды от турецкой границы. Самым ярким впечатлением был закат, а самым приятным вино, которое мы пили за ужином. А что меня больше всего поразило, так это качество строительства. На картинке наш 4-звёздный отель выглядел суперски, кроме того, он был новый, всего годик как открылся, поэтому дочь его и выбрала. Подъезжаем... Улочка узкая, всё заставлено машинами с двух сторон, парковки нет. Рядом строительство ещё двух или трёх отелей. Готовые тоже без парковки. Жуть! Мы сказали, что останемся, если они устроят нам парковку. Один из сотрудников увёл свой мерседес, и мы встали на его место. Лифт один. Мы насилу дождались, пока смогли поднять свои вещи. Слава Богу, комнаты были на третьем этаже, так что потом мы и вверх, и вниз ходили пешком. Думали остаться на две ночи, но, опробовав море и бассейн, передумали. Море у берега грязное, плавают бумажки, пластиковые бутылочки и ещё много всякой гадости, а выходить из него можно только ползком, потому что галька очень крупная, удержать равновесие почти невозможно. Плавать подальше, конечно, хорошо, но перспектива повторного выползания уже не улыбалась.

Поэтому утром, после роскошного завтрака (вот это перед дорогой было очень кстати!) двинулись к Тбилиси. Ехали без остановки шесть часов. Часть дороги от Батуми до Тбилиси автобан, который начали строить ещё при Саакашвили (от Батуми и от Тбилиси примерно по трети расстояния), это было здорово, а центральный участок строят китайцы сейчас, на дороге полный бедлам. Дочь была за рулём и ещё

до прибытия домой получила уведомление о штрафе в 200 лари. При чем без объяснения причины.

Мы хотели растянуть наш обратный путь на более долгий срок и по дороге посмотреть побольше. Например, супергостиницу с аквапарком и дендропарк в Шекветили, очень метко названный одной украинской журналисткой «символом власти одного человека», которые отгрохал Иванишвили, курорт Уреки с магнитными песками, которые вылечивают суставы и прочая, Батуми и Кутаиси. Пришлось всем этим пожертвовать, потому что в нашей квартире за якобы недоплату воды в сумме 5 лари (1,5 доллара) отключили электричество!!! Потом, благодаря настырности Костиной учительницы грузинского, признав ошибку, его включили, но всё в морозилке и в холодильнике уже, разумеется, стухло. Мы спешили домой, чтобы ликвидировать последствия.

Учитывая обстоятельства, решили всё же поужинать где-нибудь поближе к Тбилиси. Остановились в хинкальной у поворота на Мцхету. По преданию здесь, у минерального источника отдыхал Пушкин по пути в Эрзерум. В советское время на этом месте построили столовую, которая по сей день пользуется огромной популярностью. И мы сели за столик рядом с бронзовым Александром Сергеевичем и с удовольствием отведали сочные хинкали и не менее аппетитные баклажаны с орехами и традиционные пхали, запивая всё это местным рацителом. После такой трапезы перспектива отмывать холодильник трагедией уже не казалась.

8/12. Вчера совершили бросок по Военно-Грузинской дороге, соединяющей Россию и Грузию, дабы посмотреть несколько достопримечательностей.

Сама дорога тянется на 210 км и невероятно красива. Грузинская часть чуть больше 100 км. Главной целью поездки было посетить долину Трусо. Сейчас она практически необитаема. Немногочисленные осетинские деревушки после распада СССР опустели, жители переселились во Владикавказ, а на обширных пастбищах гуляют стада коров, отары овец да скромные ослики, охраняемые сезонными пастухами.

Впрочем, мы углядели два крошечных монастыря, мужской и женский. Судя по их размерам, обитателей в каждом из них можно пересчитать по пальцам одной руки.

В самой долине много минеральных источников, которые, стекая с гор, расцвечивают берега Терека диковинными «марсианскими»

узорами. Вдоволь нагулявшись по долине, мы поехали дальше, в село Степанцминда, откуда предполагали подняться по новой асфальтированной дороге к храму Св. Троицы в Гергети XIV века. Этот храм знаменит своим расположением. Он стоит на горе высотой 2170 м, а подъём к нему очень крутой. Во время персидского нашествия в конце XVIII века, когда персы вырезали 80% населения Тбилиси и разграбили храмы, наиболее ценные реликвии были спрятаны в Гергети и спасены, в том числе крест Св. Нино, которым она крестила грузин в IV веке...

Увы, новая дорога, открытая в самом конце 2019 года, оказалась перекрыта — якобы для ремонта — местными мафиози, которые заворачивали машины с туристами, пересаживали их в свои раздолбайки и затем везли по ухабам наверх за скромную цену в 25 евро. Дочь ехидно спросила, когда ремонт планируют закончить. Ответом был конец октября, то есть как раз закрытие туристического сезона. А на второй вопрос, можно ли проехать по старой дороге через деревню Гергети, нам было сказано, что её больше нет. Мы не поверили и рискнули, логично предположив, что старая дорога неизбежно упрётся в новую. Она и упёрлась, но здесь нас ждала ещё одна подлянка. Мафиози перегородили её бетонными блоками, соединёнными толстыми цепями, перепрыгнуть через которые наш Чероки был не в силах. Когда я через несколько дней рассказала эту историю подвозившему меня таксисту, он грустно подытожил: «при Мишико такого не было». Таксисты Саакашвили помнят и уважают.

Несолоно хлебавши, мы развернулись и с горя заехали в деревню Сиони, где посмотрели прелестную маленькую церковь IX века. Монах-смотритель оказался чудным стариком, с которым мы душевно поговорили. А внук, обожающий кошек, получил тонну удовольствия, пообщавшись с мурлыкающими друзьями священнослужителя.

8/16.Вчера мы отправились посмотреть три древних храма, расположенных недалеко, примерно в часе езды от Тбилиси. Поездка оказалась увлекательной, кроме того, мы по пути заехали в деревню Аteni в пару виноделен и купили местного вина. В первой винодельне нас угостили персиками, и, попробовав их, мы тут же вознамерились купить побольше, но хозяин сказал, что у него их мало и на продажу нет, но посоветовал прикупить у кого-нибудь в той же деревне. Мы не преминули воспользоваться его советом и купили в соседнем дворе целое ведро. А в соседней винодельне Митра хозяин угостил нас

не только вином, но и рассказами о том, что его дедушка поставлял вино самому Сталину, и не только в Гори, когда тот туда наезжал, а и в Москву. Тем и спасся... К слову, деревня Атени находится рядом с Гори, где во дворе музея диктатора стоит салон-вагон, в котором он путешествовал. В музей мы не ходили. Как-то не захотелось...

9/01. Наконец съездили в Рачу, в которую собирались уже давно, но всё откладывали из-за неотложных дел. Поездка преследовала две цели: показать мне самый красивый вид и дорогу к храму, а также заехать в деревню Хванчкара и купить вина. Рача — историческая область на северо-западе Грузии, в предгорьях Большого Кавказа. Путь туда неблизкий, из Тбилиси 5–6 часов, но сама дорога красоты невероятной. (Жаль, что новая дорога, сокращающая путь на два часа, открылась уже после моего отъезда...) Тут тебе и водопады, и каньоны, озёра и даже водохранилище! По дороге, проехав невзрачный посёлок Ткибули (сразу вспомнились школьные уроки географии с местами полезных ископаемых: Ткибули, Ткварчели, каменный уголь), остановились в деревне Никорцминда, чтобы посмотреть собор Св. Николая XI века с изумительной резьбой по камню. Этот собор знаменит ещё и тем, что он снаружи квадратный, а внутри круглый, и сохранился гораздо лучше своего почти ровесника, о котором речь впереди. Выйдя из собора и почуввав голод, зашли в приглянувшийся монастырский магазинчик, где купили свежий хлеб и булочки. Последние очень помогли нам дотянуть до места назначения. Ближе к трём пополудни доехали до городка Амбролаури, где нас встретила огромная бутылка Хванчкары, возвышающаяся на постаменте в центре площади.

Право называться Хванчкарой имеет лишь несколько деревушек вокруг Амбролаури, входящих в микрозону Хванчкары. Остальные вина, даже если они сделаны из купажа Александроули и Муджуретули, но произведены за пределами этой уникальной зоны, носить гордое имя Хванчкары не могут. (Аналогичное правило применяется и к кахетинскому Мукузани, и к Кьянти Классико в Тоскане). Производят его почти в каждом доме (не считая винзавода) во всех деревнях региона, но, разумеется, самой известной является Хванчкара. Туда мы и направились, повернув налево, а не направо в сторону забронированной гостиницы в Цеси, начисто забыв, что было воскресенье, и не просто выходной, а Успение Богородицы. Грузины — люди верующие, и в святые праздники не работают. Да и дома их не найдёшь. Калитка вино-

дела, у которого ребята раньше покупали и Хванчкару, и Тетру, оказалась запертой на замок. На телефонный звонок он, правда, ответил, но оказался в Тбилиси и в ближайшие дни возвращаться не собирался. Поехали пытаться счастья по другим дворам. На одной калитке обнаружили телефон Ники и Васо и позвонили. Ники любезно ответил, что готов ждать нас с визитом на следующий день. Предоставленная им информация о ценах нас несказанно обрадовала, поскольку была ниже, чем у знакомого винодела. На сей оптимистичной ноте решили ехать в гостиницу, поскольку животы уже подводило.

Небольшая и с виду симпатичная гостиница Цеси стояла прямо на шоссе, ведущем в столицу Рачи — Они, а также в деревню Мравалдзали, куда нам предстояло отправиться на следующий день. Судя по отзывам на сайте, гостиничный ресторан был тоже неплохим. Правда, выбора у нас и не было. Забегая вперёд, скажу, что ужин оказался вполне съедобным, но здесь уже во второй раз мы столкнулись с ненавязчивым грузинским сервисом, от которого остались не самые лучшие воспоминания.

Первое впечатление было обнадеживающим. Мы вышли на большое патио с восемью столами (именно столами, а не столиками!), за шестью из которых пировали местные грузины. За одним сидела явно заезжая пара, а мы уселись за последний свободный. Уселись в 7:10 вечера. Меню нам принесли в 7:45.

Официантка в ресторане работала одна и явно предпочитала обслуживать постоянных посетителей. Кроме того, она не имела понятия о том, что сначала подаются напитки и хлеб, потом закуски, а уже потом горячее. Я не могу об этом не написать, потому что, невзирая на голод, мы хохотали как сумасшедшие. Последовательность появления блюд на нашем столе была такова: пиво зятю, пхали, потом после нескольких наших походов с качанием прав вино для меня и дочи, газировка для внука, чакатули для взрослых, шашлык для внука и, наконец, хлеб! Ужин мы закончили в 10 вечера, и, вдоволь навозмущавшись и насмеявшись, улеглись спать.

Часов в шесть утра меня разбудило какое-то звяканье. Силясь понять его источник, я вышла на балкон и увидела корову, мирно лежащую посередине шоссе. При каждом повороте её головы звякало шейное ботало. Редкие машины вежливо замедляли ход и объезжали корову с обеих сторон. Я решила понаблюдать за развитием событий. Наконец на шоссе появился огромный тяжеловоз с прицепом

польской компании, везущий пиво. Объехать корову представлялось делом непосильным, и водитель нажал на клаксон. Корова нехотя повернула голову, смерила тяжеловоз пристальным взглядом, как бы оценивая обстановку, так же нехотя поднялась и, позвякивая боталом, медленно сошла на обочину. Самое забавное, что, проводив взглядом машину, она тут же вернулась на прежнее место.

Надо сказать, что пиетету грузин перед коровами, овцами, свиньями и прочей домашней живностью могут позавидовать все, включая индусов (там ведь только коровы священные...).

На следующее утро, напившись Nescafe (назвать сей напиток кофе язык не поворачивается) и худо-бедно позавтракав, поехали в Мравалдзали. Долго взбирались по крутому и узкому серпантину, уворачиваясь от встречных машин, благо их было немного. Эта дорога ведет к храму Св. Георгия, тоже XI века. Храм стоит на горе, гораздо выше деревни, и дорога упирается в его ограду. Нам несказанно повезло, что храм был открыт. Симпатичный смотритель показал несколько фресок более позднего времени. К великому сожалению, эта святыня была разграблена в 30-е годы XX века (сохранилось лишь несколько артефактов) и, кроме того, практически была разрушена землетрясением, по разным источникам, в 1989 или 1991 году. Уцелела только одна стена, но к 2009 году храм был полностью восстановлен.

Я не случайно рассказываю о храмах, которые повидала в этот приезд. За мои визиты в Грузию я посмотрела гораздо больше, но не хочу превращать своё эссе в туристический путеводитель. Моя цель рассказать о бережном отношении грузин к своей истории и культурному наследию. С какой болью гид в Уплисцихе, показывая нам церковь, говорила о том, как во времена Российской империи бесценные фрески забеливали извёсткой (чтобы было чище и наряднее, а то от предыдущих варваров осталось много копоты), как большевики сносили храмы или устраивали в них склады. Одна из самых трагических историй — спасение храма Метехи в Тбилиси, стоившая жизни художнику Дмитрию Шеварднадзе, выступившему против её сноса в 1937 году. Художника расстреляли, но храм пощадили.

Возвращаясь к Мравалдзали, отсюда открывается потрясающий вид на Главный Кавказский хребет, Сванетию и самую высокую гору Грузии Шхара (5204м). Оторвать глаза от этой красоты невозможно. Шхара искрилась голубоватой снежной шапкой, солнце скользило по тёмным пикам и зелёным склонам более низких гор, под ногами расстилась

глубокая долина, свежий ветер распирал лёгкие, а на плато чуть ниже храма звякали боталами мирно пасущиеся коровы. Вдоволь насладившись этой идиллией, забрались в свой Чероки и поехали дальше.

С гладкой асфальтированной дороги вдоль реки Риони свернули на грунтовку, ведущую к деревне Лайлаши в регионе Рача-Лечхуми, пленившись информацией о минеральном источнике и всячем бассейне, а также наличию в оной деревне старой синагоги. Тут надо упомянуть о том, что в Раче синагоги сохранились, поскольку евреи здесь жили с VI века до н.э. Увы, почти все они уехали в Израиль и США в 90-е годы прошедшего двадцатого.

Взятые с собой купальники негодились. Лезть в ледяную воду бассейна, в котором плескалось изрядное количество людей, не захотелось. Умылись, сфотографировались и пошли искать синагогу. К сожалению, зайти в неё не удалось, она была заперта. Вокруг гуляли свиньи... Забравшись на скамейки, заглянули в стрельчатые окна. И ушли с чувством грусти и восхищения.

Далее наш путь лежал обратно в Хванчкару, где нас ждали Ники и Васо. Покинуть Рачу без вина было невозможно. Тем более, что тару мы взяли с собой. Иногда надо быть предусмотрительным.

Подъехав к уже знакомым воротам, позвонили. К нам вышел представительный мужчина и отрекомендовался: Васо, Василий. Я отец Ники. Ники скоро будет.

Через широкий двор, в котором играли дети, нас провели в дом, вернее, в пристройку, на полу которой чётко прорисовывались контуры горловин квеври. Васо окинул нас почти победоносным взглядом и провозгласил: сейчас будем открывать Хванчкару!

Процесс открытия квеври был подобен священнодействию. Мы заворожённо смотрели, как Васо неспешно обкапывал горло сосуда лопатой, потом снимал глиняную крышку, потом нижнюю восковую, потом небольшим ситечком вынимал остатки не осевшей мезги, а потом, наконец, серебряным азарпеша (это специальный сосуд в Грузии только для вина в виде половника), черпал вино и наливал его в стаканы, принесенные его женой. Дегустация не поддается описанию. Мы были в восторге. Тут же сбегали к машине за тарой и заполнили её до краёв. Одну — Хванчкарой, а другую — Тетрой, которую из огромной бутылки переливал в небольшую нашу подоспевший Ники. Вином насладились по полной по приезде домой.

На винный завод в Хванчкаре тоже заехали и даже купили пару бутылочек чистого красного Александроули и белого Цоликаури. Последнее суперцене соответствовало, а первое не очень.

9/18. Съездили на музыкальный фестиваль в Цинандали, открытый три года назад. Устроители были настолько гуманны, что всем зрителям и слушателям сделали скидку на ПЦР-тест (вместо 90 лари 40, т.е. вместо \$30 — \$17, а это существенно). В первый вечер Михаил Плетнёв играл концерт Шумана ля минор с оркестром и что-то на бис, но что, не сказали, и никто из нас эту вещь не узнал. Потом оркестр исполнил Итальянскую симфонию ля мажор Мендельсона. Плетнёв был в своём репертуаре: безупречная техника и ноль эмоций, а дирижёр, итальянец Джанандреа Носеда (кстати, один из наиболее востребованных ныне дирижёров) безумно темпераментен, даже прыгал, особенно дирижируя симфонией. Погода была прекрасная, и концерт проходил в открытом зале.

На следующий день пошёл дождь и лил с небольшими перерывами до вечера. К тому же сильно похолодало, и концерт перенесли в закрытый зал. Там нет сцены, поэтому Плетнёва нам видно не было, но не суть. В этот вечер у него появились эмоции. Он начал с вальса Грибоедова, предварив исполнение следующими словами: «Сегодня я посетил замечательный музей Александра Чавчавадзе и на рояле увидел ноты вальса, который Грибоедов посвятил своей жене, Нине Чавчавадзе. Сейчас я вам его сыграю». Зал, естественно, заплодировал. Потом Плетнёв играл 13 мазурок Шопена и его же сонату си бемоль минор. В мазурках явно западала одна клавиша, и после этого с роялем производили какие-то манипуляции. Время шло, и мы уже начали опасаться, что Миша играть больше не будет, но терпеливо ждали вместе со всеми. В конце концов мы были вознаграждены. Соната звучала превосходно. На бис он играл Глинку, а потом «Тбилисо». Бывшая в зале Нани Брегвадзе начала напевать, и тут грузины не выдержали, повскакали с мест, включили до того запрещенные мобильники и стали записывать. Моя доча тоже подсуетилась и последний куплет записала.

Ужин в Шато Мере, где мы на два дня остановились, описывать не буду. Но самому Шато не могу не посвятить хотя бы часть своих восторгов.

ШАТО МЕРЕ

Ги Пирадишвили

Проснувшись утром
выйти на балкон
вдохнуть туман и терпкий дух Кахети
нырнуть в бассейн —
тебя заждался он! —
вкушая превосходство долголетия

ступать ногой по вянущей траве
сойдя с холма под гроздь винограда
забыв про хаос в трезвой голове
и жадно пить уснувшую прохладу

а вечером
подкинув дров в камин
принять бокал из добрых рук от Ги
который дарит жизни витамин
и порождает помыслы благие

Ги создал свой оазис с приходом Саакашвили в 2004 году. С тех пор в его пенатах перебивали все грузинские знаменитости, включая самого Михаила. Я была там несколько раз и не перестаю восхищаться и местом, и кухней, и качеством обслуживания. Персонал вышколен до самых высоких стандартов и готов исполнить твои пожелания незамедлительно. Атмосфера дружеская и раскованная. После концерта, вернувшись в гостиницу и придя в ресторан, мы оказались в самом центре праздника, где весёлые грузины пели песни и играли на рояле. Подключили они к этому действу и моего зятя, который с упоением исполнил Лунную сонату Бетховена. А утром нам открыли подогреваемый бассейн, куда мы с превеликим удовольствием нырнули перед отбытием в Тбилиси.

Вдоль шоссе на въезде в столицу на газонах паслись коровы, а от огромных билбордов с физиономией баллотирующегося на пост мэра Тбилиси Кахи Каладзе рябило в глазах. Партия «Грузинской мечты», оплачиваемая прокремлёвским миллиардером Бидзиной Иванишви-

ли, якобы ушедшим от политики, в очередной раз рвалась к власти. Дорвалась. То, что условия выборов были неравны, очевидно и напрашивается. Я это видела собственными глазами. В ход были пущены все средства, начиная с наглядной и заведомо лживой словесной пропаганды, и кончая прямым подкупом избирателей. К сожалению, мне не довелось быть свидетелем приезда Саакашвили, его ареста и последующих событий, в частности, митингов оппозиции, на которые люди приходили по доброй воле, и провластного, на который свозили микроавтобусами со всей округи и, не стесняясь, давали его участникам по 50 лари на «питание». Но что вы хотите от населения, у трети которого доход ниже прожиточного минимума... (К слову, в 2009 году, при Саакашвили, бедствующих было в три раза меньше...) Даже на проспекте Руставели можно встретить обнищавших с протянутой рукой...

ОКТАБРЬ-НОЯБРЬ

Не могу не написать о том, что происходит в Грузии сейчас. Как я уже упомянула выше, подготовка к муниципальным выборам происходила на моих глазах. Кроме того, так получилось, что три года назад я оказалась в Тбилиси во время последних прямых президентских выборов. На данный момент плавный переход от президентской республики к парламентской, начатый после ухода Саакашвили с поста Президента и переходом его партии в оппозицию, завершился. Тогда, в октябре 2018 года, Президентом стала Саломе Зурабишвили, самовыдвиженец от партии «Путь Грузии», вошедшей в коалицию «Грузинской мечты» и поддержанной ею, опередившей кандидата от оппозиции Григола Вашадзе. Роль Президента к этому времени уже была сильно ограничена, в основном, она представительская, но правом помилования он обладает. Вашадзе обещал помиловать Саакашвили, на которого после его ухода навесили несколько уголовных дел и лишили грузинского гражданства. Саломе в свою предвыборную кампанию вопрос о помиловании Саакашвили не включила, но сейчас, когда бывший Президент Саакашвили упрятан в тюрьму и умирает от голода, с завидной твёрдостью заявляет, что не помилит его никогда. Ей вторит вновь занявший пост премьер-министра Иракий Гарибашвили (первый срок 2013–2015), с не менее завидным цинизмом утверждающий, что каждый человек имеет право на самоубийство.

К Саакашвили можно относиться по-разному, и было бы даже странным, если у такого реформатора как он, кроме сторонников, не оказалось противников. Но то, что он одичавшую, нищую и насквозь коррумпированную страну пытался вывести на цивилизованный путь развития, не признать и не оценить невозможно.

Вот несколько примеров. При нем машины можно было оставлять незапертыми — никто не боялся краж. Когда на Мтацминде этим летом убили девушку из Австралии, все в один голос стали говорить, что при Мише никто не боялся выходить на улицу, а Бидзина Иванишвили перед выборами выпустил уголовников. Саакашвили отбил охоту у полицейских брать взятки: решил проблему просто — нанял новых стражей порядка, а прежних в одночасье уволил. Сейчас полиция уже другая... Отключения воды и электричества в Тбилиси стали в последние месяцы очень частыми. Народ говорит, что чем дальше от времен Саакашвили, тем чаще отключения. С приходом Миши к власти в 2004 году в Тбилиси восстановили подачу электроэнергии и воды, которая стала действовать без перебоев...

И миллиардов Саакашвили при этом не нажил.

Не буду уходить в детали и разбираться в том, что еще конкретно ставят ему в заслуги, а что в вину. На эту тему написаны сотни страниц, и каждый интересующийся может их прочесть и сделать собственные выводы. Я хочу поговорить о другом. О милосердии. Да-да, именно, о христианском и просто человеческом милосердии. Почему оно, как правило, присуще людям простым и начисто исчезает у тех, кто дорвался до власти? Почему смена власти во многих случаях ведёт не к усвоению накопленного позитива и дальнейшему созиданию, а к мстительному разрушению и преследованию предшественников? За другими примерами далеко ходить не надо. Достаточно открыть широко закрытые глаза и осмотреться.

Забыли заповедь Христову
забыли проповедь добра
и не продолжить завтра снова
что было прервано вчера

сегодня выпало из цепи
соединения времён

и разум всё ещё оцеплен
и труп ещё не погребён

и мы разорванные звенья
бессильны вновь соединить
пока потворствуем забвенью
и неумению любить

пока в заложенные уши
бьёт переплавленная медь
не просочится правда в души
и лжи не разобьётся твердь

и в жажде самоутвержденья
живым мы перестанем мстить
когда за прошлое прощенье
у мёртвых сможем испросить

Давать оценку с точки зрения здравого смысла отчаянному поступку Саакашвили, угодившему в узилище по собственной воле, я тоже не буду. Да это и невозможно. Он принадлежит к редкому типу людей, называемых пассионариями, а по перефразировке Высоцкого, «настоящих буйных», то есть, людей, которые по зову сердца готовы пожертвовать даже жизнью. (Таковым является и Алексей Навальный). А в том, что у бывшего Президента болело сердце за родину, я не сомневаюсь.

Саакашвили держал голодовку 7 недель. Обманом и вопреки его собственной воле и требованиям оппозиции его перевезли в тюремную больницу Глдани в Тбилиси. По пути на всякий случай избили, а потом обвинили в оскорблении тюремных врачей. Жизнь его висит на волоске.

Международное сообщество, кроме Украины, ратующей за возвращение своего гражданина домой, практически бездействует. Ни один из лидеров ведущих западных стран не требует немедленного освобождения Саакашвили.

Не окажется ли его жертва, как и предшествующая Навального, когда он после выздоровления вернулся в Россию и тут же был арестован и посажен, напрасной, покажет время.

...Грузия переживает смутные времена. Продолжаются массовые протесты из-за ареста бывшего Президента и лидера оппозиционной партии «Единое национальное движение». На фоне острейшего политического кризиса в стране состоялся второй тур муниципальных выборов, поставивший страну на грань революции. По официальным данным (они вызывают сомнения), в крупнейших городах победили кандидаты от правящей партии «Грузинская мечта». Но оппозиция отказывается признавать итоги голосования, угрожая новыми акциями протеста. Ситуация ещё больше накалилась после того, как власти обвинили сторонников Саакашвили в подготовке государственного переворота с целью освободить своего лидера.

Сам он не думает сдаваться. «Я здесь и твёрдо решил остаться, чтобы этим внести свой вклад в поражение режима, борьбу грузинского народа против бедности, коррупции, несправедливости и разрушения. Чтобы вместе с грузинским народом воспротивиться режиму Иванишвили, который тащит в путинскую Россию нашу родину».

Мне жаль эту страну и жаль её народ, подпавший под власть имущих, но сраму не имущих. Тем более, что эта страна стоит у истоков европейской цивилизации. Родина виноделия (сейчас это признано всеми, даже французской провинцией Бордо, до недавних пор державшей пальму первенства, но уступившей Грузии), родина древнейшей письменности (сейчас идет расшифровка найденных под Тбилиси табличек, которые предположительно старше всех расшифрованных доселе), родина человека прямоходящего, в полном смысле вставшего не просто с колен, но с четверенек, одна из первых принявших христианство, пережившая нашествия стольких завоевателей и не утратившая своей идентичности, — неужели не хватит у неё сил продолжить заложенное Михеилом Саакашвили?

Встаёт главный вопрос: отношения с путинской Россией. Пока нынешние власти делают всё, чтобы не злить соседа, беззастенчиво оттяпавшего грузинские территории. К сожалению, более сильного в военном отношении. Но путь соглашательства и подчинения тупиковый. Он не приведёт Грузию к подлинной демократии и экономическому прогрессу. И по-прежнему нищие будут просить милостыню на проспекте Руставели. Нет, другая дорога должна вести Сакартвело к храму...

На холмах Грузии лежит ночная мгла
как хорошо мы знаем эту фразу
она скалой отвесной прилегла
к душе
впитавшей странную¹ заразу
кто хоть однажды побывал в горах
проехав по витому серпантину
и припечатав первородный страх
стоял над пропастью
назад откинув спину
тот не избудет жертвенной тоски
по этим вверх карабканьям и спускам
церквям
укрывшимся невзгодам вопреки
на острых пиках и в ущельях узких
донесших веры свет издалека
который жив и теплится
пока

А песнь любви прозрачна и светла.
На холмах Грузии лежит ночная мгла...

¹ странную: от слова «страна»

Андрей Белозёров

ДИКИЙ УДЕЛ

К 30-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ. ОПЫТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1. ОРУЖИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТНОЕ

Город Бендеры в целом незлобивый, хотя и война разразилась в нем летом жарким 1992-го — когда страна вся огромная по пятнице впечатлялась «Подем Чудес». На одного итээровца — два-три пролетария просвещенных. Розни между страт не наблюдалось: после работы все дружно пили сухое, закусывая мамалыгой. И русские, и молдаване, и украинцы, болгары и евреи... За два месяца до бойни самосвал сгрузил у Комитета стачечного тонну прута стального. Заручиться духом боевым — задача! И потому, если тебе не досталось дрына, кроющего черепов коробки не хуже шашки казацкой, ничего зазорного хватануть элемент ударный из загородки парковой. При галстукке да с прутком дефилировать в недели и дни предвоенные считалось лоском: тут тебе и брутальность, и романтизм чувств к Республике молодой, и что-то там еще похлеще. (Это потом ушлым и «калаши» всучили, и базуки — для отражения атаки огневой армии конституционной.) Вроде и не в диковину — с вилами на танк!.. А лидерам Комитета — главное: чтобы извилина мозговая с годами просвещения в школе-техникуме-институте волю строптивую дубины взяла. Никто и не думал на бронетехнику ополченца с шерстиной вздевать. А вот оценку событиям грядущим поднакопить — в раз самый.

Свалили, стало быть, железа кузов, разгребали. Итээры ухмылки творили в себя; и рабочие не таили монолог внутренний на «палочку-выручалочку».

— Вот *какие* мы: сепаратисты! — щерился саблезубо (точь-в-точь актер Караченцов) механик с фабрики обувной. — Стенка на стенку *будем!*.. — Погибнет, защищая исполком мятежный. Патроны иссякли

и автомат перегрелся. Помахался б даже и сей железякой «калаша», как во времена оные интернациональные: один район города на другой — со штaketиной и с цепью.

— Не с пустыми руками, хе-хе, — храбрился тут проектант художочный. В первый же Час Жатвы догонит и его осколок на подступах к отделу архитектурному; а в руке — тубус и дар от Комитета... Накроет многих шквал минный, садящий деревья, как лопухи! Команда: «Пли!!!» — *и пятьсот павших* — в улицах на искореженном бронетехнической асфальте, в крови, в подтеках мозга и кала. Тысячи раненых...

— А они на нас — также с арматурой? — наотмашь сотрясал небеса таксист автопарка: в багажнике не помешает ухват. Сгорит с домочадцами на день пятый войны в «Волге», шашечкой увенчанной, — при выезде из города осажденного. Из гранатомета защитников конституции или сепаратистов пришелся залп тот? Нет ответа.

— Кто им доверит огнестрельное, хм?.. — терзал прут, в темпе и ритме вибрируя им, физрук школы образовательной. — Пофехтуем и айда к Днестру вино пить! Больше недели, думаю, и не продлится — с выяснением *де-факто* и *де-юре!*.. — Простота святая. Пуля прицельная срежет его под флагом белым (сорочка праздничная, наверченная на шест). В большинстве школ отмечались балы выпускные; войска конституционные, прорвав цепи, устремлялись к исполкому, по пути ж занимали позиции (не всей же армадой площадь главную обтаптывать) в заведениях гороно. Можно гадать, что вытворяли вояки с выпускницами. А пол мужеский окопы рыл в поте лица *им*.

— *Им* важно с ходу мостом овладеть! Там и до Тирасполя — рукой подать! Если здесь завязнут, то надолго, — с выправкой завидной пенсионер военный вещал. Степенно брал он прут. И падет также — спины не гнув пред пуль посвистом. (Враг и не думал «гадину сепаратистскую» в логове за рекой в столице самопровозглашенной душить. Работала стратегия *иная*. Снайпера неведомой Силы Третьей били в Бендерах и по мятежникам, и по конституционалистам, — чтобы никто не дремал, окунался в *Дело Общее*...) — А по поводу огнестрельного скажу: найдется!.. И артиллерия подключится!.. — Он знал это.

Большинство ж верило, что миледи-Республика без пороха достижима: Атосами и Портосами бодаться будет за нее. «Шпаги» сии в мощь...

— Тогда б и нам — *настоящее!* — студент вуза с взором горящим. — Без оружия и командеров — как-то не так! — Но насчет «комманде-

ров» паренек этот, убитый патрулем миротворческим после войны (в Час комендантский случилось всякое), не угадал. Будут командоры — и полевые, и верховные. Да и всё будет, как *полагается*, — касательно действий боевых в черте городской. Вынырнут средства, не по нитке с миру собранные, — чтоб и казачкам пришлым дать интерес, и ополчение ополчить, и гуманитарку какую-никакую обывателю бросить, яко псам. А Комитеты стачечные обеспечат идеологией: *идти до конца!* Но поначалу прут скрестить — дабы высечь искру из осознания тесного! Только б итээры и пролетариат не заскучали в истории-пост.

— Товарищи, активнее вооружайтесь! — чу, и мегафон с фасада помпезного взревел. — В момент любой враг может посягнуть на Республику молодую нашу! — Далее и Бетховен-Лист подключались: динамики выдавали тревожное и бодрое весьма... С Союза развалом кроились и лоскутки его. Кадры национальные по окоему не желали компромиссов; лидерам-сепарам это и ценно было!

Взутые на пропаганды уду, гремя металлом, рабочие и интеллигенты шаг правили в ландшафты благословенные к Днестру — для воздаяния Дионису. И автор строк сих — за временем и массами восставшими. Интеллигент, не интеллигент, а рыцарь репортажа, что источается здесь и сейчас, из недр требует. Таки и он взял дрын, думой вникая в жесть-упругость его: «Эхма, не эта ли сила истребительная орд варварских и чело лучезарное Аполлона дробила при Рима взятии оголтелом?...» Останется жив — но что это будет за жизнь? Пули, свистевшие у виска, так и *свистят* умозрительно — спустя годы и десятилетия; и трупы у фасадов — взывают из сна в сон чревами разверсто и оскалом крика заиндевелого в зной... Предчувствие же крови *новой* ставит автора оногo в положение пророка сумасшедшего. Потому как вино пить бок о бок с теми, кто гибнет завсегда, ничего, по сути, не уразумев от *со-бытия* эпохального, понуждающего всех и каждого не иначе, как в мясо пушечное, — мука неизбывная...

На Днестре вино текло рекой. У воды и на склоне прибережном в ивняке густом, на набережной и в палисадниках у застройки жилой — все скамейки и поросшие травой-муравой холмики-ложбинки усеяны были «верными» оружия априорного. И скрещивали они друг с другом, бахвалясь, «мечи» эти... Говорили про политику. Об ином и не пристало в дни-недели перед сечей (никто не знал: *когда?*), будто не существовало в мире футбола-рыбалки-женщин. Всё затмило *пред-*

знаменованье. Мужчины осваивались с риторикой, что подвигла их, безусых и зрелых, на *выбор*.

— Вы только представьте, — увлекал паству зычно депутат Добров со стаканом граненым в руке (в другой — прут вежливый), — если заводы-фабрики в секторе по Днестру перестанут жаловать Кишиневу в бюджет? Чудо ж экономическое! — Не знал, что дожить до дива дивного ему не придется. На скорости в кабине грузовика, травимого по пятам армией конституционной, не впишется в поворот с чином казацким при местности рекогносцировке... Ныне же давал ситуации проистекать, набираясь энергий взыскующих у железак и лозунгов.

— Вы только представьте, — зажигал близ Колеса обозрения у аттракционов детских депутат Светлов, — у нас будет четыре языка государственных: русский, украинский, молдавский, болгарский! — И потрясал пикой образовательной; и все, кто внимал в кругу, бряцали, улюлюкая одобрительно. И вино выпивали. Мужчины на взводе первом. А через полтора месяца сверкающего с иголки Светлова законники-конституционалисты стреножат, оскальпируют. *Веско от земли* месть сия. Насадят тело обмякшее его на сук в диапазоне обозрения Комитета рабочих, — на домысливание оружие в руки взявшим.

— Вы только представьте, — предавался мечтанию всенародно эмиссар из Москвы с бородкой холеной, в обществе гэкачепистов запеленгованный, — вот он, разлом геополитический! — и вонзал копье у стелы «За Власть Советов!». — Форпост на штыка острие! — голосом громовым он. И все вонзали пруты в асфальта трещины, травой поросшие, не ведая, что очень скоро хватит инфаркт человека этого в Москве. Слишком ратовал он за то, о чем имел представление опосредованное. Плата за успех!

...И вот Здесь и Сейчас в авторе строк сих репортаж *из глубин* сочтется — греза истая, акт справедливости художественной... Улицы городов славных некогда: Бендер, Кишинева, Одессы, Киева, Москвы. Их остовы бетонные вплетены в *единое* — в векторе составляющей имперской! Дико глядят фабрики-заводы, трубами вызывая — давно не дымят, и оттого явственней пустынно, заброшенность вокруг... Память человеческая, система государственная, отношения производственные и социальные, культура в целом, разность языковая, — схлынули; люди *выпорхнули* к звездам, к прерогативам этическим вне себя; вакуум объял их, они залаяли и замычали — в телевизоре и у телевизоров...

...Когда стихли манифесты (будто и не было в мире футбола, рыбалки, женщин), когда набережная опустела и Комитет рабочих опустил шоры против звезд воспылания трезвого, где-то в сердце города мятежного (ни много, ни мало шесть веков исчисляющего) происходил на кухне под абажуром диалог. Автор строк сих и жена его ситуацию зрели.

— Они не просто ощерились по Днестру, мобилизовав арсеналы идеологические, — они поступили недальновидно стратегически.

— А как же намерение быть форпостом России? Смысл здравый *на века*?

— Служить России — значит не покидать Центры национальные. По местам и достигать переломы. Урвав же полоску *по реке* с агропромом устаревшим и людьми, сбитыми с толку, — службы не сослужишь!

— Эх, рано или поздно с национализмом покончат, а вот рана сепаратизма не заживет! В поколении нашем уж точно.

— Безусловно. Империя проигрывает в окомах. Ведь сегодня они ориентированы радикально националистически, завтра — просто национально, опосля перещеголяют и интернационалистов завязтых в плане инсталляции «дома общего»!

— Какого ж рожна нужно выдавать с шумом-гамом железяки эти? «Оружием интеллигентным» уж окрестили их!

— Наверное, чтобы посекалось и прогорело в народе!

— Что ты имеешь в виду?

— Столкновение всего и вся — дабы выпростать энергии застоявшиеся; и с амбициями политическими (если у кого и вихрились) покончить, стимулировать инстинкты частные, потребительские...

— Выхолащивание, стало быть, м-м-м?..

— У любого, заполучившего дрын, уже ощущение *важности собственной*: и Демиург, и раб восставший он! От невозможности *быть в себе* — быть личностью самосвободной!

Вот об этом и говорили носители духа справедливости и начала творческого, — на обломке государства великого некогда. Лет через ...надцать и они сойдут с оттоком возрастным. А пока — зарплаты из бюджета российского (невзирая на то, что республика сепаратистская формально не признана); и газ дармовой... В отношении же выдать на-гора Правду-матку, что Царевной Спящей в анклавном заповедном, — сложнее. Потому что все неофиты потенциальные лозунгами глаголют и манифестами, обращенными в день завтрашний. Каждый

уловляет *веру-смысл* из СМИ. И за выхолащиванием ресурса этого и подстерегает вдруг *новообращенных* реальность дня вчерашнего — когда им в руки дрын всучивают. В точности с тем моментом и мотивом эпохальным, когда обезьяна ухватывается за палку и двигает на «чужака», — под звездами и луной! Самозабвенно!

2. ЛЮДИ В ПОГОНАХ РЕШИЛИ: «В РУЖЬЕ!»

Люди в погонах решили: «В ружье!». Так оно для всех веселее — ну и понятнее. Особенно, когда телеканалы новостные (какую бы кнопку ни предпочли) по наскоку фразеологическому на смысл здравый и мораль не знают предела — «Засыплем шар земной пеплом радиационным!..» и так далее. Человеку нашему предписано отныне родиться не просто в рубашке, красивым и счастливым, а в обнимку с железякой «калаша» — в векторе великодержавном. Тренд. Нас убеждают, что перед нами мир, когда перед нами миф: формат теле-радио-газетно-плоский.

России, будучи зашоренной Занавесом Железным, предстоит миссия: заткнуть за пояс самое себя! Преодолеть себя и мир весь! Россия выдвигает Концепт, — в альтернативу демократиям Запада и деспотиям Азии! Когда тамошние люди в погонах утратили надежду на врага реального, коему по плечу жупел угрозы цивилизационной, ястребы «совка» взирают пристрастно на коллег: сглатывают слюну дерзновения. Ведут консультации, обеспечивают наращивание-ограничение-нераспространение, проводят салоны-презентации *видов* новых, в том числе воздушных и космических, пресекают оборот-производство химического и ядерного, применяют тактику «земли выжженной», доводят до сведения, ставят перед фактом слои широкие... и вешают лапшу на уши!..

3. ПРАВО НА ЖИЗНЬ

А в Приднестровье люди мрут как мухи. Первое место в Европе по убыли населения. Наследие конфликта вооруженного, блокада экономическая, сие понятно, но ведь и треба обыденная: паспорт оформить, чтобы выехать за пределы анклава самопровозглашенного, справку состояния гражданского заверить и т.д., — оборачивается проблемой. Законники молдавские (те, что *против* на словах актуализаций власти сепаратистской) даже удостоверение личности не выдают без постановки на учет в военкомате ПМР. И это вслед фазы горячей войны! Мышеловка захлопнулась. Горизонт надежд потух.

Те, кто *при деле* — так называемый класс средний в Кадиллаках формаций былых (утиль из Польши-Чехии) — для них возможностей веер: извоз, фарца, вплоть до торговли товаром живым (поставка рабсилы и девственниц в Европу), в помощь документы молдавские, российские, румынские... В менты и попы — есть еще дорожка торенная для решивших «вопрос гамлетовский». А те, кто и спирт турецкий не сообразят бодряжить для продаж ночных, сходят с дистанции. Ведь в основе экономики здесь подряды кумовские. Одна «семейка» захватила реализацию продуктов питания, другая — горюче-смазочные, третья — таможду и технологии информационные. (О сбыте оружия и материалов Архива КГБ, ввезенных с перестройкой в Тирасполь из Кишинева, умолчим особо!..)

Россия протянула руку помощи пенсионерам ПМР, растрезвонив об этом. Старики электорат — и голосуют за Единство с ней в ситуации между Сциллой и Харибдой — субъектами, питающими чувства сложные к Брату Большому: Украиной и Молдовой. А молодежь несет бремя непризнанности. Взирает на Россию критично: страна рабов, страна господ!.. Впрямь, будто бы это старцы пэмээровские машут метлами в подворотнях Московских и Питерских; а бордели столиц русских взяли в полон жрицы седовласые с берегов Днестра. Ради каких коврижек поросль должна туманить мозг свой, взгляд острый. Что предложили ей в охвате экзистенциальном?.. Развенчан в пух и прах «Проект мегалополиса Кишинев-Одесса» — полоса урбанизации непрерывной, включающая Бендеры и Тирасполь: объединенные потенциалы городов, сотрудничество научное и культурное, сообщение железнодорожное скоростное, — все б это было, уж и опоры электропередач выставлены от границы Украины до Бендер! Но — заборы и проволока колючая ныне. И остервенелая с подачи политтехнологов Кремля шугань *от Хлыста румынского*. А разницы-то: в Румынии гей-клубы, а в России — бордели. Гей-клубы — это плохо; а бордели традиционные — хорошо! Так что не ходите, дети, на Запад гулять!.. Есть, правда, 4G Интернет и другие технологии цифровые — возможность в обход прав авторских доступа к контенту — республика-то непризнанная, некому держать мазу за пиратство. В итоге нивелирование состава этического, так как пользоваться чужим привыкли!.. «Будущее с Россией!» — главный лозунг дня, ведь иначе раскачиваться депутатам-сепарам на опорах тех электропередач вдоль дороги железной, ведущей в Никуда, по спискам партийным.

И недосуг «верхам» — до русских непосредственно в Молдове, числом, превышающим в разы жительствовавших по кромке Днестра. Политика такая — на разрыв берегов — она выгодна элите, что подряды семейные блюдет. Воля, спущенная на крыльях с Севера, ей опахала чело: «Представьте, как заживете с агропромкомплексом на Днестре!.. Рай!!!»

Чуда не случилось. Мощности производственные растащили *по-семеиному* кормчие, а вот население русскоязычное: итээры и пролетарии просвещенные стали покидать анклав, продав за гроши жилье. В итоге ПМР пополнил контингент молдавский, кто, невзирая на установки базовые сепаратистов — отрицание графики и прочего «румунского» — заселили города по Днестру. На десятом году существования анклав растерял треть населения, за двадцать лет с основания — половину. А половина от половины оставшейся — выходцы из села молдавского. И ваш слуга покорный продал квартиру свою в те времена и — на Восток. (Нужно б кардинально на Запад, но это была б история другая!)

Можно ли доверять статистике? Ведь в столах паспортных хаос. В списки избирателей включаются убывшие. Я не поленился и посчитал жителей в отдельно взятом подъезде своем (на момент решения об эмиграции скоропалительной) к числу давности десятилетней. Результат сногшибательный: 37%! Раньше улицы кишмя кишели людьми в любое время суток, давка в автобусах, в дизель-поездах, курсирующих между Кишиневом и Одессой. Население Бендер составляло 140 тыс.; действовали 42 предприятия: гигант орденоносный «Шелковый комбинат», крупнейший в Европе завод «Молдавкабель», фабрики швейные и обувные, агрофирма «Варница»... В 1973 году я поступил в 1-й «Г»; в классе — 41 ученик... Ныне в улицах родных — пустошь, глазницы черные домов, одно-два светятся... По сведениям неофициальным население города — 50 тыс. человек. Работают на сырье давальческом те огрызки агропрома, что еще не растащили — и трудятся на них те, кто еще не утратил мечту сменить рабство тутошнее на иное.

К 1990 году в ПМР проживало 800 тыс. человек, в том числе: 178 тыс. молдаван, 165 тыс. русских, 161 тыс. украинцев; всего 35 национальностей... Ныне же по данным неофициальным (так как в госреестрах неразбериха) численность населения 300 тыс.

ПМР — рекордсмен по нищете. Редкий прохожий не заглянет в бак мусорный: кто тару стеклянную ковырнет, кто отбросы для скота,

а кто и для себя прокорм... Безработица — 60%. Приднестровье занимает и первое место в мире по количеству заключенных — 70–80 человек на 10 000 населения (для сравнения: в Финляндии — 7–8 человек). Показания признательные добываются подключением тока к органам половым, излюбленной «ласточкой» (канат закладывается арестанту через рот за спину, вяжется к пяткам). Власти поощряют систему: мятежникам место в Аду! Но сами — мятежники!!! А сколько в анклавке осужденных условно? Каждый второй-третий... Помимо судов, режима паспортно-визового, свирепствует и контроль коммунальный. Учетчики воды и газа табунами ходят по квартирам. Фиксируют прибывших, отслеживая цифры приборов... Письма-бандероли приходят с оберткой нарушенной, разговоры телефонные пишутся.

Я никогда не скрывал презрения к Системе. Как-то раз, на 50-летний юбилей организации писательской прочел стих свой: «Смирнов жирует с Маракуцей, / А я хожу с голой задницей, / Я, свободный народ Приднестровья, / Но правительство на это кладет с «Прибором», / Правительству нужны пушки, / Суровые лица солдат / И раскладушки — для раненых, / Для убитых сгодится канава... / Каины в поисках Авеля...» (Смирнов — первый президент ПМР, Маракуца — Председатель Верховного Совета; а «Прибор» — завод военный, оружия наворотивший за годы при ПМР по полной.) За стихотворение сие автор получил «двушечку» условно. В «деле» приписали, что «он головой разбил стекло в такси маршрутном». Да, разбил, сопротивляясь вяжущим средь бела дня на площади ярмарочной! А вот «свидетелями» на процессе выступили студенты факультета юридического, кои двинули по учебе и службе, звезды на погоны хватая...

Политика, травимая кураторами, та же, — с Кишиневом на Разрыв, — невзирая на мигрантов из сел молдавских. В ПМР и пенсии выше, чем в Молдове (за счет России), и газ дешевле. В чем же план? Апелляция к тому, чтобы сами молдаване (спящая в них установка на ретро) возжелали воздуха Молдавии Советской, наказав и внукам, что с Москвой все будет хорошо! Молодежь сельская горазда (заветы дедов чтут), не в пример городской, *продвинутой* в дискурсы цивилизационные.

И эта идиотия жизни деревенской поселилась в городах ПМР. Через четверть века проступают явно признаки деградации мест труда приложения и досуга культурного, варибельности контактов социальных. Стесываются этажи верхние в домах многоквартирных,

дабы содержать нижние. Парки отдаются под застройку частную или образуют дебри непролазные. Двери подъездов, ограждения, ящики почтовые, люки коммуникаций сдаются в лом, скамейки дворовые и штaketник — на растопку... И на дичь такую не влияет прирост церквей (обращенных из зданий общественных).

Нивелируются и языки (их тут три государственных: русский, молдавский, украинский). Заявлены кафедры и институты филологические, — а чего стоят вывески и указатели: «Аптека на Восстания», магазин «Спиртулина», «Глушителя» и т.д. Дворец Культуры Бендер отдан под работу Комиссии Согласительной и выборы; его костюмерная богатая поражена тлей. Школы-одиннадцатилетки превращаются в «восьмилетки». Учреждения дошкольные упраздняются. Крепость, памятник XVI века, внесенный в Список ЮНЕСКО, сведена к гратару. Формы немислимые полонят улицы 613-летнего города (Бендеры — один из 150 исторических городов бывшего СССР!), словно нет понятия у «демиургов» ни об этике, ни об эстетике. Ведь если трубу канализационную поставить «на попа» от этого она колонной в Арке Триумфальной к очередному юбилею ПМР никак не станет!..

И поныне некогда развитые города республики так же летят под откос.

Функции многоплановые притянул лишь главный город ПМР. Цветет и пахнет, подогнав в обоснование идеологическое факт важности своей: форпост Суворовский на линии Севастополь-Измаил! (В Поле Диком к востоку от Днестра и до ханства татарского, Новороссией поименованном.) Столица МАССР в 1924 году в составе Украины, это к Тирасполю была-де присоединена Бессарабия в 1940 году по пакту Риббентропа-Молотова! Так что Тирасполь и есть хранитель истый традиций — на меча острие. И по праву здесь — Дворцы, Министерства, Ведомства, стадионы, арены ледовые, банки, храмы... и обвешанные иконами — в защиту от Капитанов Копейкиных, вдов и сирот из весей, мыкающих по кабинетам, — приемные чинов. Рты лишние — за борт!.. — шепчут коридоры учреждений сих. Кто не встроился в распил гуманитарки российской, по норам сидите: в Бендерах-Дубоссарах-Рыбницах. Или на кладбище по месту прописки!

Ах, погосты. Достопримечательность типовая, где жизнь ходом полным. Испившие чашу, *вы* — здесь! История и судьба воочию. Кладбище разрослось за последние тридцать лет поверх границ национальных и идеологических. Еще памятны усыпальницы графские

в некрополе старом: решетки кованые, вазы, навесы готические. Ныне в целях оптимизации землепользования ограда воспрещены: лишь кресты и тумбы, ни деревца, ни кусточка... Кладбище новое перемахнуло пределы, метнулось, как чумовое, в поля, сползло к ручью, с другого фланга уперлось проспектами-улицами — в городские проспекты-улицы... Сложилась здесь и топонимика.

Воины-афганцы — на Аллее Почета; бок о бок менты, бойцы ТСО, в лето 1992-го павшие... А сей ополченец в сражении не погиб, — из железа конструкция внушительная: Колонна Москвина, имя давшая променаде из обращенных — *Улица Москвина*. Все сбережения личные, добытые трудом рабским в столице российской, обратил он в Колосс. (На издыхании призвал архитектора монумент городить.) Вертикаль в одиннадцать метров — с лентами, масками, барельефами, доносящими историю Бендер; в медальонах — профиль Москвина и логотип литейщика... Аисты вьют гнездо на верхотуре.

Квартал Пикалова-Сырбу. Бородачи подозрительные из плоскостей мраморных (бок о бок памятники им) — в укор глядят отъезжающим на заработки. Закон толкнули они в Совет городской — изымать полпроцента из переводов гастарбайтеров. И по сей день на столбах фонарных агитки лохматятся, где Пикалов и Сырбу призывают не горбатить на новых жизни хозяев... После смерти одного апологета (инфаркт), и у другого — удар; выродилась их организация общественная в конфронтацию чистую с Кишиновом, как и все точится в регионе самопровозглашенном — под политику на Разрыв.

Претерпевшие до конца, как сияют навстречу лица ваши! Будто восстали из гробов — Кузнецовы, Токаревы, Бондари и Ковали... Художник Андрей Афанасьев, и ты зришь *поверх*, но память о тебе — ни этикетки для промышленности консервной и швейной, и даже ни герб Бендер: шестеренки и колоски, волны Днестра (со времен же сепаратизма полное твое забвение, возвращение символики государственной к черно-желтому гербу Империи!), а диптих к годовщине конфликта вооруженного «Аура Бендер — *До* и *После*». На полотнах генплан города в ключе абстракционистском и о двух ипостасях. *До*: белое, чистые цвета геральдические, золото. *После*: серое на черном да кляксы кровавые!..

О, старина Владимир Лопатьев, поэт-моряк, единственный, кто не убоился подать руку мне, гонимому. Пегас твой не заарканен гэбистами, Музу ПМР и ту взявшими в полон! Набатом гремит с плиты

твоей: «Друзей умирают планеты, / Но светит космический Крест. / Кадеты, кадеты, кадеты, / Живет офицерская честь!» Ныне и присно за «Кадетов» — ГУЛag смельчаку.

Знаю и столбик этот — в Квартале трудяг. Любовь Рыжикова, стахановка-многостаночница «Комбината Шелкового». Ее трехкомнатную прибрали под сурдинку исполкомовцы ушлые в обход наследников, одноклассников моих, кои не в соцсетях щелкают по клавишам, а вытравлены с земли лика (не с интерфейса отнюдь): один близняш — войной, другой — водярой паленой. Оба подхоронены к матери, дыбятся на груди ее, что на нарах трехэтажных...

А под сим валуном безымянным (за Кварталом трудяг у забора) останки комбата легендарного Карданова, приказ презревшего штабов диффузных покинуть город за два дня до войны. Сражался в осаде круговой: свои и враги имели к нему претензии. Проворнее оказались «свои»: труп с рук обрубками (по обычаю рубят все еще у нас «медведю» опальному лапы) кинули в канаву. Но утверждает молва: жив герой — и явится гвоздить притеснителей своих...

Чета Смирновых — президента однофамильцы — от дистрофии павшие, а некогда благополучные и не шкурники: в «Жигуль» дочь усадят с друзей ватагой и — на пляж. Смирновы-старшие *здесь*, а где младшая с сынов выводком? — у баков мусорных; в квартире же их судеец поселился...

А вот пристанище последнее Димы Михайлюка, музыканта от Бога; он обучал меня игре на гитаре в юности. Сгорел на производстве частном (тяжело зарабатывал на жизнь, не желая по кабакам халтурить), хозяин артели скрывал, что процесс связан с летучим веществом ядовитым...

Мертвых больше, всё призывнее лики их. «Кто и когда волю нашу *знал?*..» — SOS их не услышан... И поход на кладбище — из области убления спроса потребительского. В ларьках тутошних — пиво и мороженое, пакеты с петардами. Войну вспоминая, колдуют горожане вновь чистилище громовое. Всеядны они в принятии на грудь и не только. Недавно улицы усевали гильзы пулеметные, нынче — шприцы использованные. И бутылки пластиковые с фольгой обгорелой на горлышке (кайф дымный сосут аманаты через доньшко). Все это с презервативами, что тебе кожа банановая, — среди могил, — и на кресты насажено: живые донимают почивших о демоническом *здесь* и *сейчас* средстве взвинчивания себя! Мужчины и женщины любят наркоту. И даже дети.

Салют оглашенный и планов нарезка, как в кино (кроме телевизора и не с чем сравнить). Усмехаясь, присматривают бодро место и для себя — в районе «Рукавов длинных». Сразу за мини-маркетом ширится фронт: тысячи *героев*, отвлеченных войной от миссий собственных, кто колол в себя кайф и прятал вены за рукавами... пока люди погон и су-тан вершили империю Псевдо!..

Многие из сошедших могли б наполнять щебетом забот улицы, дух Места составляя интонациями личностными. Масса, как рыбешки в стае: куда вожак, туда и косяк, но вот единицы из рефлексирующих (сотня в масштабе города, тысяча — по стране) породили б ресурс. И дискурс! А имеем то, что имеем: ни одной оппозиционной реально силы-организации-издания в царстве самопровозглашенном, глас народный не вострубить, не высветить язвы-миазмы, не наметить выход из тупика. Всех все устраивает: если не согласен — шпион!.. Вот и себя уничижение — до насекомого в плоскости: лишь бы еда была и развлечения (из того же ящика-зомби). Не могу умолчать. Мне, интернационалисту убежденному, публиковавшемуся в старейшем издании русскоязычном «Кодры. Молдова Литературная» — в самый разгар национализма платили гонорар в Кишиневе (худобедно, на сигареты да чай-кофе хватало). Тирасполь же интернациональный — ни разу. Канул в лету и журнал «Днестр». Куда там, наверху, до максимы: «Где не погигло слово, там спасено будущее!»... Свидетельствую: я, пробивающий броню страны непризнанности на фронте литературном, вычеркнут из списков жизни на Родине: мое имя не упоминается в печати местной, несмотря на публикации многочисленные в «толстяках» российских и зарубежных.

Но оседлаем времени ось, взгляд в прошлое недавнее: не только дрыны тискали пролетарии просвещенные накануне войны, а словари русско-румынские, то есть, подвижны были в ногу с братьями-молдаванами к рубежам новым! Уроки бесплатные наладились в начале 90-х. Мнилось Михая Еминеску в подлиннике созерцать, к латыни прикоснуться! Ведь вал внешний Империи Рима дыбится в километре к югу от Бендер! Запретили синепогонники курсы: знание языков всегда считалось у варваров делом постыдным. И несем через тысячелетия табу, проклятием обернувшись!.. И еще факт: экспозиция музея Бендерского краеведческого после реконструкции генеральной в 1992-м выполнялась на графике латинской. В течение лет переводили на кириллицу, удивляя комиссии сшибкой график

бесценных бронзовых в пояснениях к экспонатам. Вихрение в мыслях и чувствах. Дом сердец разбитых. Всё с ног на голову!

4. ЛЮДИ В ПОГОНАХ НАШЛИ ЕГО – НОВЫЙ ДРАЙВЕР УСПЕХА!

Люди в погонах нашли его — новый драйвер успеха! Да мы и сами обманываться рады. В крови гигантомания устремлений. Словно и нет соседей, ощеренных (не менее нашего) и смыслами, и оружием, не только интеллигентным. На кой ляд нам в XXI веке фуфел имперский возродить? Будто б все намерение наше — Взрыв Большой — разметать по Европам-Америкам уповающих на лучшую для себя-в-России (вне России, как выясняется) долю, до дороги их широкой довести, до кондиции. А как иначе продвигать себя в тамошнее: мы же Одной Шестой великодержатели — обязаны двигать свое. Не Достоевского-Толстого же из минувшего *двигать*?

Вот и *продвигают* люди в погонах. Но что? Прорыв к осознанию звездному? Отнюдь, звезды у них — атрибутика, про огоньки небесные путеводные можно забыть в качестве ориентиров культурно-нравственных. Остаются «прожектора» на путях, убажывающих телесно: звезды эстрады, ньюсмейкеры, дизайнеры-медиа и т.д. Чтобы реальность воссияла очередной гранью отполированной, как в казарме: каждая грань мира-бриллианта — дискурс. Фишка: *единство* непрерываемое всех и вся, а, по сути, — сведение к знаменателю общему: Плоскость! Означили приоритет ресурса основного — Дух Русский, кой, как известно, дышит поверх пределов! (Газ и нефть, приатки сырьевые — в помощь!) И народ наш не сорта низшего, завсегда и везде силу единства — *агрессивно заявленного целого* — сознать обязан. Не беда, что *всё и вся (поверх мер)* на поверку Новым Занавесом Железным окажется. Вечный двигатель найден: *непримиримость к другим!* Не позволим себя обижать: ни дома, в семье, на площадке лестничной, ни в поле-лесу-огороде-на пляже, ни в Азиях-Европах-Америках. Главная из задач — Геополитика! Наше всё! А право на Жизнь и Свободу — из лексикона демократий гнилых! И поначалу: обратим шар земной в ГУЛаг газово-нефтяной!!!

5. ДОБРО-ЗЛО

Бендерчане определяют цену самоутверждения анклава так: вкусили-де Рая экономического — в виде чистом! Мины и снаряды тебе

на голову! И снайперы, адепты Силы Третьей, — лущат скорлупы мозговые граждан. Ночи и Дни *от* нежити в погонах... А в черте городской воинская часть российская и в ус не дула: что ей разгул войск конституционных; и в награду — ни росчерка осколка или пули-дуры на территории ее: «Воюйте, аборигены, нас не вмешивайте!..» И разведка ее, лучшая в мире, молчала в тряпочку, когда надо было горожан эвакуировать в села окрестные. Вот и стоят в глазах кварталы выкошенные (поросшие ныне тщетой дворцовой «новых приднестровских»), курящиеся дымами былого... не забыть и запах крови, забродившей в жару.

«Амбиции политиков под биркой Мира Русского!» — зрят бендерчане. Страна великая содеяла и Зло великое — тщету государственности сепаратистской. Паспортами своими горожане являют ныне выбор геополитический: почти все с гражданством Молдовы! В целом по республике «фифти-фифти» — граждан России и граждан Молдовы! О какой независимости ПМР речь? Приднестровье всегда было монетой разменной в дланях имперских. Выгадать, застолбить (участок) для прецедента, для броска вероятностного, подтянуть расплзающийся по швам (по Молдавии-Украине) Мир Русский, окомный, пылкий, способный к преодолению в потенциале Зла исконного, вернуть его, вкусившего свобод общества толерантного, под Хлыст! Это мы можем.

Примеряя оперение по типу заокеанского, держава великая не ищет коммутирования с соседом ближайшим, — та же брутальность и тельца золотого размах, шантаж военный и энергетический! Но хватит ли ресурса? Не газа-нефти, сего «добра» с избытком, а того, с коим увлекать нынче братьев по Совку? Резерв Зла — не море нефти перекачать, обязан каждый пестовать его. Аккумулировать же Зло большое (с сограждан заручившись поддержкой рейтинговой) просто не получится. Уж иные они, потребители. Не добрые и не злые: мышцы их занемогли для похода «крестового» нового. И питание нынче *сублимированное* — от ящика зомби: «Вы видели, с вас довольно, или самодовольно!»

И воюют *как бы*. И спецоперациями точечными, и прочими методами гибридными, — через влияние диффузное, составляя на местах противовес показной. Посвящение в геополитику, так они для своих (для диффузных звена низшего) аргументируют. Почитайте в Интернете откровения Йелашку, лидера группы диверсионной, отрубив-

шего 10 лет в плену пэмээровском. Предпочел после отсидки Румынию, так как не доверял системе Молдовы обхождения с героем народным. Уж он-то и рассказал про *диффузных*.

Всё и вся работает в бывшем Союзе отнюдь не на ЦРУ, что бы там не говорили о вершащих сдвиги плит исторических (псевдоисторических) в ареале, отдельно взятом. *На кого ж* — на КГБ? На узкую прослойку корпоративную? Кто платит, тот и заказывает музыку! Чинам нижним можно, конечно, вешать ахиною: долженствование, служение Родине или организации «по любви». Но Конвергенция — это бизнес, с долей инициативы по местам, знания себе цены и *цены* оппонента. Это и есть деятельность всеохватная и координируемая спецслужбами. Так мыслят бендерчане, пережившие войну! В отрыве от мемуаров генерала Косташа, министра обороны (бывшего) Молдавии, вещающего в книге своей «Дни затмения»: «80% работников спецслужб Молдовы работают на Кремль...» И впрямь, КГБ Молдавии считался самым дисциплинированным в бывшем СССР, последний наци был репрессирован в 1958 году, а уже на заре Перестройки националистов в Молдавии стало как опят после дождя — кто расплодил? Хвала бендерчанам, истребовавшим через суд европейский компенсацию денежную с России и Молдовы — за ущерб моральный и материальный в результате конфликта! Таки исчислили хоть единицы за порушенные надежды и жизни! Подавляющее же большинство народное в заложниках Системы статуса неурегулированного.

На какую ж отдачу *способно* то Добро-Зло неизбежное, что перезагрузит мир? Вопрос некорректный. Положи перед дикарем мясо и Книгу Книг, — и он выберет мясо. Драйверы сполна решают мотивы движущие! И модераторам «линий противостояний» начхать: кто лапу положил на Молдову, Украину, Приднестровье? Страны сии в когтях нищеты и прозябания — и это довод, чтоб с ними не церемониться. Зло великое (и Добро великое), источаемое страной великой, — преувеличено. Как и понятие «страна великая». Жупел от ребят с сердцем горячим и головой холодной. Все державы великие с трудом великим хранят равновесие в порядке глобальном: здесь ведь нужна харизма, жест самоотречения, напряг мышц в жизни действительной. А потребитель наш вряд ли осилит иное — желудок-мозг его привык сублимировать *в сюжет*: нога на ногу у телеэкрана. И вряд ли его увлечет Рай обещанный, его и в Аду соцдоговора неплохо кормят.

6. ЛЮДИ В ПОГОНАХ УДОВЛЕТВОРЕННЫ: «КОНФЛИКТ ЕСТЬ!»

ВПК России и по ту сторону гор-морей-океанов комплекс военный наделены отныне. Что в очередь свою разогреет экономику планетарную. Иначе обыватель (белый, черный, желтый) не выдюжит в условиях расширения услуг потребления сферы. Заживут, плодятся-размножаясь, и за пивом у телеэкранов, — *со смыслом*: в бюджет оборонный закидывая кровный свой. «Главное, чтобы костюмчик сидел!» — поют шуты гороховые в фильме известном. В эпоху пост-модерна главное — чтобы телевизор в конурке вещал. Картина мира. Поле стратегий схватки: каждый сантиметр мироздания борьбой объят! Важно всё и вся заорганизовать, прибрать, оседлать, в сортире замочить, высечь, закидать яйцами, напустить тумана фосфорного, полония подложить, соприсутствовать на похоронах...

До войны в Донбассе думали мы: стагнация, ключа нации самоидентификации потеря, разброд и шатание, впору и НАТО сворачивать с накатанной, — если мир однополярен, победа цивилизации. Уж не брали за душу страшилки воровские с улиц фонарей, искали активно врага. Чтобы не простаивать — пугали инопланетянами. Отрасль вызрела — газеты-книги-теле-радиопередачи. Однако ж, без калорий на пайке держали. «Развлекалово!» — скажут иные читатели-зрители-слушатели. «Дудки!» — отвечу им. Спец главный по «таинственному и неизведанному» — дядька серьезный из Дома под флагом государственным и над пиджачком твидовым у него звезд чинодральских зарево. В отсутствие угрозы военной, метеорит в Челябинске ой кстати!

То же и с терроризмом международным. Перегнули братишки из Лэнгли. Мало верится, что старикан в рейтузах застиранных и с тюрбаном сальным (а глаза-то, глаза, — на приходе героиновом! его ж в телекамеру мордой!) — гроза спецслужб, генератор акций кровавых. Зарапортовались, обывателя инопланетянами закормив, утеряти бдительность.

Мяч раздора в ворота Украины. И как черти из табакерки высыпали чуваки идейные с фамилиями дежурными «Стрелков» да «Стрельцов» — степень посвящения в иерархии звездной синепогонной. Замутили они Крым, замутили Луганду. В путях на издыхании народ приднестровский, а его ястреб первеющий, министр безопасности (объявленный в розыск международный), Антюфеев, он же Шевцов, он же Стрельцов... выныривает на Донбассе. Смотрящий Архива КГБ Молдавии (что на заре перестройки перекочевал из Кишинева в Ти-

располь), десятка два лет торговал досье, шантажируя сеть агентурную не только по Днестру, — сейчас же рулит с подельниками в новой точке горячей... Боинг подбитый с 298 пассажирами на борту (в т.ч. 80 детей) свидетельствует: пощады не жди ни стар, ни мал, ни по сю, ни по ту сторону гор-морей-океанов!.. Конфликт есть! Обыватель у телека не спит. Но ужель опыт многострадальный ПМР — по касательной?.. Ирония горькая: супруга Антюфеева (того, что в розыске) — глава комитета по Правам человека при Верховном Совете ПМР. О, Днестр полноводный мучений людских!

7. БОЛЬШОЕ В МАЛОМ, МАЛОЕ В БОЛЬШОМ

Итак, мы с женой лет десять назад приехали под Москву — на пмж — из ПМР. Когорта (злосчастная-благословенная), входяя в *процент убывших*, ослабивших регион, что отсеивает в «рты лишние» половину ресурса своего людского! Признания захотелось юридического, чтобы уж — в цивилизацию, так как никуда без Зла знакомого этого, оно за отца и мать. Взалкали мы по России, желая выгадать и для себя! Тогда еще позволителен был кульбит сей по причине жилья стоимости не оголтелой. Все распродали там (в ПМР) — *за гроши* — отряхнулись от бывшего, посыпали голову пеплом, перекрестились, — ну и двинули. Прочь от схлесток очередных: «независимостей» сублимированных (по программе из Центра концептуального), отборов дарвиновских и блокад экономических. «Просто еще хотелось пожить!» — как в песне поется — не сходить же с дистанции в рассвете сил: ни работы, ни досуга культурного, ни лиц благородства, а сплошь интриги политические! Если ты не птенец гнезда управленцев или организации общественной, ратующей за обострение противоречий с Молдовой, то и незачем тебе просыпаться в день новый. Для несведущих: обязательная в паспорте регистрация приднестровская, помимо молдавской (без которой за пределы анклава и не выедешь); обязательная к использованию масса денежная, обеспеченная Кремля обещанием признать «регион независимый де-факто»; обязательное в газетах и на телевидении, в собраниях общественных восхваление вождей сепаратистских, анафема иным, законным... В общем, туши огни, — ты в ловушке, многоплановой и многофункциональной на окоеме Имперском (а также Европейском)!

По приезде же на Родину историческую, мы опять (и уже навсегда) столкнулись с неразрешимостью в лицах, в сутях и охватах этого

теперь уж подступившего Мира Русского. Рок какой-то алчущих гармонизироваться с Империи конфигурацией, упустивших, что время *ея* иссохло, сжалось в точку сингулярную *первопрестольной* — и так до Взрыва Большого! «Никто тут вас не ждал!!!» — риторика *до сих пор* из (позволю себе каламбур) обустройства, величающего себя земель собирателем — в ракурсе-то Программы по переселению соотечественников из-за рубежа... Жили-были мы под Москвой, контакт ладили худо-бедно с жителем местным и с работодателем. Автор строк *сих* и его жена-инженер сплелись в Слове и Деле: редактировали каталог по архитектуре, славили ее, Столицу-Красавицу Русскую... Пока строительство это хваленое не постучалось в дверь.

Начали дому девятиэтажному нашему водоснабжения стояки менять. Намерение благое, если не считать факта, что дом не старый и стояки чугунные (ни ржавчинки) переоборудования капитального не требовали. А руководству ЖЭУ шлея под хвост — менять! Были, конечно, и мотивы скрытые: компания-застройщик, громоздящая высотку на площадке детской во дворе (сажают объект на имеющиеся коммуникации), в числе прочего с плеча барского — с десятков километров труб полипропиленовых руководству ЖЭУ. И что с ними прикажете делать, как не всучить обывателю под видом конвертации сугубой капремонта графы из жировок с цифрами невероятными? Ну, да бог с ними, менять, так менять, чем бы ни тешился смотрящий коммунальный. Вот только технология работ по смене труб водопроводных зачалась варварски. Что нужно России — воспитание в Малом (при явном ее преимуществе в Большом), а равно и воспитание в Большом (при всегдашнем наплевательстве к Малому).

Этому надо было внимать! Звонок в дверь по субботе (вот ведь спешка, и без выходных!) — на пороге двое в спецовках прелых и взысканием с бодуна, застилая амбрэ похмельным реальность нашу гипотетическую (геополитическую), перфоратором и кувалдой торят путь в ванную. Зачем? Долбить кафель, который мы выторговали на рынке хозяйственном, чтобы уж бок о бок со столицей столиц развития устойчивому себя назначить! «Дом&Интерьер» — сколько надежд порождает ремонт, а тут, ишь: приспичило увечить пол и потолок, тянуть соплю пропилена взамен чугуна!!!

Нас с женой прозрение опалило. Уже увещевания были наши суровые к владельцам собак боевых, выгуливаемых без поводков, и перепалки с курильщиками на клетках лестничных этажей, и борьба с все-

нощными у подъезда, и учинение препятствий технике грузовой, сбрасывающей хлам строительный на тропу экологическую вдоль озера (и там же атака на браконьеров-убийц уток, летящих на родину тысячи километров), и захват в заложники директора недобросовестной компании-провайдера Интернет услуг, и многое другое непримиримое к вопиюще-свинскому. Малое в Большом, Большое в Малом!.. Итак, на ногах устояли мы едва от умозрительного очередного и от прозрения: вот оно — когда-нибудь и Приднестровье родное, которое мы оставили ради поиска себя в коммуникации всеобщей, будут за неимением норм, упиваясь мнениями лихаческими, притягивать к Центру — *напролом!*

— Господи! — глаза жены за оправу очков. — Есть же ниша технологическая, через нее и тяните кишку, — зачем курочить?!

— У нас ведомость работ, — отвечали «ремонтники» рьяные. — И не морочьте головы, они болят. А будете ершиться, то объявим: из-за жильцов квартиры № ** вода подъезду подаваться не будет!

— Были прецеденты? — почти уж смирился я.

— Вы первые: кха!.. Вам жильцы и накостыляют!..

— Тут установка — стравить всех? Ведь проще через нишу, без шума и пыли! Зачем корезить ремонты... и судьбы? — Упорствовала жена, улыбку изобразив (еще шанс!).

— Не-е-еть... — мотал головой контактный. — Тары-бары излишни. Начальник удавится за копейку — и всех удавит. Мы аккуратно: две-три плитки ковырнем и дело в шляпе... — проснулось и в них сострадательное. Также чисто внешне.

Жена решила посмотреть, как оно у соседей этажом ниже: две-три плитки — наказав не подпускать к кафелю «терминаторов». Вернулась с воплем вопиющим, с морщиной новой и с седины прядью.

— Не дам крушить! В понедельник же запишусь к главному архитектору! Будете прокладывать коммуникации по стандартам... и ответ держать в суде за нарушение каркаса способности несущей!!! — реплика ее в нерушимость Слова и Дела.

— Выбор ясен! — как-то вмиг они ретировались, не подав воду в прежний стояк-красавец — ни в этот день, ни в следующий.

И это был ад для подъезда. Ходили на колодец в деревню ближайшую (туда завсегда приспевали с тачкой бидонов и солдаты части воинской, где водопровод не предусматривался с момента ее основания; а звезды Кремля на горизонте!) или за аквой бутылирован-

ной. Нас, *знающих, как надо* тянуть трубы, — возненавидели. И хорошо бы — кукиш в кармане, а то... кучу говна у порога навалили, посекали двери обивку, срубили кнопку звонка, костер из буклетов рекламных в ящике почтовом, и другое с гору бесову...

Но — Правда и Закон превыше! Коммуникации — через ниши технологические! Не напролом, устои кромсая, полипропилен вешая (у многих жилья собственников макароны эти свисают гирляндами, к стенам не прикрепленные). Мы с женой — бендерчане (*бендеровцы*, как нацарапали гвоздем дикари поперх двери) — привыкли убеждения отстаивать. И, несмотря на чинимые со стороны ЖЭУ каверзы (акт вандализма двери зафиксировали, расследование ж дальше не пошло), добились-таки. Квартире нашей по велению Архитектора Области проложили *как полагается* водопровод. Начальника ЖЭУ обязали дома ближайшие оборудовать по стандарту. Победа в Малом!

...Были *и еще* «экспертизы общественные» — при устройстве «постели» дорог с требованием уклона (поперечного и продольного) для стока вод талых (надоело, ёлы-палы, сплавляться по весне от крыльца!); и борьба с заиливанием асфальта — установка камня бортового на тротуар; и «пирог» кровли при ремонте наблюдали мы (квартира наша на этаже верхнем!)... Когда ж сами соседи собрали подписи и спилили скамейку у подъезда (в пресечение бдений пьяных под окнами), мы посчитали миссию «воспитания в Малом» выполненной... То ли еще будет, когда съедутся сюда все прочие пассионарии с окоема — отстаивать права свои похеренные и свободы!..

Мы с женой любители прогулок. Не одну сотню верст исходили в радиусе дислокации новой. Застали время, когда поля окрест засевались кормовыми; и заяц по диагонали с ветром наперегонки мчал... С горизонта ныне наступает монолиток жилых рать чертова. «Поля аэрации — легкие Москвы, тронуть не посмеют! Метр квадратный травы — тонна кислорода в год!..» — жена как мантру твердила... Глазом не успели моргнуть: поле огородили, участки нарезали и уж дыбятся разномастно в загоне том близнецы-башни. («Словно и не было традиций архитектуры русской, открытой ландшафту!..» — стенания тщетные жены.) А из-за забора летит с частотой пулеметной строймусор...

Есть близ нас и водоем; многие на Кадиллаках не брезгуют тут в уикэнд от гари столичной отдышаться. Как-то по весне спустила воду служба экологическая. Обнажилось акватории лоно: бутылки и бутыл-

ки: виски-джин-водка... И вот некто прошелся с мортирой по емкостям сим, осколками усеяв купальни дно. Смотрю на жену, фиксирую эмоцию — в отклик на восславленное поэтами Поле Русское: свалка под ногами, свалка визуальная застройки, свалка в головах у жителя местного... Я наблюдал эмоцию эту в ожидании состава пассажирского по отбытию нашему судьбоносному в Москву — на станции *Бендеры* женщина-мать купила в киоске привокзальном дочке куклу в утеху на дорогу долгую; девчушка, разглядев образину куклы той, сначала улыбалась стыдливо, а потом зашла в плаче... Удел дикий!..

8. СПРАВЕДЛИВОСТЬ И «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» ОТ ЛЮДЕЙ В ПОГОНАХ

Украина приняла *нас*. Новая Реальность. Диффузные вели консултации; отважились! И чего ждать нам? Мало никому не покажется — в смысле продукции медийной установочной милитаристской для сердец доверчивых и умов. Чтоб впивались мы в «картинку мира» на вздохе нервном, чтоб заходились в интересе (где не мы, а за нас все и решат), чтоб били ладошкой о коленку под пиво: «Надо же, что творят, бендеровцы, скоро всех и погонят за Урал!..» — или: «Россия с полуостровом Крым и Юго-Востоком Украины и способна быть сверхдержавой!..»

Им важно поддеть в нас то, чем каждый и является — из глубин — Имперское незабвенное! Чтобы руками махали и гикали мы с дивана: «Ату, их, укров!..» И другие вольности совершали спяна рьяно. Чтобы по почину собственному в пути сами мы — за Занавес Железный. Всегда Сейчас! Угроза Войны — товар, весомее нефти и газа. Обыватель западный стилистику жизни не променяет. Кто на кого будет в большей претензии, упор под ногами теряя, пальцем в клетку тыча, улюлюкая и рожицы строя?.. Или дело в привычке? Может, пора и *это* за борт, а то оскомину наело: как, скажем, механику заменяет физика квантовая, а геометрию Евклида — Лобачевского пространство?..

На сегодня всё пространство смыслов по обе стороны определяет стратегия и тактика людей в погонах. Как гаркнут, так и будет: и дедовщину разведут и подготовку строевую в устоях. Что им до того, что кто-то через небо звездное в себе становится? Счет только *прикладной*: звездам на *их* плечах? Телевизор преподносит нам достижения сии под пиво и чипсы: люди в погонах утвердили, постановили, внесли поправки в исполнение, подбили лайнер пассажирский,

решили коридор «Ураганом» и «Градом» торить, полосу отчуждения через сердца на века!.. Люди в погонах уж не позволят Акт Становления Реальности, как Справедливости Художественной, творить! Ату их, мечтателей звездных, художников мастей всех! — в путы тарифов ЖКХ, в коллапсы пробок энергетических, дорожных, информационных! в препоны-загоны, в посты-блок, вежливых людей в камуфляжах им выставить, контролеров билетов и счетчиков воды, также осведомителей расплодив, как во времена оны... Кто не с нами — тот против нас!..

9. БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ ВЕЛИКОЕ ИМПЕРСКОЕ

Приднестровье заглохло наживку: ему, мол, с Россией по пути. Хотя Россия сама не ведает: куда ей? Главное, держать ресурс *изначальный бессознательный* — холить его, тряся, как грушу, чтобы эманировал он, индивидуально и коллективно. Вина эпохальная приднестровцев (равно и трагедия) в том, что не распознали за лозунгами величия имперского подвох. Ружье на сцене стреляет. Ведь скопилось в регионе оружия. Все, что будет избывать солдата православного (молдаванина, мало- и великоросса) в междуречье Прута и Днестра (Буга Южного и Днестра в перспективе), что верещать надсадно будет, распуская след пороховой (хлестче фейерверков корпоративных, свидетельствую), — все это из запасников военпрома «совка», отнюдь не НАТО... Оскопив Молдову, Россия не задумалась о сотнях тысяч русских, живущих по правую сторону Днестра — в Бельцах и в Кишиневе, кто волей судеб разделяет «блага» санкций российских, а также цену на газ. Русских в столице Молдовы и на севере республики на порядок больше, нежели в полоске узкой по Днестру. Вместо того чтобы наращивать лобби по канонам (дипломатично!), дать стране вектор развития, работая в партиях, представляя анклав (Приднестровье лишь один из них), имперские уходят из политики молдавской, сосредотачиваясь на пяточке. Заводы военные, дело в них; заводы и склады оружейные эпохи Второй мировой! А люди в Приднестровье мрут; из Приднестровья бегут!

Будут ребята в погонах тянуть-толкать-«спасать», не имея на то прав законных, ПМР (ДНР и ЛНР подтверждают сценарий) — напролом, орудуя кувалдой огневой. А клочки Молдовы — с русскими, населяющими ее, — пусть разлетаются: лес рубят, щепки летят!.. Вершители. Ужель предначертание наше в движении планетарном — эмиграция пятая-шестая-седьмая? Вся правда и соль: рассеяться нам, как когда-то народу

еврейскому? Не чиновникам же одним и бизнесу за морями-океанами куковать, а вот всем: и живущим в Центре, и на окоеме Империи, затаившим обиду на нее, — взять и по планете масштабно каждой частицей своей разметаться: оплодотворить со-присутствием своим — *ее, планету*, — в вираже эпохальном пост-историческом?

Хмурое небо с утра разорвал рев. Самолеты реактивные: пара — крылом к крылу, и еще пара — в хвост первым, — чертят кренделя под облаками низкими... Стекла в окнах трещат, вот-вот лопнут в поливинилхлориде... Подымают дух боевой отлученным от ящика-зомби (мы с женой телевизор не смотрим принципиально) в ракурсе событий Украинских. И отзыв эмоциональный в полях восприимчивости — из той же оперы, что и собаки пород бойцовских без поводков... Пытаюсь сосредоточиться над текстом редактируемым: «Универсальная модель может работать, если существует некая схема дополнительная релятивная...» Не проще ли: «Клин клином вышибается!», «Зло злом запечатывается!», а Империи надсадные — глобализмом!..

Мэр Детройта (это на Озерах Великих в поясе ржавчины США) воззвал о помощи! Увещевает горожан не бросать домов, вернуть городу величие и славу... Признание банкротства — заявление смелое! Начало Пути!

Как-то мы с женой возвращались из Москвы на электричке; рядом с нами две особы интеллигентные, учителя («Из Ада города большого замыслили побег в обитель дачную...» — сказали они о себе.) Обсуждали эмоционально проблему школ укрупнения, уже года три на уши Москву поставившую. Школа на 500 мест включена ныне в Комбинат («колхоз», «ферму», «приемник») на 2000 человеко-голов. Нагрузка у предметников возросла, — качество преподавания нет. Растет и пропасть непонимания с родителями детей: учителя — враги, допустили!

— Проблема пространственной организации среды: *схлестка* прогрессивной системы зонирования с отжившей структурой планировочной!.. — не выдержала жена. — ...Застройка уплотнительная: садят башни на инфраструктуру, а просчитать потребности возросшие сферы социальной недосуг. Торжествующая бездарность управленческая!!!

Наша станция. Дорога к дому лежала через лес, живой и свежий, в отличие от большинства в округе, выкорчеванных в связи с программой Губернаторской «*Наше Подмосковье*». Земляника подмигивала то тут, то там, весьма похожая на молдавскую.

— Знаешь,— говорила жена,— в 1990 году я выполняла «Проект оптимизации дошкольных и школьных учреждений Бендер» в рамках Плана Генерального города сроком на 25 лет. Численность населения Бендер к 2015 году намечалась 250 тыс. человек. И это против нынешних-то — 37% от 140 тыс. жителей!.. Да что наша республика банановая, войну претерпевшая?.. Главный архитектор России в кулуарах форума недавно заявил, что цифры последней Переписи нуждаются в корректировке серьезной!!!

Порыв страстный в апофеозе осекся внезапно.

— Перестаньте! — навстречу по тропинке совершала променад мамаша с коляской. — Недовольство одно и слышишь от таких... громкоговорителей!

— Окститесь! Даже вопль ваш мальчик игнорировал!

— Это дочь!

— Почему же в голубом, а не в розовом?

— Перестаньте тут агитировать! И не попадайтесь мне на глаза — муж мой таки из органов!.. Скоро дождетесь!..

— Ага, преемственность синепогонная... Далеко зашло. Покруче собак без намордников.

— Зато Крым наш! — вскричала нам вслед мамаша.

— ...за-то-крым-наш! — выскочил и мопс слюнявый из-под куста.

— ...за-то-кры-м-м-м-наш! — ему вторила болонка на ножках то-нюсеньких с резинкой в челке и в пиджачке кружевном.

Ох уж это нам Бессознательное Великое Имперское — единое на хозяев и питомцев их.

Уж позади празднества пышные по случаю 30-летия провозглашения ПМР. В их числе, ради правды не смею умолчать, — благоустройство центра Бендер: ремонт выборочный фасадов, укладка плитки тротуарной взамен асфальта, искореженного в лето-1992, — таки сподобились «отцы» города взор скосить на землю многострадальную... Мне звонит приятель из пенатов родных. Вещает по заведенной о том, что фабрики и заводы стоят (кроме, конечно, предприятий ВПК), сокращения очередные и в сфере бюджетной... Говорит друг и о том, что пункты пропуска из ПМР в Украину на замке для граждан России: ждут непрестанно украинцы провокаций со стороны сепаратистов прокремлевских... В связи этой ширится набор жителей местных в контрактники Армии России. Действуют в республике и сборы

круглогодичные военные: «призывники» обеспечиваются экипировкой, кормежкой, зарплатой какой-никакой...

И еще примета грозная: падение катастрофическое цен на недвижимость: квартиры и дома с обстановкой, укомплектованные по полной технике бытовой, — за гроши!.. То бишь, невзирая на фейерверки праздничные запредельные, фонтаны со светомузыкой, гектары замощений клинкерных, люди из Приднестровья бегут!.. И впрямь, сколько можно тянуть лямку нищеты и непризнанности, гидру сепаратистскую милитаристскую страхом войны очередной кормить? Да и вероятностью Взрыва Большого как никогда веет из России!.. Удел дикий!.. Знать, пора и квартиру Подмосковную — за гроши!

И, обгоняя все конвои бронированные «За Власть Советов!» (сиречь «Вместе с Россией!»), не убоясь «Градов» и «Вихрей», миссию разброса глобального по лику Земли россиян, несогласных с возгонкой резонов велико-имперских, творить. Вперед и вперед!.. Сквозь пространство и время!.. Воплотиться в землях *иных* — вне войн и политики — там, где люди ходят год напролет в одеждах белых и шлют друг другу сердца привет!.. Или все же поначалу выказать сопротивление беспределу властному с его насилием и несвободой — в самое горнило, каждому по местам?! Оружие интеллигентное — потенциал подрывной мысли и литературы нам в помощь!!!

ОБ АВТОРЕ

Андрей Белозёров — прозаик, родился в 1966 году в г. Бендеры Молдавской ССР. Окончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. Горького в Москве.

Его проза неоднократно публиковалась в изданиях: «Дружба народов», «Кодры. Молдова литературная», «Литературная Россия», «Роман-газета», «Новый Журнал» (Нью-Йорк) и др.

Лауреат Международной литературной премии им. Марка Алданова-2016 за повесть «Галерея ПМР». Шорт-лист Международной литературной премии им. Марка Алданова-2018 за повесть «Джекпот, или Портрет художника в силе». Автор книги прозы о войне 1992 г. в Приднестровье «Третья сила», Chişinău, Litera, 2020.

Живет в Бендерах (Приднестровье, Молдова)

Яков ФРЕЙДИН

СТАЛИНСКАЯ УДАВКА

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ СОБЫТИЙ

Когда товарищу Сталину было под пятьдесят, держал он в кулаке уже всю страну. Это приятно щекотало его самолюбие и грело сердце, хотя где-то в глубине души ковырялся противный червячок неполноты счастья. Казалось бы, чего ещё желать — ты Хозяин, почти бог, чего же тебе ещё? Куда до тебя царю! Николашка и на троне толком сидеть не умел, не то что быть полноправным владыкой. Ещё и пятидесяти нет, а под тобой уже огромная страна, на всех ключевых постах — свои люди, для которых не только твоё слово, но один лишь взгляд силу закона имеет. Оппозиции считай-что нет, никто и пикнуть не смеет. Кто чирикал — умолк навсегда, а кто по глупости надумает клюв раскрыть — тоже долго не пропоёт. И это всё сделано за каких-то пять лет, ну может чуть больше. Хорошо. Спокойно. Но... Что такое одна страна, хоть и огромная, когда там, за кордоном — другой и богатый мир, которому до тебя просто нет дела! После разгрома Антанты капиталисты хвост поджали и навсегда потеряли надежду разбить большевиков силой. Угрозы от них нет, но всё равно стоим мы буржуйам костью поперёк горла. Вот бы по этому горлу да полоснуть... — улыбнулся товарищ Сталин сладкой, но пока несбыточной, мысли.

За границей он, считай, что и не был. Лет двадцать назад, ещё до германской, побывал в Стокгольме да Лондоне на партийных конференциях, вот и всё. Не видел он за границы, но наслышан немало о Европе и Америке, их культуре, а главное — о невероятном прогрессе в науке и технике. Куда до них лапотной России, где он числится богом! А вот они там его богом не считают. Обидно... Пока не поздно, надо их к рукам прибрать, чтобы товарищ Сталин и для них богом стал, как у себя дома.

Вон Троцкий всё твердит о мировой революции. Выкинули его из страны, так он и в Турции не утихает, всё о том же талдычит. Но если вдуматься, ведь прав сукин сын, всё верно говорит — только так с ними нужно! Нет иного пути. Именно мировая революция решит все проблемы, и Ленин то же говорил — неспроста ведь ещё при его жизни на гербе СССР изобразили весь земной шар под серпом и молотом. Впрочем, — усмехнулся товарищ Сталин, — какая к чёрту «мировая революция», оставим этот лозунг для наивных дурачков. Не мировая революция нам нужна, а мировая война — только в огне Большой Войны, когда все страны заполыхают, возможно взять над ними власть и тогда герб СССР станет гербом всего мира.

Но что может сделать болтун Троцкий, сидя в Турции? Языком Запад не перешибёшь. А товарищ Сталин говорит мало, но при полной власти над своей страной дело сделать может, а уж когда сделает, то не один лишь СССР, а вся планета будет у него в кулаке. Вот для этой желанной цели и нужен большой пожар. Очень нужен. Но голыми руками огонь разжечь невозможно — только силой, а не длинным языком иудушки Троцкого.

ДВЕ ПЯТИЛЕТКИ

Товарищ Сталин хорошо понимал — чтобы разжечь и выиграть мировую войну, нужны две вещи: абсолютно послушная армия и самое новейшее вооружение. Ни того, ни другого в стране пока нет, а до тех пор как эти два фактора не появятся, о победе над Миром и думать нечего. Начинать надо с вооружения, а за армию можно взяться и позже.

Товарищ Сталин в математике был не силён, поэтому мыслил пятилетками, как пальцами на руке: пять лет заняло партию к рукам прибрать, пять лет займёт из аграрной страны сделать индустриальную, и ещё пяток — армию вооружить, обучить и приручить. То есть, нужны две пятилетки, чтобы раздуть пожар мировой войны. Году эдак к 1939-му, глядишь, и разгорится.

Первый шаг — создать тяжёлую индустрию и нацелить её на самое новейшее вооружение, а уж затем — вычистить Красную армию, убрать из неё строптивную военную «аристократию», а на командные посты поставить молодых и послушных. Чтобы новая поросль командиров к началу Большой Войны в силу вошла, в дело вникла и созрела (но не перезрела!), понадобится года два-три, не более. Стало быть,

вычистить старую армейскую гниль и насадить новую поросль придётся где-то году в 36-м и 37-м и через пару лет после этого будет самое время раздуть мировой пожар. Так и запланируем.

ВООРУЖИТЬ АРМИЮ

Первая часть плана тов. Сталина: всего за пять лет превратить отсталую аграрную страну в мощную индустриальную державу и наладить массовый выпуск самого современного вооружения ему самому поначалу казалась невероятной, но вот как получилось в реальности.

Меня долго занимал вопрос об экономическом чуде СССР в 30-е годы прошлого века. То, что там произошло, иначе, как чудом назвать невозможно. После захвата власти большевиками, или как они говорили, «пролетарской революции», страна совершила интеллектуальное самоубийство. Почти вся научная, техническая и творческая элита была либо физически уничтожена, либо отправлена в лагеря, либо эмигрировала. Малое число тех, кто остался на «воле», существенного влияния на экономику страны оказать никак не могло просто по факту малочисленности и ограничений из-за «непролетарского» происхождения. Кроме того, индустриальная инфраструктура страны была почти полностью разрушена, а политический климат прогрессу не соответствовал. Чтобы восстановить все эти колоссальные потери, даже по самым скромным подсчётам было нужно по крайней мере два поколения, то есть где-то полвека жизни в нормальных человеческих условиях. Но не было ни этих лет, ни нормальных условий. Однако чудо было — всего за каких-то 10 лет экономика не только была полностью восстановлена, но некоторые её области намного превзошли европейский уровень. Например, к 22 июня 1941 года СССР имел существенно больше танков и самолётов, чем немцы, и это при том, что каких-то 12 лет до того в СССР вообще не было ни танковой, ни авиационной промышленности. Как такое могло получиться?

В литературе можно найти несколько объяснений этому удивительному явлению, начиная от мудрого руководства тов. Сталина до интеллектуального взрыва раскрепощённой еврейской молодёжи, хлынувшей в города после гражданской войны. Все такие объяснения выглядят красиво только на эмоциональном, но не на логическом уровне. Есть американская поговорка: «Опыт ничем заменить нельзя» (*There is no substitute for experience*) и это верно — как ни командуй, как ни учишься по книжкам, как ни копируй то, что сделано в других стра-

нах, как ни воруй чужую технологию — никогда не удастся наладить производство качественных изделий, если предварительно не набраться практического опыта. А это занимает годы и годы. Именно носителей опыта в СССР почти не осталось. Тем не менее, за невероятно короткий срок опыт появился и даже преумножился. Откуда он взялся? Как это получилось? Правду от нас тщательно скрывали при советской власти, да и сейчас очень мало про неё известно, хотя в наш век интернета раскопать эту правду не так уж и трудно.

* * *

В конце 1928 года тов. Сталин позвал к себе товарищей-соратников на совещание, чтобы обсудить свой план и не отлагая приступить к делу.

Товарищам идея индустриализации страны понравилась, но засомневались — где же взять технологию, оборудование, знания, опыт? Нет у нас ничего. После революции и гражданской почти что все спецы либо были уничтожены, либо удрали за границу, либо затаились. Оборудования на заводах мало, а то что есть, безнадежно устарело, да и вообще страна-то аграрная. Товарищ Зиновьев так и сказал:

— Даже то, что делаем, никуда не годится. Вот у нас в Ленинграде на заводе «Красный Путиловец» пытаемся делать фордовские трактора. Вроде всё точно копируем, а полное говно получается. Не знаем секретов производства, а спросить не у кого. И так во всём. Нет, никак не получится за пять лет построить мощную индустрию. Хорошо бы, конечно, но никак не получится. Совершенно нереально.

Тут товарищ Микоян идею подал — да, сами никак не справимся, но ведь абсолютно всё, что нужно — оборудование, технологию, и даже опытных спецов можно купить в той же Америке. Пусть Америка нам построит социализм, а мы за ценой не постоим!

Засмеялись соратники — вот потеха будет, если капиталисты нам социализм построят! Товарищ Рыков тоже посмеялся со всеми, а потом грустно сказал:

— Ну да, технику-то в Америке мы купить можем, а кадры? Кадры где взять? Не привезёшь ведь из Америки миллионы рабочих!

Другие товарищи с ним согласились, зашумели, заспорили. Кто-то вспомнил, что ещё три года назад договорились было с Фордом о концессии для постройки тракторного завода в Сталинграде, но ничего из этой затеи не вышло. После того, что мы всё в стране национализи-

ровали, Форд, да и другие капиталисты ни в какие концессии с нами не верят. Мы, конечно, покупаем у Форда за валюту автомобили и трактора, но сами делать ничего не можем. Кадров нет. Да и не трактора нам нужны, а танки.

Однако товарищ Бухарин поддержал Микояна, сказал, что с заводом в Сталинграде не вышло, потому что не так договаривались, по дурному — какие к чёрту концессии! Да и свои бюрократы заели. Я думаю, капиталисты рады будут продать нам всё, что только возможно, если почувют, что можно хорошо заработать. Тут главное — надо договариваться по-другому, умнее, на их буржуазном языке. Без всяких концессий, то есть за наличные. Мы заплатили, они продали, деньги получили и все довольны. Язык, который буржуи хорошо понимают — прибыль. А что касается кадров, то миллионов их рабочих не нужно. Пригласим на работу пару тысяч американских спецов, вроде, как варягов, дадим им все условия, чтобы обучили наших рабочих всем премудростям. Много времени это не займёт, от силы пару лет, а там и сами справимся.

— Но с другой стороны, — сам с собой заспорил товарищ Бухарин, — боюсь, нам-то они ничего продавать не будут. Не дураки ведь буржуи, понимают, что тракторный завод можно превратить в танковый всего за неделю. Зачем же им вооружать большевиков — своих заклятых врагов? Себе дороже...

— А ты, Бухарчик, не бойся, — сказал товарищ Сталин, — не бойся, и всё. Вспомни, что по этому поводу говорил Ленин: «Капиталисты готовы продать нам верёвку, на которой мы их повесим». Именно так. Придёт время и повесим, а сейчас эту верёвку надо у них купить. Как думаешь, Серго, кому поручим закупку техники и спецов? Дело тонкое...

— Подходящего кандидата для такого важного дела найти непросто, но непременно найдём, — сказал Орджоникидзе, — главное, чтобы человек этот технически грамотный был, свободно на иностранных языках говорил и для американцев выглядел как бы своим, чтобы верили ему. Непросто такого найти, но поищем. Однако есть куда более сложная проблема — а где деньги взять? Денег-то много надо! Миллиарды долларов. Не думаю, что у Госбанка для этого хватит валюты. Как думаешь, товарищ Пятаков?

— У товарища Пятакова в Госбанке денег — одни пятаки, — пошутил товарищ Сталин, — однако, если денег нет, значит надо их достать, хоть

из-под земли. Когда мы революцию делали, тоже были нужны деньги и мы их всегда получали. Кое-кто нам добровольно давал, а чаще брали силой. И сейчас возьмём. Ясно, что за границей таких денег миром не взять, а силой пока не можем. Значит надо брать здесь. Вопрос только — у кого?

— Давайте действовать как Маркс учил: товар-деньги-товар, — сказал Орджоникидзе, — торговать надо. Мы что-то продали, деньги получили, а на них купим всё, что нам надо. Хорошо бы резко увеличить продажу за валюту наших товаров в Европу и Америку. Проблема, однако, в том, что нам особо и продавать-то нечего. Нету у нас ходового товара.

— А вот в это не могу поверить, — сказал, попыхивая трубкой, товарищ Сталин, — не может быть, чтобы такая огромная страна, как СССР, не имела, что продать. Давайте-ка, подумаем, что им от нас надо? Какой товар их интересует? Что думает товарищ Микоян?

Микоян помедлил малость и ответил (был он тогда наркомом торговли):

— Я вижу только пять товаров, что они охотно купят: прежде всего — золото, потом церковное имущество, ценности из наших музеев, да ещё промышленное сырьё и хлеб. Особенно хлеб. Ничего больше. Золотишко кое-какое в Гохране найдётся, с икон да кадил много денег не набрать, а вот музейные ценности продавать жалко, народное ведь достояние. Сырьё — ну там уголь, лес, цветные металлы — самим позарез нужно, а хлеба вообще еле-еле для себя хватает. Мало пока хлеба даёт деревня. Если хлеб у крестьян отнять — будет голод похлеще, чем в 22-м году на Волге. Да и не отдадут крестьяне хлеб. А силой брать — вымрет деревня. Так что же продавать?

Тут товарищ Сталин улыбнулся:

— Откуда у Анастаса Иваныча эта мелкобуржуазная сентиментальность? Золото и музейные ценности наши никуда не денутся. Сейчас продадим, а придёт время — всё проданное заберём обратно, ещё и приумножим. Природные ресурсы — тоже мера временная, когда будем иметь свою промышленность, продавать перестанем. А сейчас надо добычу сырья резко увеличить. Ну а что касается изъятия хлеба у крестьян, так вы, товарищи, вижу плохо знаете ленинизм. Опять напому слова Владимира Ильича: «Пусть 90% русского народа погибнет, лишь бы 10% дожили до мировой революции.» Так что по поводу голода в деревне не волнуйтесь — это всё издержки большого дела. Вот

мы поручим эту работу товарищу Менжинскому, думаю ОГПУ с важной партийной задачей справится. Подключите к этому делу и товарища Ежова из Наркомата Земледелия — он работник с инициативой. Надо немедленно изъять у народа золото, меха, иконы и прочие ценности, какие ещё остались, а у крестьян — зерно. И не церемониться! Не дадут сами — отнять силой, да примерно наказать, чтобы другим неповадно было. Всё, что реквизируем, сразу продавать! Продавать на Запад за валюту! Так и наберём денег. Как говорил Ильич, цель-то у нас архиважная — мировая революция. Возражения есть? Ну и хорошо, тогда решено. А что касается нашего представителя в Америке для закупок, ты, Серго, пощи. Время не терпит.

* * *

Через несколько дней Орджоникидзе позвонил Сталину и попросил принять его вместе с председателем Амторга Саулом Григорьевичем Броном. Это был коренастый человек лет сорока, с тихим голосом и обходительными манерами. Родом он был из Одессы, сначала учился в Киевском Коммерческом Училище, откуда его погнали за иудейское происхождение и социал-революционную деятельность. Тогда он уехал в Европу, получил блестящее образование в Германии, Франции и Швейцарии. Университет Цюриха присвоил ему степень доктора наук по экономике. Когда Брон вернулся домой, то вскоре стал директором банка по внешней торговле (позже переименованного во Внешторгбанк СССР), в 1926 году короткое время работал заместителем Микояна, наркома внешней и внутренней торговли, а затем в марте 1927 года его послали в Америку руководить Амторгом.

Амторг был основан в 1924 году как частное торговое предпринимательство при прямом участии Джулиуса Хаммера (отца того самого Арманда, который был «другом» Ленина), американского капиталиста, очарованного идеей коммунизма. На самом деле Амторг являлся *de-facto* советским представительством, которое вдобавок ещё и шпионской деятельно-

Саул Брон (с разрешения С.М. Мельниковой-Райч)

стью занималось. В те годы Советы и США ещё не имели дипломатических отношений, и Амторг был единственным звеном, которое связывало СССР с Америкой. Назначение Брона руководителем Амторга было тепло встречено американскими бизнесменами и политиками. Им импонировал этот блестяще образованный, культурный и обходительный господин, так непохожий на образ кровавого большевика, который рисовало воображение по слухам из Совдепии. Брон завязал тесные, даже дружеские, отношения со многими руководителями американского бизнеса, включая Генри Форда, Сэма Кейна (Chase National Bank of New York), Джерарда Свопа (General Electric), и многих других.

Кроме русского, Брон в совершенстве владел английским, французским и немецким языками, был мастер вести переговоры и уже сумел заключить выгодные контракты с Фордом для строительства завода, позже названного ГАЗ, в Нижнем Новгороде и с IGE (International General Electric) для строительства в СССР электростанций по плану ГОЭЛРО.

Сталин принял Брона в своём кабинете. Кроме Орджоникидзе, там были ещё А. И. Рыков, А. И. Микоян, В. И. Межлаук (зам. председателя ВСНХ) и ещё несколько руководителей. После краткого вводного слова товарищ Сталин спросил:

— Товарищ Брон, тут товарищ Орджоникидзе и другие товарищи рекомендуют вас как человека, который может договориться с капиталистами. Надеюсь, вам разъяснили чрезвычайную важность задания? Партия поручает вам дело, от которого зависит будущее не только нашей страны, но и всего Мира. Надеемся, что вы не подведёте. Речь идёт не об одном заводе или одном заказе. Мы хотим в кратчайшие сроки перестроить всю страну. Вы в Америке работаете уже полтора года, есть ли у вас на примете кто-то, с кем мы можем договориться о строительстве у нас тяжёлой промышленности?

— Я думал об этом, товарищ Сталин. У меня вот какое предложение. Есть в Америке, в Детройте, архитектурная компания, владеет которой мой хороший знакомый Альберт Кан. Вот думаю, с него и надо начать...

— Архитектура — это вовсе не то, что нам сейчас нужно. Наша задача куда шире, — сказал Сталин.

— Название обманчивое, это только так называется — архитектурная компания. На самом деле Кан — совершенно уникальная фирма,

которая делает все ступени строительства. Как говорят в Америке, это «всё под одной крышей»: от технического задания, до проекта, до строительства фабрики, включая закупку оборудования и его установку. Они сдают завод «под ключ», то есть готовым к работе. Интересно, что многие американские архитекторы к Кану уважительно не относятся — он мало обращает внимания на архитектурные украшения и эстетику. Для него главное — функциональность и эффективность. Он любит говорить: «функциональность — это король, надёжность — королева, а эстетика — придворный шут».

Все засмеялись, закивали одобрительно, а товарищ Рыков спросил:

— А долго ли занимает проектировка завода и его строительство?

— Именно в этом, товарищ Рыков, и есть главная уникальность фирмы Кана. Разработка проекта занимает всего один месяц, от силы два, в зависимости от сложности. Сразу же начинается строительство и всего через полгода завод вступает в эксплуатацию. Никто в мире даже близко ничего подобного делать не может. Все заводы Форда построил именно Альберт Кан, да и не только Форда. Практически вся автомобильная индустрия Америки, все фабрики, все её промышленные здания, поточные линии, университетский комплекс в Детройте, всё сделано Каном. Он строит не только в Детройте, но и по всей Америке, и во многих других странах. Думаю, никого лучше нам не найти...

— Ну что ж, — резюмировал товарищ Сталин, — тогда начинайте с Кана, но помните — договаривайтесь и с другими, кого найдёте, чтобы этот мистер Кан знал, что на нём свет клином не сошёлся. Кан-каном, но нам ведь не только заводы нужны (заулыбались товарищи сталинскому каламбуру). Для этих заводов оборудование и продукция требуются, уже готовые разработки, гидростанции, генераторы. Нам много чего надо. Вы там сами решайте с товарищами из ВСНХ, но главное помните — короткие сроки и низкая цена. Деньги экономьте. Особое внимание уделяйте тракторам, самолётам, автомобилям, машиностроению, электрификации. Да, вот ещё — самое главное: кадры. В договоре обязательно должно быть оговорено, чтобы их специалисты сюда к нам приехали, всем руководили и обучали наших рабочих. Без этого условия ничего не подписывайте. Есть у вас к нам вопросы, товарищ Брон?

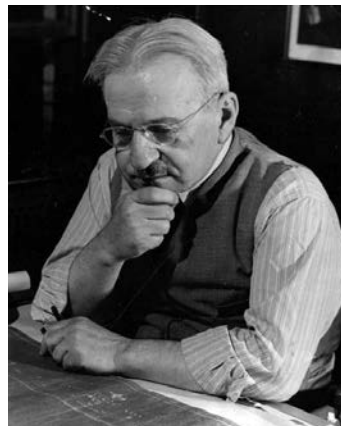
— Мне бы надо знать, какими финансами я могу располагать. Речь ведь может идти о сотнях миллионов долларов и даже миллиардов.

— Вы им дайте понять, что они будут иметь дело с необычным партнёром. Не с какой-то фирмой, как они привыкли. Вы представляете не Амторг, а огромную страну. Скажите им, что нельзя сравнивать финансы одной фирмы и государства. Деньги у нас есть. Мы гарантируем оплату, но, между нами говоря, в разумных пределах, так что деньгами не сорите. Если больше вопросов нет, желаю успеха. Держите лично меня в курсе всех ваших переговоров. Помните, дело это чрезвычайной важности...

* * *

Чтобы наскрести деньги, партия начала ограбление своего народа и неслыханный по масштабам геноцид крестьянства. Между тем, Саул Брон вернулся в Нью Йорк и сразу связался с Альбертом Каном, а затем сел на поезд и поехал к нему в Детройт договариваться. Но сначала расскажу кратко о самом Альберте Кане.

Родился он в 1869 году в немецком городке Rhaunen в многодетной семье раввина. С детства учился играть на рояле и рисовать, хотя был дальтоником и не различал цвета. Спасаясь от антисемитизма, семья сначала перебралась в Люксембург, а в 1880 году эмигрировала в Америку. Отец был вынужден зарабатывать, путешествуя по стране и продавая швейные машины, а сам Альберт, чтобы помочь родителям, в двенадцать лет бросил школу и пошёл зарабатывать. Сначала работал в конюшне и одновременно рассыльным у одного архитектора. Там его долго не продержали, так как хозяину не нравился запах конского навоза, которым была пропитана одежда мальчика. Потом он перешёл в более крупную архитектурную фирму, тоже рассыльным. Вскоре новый хозяин приметил смышлёного парнишку и назначил его чертёжником, а затем проектировщиком. Как-то Альберт послал на архитектурный конкурс свою работу и выиграл. В качестве приза он получил стипендию на годовую учёбу и стажировку в Европе. Вернувшись в Америку, в возрасте 26 лет от открыл в Детройте свою, до сего дня процветающую архитектурную фирму Albert Kahn Associates, Inc.

Альберт Кан

Альберт был невероятно изобретателен. В своих проектах он внедрял новшества, которые позволяли удешевить производство, увеличить эффективность и сократить сроки. Так, он изменил форму железобетонной арматуры, что убрало температурные колебания, увеличило прочность и существенно уменьшило потребление металла. Он придумал строить промышленные здания из стандартных блоков, что не только резко снизило стоимость, но и во много раз ускорило проектировку и строительство. Репутация его быстро росла, клиентами были Форд, Крайслер, Паккард, Джeneral Моторс, Републик Стил и множество других крупных компаний, для которых он строил заводы, поточные линии и разрабатывал технологии. Еженедельный оборот фирмы Кана к 1929 году достиг одного миллиона долларов, что в нынешнем измерении приблизительно 14 миллионов. За все годы он построил примерно 20% всей промышленной инфраструктуры США.

В работе Альберту помогал его брат Морис, на которого он возложил часть забот по получению заказов и контактов с клиентами. Одним из его ближайших друзей, как ни странно, стал Генри Форд — прожжённый антисемит. Видимо, каждому юдофобу нужен свой «хороший» еврей, но, как подметил историк В. Базаров, *«Случай, когда у еврея есть друг — антисемит, я встречаю впервые»*.

Саул Брон приехал в Детройт в середине марта 1929 года. На вокзале его встретил Морис Кан и отвёз в гостиницу, а затем на обед. Туда приехал и Альберт. Брон сказал братьям, что у него есть полномочия разместить в Америке крупные заказы на строительство в СССР сети заводов. Он считает, что фирма Кана могла бы в этом принять участие. Братья обещали подумать и дать свой ответ через три дня.

Когда через три дня Брон появился в кабинете у Альберта, там уже был Морис. Они извинились, что не могут его порадовать положительным ответом. Без обиняков сказали, что по совету Генри (то есть Форда), с которым они это предложение обсудили, с Советами лучше дела не иметь. У Форда уже был опыт, и он предостерегал, что русские — это ненадёжный и нечестный партнёр: слово не держат, с оплатой тянут, квалификации на местах никакой, воруют нещадно, причём на самом высоком уровне — кому нужен такой клиент? Себе дороже...

Брон пустил в ход всё своё искусство убеждения. Сказал, что русский народ так много претерпел за свою историю и сейчас у него есть

шанс встать на ноги, что в еврейской традиции помогать нуждающимся. Сказал, что сейчас ситуация изменилась и Кану будут даны неограниченные полномочия и свобода действия, что правительство окажет всяческую помощь, и прочее, и прочее... А что, если для пробы, сказал он, начать только с одного проекта — со Сталинградского тракторного завода? Мы заплатим вперёд. Мало того, Амторг берёт на себя набор американских специалистов для работы в СССР по контракту, так что Кану в основном придётся иметь дело с американцами. В чём же риск? И главное — это взаимовыгодно, то есть, помогая России, вы помогаете себе.

В конце марта договорились. Адвокаты подготовили контракт на 30 миллионов долларов, и в апреле Альберт и Саул его подписали. Амторг объявил о массовом наборе в Америке инженеров, техников, проектировщиков, технологов. Обещал прекрасную зарплату (75% в долларах и 25% в рублях) и хорошие условия жизни. Брон не знал, что всех американцев, приехавших в СССР на работу, заставляли получать советские паспорта, объясняя это якобы существующим законом для иностранных рабочих. Чем это для них потом обернулось, нетрудно догадаться...

Работы начались немедленно, проект сразу пошёл полным ходом. На американских фирмах были размещены срочные заказы, и уже через шесть месяцев всё оборудование было перевезено в СССР и смонтировано. В октябре 1929 года завод начал производство и не столько тракторов, сколько танков. Разумеется, от Кана этот факт скрыть было нельзя, но глядя с другого континента, он рассуждал, что русским это необходимо для защиты от поднимающегося в Германии нацизма и антисемитизма. О немецком антисемитизме Альберт хорошо помнил ещё с детских лет, а, кроме того, полагал, что русские имеют право на оборону — в Америке уже хорошо была известна книга Гитлера «Mein Kampf», где он говорил о «жизненном пространстве» на востоке и о России, как о «колоссе на глиняных ногах», которого легко сокрушить. Откуда Кану было знать, что не об обороне думал Сталин, а о нападении?

Только-только в Сталинграде пошёл первый завод Кана, как обрушилось всё в мире капитализма — началась Великая Депрессия. Закрывались фабрики, разорялись банки, миллионы людей теряли свои сбережения, средний доход американской семьи упал на 40%,

А. Кан и С. Брон подписывают контракт. 1930 г.
 Сзади по бокам адвокаты, в середине — брат Морис.
 (с разрешения С.М. Мельниковой-Райч)

13 миллионов рабочих потеряли работу, заводы работали по три дня в неделю. В Кремле потирали руки — ветер подул в нашу сторону! Брон получил от Сталина телеграмму «Форсируйте контракты с Каном». Великая Депрессия заставила Кана и других американских бизнесменов быть менее привередливыми — они уже сами звонили и слали

телеграммы Брону с предложениями выгодных контрактов. После Сталинграда ещё один гигантский тракторно-танковый завод стали строить в Челябинске. В феврале 1930 года Брон заключил с Каном небывалый контракт на 2 миллиарда долларов (29 миллиардов в нынешних деньгах), и это только за проектирование и оборудование. Рабочая сила сюда не включалась, да и как оценить стоимость рабочего труда миллионов советских граждан? Кан был назван главным консультантом советского правительства по промышленному строительству.

Десятки тысяч безработных американских инженеров и техников осаждали Амторг в надежде получить работу в России. Были там и идейные коммунисты, которые рвались в СССР «строить коммунизм», но большинство всё же просто хотело работу. Чтобы быть ближе к объектам, в Москве под руководством Мориса открыли филиал фирмы Кана «Госпроектстрой» — в то время крупнейшую проектную фирму в мире. Там работали 25 американских инженеров и более 2.5 тысяч советских. Альберт жаловался на текучесть русских работников — проработав несколько месяцев, они увольнялись, несмотря на хорошую зарплату, а вместо них приходили новые. Не знал он, что это был советский метод обучить как можно больше людей американскому инженерному искусству. Так, через его школу прошли более 4 тысяч советских инженеров, а у них потом учились многие тысячи других по всей стране.

У Альберта возникали периодические трения с советским руководством. Как принято в Америке, он сначала проектировал и строил жилые дома для рабочих, а уж потом заводы. Советским это не понравилось, строительство жилья запретили и велели строить только заводы. Рабочие поживут в бараках да палатках — не велики господа! Так оно и шло — в деревнях вымирали от голода крестьяне, у которых ежедневно отбирали до 1.5 миллионов пудов зерна для продажи в США за валюту, а на стройках в жутких условиях жили и часто умирали рабочие.

Кан не только строил в СССР «социализм», но и был главным координатором всех советских закупок в США. Кроме его фирмы, на СССР работали Форд, Катерпиллер, Остин и десятки других крупнейших американских компаний. Все проекты Кана были типизированы, что давало колоссальную экономию времени и средств. За три года Кан построил в СССР около 570 объектов: танковые, авиастроительные, литейные и автомобильные заводы, кузнечные цеха, прокатные станы, машиностроительные цеха, асбестовую фабрику на Урале — да вообще всё. По американским проектам построили ДнепрогЭС (строила компания Хью Купера), Уралмаш, Уралвагонзавод, Нижне-Новгородский автозавод и сотни других. Иными словами, Кан создал всю советскую военную промышленность, ибо практически каждый «гражданский» завод выпускал военную продукцию. После нападения Германии СССР смог продержаться и выстоять — без мощного индустриального костяка это было бы невозможно. Самовлюблённый Гитлер был в плену у собственных иллюзий десятилетней давности и верил себе, что Россия это всё ещё «колосс на глиняных ногах», хотя ноги у колосса благодаря Кану уже были из стали.

* * *

В 1930 году Сталин перевёл Саула из Нью-Йорка в Лондон и назначил руководителем АРКОСа, торгового представительства в Англии — пусть и английские капиталисты помогают нам строить социализм, и Брон сможет с ними договориться. Брон оправдал надежды и сумел заключить выгодные контракты с рядом английских фирм. В 1932 году Сталин решил сфокусироваться на европейских промышленниках, особенно немецких. Германия только-только начала подниматься после депрессии и была готова работать на СССР за куда меньшую плату, чем американцы. Как всегда, Сталин хотел одним ударом убить двух

зайцев. Помочь себе и помочь Германии. Не исключено, что это было частью далеко идущего сталинского плана по милитаризации Германии и использования её в будущем для захвата Европы.

К этому времени из крестьян выжали всё, что только возможно, и валютные запасы СССР упали до катастрофического уровня. Сталин решил, что американские цены слишком высоки, а кредитов там получить не удавалось, поэтому Амторгу послали приказ не продлевать контракты с Каном и другими американскими компаниями. Брон слал из Лондона Сталину телеграммы и пытался добиться личного разговора, чтобы отговорить от разрыва с Каном, обещал убедить американцев снизить цену и дать кредиты, но всё напрасно. Сталин не любил, когда с ним не соглашались.

Морис и его инженеры вернулись домой в США, но многие тысячи американцев, приехавших по контракту с Амторгом, продолжали работать — они, как я уже писал, формально числились советскими гражданами и их предупредили, что за переписку с родственниками в Америке или контакты с американским посольством они будут арестованы как шпионы. Правительство США на своих граждан махнуло рукой — с дядюшкой Джо, как они называли Сталина, ссориться никто не хотел.

Осенью 1934 года Сталин вызвал к себе нового шефа НКВД и сказал:

— Товарищ Ягода, нам стало известно, что злопыхатели и троцкисты всех мастей распространяют вредные слухи, будто бы не советский народ под руководством партии построил наши заводы и фабрики, а якобы сделали это для нас американские, английские и прочие капиталисты. С распространителями этих порочащих слухов надо нещадно бороться.

Товарищ Ягода взялся за дело засучив рукава, и вскоре практически все инженеры, руководители, техники, каждый, кто прошёл школу Кана, и около десяти тысяч американцев, приехавших в СССР по контракту с Амторгом, были арестованы, многие расстреляны, а остальные отправлены в лагеря. Выжили единицы. Террор набрал особенную силу после убийства Кирова. Сталин не забыл, что Брон с ним не соглашался, и вскоре Саул почувствовал на себе злопамятность вождя — в 1935 году его перевели из наркомата торговли на должность зам. директора издательства ОГИЗ, хотя он пока ещё продолжал жить в правительственном «Доме на Набережной».

Товарищ Орджоникидзе был немало огорчён таким поворотом дел. Он чувствовал, что американские и европейские специалисты, да и сам Саул Брон, заслуживают лучшего отношения. Серго считал их как бы своими подопечными и воспринимал репрессии против них как удар рикошетом по нему самому. Тяжело переживал и даже пытался заступаться — звонил Ягоде и несколько раз говорил об этом со Сталиным, но тот только отшучивался и переводил разговор на другую тему.

В феврале 1937 года товарищ Сталин вызвал к себе нового наркома НКВД Ежова и сказал:

— Товарищ Ежов, меня очень беспокоит здоровье нашего боевого соратника товарища Орджоникидзе. У него совершенно расшатаны нервы. До меня даже дошло, что он подумывает о самоубийстве. Если такая беда случится, то партия будет очень опечалена, но уверен, что справится с этим горем и пойдёт дальше победным путём. Подумайте, товарищ Ежов, как можно помочь товарищу Орджоникидзе.

Товарищ Ежов подумал, после чего не прошло и недели, как товарищ Орджоникидзе неожиданно застрелился. Сталин, как и обещал, действительно был опечален, но продолжал идти победным путём. Товарищ Ежов был вообще очень понятливым работником, поэтому вскоре никого из связанных с американскими проектами в живых не осталось. Саула Брона взяли 25 октября 1937 года, он был обвинён в шпионаже и заговоре против Сталина и после зверских пыток расстрелян в апреле 1938 года. Такова была благодарность вождя тем, кто построил для него «социализм». Счастливым оказался Альберт Кан, поскольку он был вне досягаемости дядюшки Джо и умер в своей постели в 1942 году, успев внести огромный вклад в развитие американской военной промышленности во 2-й Мировой Войне.

Таким образом, первая часть сталинского плана по индустриализации страны была полностью выполнена.

ПРИРУЧЕНИЕ АРМИИ

В далёком году, где-то 1960-м, весенним тёплым днём, когда я пришёл из школы, отец сказал, чтобы я сделал уроки побыстрее, так как вечером к нам придёт необычный гость, приезжает из Харькова на пару дней погостить его дядя Семён Туровский, двоюродный брат моей бабушки Берты.

— Я его ещё по Чернигову помню, — сказал отец, — он потом в Ленинграде и в Киеве жил и к нам часто приезжал, вся его родня ведь там в Чернигове была. Человек он интерес-

С. А. Туровский

ной судьбы, отсидел в лагерях много лет за то, что был каким-то большим военачальником, имел звание комбрига, дружил с Якиром. Будет интересно послушать, что он расскажет.

К приезду гостя мать наготовила разной вкусной еды, испекла торт с клубничным вареньем. Вечером отец поехал на вокзал встречать московский поезд, и вскоре в нашей квартире появился крепкий сухощавый старичок с морщинистым лицом и ясными голубыми глазами. Лысый череп обрамляли

редкие седые волосы. На вид ему было лет под 80, хотя, как он сказал, недавно справил свой 65-й день рождения. Роста он был совсем невысокого, даже мне, подростку, был лишь чуть повыше плеча. Гостя сразу усадили за стол, отец налил ему рюмку водки, которую тот с радостью принял и проглотил без закуски с лёгкостью бывалого мужика. Когда мать положила ему на тарелку плоды своей кулинарии, он тарелку деликатно двумя ладонями отодвинул и сказал:

— Вы уж извините, хозяйюшка, я ничего такого есть не могу. Не привык. А хлеба чёрненького у вас не найдётся?

Подали ему хлеба, он лишь корочку отломил, на крохотные кусочки поделил и медленно один за другим сжевал их своими стальными зубами. Затем очень аккуратно крошки, все до одной, со стола в ладошку смёл и в рот их себе отправил:

— Вот и весь мой обед. Так уж привык с молодых лет. В немалой степени оттого и выжил. У нас ведь как в лагере случалось — экам, кто в теле был, хуже всего приходилось. Они без обильной пищи жить не привыкли, потому страдали сильно, быстро чахли и умирали раньше других. А я всегда ел совсем мало, так что мне лагерная пайка почитай в самый раз была.

Когда дядя Семён с корочкой покончил, мои родители стали спрашивать старика о его жизни. Он охотно нам рассказывал, вертя в руках рюмку, в которую отец периодически подливал. Мне это всё было внове, про лагеря я тогда ничего не знал и жадно ловил каждое

его слово. Из его рассказов я запомнил, что был он зам. командующего округом и близко дружил с командармом Якиром, с которым они вместе воевали ещё в Гражданскую войну. А когда летом 37-го года Якира арестовали и быстро расстреляли, Семён Абрамович тоже оказался за решёткой. Пытали его зверски, как и всех прочих друзей командарма, а потом был короткий «суд». Понимал он, что ничего, кроме как пули, ждать не приходится. Так оно и вышло — приговорили к расстрелу. Но по непонятной причине не расстреляли, а в последний момент заменили расстрел на 10 лет. Отправили в лагеря на север Красноярского края. Впрочем, когда в 47-м году срок кончился, намотали ещё пять лет, а потом ещё пять, и вышел он на волю лишь по амнистии 55-го, так всего 18 лет и получилось. Когда документы на реабилитацию подал, там удивились — он проходил по расстрельным спискам и считался погибшим, пришлось долго доказывать, что живой. После реабилитации уехал в Харьков. В прежней квартире другие люди жили, но ему одному много и не надо, рад был, когда дали комнатёнку в коммуналке. Там он и поселился доживать свой век.

До позднего вечера рассказывал он удивительные лагерные истории, которые я, к сожалению, основательно позабыл, но вот что хорошо запомнил, так это свой вопрос:

— А скажите, дядя Семён, зачем Сталин уничтожил Якира, Тухачевского и всех прочих командиров? Тогда ведь всё время говорили о фашистах, которые хотели напасть на СССР, так зачем же было уничтожать всех военачальников перед войной? Я читал, что их обвиняли в шпионаже и заговоре убить Сталина, а теперь всех, вот как вас, реабилитировали. Всё это оказалось неправдой. Непонятно тогда, зачем их убили?

Старик помолчал, потом рюмку от себя отодвинул и сказал:

— Дело тут тёмное, и всей правды вряд ли кто знает. А если знает — не скоро скажет. Я знаю только маленький кусочек той правды. Вот слушай. Это было в конце апреля того самого 37-го года, я тогда бы заместителем командующего Киевским округом. Зашёл в кабинет Ионы, то есть Якира — мне надо было согласовать с ним приказ войскам по случаю Первомайского праздника. В приказе были обычные для такого случая слова, не помню точно, но вроде: «Под знаменем Ленина, под мудрым руководством великого Сталина...» Якир это прочитал, потом ручку в чернильницу обмакнул и, к моему изумлению, слова про Сталина вычеркнул. Увидел мою растерянность, накло-

нился к моему уху и тихо сказал: «Никакого Сталина скоро не будет. Нашлись старые документы, из которых видно, что, оказывается, был он ещё до революции предателем и провокатором. Понятно теперь, почему все эти годы он уничтожает старых большевиков? Боится, что правда о нём всплывёт. Руководство армии решило его сместить и предать суду». Тут Иона достал из сейфа два больших фотоснимка и показал мне копии каких-то страниц. Я смотреть не стал, только дух перевёл и говорю: «Ты что, Ёня, с ума сошёл? (Друзья его Ёней звали). Что значит «руководство решило»? Какое такое это «руководство»? Ты понимать должен, если про этот секрет знают хоть только два человека, Усатый об этом сразу же пронюхает и всем нам будет каюк. И потом, вот эти копии — кто их снимал, кто печатал? Разве можно фотографу такое доверять? Если эти бумаги верные, что тут решать? Зачем суд? Надо его немедленно взять и сразу уничтожить!» А Ёня мне отвечает: «Нет, Семён, у нас всё должно быть по закону, через честный суд. Не так, как у него. Иначе мы себя замараем, если будем действовать его методами.» Я разозлился и говорю: «Ну так чистенькие под расстрел пойдёте!». Так оно и случилось.

* * *

Новый 1933 год товарищ Сталин встречал на даче в кругу друзей-соратников. Гостей развлекал его личный охранник и шут Карл Паукер — большого таланта пройдоха! За столом сидели Орджоникидзе, Калинин, Молотов, Косиор, Енукидзе, ещё с десятка соратников. Звал приехать Кирова, но тот сослался на то, будто обещал Новый Год встречать с ленинградскими товарищами. Пренебрёг, подлец. Какие-то «товарищи» ему важнее Сталина! Что он там с ними замышляет? Вон Косиор, только намекнули ему, вмиг из Киева примчался, хотя дел у него на Украине с раскулачиванием — выше головы. Впрочем, поди знай, что у него в этой лысой голове варится? В тихом омуте...

Женщин было мало — только Молотов, Куйбышев и Каганович с жёнами пришли. В первый раз за последние годы товарищ Сталин был один. Чуть больше месяца, как похоронил Надю. Конечно, сама виновата — нечего было у мужа под ногами путаться. Не могла своим бабьим умом понять размах его дела, всё время норовила влезать со своей жалостью. В заступницу играла. Вот и доигралась. Ну, ладно, что было, то прошло. Теперь нужно не оглядываться, а вперёд смотреть.

Пили много, ели вдоволь, веселились. Карл рассказывал еврейские анекдоты, все хохотали, украдкой поглядывая на Сталина. А он только в усы усмехался да соратников оценивающе рассматривал. «Ну и публика, — думал он, — один гаже другого». Особенно противен был его землячок и «друг» семьи Авель Енукидзе, старый развратник — большой любитель малолетних девочек. Ну так и охотился бы за ними, кто мешает? Но нет, давно уж знал товарищ Сталин, что старый сластолюбец плетёт против него интриги, с военными стоваривается, ждёт удобного момента. Но не дождётся. Ты, Авель, думаешь, что хитрый, а есть кое-кто похитрее тебя. Погоди, придёт час, и товарищ Сталин обернётся Каином для дурака Авеля. Впрочем, остальные гости дорогие тоже только вид подают, что любят товарища Сталина. Лицемеры!

Нет, пожар мировой войны с такими не разжечь. Они не только путаются под ногами, но вообще всё дело могут развалить. Каждый себя умником считает, со своими идеями и сомнениями лезет, в независимость играет. Тот же Бухарчик. Поди-ка, накинь на такого уздечку! От них лишь вред один. Да и знают они из прошлого слишком много такого, что знать не следует. Всякое ведь было в прошлом...

Именно это прошлое и было самым опасным для товарища Сталина. На каждый роток не накинешь платок. Куда надёжнее такой роток землёй засыпать. Уж сколько сил было положено, чтобы историю партии и революции народ видел по-сталински, а эти лезут с дурацкими воспоминаниями. *Правда*, видишь ли, им важна. Не могут или не хотят понять, что *правда* — она не сама по себе *правда*, а лишь такая, как на неё посмотреть, как осветить. Она ведь как белый шар. Посвети на него синим лучом, он синий. Посвети зелёным, будет он зелёный. А вот эти твердолобые думают, что свет всегда должен быть красный. Ну нет, его *правда* будет такого цвета, какой всего удобнее товарищу Сталину. И цвет этот серый.

Вместо этих твердолобых куда надёжнее была бы молодая поросль, выдвиженцы. Те, кто памяти не имеют, кто в товарище Сталине не соперника, а бога будут видеть, знать лишь то, чему их товарищ Сталин научит, туда пойдут, куда он укажет и вопросов задавать не станут.

А коли нет смысла вот на эту свору уздечку накидывать, придётся накинуть петлю. Эта мысль товарищу Сталину очень даже понравилась. С петлёй он больших проблем не предвидел — соратники дорогие не только с песнями на эшафот пойдут, но и сами себе петли на

шеи наденут. Впрочем, петля — это уж слишком романтично. Сгодится и пуля.

Но есть проблема посложнее — а с армией что делать? Вояки — те всё же покрепче будут. На них уздечку надо накидывать не вдруг, а осторожнее, чтобы не спугнуть раньше времени. Они с песнями на эшафот не пойдут! Да, с военными проблем выше головы, — озабоченно думал товарищ Сталин. — Это ведь не тяжёлая индустрия, которую из Америки привезли. Другую армию за границей не купишь, придётся переделывать то, что есть.

Только что это за армия! Солдатня — доходяги деревенские, ни роста, ни силы, ни грамотности. Срам один. Чуть вожжи отпусти — разбегутся по своим сёлам, да ещё злобу затаят за уморенных родителей. Не армия, а сброд какой-то. Чтобы эту солдатню держать в узде, нужны командиры такой же крестьянской закваски, а не те «аристократы», которые сейчас армией командуют. После гражданской каждый из них себя полководцем мнит и в товарище Сталине военного лидера не ценит. Взять хоть этого бездаря Тухачевского, который из себя Наполеона строит, с Авелем сговаривается. По сводкам ОГПУ, единственное, что этот грамотей читает — книги про Бонапарта. Думает, если Наполеон из капралов в императоры вышел, так и он, бывший подпоручик, императором станет. На место товарища Сталина метит, подлец! Мужиков газами травить — это он может, а ни единого настоящего сражения выиграть не сумел. Одна польская кампания чего стоит! Да ещё на других вину сваливает, даже на товарища Сталина наговаривает... Ну ничего, придёт и его час поплакать...

Да разве один Тухачевский! Из командиров кого не возьми — каждый свою линию гнёт. Вот и Якир в Киеве окопался. Что он там замышляет? Хотел его товарищ Сталин перевести в Москву, в Генштаб, чтобы на виду был, так — нет, заартачился, «не поеду», говорит. Каждый сам по себе норовит. Только и ждут момента, чтобы товарища Сталина скинуть. Сначала с Троцким снюхивались, а когда его не стало, всё равно не утихают... Всех, всех их — с дороги прочь, объявить врагами народа и шпионами, а на их места набрать молодых, кто умом попроще да понаивнее, но послушнее и поретивее. Вон военные академии — сколько молодых командиров каждый год выпускают, неужто не найдём там нужных людей на смену?

Пока у себя в доме порядок не наведён, нечего и думать о мировой войне! Начнём с гражданских сорняков, а когда народ попривыкнет

к внутренним врагам в стране, возьмёмся и за военных. Большая прополка нужна!

* * *

— Лилечка, ты нам что-нибудь приготовь на стол, закуску там поинтереснее, ну сама знаешь. У меня сегодня вечером дома будут важные гости. Обслугу отпусти часов в пять, а сама можешь к своим друзьям пойти или в кино. У нас разговор будет по службе, тебе неинтересно, — так по телефону сказал своей жене заместитель командующего Ленинградским военным округом комкор Виталий Маркович Примаков.

Лиля Юрьевна Брик всё сделала, как муж просил, и уже выходя из подъезда дома на Рылеева 11, увидела, что почти одновременно подкатили три машины. Из одной вышел невысокой человек с усиками, как у Гитлера. Она его раньше видела только на портретах — генеральный комиссар госбезопасности Ягода. В руке он держал портфель. Из другой машины вышел друг семьи и сослуживец её мужа комкор Путьна, который лишь недавно вернулся из Лондона, где служил военным атташе. Третья машина с охраной остановилась через дорогу. Ягода, не глядя на Лилю, прошёл в подъезд, Путьна козырнул ей, голову по благородному склонил в приветствии и тоже зашёл. Охрана осталась на улице.

Лиля Юрьевна дошла до перекрёстка, завернула за угол, оглянулась по сторонам, не видит ли кто? Зашла в телефонную будку и набрала номер своего куратора из того самого ведомства, которым командовал московский гость, с усиками, как у Гитлера.

После краткого приветствия Примаков сказал:

— Добро пожаловать в Ленинград, Генрих Григорьевич, рад видеть вас у себя дома. Чему обязан такой чести? Как вы просили, я Витовта Казимировича тоже пригласил.

— Обойдёмся без длинных предисловий, — сказал Ягода, — я решил, что вы двое — самые подходящие люди в командовании РККА, с кем я могу говорить. Да и в Ленинграде как-то спокойнее нам встретиться, чем в Москве. Предупреждаю: до поры до времени — всё строго между нами, а дальше, если сочтёте нужным, решайте, кто ещё может быть посвящён. Моё имя прошу нигде не упоминать. Я распорядился на сегодня с вашей квартиры прослушку снять, так что можем говорить свободно. Речь пойдёт об Усатом.

Долгие годы я делал за него грязные дела, признаюсь в этом. Почему сегодня решил вам об этом сказать? — сейчас поймёте, да и не во мне тут дело. Он затеял грандиозную чистку всего руководства страной, полетят многие головы. Буквально. Впрочем, уже началось, вы и сами видите. Каждый, кто про него знает что-то тёмное, не выживет. Я, например, знаю слишком много, так что у меня на этот счёт иллюзий нет. Вырезать будет без жалости, по-восточному до третьего колена, и число таким — легион. Это и вас лично касается, и ваших семей тоже. Мы этим знанием все повязаны, а потому надо действовать вместе и от Усатого избавляться самым решительным и быстрым образом. Но без поддержки РККА одно моё ведомство не справится, слишком наспиговано его агентами и мне там говорить об этом не с кем.

— Если я вас правильно понял, вы, Генрих Григорьевич, предлагаете организовать покушение на главу государства? — после долгой паузы тихо спросил хозяин дома.

— Называйте как хотите. Только я на это смотрю по-другому, как на спасение страны и старой гвардии от уничтожения. Дело не в ярлыке, а в сути. Если его сейчас не убрать, погибнут тысячи. Мы все знаем про Усатого много нелестного, но то, что оказалось в моих руках — бесспорное доказательство того, что он убийца, провокатор и предатель партии, пробравшийся на вершину власти.

Ягода вынул из портфеля синюю папку, развязал тесёмки и достал верхний листок.

— Я вам только самое интересное покажу и расскажу. Вот, к примеру, отчёт заведующего Особым отделом департамента полиции Ерёмкина от июля 1913 года. Он тут пишет: «...В 1908 году Джугашвили становится агентом Петербургского Охранного Отделения». То есть он на Охранку работал почти 10 лет до революции. Или вот любопытствуйте — подлинник доноса Кобы, датированный июнем 1912 года о положении дел в партии. Здесь имена всех наших выдающихся большевиков, адреса, планы их поездок, встреч, записи разговоров. Вот расписки за деньги, что ему платили в Охранке. Вот его подписи. По этим доносам многие революционеры на каторгу и в ссылку пошли. Здесь масса таких документов, что волосы на голове дыбом встают. Усатый про эти документы знает и за ними давно охотится, но пока безуспешно. Всех, кто эти бумаги видел, или хотя бы слышал о них, он систематически убивал. Не лично, конечно, он ведь трус. Мокрые

дела делает чужими руками, а потом исполнителей уничтожает, тоже через других, разумеется.

Ещё факты нужны? Могу рассказать про то, как убили Фрунзе и Кирова. А может вам интересно знать, как на самом деле Ленин умер? Вот послушайте. В декабре 23-года Троцкий заболел какой-то таинственной болезнью, а я прекрасно знаю, что это за «болезнь» такая, сам к ней руку приложил по приказу Кобы. При ОГПУ я организовал секретную лабораторию ядов, и у нас были новые препараты для разных целей. Коба мне передавал приказы через Дзержинского, моего начальника: на ком яды применять. Когда Лев Давыдович с моей помощью заболел, врачи по настоянию Усатого отправили его лечиться на Кавказ, это Кобе важно было, чтобы Льва не было в Москве. Как Троцкий уехал, он меня вызвал и велел, чтобы я приготовил яд, который убивает не сразу, а за несколько дней. Сказал, что это просьба Ленина, который хочет его иметь при себе, если будет сильно страдать. Я принёс ему флакон, хотя мне было странно, почему для такой цели яд должен быть медленный? 21 января Ленину неожиданно стало совсем плохо, он позвал своего повара Гаврилу Волкова. Говорить он не мог и левой рукой написал: *«Гаврилушка, меня отравили, найди Надю, скажи Троцкому, скажи всем»*. И после этого умер. Вот она, эта записка, можете посмотреть. Я тогда по всему понял, что это был тот яд, который я дал Кобе, только Ленин его не по своей воле принял.

Путна и Примаков с ужасом смотрели на Ягоду, а он продолжал спокойным голосом:

— Если вам мало, вот ещё такой случай. Усатый вначале дружил с Дзержинским, который ему передавал архивные документы на членов партии. Коба их собирал, чтобы шантажировать партийцев и держать их на коротком поводке. До революции ведь не только он на Охранку работал, некоторые наши руководители тоже этим замараны, например, Калинин. Кстати, товарищ Примаков, ваш покровитель маршал Ворошилов тоже доносы в Охранку писал. Усатый про это знает и потому Клима в узде держит. Но вернёмся к этим документам. Их нашли наши работники при разборе архива Охранки и 18 июля 26-го года доставили Дзержинскому, но Сталин как-то про документы узнал, у него везде свои осведомители. Феликс Эдмундович читал эти бумаги всю ночь, от них в ужас пришёл, а потом спрятал их и поехал на Пленум. Он там выступал, ужасно нервничал, путался

в словах, говорил странности, что-то нёс про Охранку и её агентов, и Усатый сразу понял, что его так взволновало. Там же на трибуне по указанию Кобы Дзержинскому дали яд в стакане воды, и он прямо на Пленуме умер. Коба запретил делать вскрытие, боялся, что яд найдут, и труп сразу кремировали. Я много таких историй могу вам рассказать. Почему думаете он особенно здесь, в Ленинграде, столько людей уничтожил? Знали много.

— А как эти документы к вам попали? — хриплым голосом спросил Путьна.

— Я их нашёл в сейфе у покойного Менжинского, когда разбирал его бумаги. А как они к нему попали? Видимо, от Феликса Эдмундовича, кто сейчас может точно знать? Два года я их держал, не знал, что с ними делать. Но сейчас понял, что их надо использовать, чтобы Усатого убрать и показать стране, кто он был в действительности.

* * *

Поначалу у товарища Сталина всё складывалось удачно — почти вся реальная оппозиция была стёрта в пыль и зарыта на кладбище Донского монастыря. Кое-кто пока остался из прежних «соратников», но скоро их тоже пропустим через показательные процессы, а затем туда же, в «монастырь». Промышленность работает в полную мощь, даёт армии новейшее оружие, международная обстановка стабилизировалась. Гражданская война в Испании — не в счёт. Так, проба пера, прощупывание будущих противников и союзников. Пришла пора расчищать авгиевы конюшни у себя дома и готовить страну и армию к Великой Войне.

Работал вождь напряжённо — это ведь сколько показательных процессов надо подготовить, всё и всех увязать, решить кого раньше, кого позже. Кто судьями будет? Продумать, как кого и где брать, чтобы сопротивления не было, кому сразу высшую меру, кому пока отложить. Что с родственниками делать? Кадры на замену подобрать. Уйма работы! И никому ведь не доверишь, всё сам. Сам должен продумать и сам организовать. Адов труд и ведь никто спасибо не скажет...

Неожиданно навалилась беда — от своего агента в НКВД получил сигнал, что Ягода спутался с Путьной и Примаковым. Встреча у них была не в Наркомате, а поехал он к ним в Ленинград, имея при себе какие-то документы. О чём они там говорили, агент не знал. И что за документы он повёз? Не те ли самые? Хорош Ягода! Ну и подлец —

всем обязан товарищу Сталину, а чуть-что не так, готов нож в спину воткнуть!

Действовать надо было быстро, Путну и Примакова пришлось сразу арестовать. Очень нравилось товарищу Сталину расправляться с противниками руками их друзей, так что сначала работу эту он поручил тому же Ягоде и его подручным. А как только посыпались зубы комкоров-заговорщиков, написал товарищ Сталин записку Ягоде, где просил его об одолжении, возглавить наркомат связи — запущенное ведомство, которое только такой талант, как Ягода, и сможет вытащить из болота. А на его место главой НКВД в тот же день назначил карлика Ежова, инициативного работника. Вот уж у кого действительно был наполеоновский комплекс! Впрочем, в его работе это даже полезно.

Путна и Примаков пока признаваться не хотели и никаких имён не называли. Твёрдые оказались орешки, и товарищ Ежов, бедняга, с ними совсем умаялся. Поэтому решил товарищ Сталин с арестом Ягоды пока повременить — надо выяснить, кто ещё в их сговоре замешан? Пусть пока перетопчется в Наркомате связи, там от него вреда большого не будет.

* * *

Коротко звякнул телефон, Сталин поднял трубку, услышал голос Поскрёбышева:

— Товарищ Канделаки прибыл.

— Пусть зайдёт.

В кабинет вошёл высокий сухощавый человек лет под пятьдесят, в элегантном синем костюме европейского покроя. Сталин вышел из-за стола, протянул руку и сказал по-грузински:

— Здравствуй, Давид, давно не виделись. Как жена? А Тамара, наверное, уже совсем взрослая, не скучает без тебя?

— Здравствуй, Сосо, всё прекрасно, живут хорошо. Как ты?

— В газетах пишут, что товарищ Сталин на боевом посту, — пошутил вождь, — давай сразу к делу. Ты когда из Берлина? Рассказывай. Все детали. Самого видел?

— Сегодня утренним поездом вернулся. Несколько раз там встречался с Шахтом, обсуждали всякие торговые дела. Просил его, чтобы он меня Гитлеру представил. Шахт долго отнекивался, говорил, что это слишком сложно, но когда я ему сказал, что имею от тебя личное послание фюреру, он обещал.

— В посольстве об этом знают? Сүрицу говорил?

— Нет, что ты! Никто не знает, даже посол. На следующий день Шахт мне позвонил и сказал, что фюрер меня в тот же день примет. Я приехал в канцелярию один. Там служба охраны серьёзная, почти как у тебя. Меня долго проверяли, обыскивали, пока пустили.

— Кто там ещё был при разговоре?

— Только его переводчик Шмидт. Я как вошёл, поздоровался и сразу сказал Гитлеру, что послание от тебя только для его ушей. Он тогда стенографистку и секретаря выгнал, и мы остались втроём. Гитлер был очень любезен, подробно интересовался тобой, говорил, что из всех лидеров он только тебя по-настоящему уважает, ценит и даже считает своим учителем. Спросил — послание от тебя в письменном виде или устное? Я ответил, что это совершенно конфиденциально и бумаге доверять такое не стоит. Добавил, как ты велел, что ты его тоже очень высоко ценишь и считаешь своим партнёром. Но это надо держать в совершенном секрете и внешне показывать подозрительность и противостояние, тогда легче будет водить за нос англичан, американцев и всех прочих. Передал ему, что от нас он может получать в любом количестве сырьё, хлеб, всё, что надо, а взамен мы хотим разместить в Германии военные заказы и получить образцы новой военной техники. Добавил, как ты велел, что предлагаем тесную кооперацию между спецслужбами Германии и НКВД. Ну и, разумеется, передал твои предложения по разделению сфер влияния в восточной и северной Европе. Что ему отойдёт, что нам, всё как ты мне говорил. Отдельно про Польшу сказал, что хорошо бы её, как государство, ликвидировать.

— А он что-то просил от нас?

— Гитлер просил помощь в борьбе с германской оппозицией, особенно с теми политэмигрантами, кто сейчас укрывается в СССР. Я ответил, что этот вопрос ты рассмотришь. Кроме того, он сказал, что его беспокоит антифашистская деятельность Коминтерна в Европе и просил снизить её активность.

— Про документы ты ему сказал?

— Когда я увидел, что он очень доброжелательно отнесся ко всем твоим предложениям, попросил о личном тебе одолжении. Сказал, что против тебя есть в СССР сильная оппозиция, особенно со стороны военных, которые рвутся воевать с Германией и плетут против тебя заговоры. Ты их пока сдерживаешь, но решать эту проблему надо

радикально и быстро. Сказал, что хорошо бы получить из Германии, непрямым путём, разумеется, документы о работе некоторых советских командиров на германскую разведку. Гитлер даже в ладоши хлопнул от удовольствия и сказал, что прекрасно тебя понимает и всё сделает самым скорым образом. Я продиктовал ему имена, на кого подготовить документы, переводчик записал. Потом Гитлер меня обедом угостил и лично проводил до машины. Велел передавать тебе привет.

* * *

Автомобиль, в котором ехал Тухачевский, свернул с Ильинского шоссе и по аллее, сверкающей на солнце весенней листвой, покатил к дому отдыха наркомата обороны «Архангельское». Остановились у подъезда усадьбы, с крыльца сбежал адъютант, козырнул, открыл дверцу и сказал:

— Товарищ маршал, гости в сборе, ждут вас. Обед накрыт в большой гостиной.

— Нет, Коля, ты вот что, распорядись, чтобы стол накрыли в Чайном Домике, пусть сейчас туда всё перенесут, там нам будет поуютнее. Да скажи, чтобы камин разожгли, а то что-то зябко сегодня, холодный апрель в этом году. Проследи, чтобы к домику никто не подходил, даже охрана. Обслужу удали, как всё приготовят.

За столом расселись девять человек — маршалы, командующие округами. Был там и Петерсон, бывший комендант Кремля, а ныне заместитель Якира. Выпили по первой рюмке, закусили наскоро, и Тухачевский начал так:

— Решил собрать вас всех тут на природе, подальше от чужих глаз и ушей. Дело срочное и жизненно важное. Всё, о чём здесь пойдёт речь — строжайший секрет. Не обсуждать это абсолютно ни с кем и записей не делать. По приказу Усатого идут повальные аресты и показательные процессы против «троцкистов». Ещё прошлым августом были арестованы Путьна и Примаков, и это только начало. Скоро станут брать весь командный состав РККА и флота, это ясно. Мы все, каждый из нас под прицелом. Потому перед нами вопрос стоит ребром — кто кого раньше скрутит, он нас или мы его? — помолчал и добавил: — Если у кого есть иное мнение, прошу высказаться сейчас.

Тухачевский внимательно оглядел присутствующих. Все сидели молча, не глядя друг на друга. Наконец маршал Егоров спросил:

— Михаил Николаевич, не крути, говори прямо. Ты что же, хочешь устроить государственный переворот?

— Никто не собирается устраивать никакой переворот. Как раз наоборот — надо переворот остановить. Во главе государства встал провокатор, предатель и убийца. Он ведёт страну к катастрофе и уничтожает ветеранов революции. Сейчас он взялся за РККА и её командиров. Полагаю, это наш долг очистить партию от врага, спасти страну, да и самих себя. Какой же это переворот?

— Да как мы можем без каких-либо серьёзных оснований убрать главу государства? — протирая пенсне, сказал командарм Уборевич, — вы вот говорите, что он провокатор, но это голые слова. Что мы народу скажем? Нужны доказательства...

— Вам доказательства нужны? Извольте. Их с избытком. Я получил, неважно от кого, эти фотокопии, — маршал пустил по кругу фотографические листы, — в них документы о преступной деятельности Усатого. Этого с лихвой хватит, чтобы народу объяснить.

— Ну, если так, значит надо его арестовать, материалы опубликовать и провести открытый суд, — сказал командарм Якир.

— Какой суд, Иона! — в негодовании воскликнул Тухачевский, — Ты что, не знаешь его? Он нас всех вокруг пальца обведёт и — пулю в затылок. Его надо арестовать и сразу уничтожить, а потом объясним народу, почему.

Вот примерно в таком духе спорили командиры. В делах военных они, думаю, разбирались весьма неплохо, многие из них учились в своё время в военной академии Германии. Но вот в вопросах политики и дворцовых интригах были они не на высоте. Слишком по-военному прямолинейны — вот чёрное, вот белое. А в интригах оттенки важны. Сначала решили было арестовать Сталина прямо на Первомайском параде. Думали, что так будет проще оцепить Кремль, не вызывая больших подозрений. Потом засомневались, успеют ли всё организовать — времени маловато на подготовку, да и Тухачевский в те самые дни должен был лететь в Англию в командировку. Как без него? Решили арест Сталина пока отложить.

А вот товарищ Сталин важных дел не откладывал и ухо держал остро. Официант, работавший в «Архангельском», сообщил о секретном совещании высшего военного командования. А потом один из участников совещания сам попросился на приём к Сталину и расска-

зал о заговоре. Доносчика, разумеется, пришлось немедленно перевести на службу в дальний округ и там тихо ликвидировать. А тут как раз доставили из Германии долгожданный компромат. Сработано было всё замечательно, любо-дорого посмотреть, комар носу не подточит. Вот что значит профессионалы!

Товарищ Сталин был предусмотрительный, после каждого важного дела — обязательно концы в воду, чтобы потом всё шито-крыто. Поэтому он вызвал товарища Ежова и сказал:

— Наш торговый представитель в Германии некто Канделаки спутался с немецкими фашистами, стал продавать наши секреты. Его надо немедленно отозвать и арестовать. И шпиона Ягоду арестовать, хватит ему прохладиться в наркомате связи.

Товарищ Ежов чудно себя проявил на раскулачивании, не миндальничал с мужиками, основательно прополол деревню. Вот пусть теперь из Ягоды сок выжмет.

Ну а что касается заговорщиков-командиров — тут надо поосторожнее. Это народ ушлый и решительный. Сначала всех друг от друга отделить, раскидать по разным округам и брать не сразу, а с хитрецей. Не дома и не на службе, лучше всего на природе или в поезде, скажем, по дороге на новое назначение или на дачу. 14 мая 1937 года и началось — почти всех удалось взять живыми. Правда некоторые, вроде Гамарника, обманули товарища Сталина, увильнули от ареста — сами застрелились. Однако вычистили всех и на всех уровнях — от лейтенантов до маршалов. Так что и года на прошло, как почти никого из них в живых не осталось и образовались в Красной армии и на флоте многие тысячи вакансий. Их и заполнила молодёжь — выпускники военных академий и училищ, партийные выдвиженцы с самых низов. Те, кто и мечтать не мог о скором продвижении по службе, а тут — отец родной товарищ Сталин заботу проявил, места освободил и себе под крыло взял. Да они за него жизни не пожалеют, что прикажет, то и исполнят!

Вот с такой послушной армией начинать «Мировую Революцию» — залог успеха. Так и приручил товарищ Сталин свою армию перед Большой Войной.

* * *

За день до самоубийства в апреле 1945 года Гитлер дал последнее интервью швейцарскому журналисту Курту Шпейделю. В частности,

фюрер сказал: «...вермахт просто предал меня, я гибну от руки собственных генералов. Сталин совершил гениальный поступок, устроив чистку в Красной Армии и избавившись от прогнившей аристократии...»

Наверное, ему было виднее, всё же были они со Сталиным родственные души...

ОБ АВТОРЕ

Яков Фрейдin до эмиграции жил в Свердловске. Он — кандидат технических наук, работал в НИИ и одновременно кинокорреспондентом на ТВ.

В США с 1977 года. Был исследователем в CWRU (университет в Кливленде) и ряде американских фирм, основал 4 компании и преподавал в Калифорнийском Университете. Автор более 90 научных статей, 60 изобретений и популярного учебника по датчикам. Автор книги (по-английски) «Приключения изобретателя — *Adventures of an Inventor*». Публикует рассказы в русскоязычных изданиях и на интернет-порталах в Америке, Западной Европе, Австралии и России.

В 2017 году в издательстве *Hurtigane Books* выпустил на русском языке книгу «Степени приближения» (Невыдуманные истории). В том же году журнал «Чайка», выходящий в США в электронном варианте, назвал Якова Фрейдина лауреатом как самого читаемого автора.

В августе 2021-го в издательстве *Franc Tireur* (Нью-Йорк) вышла новая книга Якова Фрейдина «Работа дьявола и другие занимательные истории».

Постоянный автор журнала «Времена». Живёт в Южной Калифорнии.

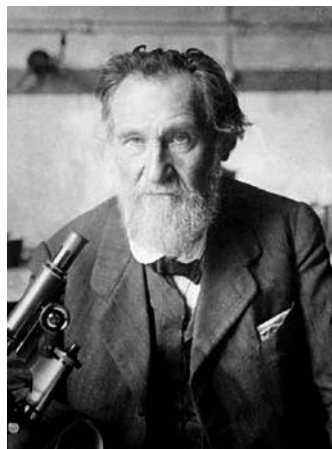
Вебсайт автора: www.fraden.com

Семён РЕЗНИК МЕЧНИКОВ

ГЛАВА ИЗ КНИГИ

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Имя Ильи Ильича Мечникова навеки вписано в анналы мировой науки и медицины. Создатель фагоцитарной теории иммунитета, Мечников стоял у истоков научной иммунологии, бактериологии, эпидемиологии. Благодаря научным достижениям Мечникова, таких его современников, как Луи Пастер, Роберт Кох, а также их учеников и последователей, были побеждены многие заразные болезни, уносившие тысячи и миллионы человеческих жизней. При этом ученым приходилось бороться не только с вредоносными микробами, но и с темнотой и невежеством масс, косностью бюрократов, нападками прессы, скептицизмом некоторых коллег и чиновников от науки. Борьба шла с переменным успехом, продолжается она и сейчас. На смену побежденным инфекциям приходят новые. Насколько борьба с ними остра сегодня, жестко напомнила пандемия Ковид-19, которая уже унесла миллионы жизней, парализовала экономику ведущих стран мира, посадила на карантин все человечество.

В московском издательстве «Вест-Консалтинг» подготовлено второе издание книги Семёна Резника «Мечников». Предлагаем читателям главу из этой книги.

Для того, чтобы хотя бы в общих чертах представлять себе, что происходит на полях сражений мировой науки против эпидемий, надо знать, как, кем и с чего она начиналась. Хотя главный персонаж этой книги — Илья Ильич Мечников, на ее страницах читатель встретится и с другими учеными, чьими силами была начата борьба со смертоносными инфекциями: с Луи Пастером и Робертом Кохом, Эмилем Ру и Н. Ф. Гамалеей, нобелевским со-лауреатом Мечникова Паулем Эрлихом и рядом других.

Мое жизнеописание И. И. Мечникова (1845–1916) вышло в свет в серии ЖЗЛ в 1973 году. Это была моя вторая книга. Первой была научно-художественная биография другого великого ученого — ботаника, генетика, растениевода Николая Ивановича Вавилова (1887–1943). Свой классический труд «Иммунитет растений к инфекционным заболеваниям» (1919) Вавилов посвятил памяти И. И. Мечникова, чьи работы оказали на него большое влияние.

В работе над книгой мне очень помогла развернутая в последние сталинские годы кампания «борьбы за русский приоритет». Тогда были наворожены авгиевы конюшни лжи. Надо было утереть нос Западу и доказать, что все крупнейшие открытия и изобретения сделаны в России, русскими самородками. Основателем всех наук стал Михайло Ломоносов. Радио изобрел А. С. Попов, а не Г. Маркони, первый самолет построил А. Ф. Можайский, а не братья Райт, электролампочку — А. Н. Лодыгин, а не Томас Эдисон, и так далее. Сотни «спецов» выступали с лекциями и докладами, защищали диссертации, публиковали статьи и книги, в которых была густо перемешана с небывицами. Но под этим «зонтиком» было сделано и немало полезного. Так, было издано «Собрание сочинений» И. И. Мечникова в 16-ти томах. Сотни работ, публиковавшихся в свое время в малодоступных научных изданиях на разных языках, были собраны вместе, систематизированы, переведены, прокомментированы.

Правда, и с такими томами работать в библиотеках было непросто. На дом они не выдавались. Копировальной техники не было, или она была недоступна. Приходилось часами сидеть, не разгибаясь, и заполнять выписками толстые тетради, зная, что в дело потом пойдет, может быть, пять-десять процентов. Я готов был заплатить любые деньги за эти тома, рыскал по букинистическим магазинам, но их нигде не было.

Однако ищущий да обрящет.

Через какое-то время я наткнулся на один том — в очень хорошем состоянии: твердый кожаный переплет, суперобложка, почти как новый. Года за полтора-два я набрал 14 томов, что значительно ускорило работу над книгой. Двух томов так и не смог раздобыть. В них были важнейшие философские труды Мечникова: «Этюды о природе человека» и «Этюды оптимизма». Но эти два тома мне были не очень нужны: оба труда издавались много раз и были у меня в других изданиях.

Особый интерес для меня представляли первые издания этих двух книг, точнее, те два экземпляра, которые Мечников послал в подарок Льву Николаевичу Толстому. До сих пор помню, с каким особым чувством я их перелистывал в нижнем полуподвальном этаже яснополянской усадьбы, куда обычно не водили экскурсантов. Там в больших книжных шкафах хранилась домашняя библиотека Льва Николаевича. Надеюсь, она и сейчас там.

У Мечникова с Толстым шел заочный спор о том, что было самым главным для них обоих: о смысле жизни и неизбежности смерти. Мечников пытался решать эти коренные вопросы человеческого бытия на путях науки, религию он отвергал, был атеистом. Это сильно задевало Толстого, который, как известно, решал те же проблемы на путях религии.

В 1909 году, приехав в Россию после получения Нобелевской премии, Мечников, через общих знакомых, дал знать Толстому, что хотел бы с ним повидаться, и получил приглашение в Ясную Поляну. Провел там целый день, 30 мая. Потом об этом написал. Толстой о той же встрече многократно рассказывал, а живший в Ясной Поляне врач Душан Петрович Маковицкий все его рассказы и вообще всё, что происходило в Ясной Поляне, тщательно записывал. Записи Маковицкого еще не были опубликованы, я знакомился с ними по рукописи.

Наиболее интересным для меня было то, что два великих собеседника вспоминали о той встрече совершенно по-разному, чем поразили меня захватывающий сюжет. День, проведенный Мечниковым в Ясной Поляне, стал осью моего повествования. Он прослежен по часам, в четырех больших главах, а между ними проходит вся жизнь и деятельность Мечникова.

Хотя литература о Мечникове была почти необъятна, многие материалы, необходимые для раскрытия его сложной и крайне противоречивой личности, опубликованы не были, их надо было разыскивать в архивах. Личный архив Мечникова его супруга, уже в советское вре-

мя, передала Академии Наук СССР, в архиве Академии он и хранится. Там я наткнулся на неожиданное препятствие. Готовился к печати том избранных писем Мечникова, его фонд временно был закрыт. Что значит — временно? Месяц, год, пять лет? Штатным сотрудникам торопиться некуда. Не выдавали, так как не хотели конкуренции: вдруг я раньше опубликую эти письма! Пришлось объясняться с директором архива Б. В. Лёвшиным. Мы давно уже были знакомы, но отношения были чисто формальные. Тем не менее, он пошел мне навстречу. Взяв с меня слово, что публиковать письма я не буду, он распорядился выдавать мне в читальный зал всё, что меня интересовало.

Мне, конечно, очень хотелось побывать в Пастеровском институте, где Мечников проработал без малого тридцать лет, но о том, чтобы поехать в Париж, в то время мне нельзя было и мечтать. Я побывал там два десятилетия спустя.

Старое двухэтажное здание Института Пастера, где была когда-то лаборатория Мечникова, давно уже стало музеем. А вокруг высились рабочие корпуса современной постройки. Один из них носит имя Мечникова, его скульптурный портрет и мемориальная доска у входа. Урна с прахом Мечникова — он завещал себя кремировать — находится в библиотеке этого корпуса, на одном из книжных шкафов. По моей просьбе ее не без труда отыскали, я мог ее лицезреть...

При подготовке первого издания книги к печати не обошлось без цензурных изъятий, правда, сравнительно небольших. В частности, пришлось удалить пару абзацев о родословной Мечникова по материнской линии. Его дедом был известный русско-еврейский писатель Л. Н. Невахович, а это никак не устраивало национал-патриотов, возглавлявших тогда редакцию ЖЗЛ и издательство «Молодая гвардия». В новом издании всё изъятное восстановлено, добавлены некоторые примечания и указатель имен, внесены мелкие стилистические правки.

Автор

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ПЕТЕРБУРГ – ЯСНАЯ ПОЛЯНА
Май, 1909 год

1

От двух массивных белых башен, к которым когда-то крепились ворота (чугунные крюки сохранились до сих пор), от тихого пруда с поникшими, зеркально отраженными ветлами полого поднимается аллея, обсаженная молодыми березками. Это «прешпект», тот самый, что по приказу раздраженного князя Николая Болконского был закидан снегом перед приездом другого князя, Василя Курагина, с красавцем сыном Анатолем...

«Утром опять игра света и теней от больших, густо одевшихся берез прешпекта по высокой уж, темно-зеленой траве, и незабудки, и глухая крапивка, и всё — главное, маханье берез прешпекта, такое же, как было, когда я, 60 лет тому назад, в первый раз заметил и полюбил красоту эту», — писал Толстой жене весной 1897 года, вернувшись после полугодовой отлучки в свою Ясную Поляну.

Хочется поскорей согласиться: да, всё такое же...

Но такое же ли?

...Старые березы погибли, и на их месте Софья Андреевна, уже после смерти Льва Николаевича, насадила здесь ели. Ели вымерзли в холодную зиму 1965-го, и Ученый Совет яснополянского музея, после немалых споров и колебаний, решил опять насадить здесь березы, дабы приблизить картину к той, что была при Толстом.

Но... Молодое незнакомое племя не вызывает в душе услужливо приготовленных картин былого. Не прошлое представляешь себе, глядя на эти нежные березки, а будущее — то будущее, когда потемневшая, тронутая ржавчиной листва утратит нынешнюю ажурность; когда, навертев годовые кольца, раздадутся стволы, прорвут изнутри девственную гладкость сахарно-белой кожуры заскорузлой неровностью черной подкорки; когда, словом, эти деревца достигнут того могучего позднего возраста, которого мы уж не увидим...

Лишь усилием воли удастся вызвать в воображении не будущее этих, а прошлое тех берез, с высокими кронами, с крепкими шершаво-дуплистыми стволами, разметавшими под напором ветра по земле тревожные неслышные тени...

Но тут-то и обнаруживается их почти полное тождество.

Этим березкам суждено стать такими, какими были *те*, и всё вернется на круги своя... Всё станет таким же, каким было 60–70 лет назад, когда здесь мучился сознанием людского несовершенства Толстой; и как 130 лет назад, когда он, ребенком, искал свою зеленую палочку; и как 190 лет назад, когда по тенистым аллеям Ясной Поляны разгуливал гордый князь Николай Сергеевич Волконский, и его дочь еще не встретила своего будущего мужа из не очень знатного, хоть и графского рода...

— Можно всю жизнь прожить возле Толстого и не понять Толстого, — говорит, не спеша поднимаясь со мной по «прешпекту», Николай Павлович Пузин, старейший работник Яснополянского музея.¹

А позднее, когда мы выйдем с ним из дома на крыльцо, скажет, будто подводя черту:

— Нельзя понять Толстого, не побывав хоть однажды возле Толстого...

И не просто побывав — добавим — пожив. Хоть совсем немного, хоть несколько дней. Или только один день, но *целый день*, чтобы в тишине раннего утра, когда еще не нахлынул поток экскурсантов, или в тиши позднего вечера, когда поток схлынул, побродить по «прешпекту», по тенистой липовой аллее — липы не вымерзали и не гибли от старости, они всё те же: «квадрат и звезда»; здесь музыканты настраивали инструменты, чтобы играть старому князю; здесь каждое утро, вооружившись палкой или — в ненастье — зонтом, совершал свою прогулку в полном одиночестве Толстой: даже собаке не позволялось сопровождать его; спуститься к почти пересохшей теперь речке (в ней купался Толстой), обогнуть березовую рощу, которую он сам насадил и с гордостью показывал молодому Горькому (теперь она достигла того могучего возраста, какого по неумолимому закону природы не дано видеть свидетелям ее нежного детства); вслушаться в неутомимый гомон птиц, нередко выпархивающих из-под ног, всмотреться в игру света и теней, постоять в раздумье у холмика, которым отмечено последнее — и вечное — пребывание того, кто умел во сто крат острее нас видеть и любить эту красоту и в тысячу крат острее чувствовать безобразие наших суетных стремлений...

¹ Николай Павлович Пузин (1911–2008) — главный хранитель яснополянского дома-музея.

Да, нельзя понять Толстого, не бывавав хоть однажды возле Толстого... Это, по-видимому, смутно сознавал и Мечников, когда в мае 1909 года, прочитав в Стокгольме обязательную «нобелевскую» лекцию и приехав в Петербург, первым делом стал искать, через кого бы сговориться с ним о встрече...

2

Взаимоотношения Толстого с современниками-писателями изучены досконально; его непростая дружба-вражда с Тургеневым, например, известна во многих деталях (из чего, конечно, не следует, что на этом пути не встретится никаких неожиданностей). Неплохо изучены и взаимоотношения Мечникова с учеными, например, с Александром Ковалевским, Сеченовым, Кохом, Пастером... А Мечников и Толстой, Толстой и Мечников? Этот остров, омываемый двумя океанами — историей литературы и историей науки, — остался в стороне от магистральных путей; он до сих пор необитаем.

Первым на этот остров высадился профессор В. Л. Омелянский, но тотчас покинул его. На далекую землю профессора, по всей видимости, забросил юбилейный шторм (в 1926 году отмечалось десятилетие со дня смерти Мечникова). Омелянский воспользовался воспоминаниями самого Мечникова и книгой его жены Ольги Николаевны, уделившей поездке в Ясную Поляну несколько страничек; больше он к этой теме не возвращался.

Позднее высадиться на остров пытался С. Я. Штрайх, но, должно быть, наткнулся на подводные рифы. Он снял машинописные копии с некоторых страниц известной книги А. Б. Гольденвейзера и... сдал их в архив музея Л. Н. Толстого.

В 1967 году профессор Б. П. Токин² опубликовал в журнале «Наука и жизнь» со своим предисловием письмо О. Н. Мечниковой к В. А. Чистович — дочери А. О. Ковалевского и жене одного из ближайших учеников Мечникова. Письмо содержит интереснейшие подробности, которые Ольга Николаевна опустила (вероятно, забыла) позднее, когда писала свою книгу.

² О Б. П. Токине см: Семен Резник. Против течения: академик Ухтомский и его биограф / Спб., «Алетейя», 2015, С. 257–262 (Прим. 2021-го года)

Это почти всё...

Неудивительно, что в работах — и о Мечникове, и о Толстом — встреча их либо вовсе не упоминается, либо упоминается мимоходом как малозначительный, полуслучайный эпизод. Мечников приехал в Петербург, оттуда — в Москву, а заодно завернул в Ясную Поляну.

Неверно это! Не сходится...

Не сходится хотя бы потому, что от Москвы до Ясной и обратно почти столько же, как до самой Москвы из Петербурга. Да и в Москву зачем он приехал, понять невозможно. Не для того же, чтобы посетить Рублевскую водопроводную станцию, где он проторчал полдня, немало повосхищался, к удовольствию городского головы, образцовым порядком, прекрасной лабораторией, в которой самолично провел бактериологический анализ воды и подтвердил ее отменную чистоту, а потом обронил между прочим, что состояние водопровода его нисколько не интересует, ибо он все равно никогда не станет пить сырую воду.

В Петербург — вроде бы понятно. Он был в Стокгольме, а тут приглашение: зовут друзья, ученики. Как не воспользоваться случаем? Другого, быть может, и не представится (он не знал, что через два года снова приедет в Россию, и этот раз уж действительно будет последним). Но в Москву — зачем? Там, правда, тоже друзья: Умов, Анучин. Так ведь дай им знать, примчали бы в Питер на курьерском!.. Может быть, раз уж выбрался в Россию, то захотелось поездить, воздухом всей родины подышать — не одним петербургским? Но тут и загвоздка. Что ему Москва — в ней в прежние времена только наездами и бывал. Сердцу дороги другие места... Одесса, где чуть ли не два десятка лет своих положил — и каких бурных, каких запомнившихся лет! Село Поповка под Киевом, где хозяйствовал, по полям гулял, на тройке катался. А больше всего — Харьков, село Панасовка, где детские годы свои провел; туда, известно, всегда тянет стариков. Но во все эти места он не заглянул, не успел. А в Москву приехал. И дальше — к Толстому. Ясная Поляна — конечная точка его путешествия: из нее обратно в Москву и сразу — в Париж. Вот и выходит, что в Москву он вовсе и не приезжал, а просто остановился в ней: по пути оказалось.

Стало быть, из Петербурга поехал специально к Толстому, а путь этот подлиннее, чем из Стокгольма до Петербурга... Может быть, и в Питере он тоже только *остановился*?

3

...В столице он окружен невиданным вниманием. Его рвут на части. Он выступает с лекциями, докладами, заседает в санитарной комиссии; ему устраивают чествование, на которое стремится попасть «весь интеллигентный Петербург»; его осаждают корреспонденты. Все столичные газеты пишут о нем ежедневно, и почти все провинциальные газеты ежедневно перепечатают всё о нем из столичных. ...

Мечников сказал, что холера может быть побеждена... Мечников сказал, что возвратного тифа нет уже во всей Европе и долг русских врачей — покончить с ним в России... Мечников поражен состоянием ночлежных домов — этих распространителей заразы. Мечников... Мечников... Мечников... Сам он многожды обрисован с ног до головы, разобран на составные части; обернут ватой словесной шелухи, обвешан ярлыками газетных штампов.

Публике «вкусно» поднесены его «легкий серый костюм», «мягкая черная шляпа», «шагреновые штиблеты с невысокими каблуками», «черные перчатки», «сюртук сидит безукоризненно, и сам И.И. Мечников держится легко, свободно, прямо». Оказывается, он «денди по внешнему виду». Впрочем, под другими, не менее бойкими, перьями его черная шляпа становится «старой», сюртук — «старомодным»; вместо перчаток и шагреновых штиблет на первый план выплывают очки «в простой металлической оправе», и из денди он превращается в «очень знакомый тип русского, пожалуй, московского профессора, если хотите, доктора и просто в провинциального земца».

Все отмечают, что борода у него седая, а волосы на голове «кажутся совершенно черными, и только вблизи них видна заметная седина». Глаза у него «умные, внимательные, молодые», «без угрюмости и строгости»; и они же «близорукие, голубые», смотрят «добродушно»; иногда же глаза исчезают, и появляется взор: «взор глубокий, нежный». А голос «ясный, круглый, с задушевными нотами...». Но в чем единодушны описатели, лучше сказать — инвентаризаторы внешних данных Мечникова, — так это в восхищении его молодостью. Он поразил их своим «совсем свежим лицом без резких морщин», «энергичным, молодым, бодрым видом» и даже играющим на щеках «румянцем».

Ну, таким эффектом Мечников, конечно, доволен! И не потому только, что, как всякий старик, он в глубине души побаивается надвигающейся немощности, но и из соображений *принципиальных*.

На террасе Яснополянского дома.
В дверях стоит А. Б. Гольденвейзер — музыкант, композитор, частый гость в Ясной Поляне.

Чем, как не самим собой, мог он представить доказательства правильности своих философских воззрений и чудодейственных свойств болгарской простокваши? А доказательства ему были крайне необходимы. Ведь он считал, что нашел конечную истину, нашел цель и смысл человеческого существования; и, как

всякий, кто когда-либо находил конечную истину, был преисполнен стремления передать ее другим. Иными словами, он был проповедником. В Рублеве, например, после осмотра водопроводной станции, когда на открытой террасе подали завтрак, он, желая, возможно, взять реванш за потерянное время, приступил к излюбленной теме.

— Мне 64 года, и вы видите, насколько я сохранился. Уж много времени я по-человечески не спал. Отсюда еду на Высшие женские курсы и, может быть, прочту лекцию. Сегодня я опять не буду спать, так как еду в Ясную Поляну. А там — за границу. А уж какое спанье в поезде! Я теперь себя лучше чувствую, чем в 35 лет. Тогда я страдал перебоями сердца, часто утомлялся; случались обмороки. Обращался я и к немецким, и к французским врачам. Не помогли. После этого я решил лечить себя сам. Совершенно не ем и не пью ничего сырого. Не курю, не употребляю спиртных напитков. Кофе не пью, а чай совсем жидкий, еле окрашенный. И должен сказать по совести, что я в свои 64 года себя чувствую лучше, чем в 35 лет. Особенно с тех пор, как по три раза в день ем болгарскую простоквашу.

Да, на многократное отражение в газетных листах своего «румянца» Мечников не мог сетовать. Но все остальное было до крайности утомительно. Москвичи стремились превзойти столицу в оказании почестей знаменитому соотечественнику. Но Мечников пробыл в Москве только четыре дня. Больше времени он терять не хотел. Его ожидал Толстой.

А ему очень надо было к Толстому.

4

«С молодых лет интересующемуся общими вопросами о человеческих делах и особенно вопросом об основе нравственности, о смысле жизни и неизбежности конца ее, мне давно хотелось ближе познакомиться с Толстым и из личного общения узнать его истинное отношение к ним». Так писал Мечников.

Знаменательная деталь: в Петербург он приехал 10 мая, а уже 12-го гостившая в Ясной Поляне Софья Александровна Стахович (она, вероятно, получила телеграмму от мужа) передала Льву Николаевичу его просьбу.

5

В шесть часов утра товарно-пассажирский поезд (газеты отмечали, что Мечников не любит суеты скорых поездов) остановился в Туле. Было пасмурно, моросил дождь. Мечников в своей черной шляпе и сером костюме, подняв воротник безукоризненно старомодного куртука, вышел из вагона и поспешил в станционный буфет.

В буфете было грязно и шумно. Мечников попросил стакан чая и тут же показал буфетчику, как заварить свой особый, жидкий, едва окрашенный чай.

Бережно неся в одной руке дымящийся стакан, в другой — плюшку, он не сразу отыскал близорукими глазами свободное место, пригнулся у краешка заваленного грязной посудой стола; стал пить торопливо, обжигаясь, то и дело поглядывая на часы.

Стоянка в Туле бесконечно длинна, но Мечников спешит, нервничает, сам идет к буфетной стойке расплатиться; потом семенит к своему вагону.

Корреспондент «Голоса Москвы», печатавшийся под псевдонимом Wega и бывший свидетелем этой сцены, объясняет торопливость Ильи Ильича «непривычностью к путешествиям». Но это не так: Мечников был легок на подъем и в своей жизни поездил достаточно. Были, значит, иные причины для его нервозности... Впрочем, нам еще предстоит убедиться, что он по натуре своей был до крайности нервным человеком.

А в эти минуты корреспондент другой московской газеты, «Раннее утро», подписывавшийся инициалами Д.Н., уже шагал под накрапывавшим дождем по «прешпекту» к белому двухэтажному дому, мирно спавшему среди кустов распутившейся недавно сирени. Где-то за одним из этих окон, «за каким только?», спал «или уже, быть может, проснулся ОН, живущий в умах и сердцах миллионов людей всего земного шара».

Д.Н. подошел к «дереву бедных» — старому ясеню (уже тогда старому, а сейчас совсем высохшему, подпертому массивным бревном), к которому на кожаном ремне был привешен колокольчик: им домоладцев сзывали к обеду (сейчас колокольчик наполовину врос в черную кору дерева).

«Вскоре у объятого утренней тишиной дома появляется садовник в сопровождении 5–6 крестьянских девочек-подростков с носилками и лопатами... Им нужно посыпать песком и убрать площадку перед домом. Может быть, по случаю приезда в этот день И.И. Мечникова».

Да, дорожки в Ясной Поляне посыпали не часто, и то, что их посыпали перед самым приездом Мечникова, не было случайным совпадением. Д.П. Маковицкий запишет недовольно-иронически в тот самый день, 30 мая:

«Ничего приезда в продолжение 4-х лет не было в Ясной Поляне так ждано, как Мечникова. Наглядный гипноз газет. Все были взволнованы, Софья Андреевна больше всех. Она прямо обозлена, хотя и польщена, и было похоже даже, как если бы предстояла какая-либо неприятность. Ко дню приезда привели в порядок около и внутри дома, дорожки песком посыпали и т.д.»³

³ Рукопись Д.П. Маковицкого хранится в архиве Музея Л.Н. Толстого в Москве. В настоящее время работники музея совместно с АН СССР и АН ЧССР готовят ее к печати. Д.П. Маковицкий, по национальности словак, поселился в Ясной Поляне в 1904 году. До этого совершенно не знал русского языка. Записки его местами косноязычны. (Прим. 1973 г.)

К «дереву бедных», «пугливо озираясь по сторонам и на дом» (так пишет Д.Н.), подходят двое: один — землекоп с Орловщины, «здоровенный беловолосый детина с тупым лицом», второй — «мастеровой с городским помятым лицом лентяя». Усаживаются прямо на землю. Оба мечтают получить хоть по пятаку; землекоп, правда, надеется получить еще и работу.

Но вот появляется — *ОН. Толстой*.

На свежерассыпанном влажном песке остаются тяжелые следы его сшитых своими руками, едко пахнувших дегтем сапог.

Оба бедняка и не меньше их оробевший корреспондент неловко поднимаются.

ОН подходит.

Достаёт из широкого кармана монету и сует мастеровому.

— Не пей! — отрубает строго.

Белобрысому дает монету без слов.

Потом поднимает брови на корреспондента. Узнав, с кем имеет честь, сурово спрашивает:

— Что мне с вами делать? Сегодня ко мне Мечников приезжает. Я хотел бы с ним наедине говорить.

7

В семь часов товарно-пассажирский поезд останавливается на полустанке «Засека». Мечников с чемоданом в руке соскакивает с высокой подножки, свободную руку протягивает жене, они минуют грязное здание полустанка, садятся в присланный за ними экипаж.

«Было чудное росистое утро после дождя, — пишет в своей книге О.Н. Мечникова. — Уже сама поездка по Юдолям, через леса и луга приводила в повышенное настроение, а предвидение встречи с Львом Николаевичем еще более волновало нас. Вот показалась деревня; в стороне старый сад с открытыми воротами; это была Ясная Поляна. С волнением въехали мы в длинную тенистую аллею, в конце которой скрывалась в зелени усадьба. Весна была в полном разгаре; всё вокруг цело и благоухало. От дома и старого сада веяло поэтической прелестью старинных русских «дворянских гнезд». У подъезда встретила нас дочь Льва Николаевича, Александра Львовна. Своей дружелюбной простотой она сразу создала атмосферу спокойной непринужденности».

В письме к Вере Александровне Чистович Ольга Николаевна описывает поездку от станции до Ясной Поляны в таком же тоне, лишь приводит больше подробностей. Удаётся заметить только одно различие.

В книге Ольга Николаевна свое радостное настроение распространяет и на мужа («волновало нас»), в письме же пишет о *своем* настроении. Почему? Не потому ли, что книгу она писала о нем, и ее собственные впечатления интересны читателю лишь постольку, поскольку они созвучны с *его* впечатлениями?

Думается, что гамма переполюнявивших Илью Ильича чувств была более сложной, чем у Ольги Николаевны. Прелесть летнего утра вместе с передавшейся от жены радостной возбужденностью могли подавить таившуюся в глубине души тревогу, могли загнать ее вглубь, но *не изгнать*.

Ведь к кому мчался он на сытой тройке, лихо перескакивавшей через колдобины и вспарывавшей мутную гладь луж? К кому мчался он, постигший конечную Истину и видевший свою миссию в том, чтобы проповедовать эту Истину другим?

К Толстому!

К тому, кто сам постиг конечную Истину.

Ах, если б они постигли одно и то же! Но у каждого Павла своя правда.

Чего он хотел? На что надеялся? С какой целью ехал? Ведь не думал же он, что убедит Толстого в истинности своей и неистинности его Истины, и не думал, конечно, что Толстой переубедит его...

Они вошли в переднюю и сразу же увидели *Его*. Он не по-стариковски быстро спускался по лестнице.

«Первый взгляд его обоим нам показался пронизывающим; но тут же он засветился такой добротой и мягкостью, что сразу отлегло от сердца и почувствовалось, что человек с такими глазами может быть только искренним и добрым».

Это не из книги Ольги Николаевны — из письма. Случаен ли здесь переход на «мы» («нам обоим показался»)? Может быть, это Мечникову таким показался первый взгляд Толстого, и он потом рассказал о своем впечатлении супруге?

Через три года в статье «День у Толстого в Ясной Поляне» Мечников напишет: «Он пристально посмотрел на меня (заметьте — на меня. — С.Р.) своими пронизательными светлыми глазами». Конечно, *пристально* — не значит *пронизывающе*; но в статье для печати, написанной к тому же через три года, естественно смягчить то, что почувствовал и сказал под свежим впечатлением жене.

И почему она пишет — отлегло от сердца? Значит, всё-таки что-то лежало на сердце? Тяжелое, тревожное... Но Ольга Николаевна ничего такого не испытывала. Тем больше оснований предположить, что нечто тяжелое и тревожное испытывал Мечников...

8

А Толстой? Что испытывал Толстой?

Цитату из записок Маковицкого мы оборвали на самом важном месте. Теперь пришла пора ее продолжить.

Сперва лишь напомним — это тот самый Душан Петрович Маковицкий, к которому через полтора года, точнее — 28 октября 1910-го, в три часа утра, в халате и туфлях на босу ногу, спустится из своей спальни Толстой; тихо разбудит, попросит помочь собрать вещи, запрячь лошадей; а позже, когда встанет Софья Андреевна и, узнав о случившемся, бросится к пруду топиться; когда, вытащенная из воды, будет колотить себя в грудь тяжелым пресс-папье, колоть ножами, биться в истерике, — не он, Душан Маковицкий, семейный врач Толстых, поднесет ей флакон с нашатырным спиртом; его не будет в Ясной Поляне; он уйдет; уйдет вместе с Толстым; уйдет, не спрашивая, куда и зачем...

Так вот, Душан Петрович, самый близкий в Ясной Поляне Толстому человек, пишет:

|| «Один Лев Николаевич не волновался, приезду Мечникова не при-
давал значения...»

Кому же верить, как не Д. П. Маковицкому?

Но почему тогда: «Я хотел бы с ним наедине говорить»?

И ведь Толстой так сказал не только незнакомому корреспонденту «Раннего утра». Сотрудник газеты «Русское слово» С. Спиро — частый гость в Ясной Поляне. Лев Николаевич с ним охотно беседует и явно

к нему благоволит. Так вот Спиро, получив еще в Москве согласие Мечникова, запросил телеграммой Толстого. И Лев Николаевич, всегда старавшийся не отказывать по возможности людям в их просьбах, ответил: «Предпочитал бы беседовать один-на-один».

Но, может быть, Лев Николаевич хотел отгородиться от прессы? Мало ли как повернется разговор, а тут раззвонят на весь мир неосторожное слово...

Нет! Когда появится в Ясной Поляне едущий в одном поезде с Мечниковым Weга, его встретит секретарь Толстого Н. Н. Гусев и выразит «категорическое желание Льва Николаевича, чтобы никто, *даже его близкие* (курсив мой. — С. Р.), не присутствовал, когда он будет вести с И. И. Мечниковым «настоящую беседу».

Что-то здесь не так! Недопонимал чего-то «самый близкий в Ясной Поляне» Душан Петрович...

Восемнадцатью днями раньше, когда Софья Александровна Стахович передала Толстому просьбу Мечникова и разговор зашел о нем, Софья Александровна развернула газету и прочла вслух данное Мечниковым интервью. Он развивал свои излюбленные мысли о том, что на сокращение жизни влияют гнилостные бактерии, гнездящиеся в толстой кишке, и что эта кишка в организме человека не играет никакой полезной роли; последнее, по его мнению, окончательно доказал английский хирург Лэн, успешно удаливший всю толстую кишку ста двадцати пациентам, которые себя чувствуют превосходно. Маковицкий присутствовал при беседе и зафиксировал реакцию Толстого:

|| *«Ах, что это такое! Я жалею, что я этого не прочел раньше, чем его пригласил. Он или ребенок, или сумасшедший».*

Толстой, следовательно, удивился! Прежде, значит, понятия не имел о воззрениях Мечникова на роль толстых кишок.

Но вот в дневнике Льва Николаевича под 1 марта 1903 года (за шесть лет до встречи с Мечниковым) записано: «Читал статью Мечникова опять о том же: что если вырезать прямую кишку, то люди не будут более думать о смысле жизни, будут так же глупы, как сам Мечников. Нет, без шуток. Мысль его в том, что наука улучшит организм человека, освободит его от страданий, и тогда можно будет найти смысл — назначение жизни. Наука откроет его. Ну а как же до этого жить всем? Ведь и жили уже миллиарды с прямой кишкой. А что как, по вашей же

науке, солнце остынет, мир кончится до полного усовершенствования человеческого организма? К чему же бы огород городить?».

Здесь одна терминологическая неточность: Мечников писал о толстой кишке, а не о прямой. В остальном же смысл его взглядов Толстой излагает правильно — со своим, разумеется, к ним отношением. Знаменательны в этой связи слова «опять о том же»: и тогда это было не первое знакомство Толстого со взглядами Мечникова.

Значит, ничего неожиданного для Льва Николаевича С. А. Стахович в газете не прочитала! Он, видно, над нею просто пошутил, а заодно и над доверчивым Душаном Петровичем.

И в тот же самый день, 12 мая, Лев Николаевич написал письмо В.Г. Черткову. В нем, между прочим: «приезжает интересный для меня Мечников, к посещению к[оторого] готовлюсь, чтобы не оскорбить его неуважением к его деятельнос[ти], на к[оторую] он посвятил жизнь и к[оторую] считает оч[ень] важной».

Какая странная, какая удивительно странная фраза!

Уж не мистифицирует ли он и Черткова, как мистифицировал Софью Александровну? Чертков, конечно, не Стахович и даже не Маковицкий. Он считается самым близким Толстому не в Ясной Поляне — во всем мире.

Вспоминается, однако, случай, рассказанный Александрой Львовской:

«Обедали на террасе, было жарко, комары не давали покоя. Они носились в воздухе, пронзительно и нудно жужжа, жалили лицо, руки, ноги. Отец разговаривал с Чертковым, остальные слушали. Настроение было веселое, оживленное, острили, смеялись. Вдруг отец взглянул на голову Черткова, быстрым, ловким движением хлопнул его по лысине. От налившегося кровью, раздувшегося комара осталось кровавое пятнышко. Все расхохотались, засмеялся и отец. Но внезапно смех оборвался. Чертков, мрачно сдвинув красивые брови, с укоризной смотрел на отца.

— Что вы наделали? — проговорил он. — Что вы наделали, Лев Николаевич! Вы лишили жизни живое существо! Как вам не стыдно?

Отец смутился, всем стало неловко».

Софья Андреевна называла Черткова «идолом», и такой точный и тонкий наблюдатель, как Иван Алексеевич Бунин — он видел Черт-

кова раз или два — считал, что лучше о нем не скажешь. «Это был высокий, крупный, породистый человек с небольшой, очень гордой головой, с холодным и надменным лицом, с ястребиным, совсем небольшим и прекрасно сформированным носом и с ястребиными глазами».

И уж кто-кто, а Лев Николаевич отлично видел эту «ястребиность», эту «идолность» своего ближайшего друга.

Чертков был не просто последователем учения Л.Н. Толстого. Он был *последовательный* последователь. (Хотя, по свидетельству тех, кто хорошо его знал, больше на словах, чем на деле...) Цельному и прямому, ему вольготно было в клетке толстовской доктрины, тем более что ключик от клетки хранился в кармане его превосходно скроенного жилета, так что в любой момент он мог открыть дверцу и выйти вон, чем и пользовался частенько, не испытывая ни малейших угрызений совести...

А Толстой был скверным толстовцем, его толстовство — это постоянное *преодоление*. Он жаждал воли, рвался на простор, бился о железные прутья клетки и нередко взламывал их, истекая кровью. Ну как он мог объяснить Черткову, что Мечников ему интересен? Интересен, и всё! Вопреки доктрине.

Кстати, Маковицкий отмечает, что, если бы не визит Мечникова, Толстой еще неделю назад уехал бы в Кочеты — к дочери Татьяне Львовне Сухотиной. Был, значит, у него отличный повод уклониться от встречи: рад-де, уважаемый Илья Ильич, давно мечтал, но сейчас не могу — к дочери уезжаю; давайте уж в другой раз как-нибудь. И не пришлось бы «готовиться, чтобы не оскорбить», не пришлось бы дурачить милую Софью Александровну Стахович...

Выходит, всё-таки приезду Мечникова Толстой значение придавал, и не пустячное значение! И, может быть, вовсе не был спокоен, как зафиксировал в своих записках Душан Петрович, а лишь *делал вид*, что спокоен, в душе же волновался не меньше хлопотливой Софьи Андреевны.

Ведь как-никак, а к нему, Толстому, постигшему конечную Истину и видевшему свою миссию в том, чтобы открывать эту Истину другим, приезжал не кто-нибудь, а Мечников, который сам постиг конечную Истину... И добро бы они постигли одно и то же... Но у каждого Павла своя правда.

Чего он хотел? На что надеялся? Ведь не думал же он, что переубедит Мечникова. И не думал, конечно, что Мечников переубедит его...

Когда к крыльцу подкатила тройка, Лев Николаевич несколько замешкался у себя в кабинете и теперь быстро спускался по лестнице. Они вошли. Он бросил на гостя пронизывающий взгляд, но тут же поспешил расцвести в улыбке. Протянул навстречу обе руки, перевел взгляд с него на нее и, продолжая улыбаться, приветливо сказал:

— Между вами есть сходство; это бывает, когда люди долго и хорошо живут вместе...

ОБ АВТОРЕ

Семен Резник — писатель, историк, журналист. Бывший москвич, с 1982 года живет в США. До эмиграции — член Союза писателей СССР, ныне член Союза писателей Москвы, член Международного Пэн-Клуба.

Работал в редакциях серии «Жизнь замечательных людей», журнала «Природа», журнала «Америка», русской службы «Голоса Америки».

Автор более двадцати книг, в их числе научно-художественные биографии Н.И. Вавилова, И.И. Мечникова, В.О. Ковалевского, В.В. Парина, Г.С. Зайцева (Детгиз), исторические романы «Хаим-да-Марья», «Кровавая Карусель», историко-документальные книги: «Красное и коричневое», «Растление ненавистью», «Вместе или врозь? Судьба евреев в России: заметки на полях диалоги А.И. Солженицына», «Непредсказуемое прошлое». «Запятнанный Даль», «Сквозь чад и фимиам», «Убийство Ющинского и дело Бейлиса», «Против течения: академик Ухтомский и его биограф», «Эта короткая жизнь: Николай Вавилов и его время».

В 2021 году российское издательство «Алетейя» выпустило книгу, в основе которой — переписка Семена Резника и известного российского писателя Сергея Есина.

ДОРОГИЕ ПОДПИСЧИКИ И ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА

Всем всегда приятно читать добрые отзывы о своей работе... И мы благодарны за все те слова, которые пишут нам читатели и посетители нашего сайта — в письмах в редакцию и в социальных сетях. Сотрудникам редакции и работникам издательства М•Graphics, готовящим журнал к публикации и печати, всегда важно знать, что о журнале думают его читатели, нравятся ли им публикуемые материалы и их подбор, а также оформление журнала.

Ваши отзывы о публикуемых материалах помогут другим читателям обратить внимание на те публикации, которые они по каким-то причинам пропустили и, возможно, послужат начальным толчком в написании своих отзывов на острые полемические материалы.

Мы приветствуем ваши пожелания и замечания, направленные на улучшение журнала, на расширение диапазона публикуемых материалов, а также на улучшение нашего сайта и присутствия журнала в интернете.

Пишите нам — все приходящие в редакцию и издательство пожелания и замечания внимательно изучаются, отзывы о публикуемых материалах будут помещаться в последующих выпусках журнала и на нашем веб-сайте для всеобщего ознакомления. Не забудьте указать ваше имя, город (штат) и страну вашего проживания.

Ждем ваших писем!

**<https://vremena.mgraphics-books.com/contact-editor>
<https://vremena.mgraphics-books.com/contact-publisher/>**

...Хотя почти сразу причиной смерти 48-летнего бизнесмена был объявлен сердечный приступ, в британской прессе появились предположения об отравлении. В России историю смерти Манюченко каждый толковал по-своему, в зависимости от своих политических предпочтений...

Майк Логинов

Жил тогда в СССР
Вова Мутин, пионер,
Красный галстук он носил,
Под блатного он косил,
Вот такой был пионер
Некогда в СССР.
Впрочем, нет, начнём иначе,
Соответственно задаче.
Жил-был мальчик Вова Мутин,
Как и все, слегка распутен,
С хулиганами дружил,
По ночам рукой мечтал,
А уроки не учил.

Михаил Ковсан

...Не знаю, кто делил со мной той ночью мою нищенскую койку — богиня или чертовка, ведьма или фея, чародейка или сам дьявол — но даже на Страшном суде я бы клятвенно подтвердил, что более фантастического оргазма я не испытывал ни до, ни после...

Валерий Бочков

...Под маской борьбы с расизмом, — писали газеты и вещали телеканалы, — в этом так называемом институте так называемой мерзлоты расизм докатился до того, что уже ставит под сомнение всеми признанное и уважаемое глобальное изменение климата...

Александр Матлин

«...Вы знаете, Фридрих Наумович, мы все прочитали». — «Ну и что в моих книгах антисоветского?» — «Абсолютно ничего. Абсолютно. Но с той же полной уверенностью могу сказать, что в ближайшие сто лет здесь, у нас, они напечатаны не будут». — «Почему?» — «Это трудно объяснить, но не будут». — «Так что, мне уезжать?» — «...Если вы нуждаетесь в нашем совете, то уезжайте».

Давид Гай

...За день до самоубийства в апреле 1945 года Гитлер дал последнее интервью швейцарскому журналисту Курту Шпейделю. В частности, фюрер сказал: «...*вермахт* просто предал меня, я гибну от руки собственных генералов. Сталин совершил гениальный поступок, устроив чистку в Красной Армии и избавившись от прогнившей аристократии...» Наверное, ему было виднее, всё же были они со Сталиным родственные души...

Яков Фрейдин